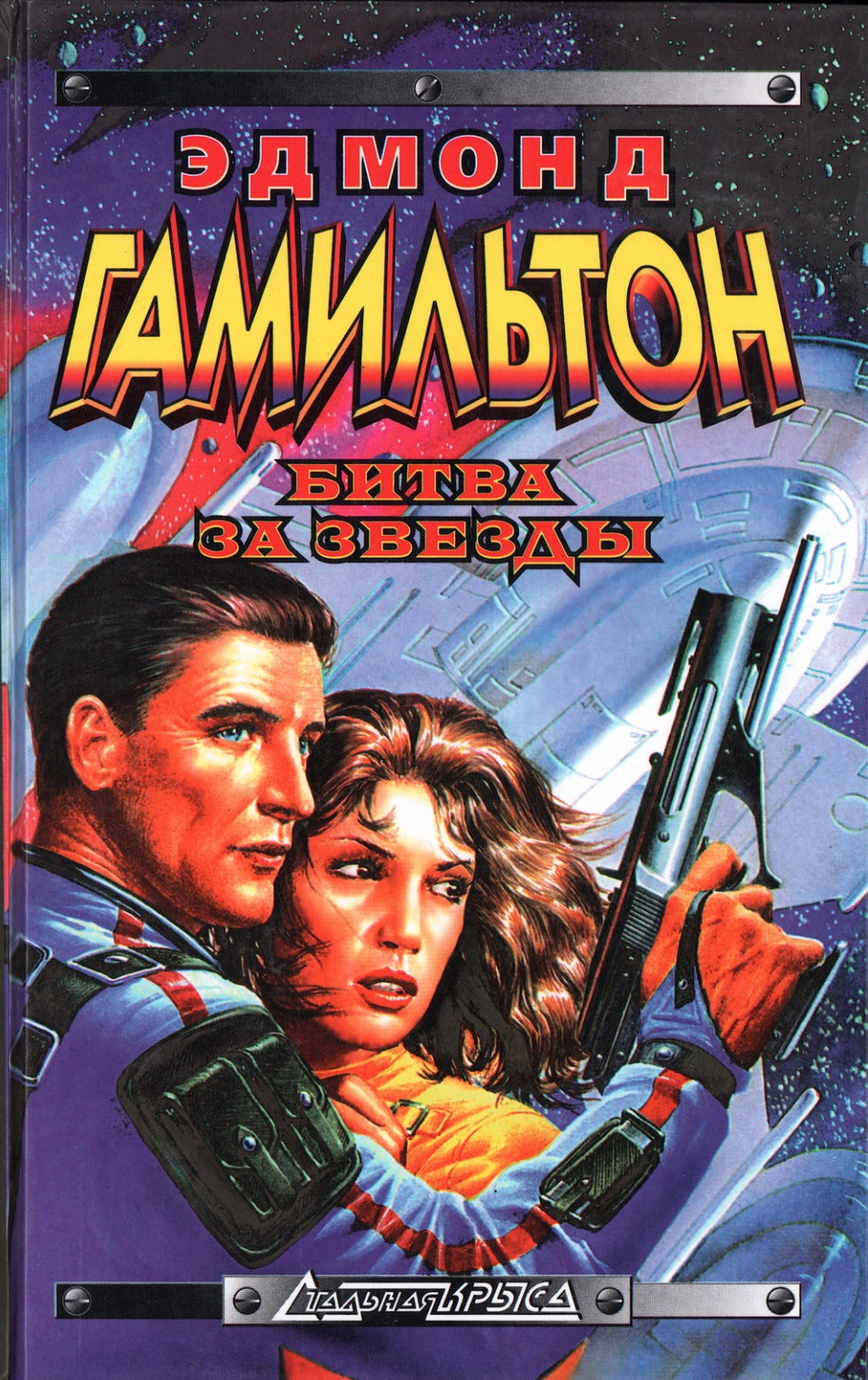
ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН

БИТВА ЗА ЗВЕЗДЫ

Стальная крыса

ЭДМОНД ГАМИЛЬТОН
БИТВА ЗА ЗВЕЗДЫ

Стальная крыса

Читайте в серии

Эдмонд Гамильтон

Звездные короли

Невероятный мир
Звездные короли
Возвращение на звезды
Сокровище Громовой Луны

Битва за звезды

Звезда жизни
Битва за звезды
Разрушитель солнц

Хранители звезд

Город на краю света
Хранители звезд
Как там, в небесах?
Мои бедные железные нервы
Гостиница вне нашего мира
Дети солнца

Мир звездных волков

Галактическое оружие
Закрытые миры
Мир звездных волков
Долина создания

Стальная крыса

Эдмонд Гамильтон

Битва за звезды

МОСКВА
«ЭКСМО»
1997

ББК 84.7США
Г 18

Разработка серийного оформления
художника *С. Курбатова*

Серия основана в 1997 году

Иллюстрации художника *И. Варавина*

Составитель *С. Сухинов*

Гамильтон Э.
Г 18 Битва за звезды: Фантастические романы. — М.: ЭКСМО, 1997.— 496 с. (Серия «Стальная Крыса»).

ISBN 5-85585-979-7

Эдмонд Гамильтон — признанный основоположник жанра приключенческой фантастики.

Созданные им яркие, романтические образы звездных капитанов, покорителей бескрайних просторов Вселенной, противопоставляющих отвагу и благородство злу и насилию, и по сей день будоражат умы и сердца миллионов читателей во всем мире.

Г 4703040100—051
ЛР 061309—97

ББК 84.7США

ISBN 5-85585-979-7

© ЗАО «Издательство «ЭКСМО», 1997 г.
© Перевод С. Сухинов, В. Мартов, 1997 г.

ЗВЕЗДА ЖИЗНИ

РОМАН

▼▼▼

ГЛАВА ПЕРВАЯ

▼▼▼

Хаммонд был более одинок, чем кто-либо из людей со времени сотворения мира. И он был мертв, хотя сердце его еще билось и мозг продолжал работать. Но сам себе он казался мертвецом, погребенным в тесном стальном склепе. Его бледное, как мел, лицо освещалось бликами разноцветных звезд, рассеянных по безбрежному океану космической ночи.

Судьба жестоко посмеялась над Хаммондом. Великая нация стремилась первой достичь Луны. Сотни талантливейших ученых и инженеров, тысячи умелых рабочих в течение нескольких лет напряженно работали над созданием уникального космического корабля. Многие миллионы долларов были потрачены ради одного-единственного прыжка к Луне — но на самом деле они пошли на самые пышные похороны, которые только знало человечество. И единственным зрителем этого великолепного погребения человека по имени Кирк Хаммонд был он сам!

Он невольно рассмеялся при этой мысли, однако смех получился истеричным. Не так-то просто примириться с неизбежностью своей гибели...

Зажужжал телетайп — последняя нить, связывающая «Искатель» с Землей. Скоро, очень скоро и она должна порваться... Но пока еще печатающее устройство было живо-и, загудев, стало толчками выбрасывать из своего чрева голубую ленту.

«Мыс Канаверал к «Искателю-19». Президент США обратился в конгресс с предложением наградить Кирка

Хаммонда медалью за личное мужество. Президент добавил: «*Нация гордится своим героем*». Конец послания».

«Приятно узнать, что я герой, — с усмешкой подумал Хаммонд. — Никогда еще не слышал о героях, которые во время своего подвига просто сидят в кресле и ни черта не делают. И все равно лестно, очень лестно. Только вот президент не совсем верно выразился — ему надо было предложить наградить меня *посмертно*».

Телетайп вновь застучал, торопливо выплюнул из себя очередную порцию слащавого восхищения.

«Мыс Канаверал к «Искателю-19». Весь мир молится за вас, Хаммонд. Во всех церквах люди самых различных вероисповеданий обращаются к Господу с просьбой о вашем спасении. Конец послания».

«Да, пышные выдались похороны, — подумал Хаммонд, закрыв глаза. — Сколько колоколов сегодня звонят в мою честь? Сколько уроков прогуляла ребятня, которую учителя отпустили пораньше из школы по случаю приближающегося траура?»

Забавно, а ведь еще несколько дней назад почти никто не знал какого-то Хаммонда. Не попади он в такую ужасную ловушку, эмоции миллионов людей были бы куда более прохладными. Ну, облетел вокруг Луны — подумаешь, чудо!.. Зато теперь в искренности чувств жителей десятков стран Земли можно было не сомневаться. Трагический исход полета сделал его, Хаммонда, главной фигурой дня на всех материках.

Переживания самого «героя» были куда более прозаичными. Он чертовски устал. За сто с лишним часов полета тело успело онеметь, а мозг почти отупел от бездействия. Стиснутый в кресле ремнями безопасности, Хаммонд не мог толком шевелиться. Но хуже всего было непроходящее шоковое состояние психики. Слишком много произошло за время после взлета. Сначала — мощный пресс перегрузки, провал в памяти, затем мучительное возвращение к действительности. Борьба с онемевшей правой рукой за то, чтобы она дотянулась до ключа радиопередатчика и выстучала первое послание на Землю: «*Все в порядке, я жив*». Гром небесный во время отделения второй ступени, повтор-

ная потеря сознания, боль во всем теле. Напряженное ожидание третьей вспышки огня за кормой — той, которая выведет космолет на расчетную орбиту. На орбиту, которая должна была опоясать Луну, а затем вернуть его, Кирка Хаммонда, назад к родной планете.

И двигатель сработал, но, увы, чуть раньше расчетного момента. Что-то случилось с реле времени в системе управления рулевыми дюзами; такое раньше наблюдалось во время запусков первых спутников. «Искатель-19» полетел прочь от Земли, но не был захвачен гравитационным полем ее вечного спутника. Его траектория почти не изменилась. А это означало...

А это означало, что корабль не выйдет на орбиту вокруг Луны, он будет продолжать свой путь прочь от Земли и через день, и через неделю, и через месяц...

Телетайп вновь застучал, разродившись очередным шедевром из Центра управления полетами:

«Мыс Канаверал к «Искателю-19». Хаммонд, вы на две минуты просрочили свой очередной рапорт. Пожалуйста, сообщите о ходе полета».

Хаммонд невесело усмехнулся. Это Джон Виллинг строчит одно послание за другим, сидя за пультом связи на мысе Канаверал. Наверное, он сейчас рыдает кровавыми слезами, но тем не менее изо всех сил пытается представить дело так, будто все идет нормально. А что ему остается?

Хаммонд взглянул на пульт управления, приборы которого добросовестно продолжали выдавать никому не нужную информацию об удалении от Земли, о плотности космической пыли, интенсивности радиации, температуре освещенной и теневой стороны корпуса и другой подобной чепухе. Затем он обернулся назад и увидел покрытый темными пятнами серый череп Луны, обрамленный терновым венцом звезд. Серп сместился в иллюминаторе немного вправо.

Визуально трудно судить,стал ли он за прошедший час меньше, чем прежде, но Хаммонд не тешил себя иллюзиями. Луна осталась далеко позади и через несколько дней превратится в бледное пятно, хотя он этого уже не

увидит. Он будет мертв, мертв на все сто процентов, и с этим ничего нельзя поделать.

Взглянув в соседний иллюминатор, Хаммонд увидел бело-голубой шар Земли. Ни один человек еще не удалялся так далеко от родной планеты, но гордиться этим почему-то не хотелось. Ведь как ни крути, а ему придется установить еще один рекорд, достойный Книги Гиннесса, — умереть на расстоянии многих миллионов миль от дома.

Когда-то Хаммонд мечтал о славе, о том, что его имя будет у всех на устах... Теперь он с охотой отдал бы все это за то, чтобы хоть раз услышать шорох ночного дождя, многоголосый шум городских улиц, рокот морских волн, пение птиц... Он и не подозревал, что имел так много, пока не настал час все это разом потерять.

Хаммонд с силой сжал кулаки, стараясь унять дрожь в пальцах перед тем, как отправить свое, быть может, последнее послание. Ответ пришел быстро.

«Мыс Канаверал к «Искателю-19». Сообщение получено. Не теряйте надежды. Астрономы считают, что гравитационные поля небесных тел могут изменить траекторию корабля и привести его назад к Земле. Конец послания».

Хаммонд горько усмехнулся и вновь положил руку на ключ телетайпа.

«Искатель-19» к мысу Канаверал. Не стоит подбадривать меня, Виллинг. Я достаточно знаю астрономию. Мои расчеты показывают, что никакие гравитационные поля не могут привести мой корабль к Земле. Конец послания».

Это было, строго говоря, не совсем точно. Космолет со временем вернется к Солнцу по гигантскому эллипсу, подобно многим внутрисистемным кометам. Но произойдет это не раньше, чем через столетие, то есть для него, Хаммонда, — никогда. Запасы воздуха, воды и пищи были рассчитаны на шестидневный полет.

И даже эти шесть дней почти истекли...

«Мыс Канаверал к «Искателю-19». Ваш сигнал слабеет. По-видимому, садятся аккумуляторы передатчика. Вы можете еще несколько часов поддерживать связь с Землей. Что вы хотели бы нам передать? Конец послания».

«Да, — подумал Хаммонд, — мне есть что сказать на-

последок. Я хотел бы попросить, чтобы когда-нибудь меня вытащили из этого стального склепа и перенесли на Землю».

«Искатель» со временем вернется к Солнцу, и тогда люди смогут выслать ему навстречу космолет и устроить достойные похороны неудачливому астронавту. Но это будет не скоро, очень не скоро. Сейчас же земляне столь же беспомощны, как и он сам.

Хаммонд почувствовал, как его начинает захлестывать паника. Этого только не хватало! Совершенно ни к чему, чтобы на станции управления полетами услышали его предсмертные вопли. Он сам напросился на эту работу, отлично зная, насколько она рискованна. Надо встретить конец так, как положено мужчине.

Но Хаммонд не полностью доверял самому себе. Сейчас у него еще хватает сил, однако как он будет вести себя в минуты агонии от удушья? Конечно, он далеко не герой, но и выглядеть трусом в глазах землян ему тоже не хотелось.

С внезапной решимостью Хаммонд стал отстукивать свое последнее послание:

«Искатель-19» к мысу Канаверал. Запас энергии в аккумуляторах почти исчерпан. Виллинг, не допустите, чтобы моя неудача остановила человечество на его дороге в космос. Счастья и везения тем парням, кто полетит вслед за мной к другим планетам! Конец послания».

Закончив, он заметил, что красная лампочка «радиосвязь» на пульте управления погасла, и вновь откинулся на спинку кресла, весь дрожа от возбуждения.

Все, ниточка, связывающая его с Землей, окончательно порвалась. Теперь уже нет опасности шокировать землян своими воплями и стонами. Пусть они прочтут в утренних газетах его последнее послание и восхитятся мужеством и стойкостью духа своего собрата. Людям нужны герои, так пускай же от нелепой гибели будет хоть такая польза.

Теперь он был абсолютно один.

Хаммонд посмотрел на экран и увидел впереди сияющие россыпи звезд. Там, среди этих холодных равно-

душных огней, он и должен умереть — первым и, увы, далеко не последним из астронавтов.

Странно было вспоминать, что еще мальчишкой он кричал от восторга, узнав о запуске первого спутника. Он жил тогда в маленьком городке в штате Огайо и бредил космосом. Впереди были годы упорной учебы в институте, которую он ухитрялся совмещать с занятиями спортом и обучением профессии пилота. Одним из немногих он был отобран в группу подготовки астронавтов, больше года готовился к первому полету вокруг Луны — и ради чего? Чтобы бездарно и бессмысленно погибнуть из-за неисправности в каком-то реле времени?

Слава Богу, что на Земле не осталось никого, кто бы мог близко к сердцу воспринять весть о его смерти. Родители погибли несколько лет назад в автокатастрофе, и это оказалось решающим фактором, убедившим Виллинга выбрать из нескольких кандидатов именно его, Хаммонда. Что сейчас чувствует старина Джон, вложивший в эту злосчастную экспедицию всю свою душу?

Впрочем, это тоже не имеет значения. Сейчас важно только одно — когда он, Хаммонд, умрет.

Он вновь посмотрел на панель управления. Кислорода осталось всего часа на два, даже если считать небольшой запас в баллонах катапультного устройства. Всего два часа жизни... нет, два часа агонии, ужаса перед неизбежной смертью!

Хотя зачем ждать так долго? К чему испытывать мучительную пытку удушья? Все, что нужно сделать, — это слегка приоткрыть люк, и тогда ледяная пустота космоса покончит с ним милосердно, без боли и страданий. Он попросту уснет, уснет навсегда...

Хаммонд расстегнул уже ненужные пояса безопасности и нагнулся к тяжелой рукоятке, управляющей замком люка. Не очень геройский поступок, но люди должны простить ему эту слабость. Он готов был бы бороться за жизнь, но как? Только чудо может спасти его, чудо, в которое он совершенно не верил.

Внезапно в нем проснулась почти уже угасшая жажда жизни. «Не делай этого, не открывай люк! — услышал

Хаммонд отчаянный вопль, идущий откуда-то из глубин подсознания. — Быть может, кто-то в последний момент прибудет тебе на помощь: Бог, дьявол, зеленые пришельцы, кто угодно... Не лишай себя последнего шанса на спасение!»

«Чушь, глупость, — подумал он, вновь закрыв глаза. — Зачем обманывать себя, к чему нелепые попытки уйти от очевидных фактов? Надо задушить в себе этот трусливый голосок».

Нужно быстро и решительно открыть люк, иначе чуть позже он просто не сумеет этого сделать. Что ж, не самая плохая смерть.

Хаммонд в спешке стал поворачивать рычаг, опасаясь, что решимость может вновь покинуть его.

Когда замок звучно щелкнул, открывшись, он нажал на стенку люка. Воздух со свистом вырвался из кабины через образовавшуюся узкую щель. Хаммонд не стал раскрывать его дальше — не хотелось, чтобы взрывная декомпрессия разорвала сосуды и превратила его в окровавленный кусок замороженного мяса.

Он вновь сел в кресло и стал ожидать конца. Только теперь Хаммонд понял, насколько он устал за прошедшие ужасные дни. Ничего, скоро отдохнет...

Внезапно его тело стало сотрясаться от дрожи. Ледяная пустота ворвалась в легкие. Отчаянно ловя непослушным ртом остатки воздуха, он в панике попытался закрыть люк. Эта смерть оказалась вовсе не безболезненной!

Однако он не смог даже пошевелиться. Вскоре его поглотила тьма.

ГЛАВА ВТОРАЯ

▼▼▼

Тьма затопила все вокруг, но не принесла ожидаемого небытия. Хаммонд почему-то не потерял способности ощущать боль, и она постоянно росла, становилась мучительной, огненной. Кажется, он еще пробовал дышать, содрогаясь в агонии.

Но как мог дышать мертвец? Выходит, он не умер? Конечно, не умер, раз способен мыслить. Мыслить?!

Хаммонд был потрясен. Небытие почему-то не оказалось полным. Его мозг продолжал работать, а легкие расширялись и сжимались, вдыхая и выдыхая воздух, которого не могло быть.

Он попробовал пойти дальше и открыть глаза, но не сумел. Он не мог даже пошевелиться, хотя чувствовать все же мог. Легкие сотрясались от конвульсий, но, кажется, начинали работать. А что же остальное тело?.. И вскоре он почувствовал, что пальцы его рук сжимают какие-то раскаленные прутья. Нет, не прутья, а подлокотники кресла. Но почему они раскалены, когда им надлежит быть холодными, как космическая пустота?

Затем послышался тонкий, свистящий шум, монотонный, угрожающий. Боль нарастала, и, наконец, не выдержав мучительной пытки, Хаммонд сумел оторвать опаленные огнем руки от раскаленных подлокотников.

И тогда он впервые открыл глаза и сквозь красный туман сумел разглядеть окружающее. Оказалось, что он по-прежнему находится в кабине своего корабля. Люк был слегка приоткрыт, и свистящий шум доносился со стороны щели. Но воздух больше не выходил из кабины — наоборот, он почему-то врывался внутрь! Разреженный, ледяной, донельзя насыщенный озоном — но воздух! Стенки же корабля, напротив, были раскалены.

Что происходит? Хаммонд пришел в себя едва ли не на треть, но осознавал, что этого просто не может быть. Он должен был умереть от отсутствия кислорода. И все же оставался жив. Почему?

Память неожиданно сработала, подсказав странный термин, о котором он узнал на одном из занятий во время подготовки к полету. Время Полезного Сознания, то есть время, в течение которого человек мог спасти самого себя при резкой утечке кислорода. Даже в пяти милях над поверхностью Земли оно составляло менее двух минут; еще дальше, в космосе, оно составляло считанные секунды. Эти секунды давно истекли.

Кислород? Хаммонд вдруг вспомнил о баллонах с кис-

лородом, находившихся рядом с катапультным устройством, и инстинктивно протянул к ним руку. Его сознание вновь помутилось от этих усилий, так что ему пришлось открывать кран почти вслепую.

Пальцы почти не работали, и все же после нескольких неудачных попыток цель была достигнута.

Поток оживляющего кислорода проник в жаждущие легкие. Тело забилось в конвульсиях, и постепенно Хаммонд пришел в себя.

Отдышавшись, он тупо посмотрел в сторону иллюминатора. На черном полотне космоса медленно плыли звездные поля. Да корабль просто вращается вокруг своей оси! Вскоре из-за экрана стал вспухать огромный серо-зеленый шар. Что-то он напоминает...

Не сразу, но Хаммонд понял, что увидел, и не мог сдержать крик изумления. Гигантский шар, задернутый пеленой серых облаков, был не чем иным, как Землей!

Планета вскоре исчезла с экрана, вновь появились звезды — и еще что-то. Оказалось, что стекло экрана начало плавиться и покрываться множеством мелких пузырьков. Корабль продолжал нагреваться, воздух стал раскаленным, но Хаммонд терпеливо ждал, пока серо-зеленый шар вновь не появился в его поле зрения.

Да, сомнений не было, это Земля. Земля!!

На этот раз он сумел более тщательно разглядеть смутные очертания материков. «Искатель» находится милях в сорока над поверхностью и двигался вниз по касательной траектории со скоростью не меньше двадцати тысяч миль в час. Но... но это было невозможно! Когда он открыл люк, пытаясь покончить счеты с жизнью, корабль двигался в сторону, противоположную Солнцу. Вернуться назад он мог только спустя сотни лет — и все же перед ним Земля.

Неужели Виллинг был прав: какие-то гравитационные поля изменили траекторию полета «Искателя»? Невероятно. Еще более невероятным казался факт, что он каким-то чудом выжил. Ожил, умерев от удушья и абсолютного холода!

Каждые несколько минут Земля появлялась на экра-

не, и Хаммонд как завороженный впивался в нее глазами. Его тело ныло словно одна большая рана. Справа его омывал поток холодного воздуха, втекавший через щель в приоткрытом люке, а с других сторон на него обрушивался жар раскаленного корпуса корабля. Но больше всего мучила мысль — каким же образом он остался жив?

Быть может, он не умер, а просто впал в состояние анабиоза под действием космического холода? Хаммонд знал об успешных опытах на животных, которые медики начали проводить еще в пятидесятых годах. Оказалось, если замораживание происходит стремительно, а размораживание — очень медленно, то образовывающиеся в живых клетках ледяные кристаллы не повреждают ткани, и животные не гибнут.

Когда он, Хаммонд, открыл люк, то его тело замерзло так быстро, что в тканях тела не успели произойти необратимые изменения. Неизвестно, сколько времени он пребывал в этом состоянии естественного анабиоза, но после возвращения «Искателя» к Земле воздух верхних слоев атмосферы, поступавший через щель в люке, а также тепловое излучение от раскаленных стенок кабины постепенно разогрели его тело. Он ожил, и в этом не было никакого чуда, а просто редчайшее совпадение обстоятельств.

Ожил? Но ведь он может в любую секунду вновь умереть! Хаммонд вздрогнул от этой мысли, словно от удара тока. Пока он сидел в оцепенении, пытаясь разобраться в случившемся, корабль разогрелся еще сильнее. С каждым оборотом вокруг Земли космолет спускался во все более плотные слои атмосферы и в любой момент мог сгореть, подобно метеориту.

Надо найти какой-то выход из критического положения, и немедленно. Но какой?

Мозг Хаммонда еще плохо соображал, но он все-таки сумел понять, что теперь все зависит от него самого.

Взглянув на экран, он стал внимательно изучать панораму земной поверхности. Внизу медленно проплывал океан, закрытый пеленой облаков. Вскоре далеко впереди показалась смутно знакомая береговая линия. Похоже, сейчас он пролетал над Атлантическим океаном и прибли-

жался к побережью Северной Америки. У него был еще шанс катапультироваться. Только сработает ли механизм выброса кабины?

Пальцы быстро забегали по дышащей жаром панели, включая агрегаты катапультного устройства. Судя по показаниям контрольных приборов, они, к счастью, еще функционировали.

Кресло пилота, в котором сидел Хаммонд, было размещено под белой полушаровой оболочкой из термостойкого пластика. Теперь, когда агрегаты катапульты были включены, остальные пластиковые сегменты выдвинулись из боковых «пакетов» и замкнули кресло в герметическую сферу.

Держа мундштук кислородного баллона во рту, Хаммонд смотрел сквозь прозрачное окошко на стремительно приближающуюся к «Искателю» Землю. «Черт бы побрал эти облака, — раздраженно подумал он. — Этак я не сумею разглядеть ни одного города».

Корабль летел над ночной стороной планеты. Облака полностью затянули небо внизу, и Хаммонд не был даже толком уверен, над сушей или над океаном он сейчас пролетает. Между тем температура внутри сферы стремительно росла. С тревогой Хаммонд заметил, как рамы иллюминаторов стали мягко светиться в темноте. Каждая минута промедления могла стоить ему жизни.

Хаммонд с трудом сдерживал желание нажать на кнопку «катапультирование». Нельзя было выбрасываться из корабля, не будучи твердо уверенным, что он находится над сушей.

Опасное красное сияние внутри кабины тем временем становилось все ярче и ярче. Хаммонд вновь стал задыхаться — уже от удушающей жары. Он не мог видеть показания приборов, не мог даже приблизительно оценить, насколько далеко от него находится берег. Нет, надо еще немного подождать... Черт, да он же забыл открыть аварийный люк!

Хаммонд торопливо рванул левый из двух рычагов катапультного устройства, расположенный по обеим сторонам от кресла. Ничего не произошло.

Его захлестнула горячая волна паники. Если люк заклинило, то он вновь умрет в этом проклятом стальном гробу, и уже никакое чудо его не спасет.

Он изо всех сил вновь рванул рычаг.

Внизу, прямо под пластиковой сферой, с лязгом распахнулся люк. Через прозрачное окошко внизу сферы Хаммонд мог теперь видеть темные облака. Ждать больше было нельзя. Катапультное устройство могло и не сработать при такой высокой температуре внутри корабля. Э-э, была не была!..

Он изо всех сил рванул за правую ручку. Словно снаряд, пластиковая сфера вылетела из падающего в море облаков «Искателя». Даже ремни безопасности не спасали Хаммонда от резких рывков и толчков. Мундштук кислородного баллона выпал изо рта, и Хаммонд пытался поймать его, однако почти в полной темноте это было сделать нелегко. Он вновь стал задыхаться, но в этот момент, к счастью, случайно поймал рукой конец шланга.

Хаммонд торопливо засунул мундштук в рот и тут же едва опять не потерял, когда мощный толчок почти выбросил его из кресла.

Несколько глотков свежего кислорода позволили ему прийти в себя. Сфера, окружавшая кресло, уже не вращалась. В верхнем окошке был хорошо виден белесый круг — парашют. К счастью, он раскрылся вовремя, и сейчас Хаммонд плавно спускался к поверхности облаков.

Только теперь он смог вздохнуть свободнее. До сих пор все, что он делал, было следствием многомесячных тренировок, отработавших его движения почти до автоматизма. Но теперь Хаммонд полностью пришел в себя и вместо радости почувствовал только крайнюю усталость. Да и радоваться было еще рановато.

Вскоре он выплюнул изо рта пластмассовый мундштук — отпала необходимость в дополнительном кислороде. Воздух, проникающий внутрь сферы, был вполне пригоден для дыхания. Одной заботой стало меньше, хотя главная проблема была впереди.

Хаммонд впился глазами в нижнее окошко, но так и не сумел ничего толком разглядеть. Он даже не был пол-

ностью уверен, пройден ли облачный слой. Скорее всего уже пройден... Но почему же нигде не видно огней городов?

Внезапно он заметил внизу тусклое, колеблющееся мерцание. Сомнений не было — он находился над океаном. Видимо, просчитался и слишком рано катапультировался...

Через несколько минут пластиковый шар ударился о пенистые воды и понесся куда-то во тьму, гонимый сильным ветром. Хаммонд не сразу вспомнил о механизме отделения парашюта. Включив его, он почувствовал сильный толчок, затем сфера мягко закачалась на волнах. Она была рассчитана на подобные случаи, однако Хаммонда это мало утешало. Он чувствовал себя словно всадник на диком мустанге.

Но как оказалось, даже к этому можно привыкнуть. Вскоре усталость взяла свое, и Хаммонд заснул.

Проснувшись, он подумал, что после его приводнения прошло не менее часа. Ветер по-прежнему гнал куда-то пластиковую сферу, которая раскачивалась на высоких волнах, словно огромный поплавок. Небо почти очистилось, и теперь в верхнем окошке, забрызганном пеной, виднелись тусклые звезды. Но Хаммонд смотрел в другую сторону, туда, где, по его мнению, находился запад. Вдали у самого горизонта возникла темная жирная черта.

К счастью, ветер гнал сферу именно в этом направлении.

Немного успокоившись, Хаммонд вновь посмотрел на ночное небо. Что же за удивительная сила спасла его, развернув «Искатель» в сторону Земли? Он должен был стать легкой добычей звезд, а вместо этого...

Звезд?! Только сейчас Хаммонд заметил, что в небе что-то не то.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

▼▼▼

Как и любой космонавт, Хаммонд прекрасно знал все созвездия обоих полушарий — астрономия входила в курс предполетной подготовки. Поэтому он мог утверждать,

что созвездия, сияющие низко над океаном в северной части неба, сбились со своих мест. Большая Медведица, Дракон и другие медленно поворачивались вокруг небесного северного полюса. Но центром этого движения была не Полярная звезда, а другое, более слабое светило, в котором Хаммонд узнал дельту Лебедя.

Поначалу он просто не мог в это поверить. Однако после получасового наблюдения за движением звездных часов все сомнения отпали. И тем не менее этого не могло быть!

Впрочем... Небесный полюс постоянно менял свое положение. Каждые двадцать семь тысяч лет полюс описывает небольшой круг в небе. Если он находится сейчас вблизи дельты Лебедя, то по отношению к двадцатому веку... смещение почти на одну треть окружности! Но... но это означало, что «Искатель» вернулся на Землю спустя десять тысяч лет!

Сто веков? Это звучало слишком фантастично. Возможно, его сбила с толку какая-то непонятная аберрация звездного света. А может, просто обман зрения. Невероятно, что такая пропасть времени прошла с той поры, когда он открыл люк...

Хаммонд вздрогнул от неожиданной жуткой мысли, внезапно пришедшей ему в голову. И как раньше он не додумался до этого?

Почему-то он с самого начала решил, что его сон в замороженном состоянии был непродолжительным. Больше чем о нескольких днях, максимум неделе, он и не помышлял. Но для такого поспешного вывода не было ни малейших оснований. Абсолютный холод космоса, пронзивший каждую клетку его тела, остановил течение времени. Он мог пробыть в таком состоянии сколько угодно. И год, и тысячу лет.

Стрелки звездных часов открыли ужасающую правду — он спал около ста веков. Это объясняло и природу его на первый взгляд «чудесного» возвращения. Когда он приоткрыл люк, корабль находился за орбитой Луны и только начинал движение по огромной эллиптической орбите. Каждые триста-четыреста лет «Искатель» должен

был возвращаться к Земле, попадая в область действия ее гравитационного поля. И каждый раз эллипс все больше и больше сужался. Наконец планета сумела захватить корабль, и он перешел на орбитальную траекторию. Войдя в верхние слои атмосферы, космолет стал медленно разогреваться, и это тепло вывело его, Хаммонда, из состояния анабиоза.

Все эти рассуждения выглядели логичными, однако мозг Хаммонда инстинктивно сопротивлялся им. Он просто не хотел поверить в такое! Если это правда, то на Земле должны были смениться тысячи поколений. Целые страны и народы могли бесследно исчезнуть, словно песчинки, подхваченные ураганным ветром. Все люди, кого он некогда знал, давно уже умерли, и вряд ли кто-нибудь даже из ученых-историков мог помнить о Кирке Хаммонде, человеке, первым полетевшем к другой планете.

«Прощай, Джон Виллинг. И Джим Барнетт, и Лесли Крей, и та милая девушка из Кливленда...»

Хаммонд осекся. Не было смысла продолжать этот горький поминальный список — ведь тогда ему пришлось бы перечислить имена всех людей, которых он некогда знал. Тут наверняка какая-то ошибка, должно быть иное объяснение случившемуся. Как только он достигнет берега, он сумеет найти его. И тогда вдоволь посмеется над своими нелепыми мыслями, а старина Виллинг будет вторить ему своим басистым голосом. Надо только побыстрее достичь материка.

Хаммонд вновь стал вглядываться в сторону приближавшейся земли. Он с радостью отметил, что черная линия берега заметно утолщилась, поднимаясь из залитого звездным светом дремлющего океана. Внизу виднелась белесая линия прибоя. «Э-э, да там полно скал, — с тревогой подумал он. — Выдержит ли тонкая пластиковая оболочка удар об острые края каменных глыб?»

Через час тревога Хаммонда только усилилась. Он увидел, что бурлящая прибрежная линия океана полна черных клыков, торчащих то там, то здесь из-под пенистых волн. Хаммонд торопливо расстегнул ремни безопас-

ности и приготовился к тому, что придется вплавь добираться до берега.

Но ему повезло. Волны бережно подняли белый шар, пронесли его через узкий проход в гряде иззубренных скал и мягко вынесли на широкую отмель. Хаммонд немедленно открыл люк и выпрыгнул наружу, словно опасался, что море вновь унесет его прочь от материка. Он больно ударился коленом о небольшой камень и упал.

Хаммонд лежал ничком, прижавшись всем телом к земле, которую еще недавно — всего десять тысяч лет назад? — и не чаял больше увидеть. Он не мог даже пошевельнуться. Долгие дни — или века? — которые ему пришлось провести, сидя в кресле в тесной кабине космолета, парализовали все мышцы. Но вот особенно высокая волна настигла его и прокатилась над ним, словно мягкий холодный каток, а затем упрямо поволокла по песку назад в море. Хаммонд в ужасе попытался подняться на ноги... и не смог. Тогда, отчаянно извиваясь, он пополз вверх по отмели, пока не достиг башнеподобных скал, длинной цепью тянувшихся вдоль береговой линии. Среди них он заметил уступы, образовывающие нечто вроде вырубленной эрозией лестницы, но подняться по ней не сумел. Даже на ноги ему удалось встать только после долгих попыток.

Опираясь дрожащей рукой о холодную поверхность скалы, он вновь взглянул в сторону Северного полюса. Увы, глаза его не обманывали, созвездия действительно заметно развернулись вокруг невидимой оси времени...

Но вскоре он забыл об этом, потому что вдали, над темной поверхностью моря, возникли четыре движущихся огонька. Казалось, они плясали на одном месте, словно светлячки. Это явно были летательные аппараты, но какие? Известные Хаммонду типы самолетов и вертолетов не были способны на такие невероятные маневры.

Хаммонд решил подать знак о себе. В спасательной сфере хранилась ракетница на подобный случай, но капсулу уже смыло в море. В этот момент чьи-то сильные руки обхватили его сзади.

— Что за дьявол! — закричал Хаммонд, пытаясь обернуться.

Кто-то резко завернул ему руку за спину так, что острая боль пронзила все тело. И все же он ухитрился обернуться и разглядеть нападавшего.

Его держал высокий, мощно сложенный мужчина, одетый в темный жакет и свободные брюки. Он был выше Хаммонда больше чем на голову, волосы коротко острижены «ежиком», верхняя часть головы закутана тюрбаном, отливающим металлическим блеском.

Но больше всего Хаммонда поразило лицо незнакомца — массивное, испещренное шрамами, словно у бывшего боксера. Нос непропорционально велик, губы — словно толстые оладьи, глаза тесно сдвинуты. И это странное, словно вырубленное топором, лицо было бледно-голубого цвета!

Незнакомец тем временем указал свободной рукой в сторону моря и заговорил хриплым голосом.

Хаммонд не понял ни единого слова. Этого языка он никогда не слышал. Но они находились на Атлантическом побережье Северной Америки!

И тогда впервые Хаммонд поверил показаниям звездных часов, ушедших за время его полета на сто веков вперед.

Туземец, казалось, был озадачен молчанием Хаммонда. Он указал пальцем на его голову, затем на свой блестящий тюрбан, а затем в сторону четырех огоньков, мельтешащих вдали над морем.

— *Врамен! Врамен!* — дважды повторил он таким тоном, что Хаммонд понял — этих летающих огоньков надо опасаться.

Но почему?

Туземец вновь указал на свой мерцающий под светом звезд тюрбан, а затем коснулся рукой лба Хаммонда.

— *Врамен!* — повторил он угрожающим голосом.

Хаммонд проследил за его рукой и увидел, что далекие пляшущие огоньки разделились. Один продолжал кружиться на месте, а трое других широким веером направились в сторону берега.

Лицо туземца отразило страх и сомнение. Он явно

чего-то боялся, но и не знал, что делать с пленником. Внезапно незнакомец издал громкий возглас отчаяния и потащил Хаммонда волоком к соседнему валуну, глубоко врытому во влажный песок. Хаммонд пытался сопротивляться, но куда там! Туземец затащил его под выступ в каменной глыбе, словно пытался скрыть от загадочных «враменов», затем оставил на время пленника в покое и с лихорадочной скоростью начал разматывать свой тюрбан. Воспользовавшись этим, Хаммонд осторожно выглянул из-за своего убежища.

Один из огоньков был уже близко — длинный сигарообразный летательный аппарат, частично прозрачный и полностью лишенный крыльев. Он летел с большой скоростью на малой высоте и делал невероятно резкие движения влево-вправо, словно что-то искал среди волн.

Тем временем туземец извлек из кармана нож и отрезал от своего тюрбана добрую половину. Хаммонд был настолько поражен этими непонятными действиями, что даже не пытался бежать. Внезапно он услышал чей-то ясный, холодный голос, звучавший, казалось, внутри его мозга.

«Выходите из своего убежища и покажитесь на берегу, — властно требовал голос. — Поднимите вверх руки, чтобы мы могли вас разглядеть!»

Сам того не желая, Хаммонд поднялся на ноги и, механически передвигая ногами, вышел из тени на залитую звездным светом отмель. Однако туземец, зарычав, бросился вслед за ним и, схватив за лодыжку правой ноги, резким рывком повалил на песок. Хаммонд стал отчаянно вырываться, но незнакомец навалился на него всей массой своего кряжистого тела и торопливо стал обматывать вокруг его головы кусок ленты, отливающей металлическим блеском.

И сразу же властный голос, звучавший в голове Хаммонда, затих. Туземец со вздохом облегчения вновь направился в укрытие за валуном, таща за руку пленника. Хаммонд беспрекословно последовал за ним, дрожа от пережитого ужаса. Казалось, он только что стоял на самом краю пропасти. Но что произошло с ним, что?

Его спаситель сел на песок, привалившись спиной к

камню, и сделал знак, вполне понятный Хаммонду: на сигарообразный летательный аппарат смотреть нельзя!

Теперь только Хаммонд стал кое-что понимать. Эта жуткая мысленная команда транслировалась с одной из летающих «сигар». Естественно, никаких языковых проблем при этом возникнуть не могло. Тюрбан из металлизированной ленты, которую носил на голове туземец, служил своеобразным экраном и защищал от гипнотической силы неведомых враменов.

Прошло несколько минут, и туземец вновь осторожно выглянул из-за валуна. Хаммонд последовал его примеру. Опасность уже миновала — светящийся воздушный корабль развернулся и полетел прочь от берега, присоединяясь к остальным.

Туземец вздохнул с явным облегчением и, повернувшись к Хаммонду, стал с интересом его разглядывать. Наконец он прикоснулся пальцем к могучей груди и, улыбнувшись, произнес:

— *Раб Куобба.*

Было ясно, что таково его имя. Хаммонд тоже указал на себя и сказал:

— Кирк Хаммонд.

Туземец озадаченно взглянул на него, затем указал рукой в сторону гряды прибрежных скал и глухо проронил:

— *До Руроома*?

Хаммонд в ответ только покачал головой — мол, ничего не понимаю.

Раб Куобба нахмурился. Судя по лицу, он не отличался высоким интеллектом, но в упорстве ему отказать было нельзя. Он вновь указал рукой в сторону материка и спросил:

— *Руроома? Дал врамен?*

Хаммонд понял это так: не пришел ли ты, братец, из тех мест, откуда прилетели сигарообразные корабли? На всякий случай он покачал головой.

Куобба еще больше помрачнел. Поразмыслив, туземец сделал знак Хаммонду, чтобы тот шел за ним, а сам широким шагом направился вдоль берега. Хаммонд вздохнул и уныло поплелся следом.

Он понятия не имел, куда они идут и почему этот Раб

Куобба хочет помочь ему. Одна его голубая физиономия наводила на малоприятные размышления. Земля далекого будущего была совершенно непонятна ему, случайному пришельцу из бездны времени. Но он инстинктивно ощущал угрозу, которой так и веяло от светящихся кораблей. И этот телепатический ледяной голос... Раб Куобба, похоже, желал ему добра, а там видно будет.

Не прошел Хаммонд и десяти шагов, как силы окончательно оставили его. Он покачнулся и едва не упал.

Раб Куобба услышал его стон и, обернувшись, понимающе кивнул. Легко взвалив Хаммонда на плечи, туземец пошел по отмели, почти не сбавляя шага. Он старался не выходить из тени скал и при приближении летающих огоньков торопливо прятался за очередным валуном. Хаммонд осознавал происходящее смутно, его мучили головокружение и тошнота. Лишь однажды он нашел в себе силы осмотреться и внезапно увидел, как вдали, за грядой скал, в небо поднялся столб света. Чуть позже до берега докатился глухой раскат грома.

В ответ на его удивленный взгляд Куобба указал рукой на запад, в глубь материка, а затем поднял палец к звездам. Хаммонд понимающе кивнул. То, что он увидел, больше всего напоминало взлет космолета. Что ж, теперь, спустя многие тысячелетия, люди, наверное, давно освоили Солнечную систему и, может быть, даже достигли звезд.

Но чего же тогда опасался Раб Куобба? Неужели цивилизация далекого будущего таит в себе какие-то серьезные опасности?

Вскоре туземец подошел к огромному круглому валуну, лежащему на песке рядом с темной стеной скал. Осторожно оглянувшись, он произнес:

— *Шау Таммас! Куобба авен!*

Внезапно на боку валуна открылось темное отверстие. Поначалу Хаммонд подумал, что глаза попросту играют с ним шутку, но, присмотревшись внимательно, он понял, что валун внутри полый. Замечательный камуфляж!

Однако Куобба не дал ему времени полюбоваться на лжевалун снаружи. Рывком затащив космонавта внутрь, туземец нажал на какую-то кнопку, и стенки люка со щелч-

ком вновь сошлись. Они оказались в полной темноте, но ненадолго — вскоре над их головами зажегся шаровой светильник.

Хаммонд осмотрелся. Внутри «валуна» оказалась вырубленная в камне небольшая комната. Здесь находилось еще трое человек, одетых, как и Куобба, в темные куртки и брюки. Двое из них были очень молоды, а вот третий, которого Куобба назвал Таммасом, выглядел весьма странно. Это был мужчина небольшого, почти карликового роста, с морщинистым желтым лицом обезьяны и блестящими черными глазками. Он не походил на жителей востока, знакомых Хаммонду, он вообще не очень походил на человека!

Изумление оказалось взаимным. Трое туземцев недоуменно разглядывали Хаммонда, словно никогда не видели обычного человека — конечно, обычного с точки зрения двадцатого века. Хаммонду эти изучающие взгляды не понравились, и он демонстративно перевел взгляд на громоздкий механизм, занимающий добрую половину комнаты.

Он чем-то напоминал шестидюймовый телескоп, установленный на мощной подставке, но нижняя часть длинной трубы была усеяна странными грибообразными отростками, назначение которых было совершенно непонятно. Взглянув наверх, Хаммонд заметил, что часть потолка могла раскрываться. По-видимому, таким образом таинственные туземцы могли наблюдать за звездным небом.

Куобба что-то сказал своим товарищам, а затем снял тюрбан с головы и помог то же самое сделать Хаммонду. Жестом пригласив следовать за собой, он открыл узкую дверь и спустился по крутой винтообразной лестнице в огромный зал, высеченный в толще скал. Маленький сморщенный человечек по имени Таммас шел за Хаммондом, не спуская с него настороженных глаз.

Под потолком зала висело множество сияющих белых светильников. Почти все пространство занимали могучие машины, похожие на станки. Здесь работали несколько десятков человек, большинство из которых были мужчинами, хотя встречались и женщины, одетые в разноцвет-

ные рубашки и шорты. Некоторые туземцы выглядели необычно. Хаммонд увидел двух коренастых мужчин с красной кожей и белым гребнем волос посреди голого черепа; худощавого старика с длинным, лошадиного типа лицом и серой кожей; массивного крепыша с длинными, свисающими почти до пола руками и мудрыми, грустными глазами...

Заметив гостя, туземцы оставили работу и поспешили к лестнице, выражая свое изумление взволнованными восклицаниями. Хаммонд ответил им беспомощным взглядом. Он находился почти в полуобморочном состоянии и, если бы не поддержка Куоббы, давно бы упал на пол. Его отупевшая от переизбытка впечатлений голова отказывалась воспринимать окружающее.

Куобба, что-то сказав окружившим их людям, пошел в дальний конец зала, ведя за собой за руку, словно ребенка, Хаммонда. За ними следовала толпа туземцев, оживленно обсуждавших появление нежданного гостя. Хаммонд не понял ни слова из их разговоров, но отлично расслышал тревогу и сомнение.

Пройдя зал с грохочущими машинами, Куобба зашагал по длинному коридору. Вскоре они вошли в небольшой кабинет, заставленный шкафами со странными книгами в металлических переплетах. На одной из стен висели звездные карты. За столом, заваленным какими-то чертежами, сидел худой человек средних лет с властным, чеканным лицом, седым ежиком волос и глубоко запрятанными под надбровными дугами глазами. Заметив Хаммонда, хозяин кабинета слегка вздрогнул и впился в гостя пронзительным взглядом.

— Эз Дон Вильсон, ланф до пос хоомен, — сказал Куобба, указывая на Хаммонда. Гость кивнул в знак приветствия, не отрывая заинтересованного взгляда от девушки, сидевшей за соседним столом.

Она отнюдь не была красавицей, хотя ее лицо с резкими, почти ястребиными чертами было по-своему интересным. Пышные темные волосы спускались почти до плеч. Широко расставленные глаза изумленно разглядывали гостя.

— *Эз ан.до врамен?* — спросила девушка мелодичным голосом.

— Нун, Ива! — убежденно ответил Куобба.

Энергично жестикулируя, он рассказал о том, как нашел на берегу Хаммонда, часто повторяя слова «врамен», «Руроом», «Хаммонд». Сам же астронавт едва держался на ногах, потеряв всякий интерес к происходящему. Его мозг отказывался реагировать на окружающее, ему сейчас хотелось только одного — упасть и заснуть. Но он все же отметил, что рядом с Доном Вильсоном появился невысокий человек с мелкими чертами лица и каштановыми волосами, изучающий Хаммонда взглядом, полным подозрения и ненависти.

— Дито, эз фа врамен! — уверенно сказал он, выслушав Куоббу.

Гигант упрямо покачал головой.

— *Эз нун, Ланг!*

Однако невысокий человек нахмурился и стал энергично спорить с Куоббой. Совершенно очевидно, что некоторые из туземцев, и в частности Ланг, принимали его, Хаммонда, за одного из каких-то враменов. Как разубедить их, не зная их языка? Как?..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

▼▼▼

Хаммонд остановил взгляд на астрономических картах, висевших на стене, и с интересом подошел поближе. Большинство из них оказались звездными картами различных регионов Галактики, но одна была знакомой — изображение Солнца и всех его планет. Хаммонд достал из кармана комбинезона карандаш и нарисовал маленький космолет, летящий в сторону Луны. В кабине он изобразил крошечного человечка и, повернувшись к туземцам, указал пальцами на рисунок, а затем на себя.

Хозяева подземного поселения недоуменно переглянулись.

«Дьявол, как же объяснить им, что я проспал в корабле сто веков?» — огорченно подумал Хаммонд.

Осмотревшись, он заметил, что на одной из карт отмечены северные созвездия с тонкой красной линией, нацеленной на дельту Лебедя — нынешний небесный полюс. Хаммонд нарисовал другую линию, нацеленную на Полярную звезду, указал рукой на нее, а затем вновь на рисунок корабля, покидающего Землю, и после этого — на себя. Он надеялся, что туземцы поймут смысл его послания: я покинул Землю на космолете, когда полюс находился в районе Полярной звезды.

Недоумение на лицах хозяев осталось, но Дон Вильсон, казалось, понял. Выражение враждебности в его глазах сменилось изумлением и недоверием.

Пристально глядя на Хаммонда, он начал что-то говорить... и остановился — видимо, внешний облик гостя поразил его.

— *До пранн?* — спросил он, жадными глазами вглядываясь в черты лица Хаммонда.

Только теперь гость понял, что, несмотря на заурядную внешность, в этой компании он выглядел словно эскимос среди дикарей с острова Борнео. Нет, люди будущего, вопреки его представлениям, не походили сложением на греческих героев. Просто они были *другими.*

Во взглядах Куоббы и Ивы читался откровенный страх, зато Ланг только упрямо сдвинул брови. Он начал о чем-то энергично говорить, обращаясь к Дону Вильсону, и в его голосе звучало сомнение. Куобба стал ему возражать, но Хаммонд уже не слушал их. Силы внезапно оставили его. Вокруг потемнело, и он словно поплыл куда-то вдаль...

Куобба рванулся ему на помощь и успел подхватить прежде, чем Хаммонд упал на пол. Едва державшегося на ногах гостя отвели в соседнюю небольшую комнату. Хаммонд смутно помнил, как его уложили на кровать и накрыли одеялом.

Затем он провалился в сон. Сон, насыщенный кошмарами. Ему снилось, что он по-прежнему находится в своем стальном склепе, летящем по вытянутой орбите через всю

Солнечную систему. Он вдруг увидел себя со стороны. В его ледяных, широко открытых глазах отражались блеск звезд и редкие искры комет. Он выглядел словно король, восседавший на троне и облетавший свои космические владения. Время от времени в его глазах разгоралось адское пламя — это он пролетал мимо Солнца, но затем в них вновь воцарялась холодная тьма, кое-где проколотая искрами звезд. Проходили столетия за столетиями — впрочем, что значит время для мертвого короля?.. Но однажды стальная капсула корабля лопнула словно орех, человек вылетел в обжигающую пустоту и стал падать, вращаясь, на голубой шар Земли, навстречу новым ужасным снам...

Несколько раз Хаммонд почти просыпался, однако кошмарные сновидения вскоре вновь захлестывали его. Он смутно ощущал, что прошло немало дней, прежде чем он окончательно очнулся.

Под каменным потолком тускло горел шаровой светильник. Хаммонд был еще очень слаб, но болезненные головокружения прошли. «Где я? — подумал он, в испуге оглядываясь по сторонам. — Почему я нахожусь в этой жуткой пещере? Где мой корабль?!»

Он не осознавал, что начал вопить от испуга. К счастью, вскоре в комнату вбежали Куобба и Ива. Туземец осторожно уложил беснующегося Хаммонда на кровать, что-то ласково говоря ему, словно капризному ребенку. Ива гладила его по руке, не сводя с гостя сочувственных глаз.

Хаммонд постепенно успокоился. Он вспомнил о своем чудесном спасении и о том, что произошло после приводнения спасательной капсулы.

— Все нормально, мне уже лучше, — пробормотал он, послушно опускаясь на кровать. Вспомнив, что туземцы не могли понять смысл его слов, Хаммонд заставил себя улыбнуться и кивнул головой.

Его новые друзья переглянулись с видимым облегчением. Куобба сказал многозначительно:

— *Эн нун до врамен*, — и пошел в дальний угол комнаты. Оттуда он вернулся, довольно улыбаясь и держа в руках какие-то предметы.

Хаммонд узнал свою куртку с «молниями» и находившиеся в ее карманах вещи — справочник с астронавигационными таблицами, карманный калькулятор, пузырек, наполовину заполненный тонизирующими таблетками. Он кивнул и указал пальцем на грудь — мол, верно, это мое.

Поначалу он не мог понять восторга Куоббы, но затем до него дошло: ну конечно, эти вещи доказывали, что невесть откуда взявшийся гость — не врамен! В глазах Ивы зажглось даже некое благоговение — девушка смотрела на него, словно на ожившего динозавра. Вскоре в комнату вошел и Дон Вильсон, на его лице также не было прежней враждебности.

Хаммонд почувствовал себя куда уверенней. Разумеется, все его вещи, даже пуговицы на куртке и пломба в зубе, доказывали, что он не лгал! На всякий случай он все же еще раз показал на себя пальцем и объявил:

— «Врамен»... — и покачал головой. Затем указал на туземцев и спросил: «Врамен»?

Ива отчаянно замотала головой, иссиня-черные волосы заметались по ее плечам.

— *Нун! Зин до хоомен.*

«Хоомен»? Быть может, так называют себя эти люди? Немного похоже на «хомо сапиенс». Хаммонд хотел было попытаться уточнить это, но Ива ласково погладила его по лицу — своеобразная команда «спать». Боясь, что ночные кошмары могут вновь ввергнуть его в ледяное небытие, Хаммонд в ответ покачал головой. Но не смог бороться с лекарством, которое дала ему девушка, и провалился в темноту.

На этот раз он спал без сновидений. Прошло еще несколько дней, которые измерялись для него здесь, в каменном подземелье, только периодами сна и бодрствования.

Постепенно стали возвращаться силы. У него почти не было аппетита; то пресное желе, которое ему давали трижды в день, и не могло возбудить желание как следует поесть. Но так или иначе, он поправлялся.

Порой ему хотелось встать, но Дон Вильсон и его дочь Ива не разрешали этого. Поначалу ему запрещали даже разговаривать, так что оставалось только лежать на кро-

вати и смотреть в потолок. И тогда Хаммонд вспоминал о друзьях, умерших сто веков назад, об исчезнувших без следа в безднах времени нациях и народах. В такие часы он чувствовал себя совершенно одиноким, и только одна вещь спасала его от сумасшествия.

Этой вещью было любопытство. Он страстно хотел узнать как можно больше о странной Земле далекого будущего, на которую его занесло волей невероятного случая. Ему было очень интересно, кто же такие врамены, чем от них отличались хоомены, многие из которых выглядели так, словно родились в иных мирах.

Почему Дон Вильсон и прочие прячутся в каменных катакомбах? Зачем врамены разыскивали его, Кирка Хаммонда? Куда направлялся космический корабль, взлет которого он видел в ночь своего прибытия на Землю?

Хаммонд мог получить ответы на эти вопросы, только изучив язык хооменов. К счастью, Ива Вильсон охотно согласилась с ним заниматься и вскоре начала ежедневные уроки. В ход пошли рисунки, жесты, а чуть позже и книги. Выяснилось, что структура языка хооменов мало отличалась от английского времен двадцатого века, и это очень помогло Хаммонду быстро продвигаться вперед. Куобба и малыш Таммас тоже пытались обучать его некоторым словам, но, как оказалось, они говорили на других диалектах, и Ива в конце концов запретила им лезть не в свое дело.

Настал день, когда Хаммонд смог задать девушке первые вопросы. К его огорчению, на многие из них она давала уклончивые ответы, а то и вообще не желала разговаривать. «Отец сам расскажет вам об этом», — говорила она, пряча смущенно глаза.

— Когда? — недовольно спрашивал он.

— Скоро, — успокаивала его Ива. — Вы еще плохо разговариваете на нашем языке, вам надо подучиться.

Это еще больше разжигало и без того жадное любопытство Хаммонда. Вот уже много дней он находился в мире, который почти во всем резко отличался от привычной ему Земли, и какой-то языковой барьер не давал возможности ничего узнать! Он чувствовал себя, словно слепой, попавший в Лувр.

Через несколько «дней» Хаммонд вконец потерял терпение и решительно заявил Иве, как только девушка вошла в его комнату:

— Я хочу сегодня выйти на берег. Ни минуты больше не намерен сидеть в этом каменном мешке. Поймите, я десять тысяч лет не видел родного Солнца!

— Подождите, я скажу отцу, — поколебавшись, ответила Ива и вышла из комнаты.

Чуть позже пришел Дон Вильсон. Сложив руки на груди, он смотрел на гостя холодным, изучающим взглядом. Хаммонд уже знал, что этот человек был лидером небольшой коммуны хооменов и отличался суровым, непреклонным характером. Все, даже бесшабашный Куобба, побаивались его.

— Вам пока нельзя выходить из убежища, Кирк, — наконец сказал Вильсон. — Благодарите Бога, что остались живы. Были периоды, когда мы уже не надеялись, что вы сможете проснуться.

Хаммонд почти полностью понял эти слова и приободрился. Теперь настал его черед задать самый главный вопрос.

— Как долго... — начал было он и неожиданно запнулся. Язык не поворачивался продолжить фразу: «... я был мертв? Сколько столетий мое остывшее тело странствовало через темную бездну?»

Но Дон Вильсон понял его.

— Строение вашего тела и вещи, которые мы нашли в вашей спасательной капсуле, доказывают, что вы родились в двадцатом или двадцать первом веке.

— Да, я родился в 1949 году, — кивнул Хаммонд.

Вильсон на минуту задумался.

— Эта хронология давно не используется... Но если применить ее, то получится, что сейчас идет 12094 год от рождения Христова.

Хаммонд невольно вздрогнул, хотя давно готовил себя к чему-нибудь подобному. Выходит, звездные часы не лгали... Но пропасть времени, через которую он пронесся, была слишком огромной, и его разум отказывался принимать правду такой, какой она есть.

— Наверное, вы уже завоевали космос? — глухо спросил он.

— Да.

— И даже звезды?

— Почти всю Галактику.

— Но тогда Куобба и Таммас...

— Куобба родился на одной из планет в системе Веги. Таммас прилетел со звезды Мизар. Люди колонизировали множество миров.

Сердце Хаммонда возбужденно забилось. Выходит, первые робкие попытки выйти в космос принесли свои плоды! Даже его «гибель» не остановила землян, и теперь весь космос стал домом для человечества!

Он сказал об этом с пафосом, но Дон Вильсон в ответ только грустно усмехнулся.

— О, нет, вы ошибаетесь, Хаммонд. Когда-то в далеком прошлом космос действительно был завоеван людьми. Он принадлежал всем и каждому, нигде не было ни границ, ни искусственных преград типа Великой китайской стены, которая некогда существовала на Земле. Но настал день, когда все изменилось. Космические полеты теперь контролируются могущественной расой врамен. Свобода и космос — ныне понятия несовместимые.

— Кто они такие, эти врамены? — возмущенно воскликнул Хаммонд.

— Они — враги всех хооменов. Их радары обнаружили ваш корабль прежде, чем он упал на Землю. На ваши поиски из Руроома были отправлены флайеры. Они обнаружили вашу спасательную капсулу, которую течение унесло, к счастью, далеко от этих мест. Теперь они охотятся за вами днем и ночью. Вот почему вам нельзя ни на минуту покидать это убежище. Врамены хотят убить вас!

ГЛАВА ПЯТАЯ

▼▼▼

Всю следующую «ночь» Хаммонд не мог заснуть. Его потрясла цифра, названная Доном Вильсоном, — 12094 год! Да, он давно готовился к подобному, но одно дело — догадываться, а другое — знать наверняка.

Вокруг стояла тишина, каменные катакомбы спали,

хотя о времени суток можно было судить только по потускневшему свету лампы под потолком. Хаммонд не мог даже сомкнуть глаз, он ворочался с боку на бок, пытаясь переварить все услышанное от Дона Вильсона.

Впервые лидер коммуны хооменов ответил откровенно на его вопросы. Хаммонда больше всего ошеломил рассказ о завоевании людьми Галактики. Они осваивали один мир за другим, основывали новые цивилизации, строили огромные города, воевали, прокладывали торговые пути через опасные звездные скопления и коварные туманности.

Но не только люди меняли облик Галактики — космос также менял их. Дальние поколения переселенцев уже мало напоминали землян, и Куобба с Таммасом были далеко не самыми экзотичными по внешности из хооменов. Но все они считали себя детьми Земли, и вся Галактика принадлежала всем и каждому.

Однако так было до тех пор, пока власть в Федерации Солнц не захватили врамены.

«Странно, — подумал Хаммонд, — я уже научился ненавидеть слово «врамены», хотя еще не видел ни одного из этих таинственных существ. Более того, все дурное, что я знаю о них, мне известно со слов хооменов, а они могли просто привить мне свои предубеждения». Даже имя, которым себя называют Дон Вильсон и его товарищи, «хооменыы», было семантической ловушкой, автоматически заставляющей его, Хаммонда, стать на их сторону.

Но дело не только в этом. Главное было в другом — в космосе и той позиции, которую заняли в ней ненавистные врамены. Он, Хаммонд, по сути дела, отдал жизнь ради того, чтобы люди чувствовали себя в Галактике как в собственном доме. Он не желал примириться с мыслью, что какая-то одна раса взяла под контроль все космические перелеты. Ни один корабль не мог взлететь без ведома враменов, потому-то их так встревожило появление около Земли неизвестного космолета. Врамены были своеобразными «полицейскими» космоса — разве способны они вызвать чувство приязни у одного из первых космических «водителей»?

И это было еще не все. Врамены существенно отлича-

лись от всех других жителей Галактики. Они владели секретом практически вечной жизни!

Дон Вильсон рассказал, что почти две тысячи лет назад некая группа ученых предприняла исследование малоизвестного звездного скопления Трифиды. И где-то в глубине этого огромного облака среди сотен тысяч звезд обнаружили великолепную, сияющую, словно бриллиант, звезду. На одной из ее планет ученые и основали базу. Именно там они нашли секрет вечной жизни.

Природа его до сих пор непонятна хооменам. Поговаривали, что дело заключается в залежах каких-то необычных радиоактивных руд, которые чудесным образом воздействовали на жизненные клетки людей, останавливали неблагоприятные процессы старения и защищали организм от большинства видов болезнетворных микроорганизмов.

Тем не менее врамены с течением времени все-таки изменялись, хотя и несравненно медленнее, чем остальные. Не были защищены они от ран, порой могли болеть, и все же в глазах обычных людей с других планет они были практически бессмертны. Никто не слышал, чтобы врамен умер естественной смертью.

Первые врамены, открывшие этот секрет на планете Алтар, не спешили поделиться им с остальным человечеством. Напротив, они начали тайно приглашать в свой новый мир молодых, талантливых ученых, писателей, художников, музыкантов со всех обитаемых планет Галактики. Когда колония враменов достигла определенных размеров, отбор «бессмертных» закончился. Более того, всем простым хооменам был закрыт путь не только на Алтар, но даже и в Трифиды. Врамены превратились в закрытую, элитарную касту, жизнь которой была скрыта от посторонних глаз в глубине огромного звездного облака.

— Неужели их способность к вечной жизни передается по наследству? — недоверчиво спросил тогда Хаммонд.

— У враменов нет детей, — ответил Дон Вильсон. — По крайней мере, их никто никогда не видел. Товарищеские и даже дружеские отношения среди них не редкость, но что касается любви... Трудно сказать, способны ли они

на такое чувство. Большинство врaменов — талантливые, даже гениальные по нашим меркам ученые, и все свое безграничное время они отдают науке. Им было совсем нетрудно отгородиться невидимой стеной от остальной части Галактики.

Со временем врамены стали потихоньку прибирать к рукам контроль над галактической цивилизацией. Нет, они не занимали и не занимают никаких официальных должностей в совете Федерации Солнц, но их научная и техническая помощь остальным обитаемым мирам была настолько велика, что хооменам пришлось признать их главенство в Галактике. Претензии врaменов на первый взгляд казались скромными, они попросили только одного: контроля над всеми космическими полетами.

Ныне радарные станции слежения врaменов рассеяны по всей Галактике. Все корабли, выходящие в космос, оснащены специальным взрывным устройством, которое невозможно ни демонтировать, ни вывести из строя. При приближении к Трифидам детонатор срабатывает, и корабль незваных гостей гибнет. Вот почему, Хаммонд, врамены были так встревожены появлением вблизи Земли вашего космолета — на нем не было взрывного устройства! Они не успокоятся, пока не разыщут вас.

Хаммонда эти слова не на шутку обеспокоили. Его чудесное спасение неожиданно поворачивалось какой-то жуткой стороной. Но, как оказалось, это было еще не все, у Дона Вильсона нашлись еще сюрпризы для него.

— Вы, наверное, не раз задавались вопросами, что мы делаем здесь, в каменных катакомбах, — продолжил лидер хооменов. — Мы не зря вот уже несколько лет прячемся здесь, боясь и нос высунуть наружу. Мы строим звездолет.

Хаммонд в изумлении посмотрел на него.

— Звездолет? Но зачем?

— Это будет единственный корабль в Галактике, не оборудованный взрывателем врaменов. Все мы станем со временем его экипажем и попробуем достичь намеченной цели.

Сердце Хаммонда вздрогнуло.

— Алтар? — тихо спросил он.

— Да. Это очень рискованный замысел, однако если нам удастся проникнуть в секрет вечной жизни... Тогда мы сможем освободить жителей Галактики не только от тирании врaменов, но и спасти их от безжалостного времени. Ради этого можно отдать и жизни.

Дон Вильсон встал и взволнованно зашагал по комнате.

— Мы надеемся, что вы присоединитесь к нам, Хаммонд, — после долгой паузы сказал он.

Хаммонд озадаченно взглянул на него:

— Зачем я вам нужен? Я дикарь по сравнению с вами. Я и понятия не имею о современных технологиях, никогда не летал на звездолетах. Какую я могу принести вам пользу?

— Немалую. Впереди нас ожидают тяжелые испытания, может быть, даже вооруженные столкновения, — задумчиво ответил Дон Вильсон, пытливо глядя на гостя. — Даже если нам удастся попасть на Алтар и завладеть секретом врaменов, это будет только началом долгой борьбы. Население Галактики привыкло к негласной власти врaменов, нелегко будет убедить их отказаться от рабской покорности. Они с молоком матери впитали мысль, что космос принадлежит врaменам, что только эти полубоги имеют права на долгую жизнь. Вот зачем вы так нужны нам, Хаммонд. Когда хоомены узнают, что на нашей стороне один из первых космонавтов Галактики, вы станете для миллиардов людей со всех миров символом далекого прошлого, когда космос был свободным!

Хаммонд кивнул.

— Понимаю. В мое время власти тоже постоянно прибегали к пропаганде при решении самых сложных вопросов.

— Не соглашайтесь сразу, — посоветовал Вильсон. — Подумайте хорошенько. Поговорите с Куоббой, Таммасом, другими вашими новыми товарищами. Время пока терпит.

...И вот теперь, лежа без сна на кровати в маленькой, тускло освещенной комнате, вырубленной в скале, Хаммонд не находил себе покоя.

Чего он хотел на самом деле? Только одного — вернуться в двадцатый век и послать к дьяволу все это сума-

сшедшее будущее, которое оказалось далеко не таким безоблачным, как ему когда-то думалось. Но мечтать об этом было бесполезно. Судьба все решила за него, и ему грех жаловаться. Значит, предстоит найти свой путь в этом странном, малопонятном мире, где люди не стали богами, а молочные реки не текли в кисельных берегах. Но какой путь выбрать?

Хаммонду вовсе не хотелось сразу же бросаться в рискованную авантюру, еще ни в чем толком не разобравшись. Не исключено, что Дон Вильсон лжет.

Вдруг эти люди обыкновенные преступники, скрывающиеся от закона? Да, они, похоже, на самом деле строят звездолет, но кто подтвердит, что они действительно хотят достичь таинственного Алтара?

Под утро его навестил Куобба. Добродушный гигант с сочувствием посмотрел на хмурое, несчастное лицо Хаммонда.

— Вы себя дурно чувствуете, Кирк?

— Все нормально, — пробормотал Хаммонд. Неожиданно для себя он резко спросил: — Скажите, Раб, только откровенно: вы моя нянька или тюремщик?

Вегианин в замешательстве опустил голову.

— Наверное, и то, и другое, — наконец неохотно ответил он.

— Выходит, вы, хоомены, мне не доверяете?

— Пока не совсем, — честно ответил Куобба, пряча глаза. — Мы убедились, что вы — человек из далекого прошлого, хотя это и звучит совершенно невероятно. Но мы еще мало знаем вас. Не исключено, что вы захотите присоединиться к враменам.

— Понятно, — глухо произнес Хаммонд. — А что вы сами думаете об этих суперменах Галактики?

— Они дондоны! — гневно воскликнул Куобба, потрясая огромными кулаками.

Слово «дондоны» было незнакомо Хаммонду, и только после долгих расспросов он понял, что оно означает нечто вроде «ублюдков».

— Почему вы их так ненавидите?

— Кто хочет умирать? — резонно спросил Куобба. —

Никто. Мы могли бы жить вечно, если бы врамены посвятили нас в свой секрет. Ха! Почему они имеют право жить столетиями, тогда как все остальные жители Галактики должны стареть, становиться немощными и больными и в конце концов сойти в могилу? Врамены говорят: мол, для вас же лучше, вам не понравилось бы ярмо вечной жизни, в ней есть и свои ужасные, теневые стороны... Ха! Плевать я хочу на эти «теневые стороны», я жить хочу! Жить! Но этим проклятым враменам жаль терять свою власть в Галактике. Кто будет преклоняться перед ними, если все сами станут долгожителями? Никто. Наши ученые со временем догонят этих «гениев», и тогда ни одна, даже самая захудалая планетка не будет ничем обязана Алтару. Ничем, понимаете? И космос вновь станет свободным, как и две тысячи лет назад. Может это понравиться этим дондонам? Ясно, не может.

Еще раз энергично махнув кулаком — так, что в комнате ветер засвистел, — Куобба неожиданно зевнул и присел на край кровати. Она жалобно заскрипела под тяжестью его массивного тела.

Хаммонд на всякий случай чуть отодвинулся.

— Вы на самом деле с Веги? — спросил он с любопытством. — На что она похожа, ваша планета?

— Вега-4 — прекрасный мир! — с воодушевлением воскликнул Куобба. — Не похожий на Землю, конечно. Фиолетовые теплые моря, зеленое небо, голубое солнце... Все иначе, чем на этой старой, загаженной планетке. Дурак я был, что стал астронавтом. Наслушался россказней о романтике дальнего космоса и еще мальчишкой подрядился в свой первый рейс. Ха! Романтика... Многое я повидал, даже и вспоминать неохота, а вот этой самой замечательной романтики так и не пришлось понюхать... В одном из рейсов я встретил такого же записного бродягу — малыша Таммаса, и с той поры мы мотались по Галактике вместе. Однажды познакомились с Доном Вильсоном, и этот человек сумел вправить нам мозги. Он объяснил нам, что во всех неурядицах в Галактике виноваты врамены — раньше мне это и в голову не приходило. Ха! С той поры я им горло готов перегрызть...

Куобба часто навещал его и рассказывал о своих космических странствиях.

У Хаммонда кружилась голова от воспоминаний о далеких планетах, населенных негуманоидами. Куобба повидал и мыслящие скалы на Ригеле-2, и подводные города разумных амфибий на планетах системы Арктура, и жуткие деревья-колдуны на Алголе-9... Хаммонду трудно было оценить, что из лихих рассказов старого звездного волка было правдой, а что — обычными для астронавтов байками. Но Галактика перестала отныне быть для него лишь облаком бесчисленных огоньков. Этот остров во Вселенной оказался довольно неплохо обжит людьми, и он, Хаммонд, одним из первых заложил камень в фундамент нового дома человечества!

Но ко вполне понятному чувству гордости примешивалась и горечь. У этого галактического небоскреба, напоминавшего легендарную вавилонскую башню, был хозяин.

Врамены появлялись почти во всех рассказах простодушного вегианина. То они почему-то не разрешали кораблю двигаться самым близким путем к цели, то заставляли идти через опасные, неизведанные туманности или космические течения. Немало звездолетов погибло, случайно приблизившись к запретным Трифидам, еще больше сгинуло во тьме, свернув по приказу враменов с безопасных космических путей. Да, врамены действительно были космическими тиранами, и Хаммонд вскоре стал их так же ненавидеть, как и сам Куобба.

Однажды утром Хаммонд встретил Дона Вильсона словами:

— Я с вами, с хоомена́ми! Если вы сказали мне правду, то я готов бороться, не щадя своей жизни.

Вильсон долго и пытливо смотрел на него, а затем медленно произнес:

— Мы говорили вам чистую правду, Хаммонд. Я рад, что такой человек, как вы, будет на нашей стороне. Но принять вас в нашу тайную организацию могут только все хоомены. В ближайшее время я созову общее собрание, а пока оставайтесь здесь.

Чуть позже в комнату вошла Ива Вильсон, принеся

обычный завтрак — стакан воды и безвкусное желе, от которого Хаммонда уже начинало тошнить.

С отвращением воткнув ложку в дрожащий розовый кубик, он внезапно спросил:

— Признайтесь, Ива, вы ведь тоже мой негласный тюремщик?

— Конечно, нет! — вспыхнула девушка. — Я никогда не верила, что вы — шпион врамен. Еще в день вашего появления я так и заявила этому противному Лангу: врамены никогда бы не послали шпионить за нами такого слабого и беспомощного человека!

Хаммонд добродушно рассмеялся, а девушка смутилась еще больше.

— О, я не хотела вас обидеть, Кирк! Вы не могли чувствовать себя иначе после того, что с вами произошло.

Чуть позже пришел Куобба и, осклабившись, сказал:

— Ну вот и настал ваш час, друг. Пойдемте, Дон Вильсон ждет вас.

Хаммонд поспешно поднялся, набросил на плечи куртку и пошел вслед за Куоббой и Ивой. Сердце его взволнованно билось. Только сейчас он подумал — а что если хоомены откажутся принять его? Какова тогда будет его судьба?

В кабинете лидера хооменов сидел также Гурт Ланг. На этот раз на его лице не было обычной враждебности. Немного натянуто улыбнувшись, он встал из-за стола и, подойдя к Хаммонду, первый протянул ему руку.

— На общем собрании большинство хооменов решило принять вас в нашу коммуну. Надеюсь, вы простите меня за некоторую недоверчивость.

Хаммонд с радостью пожал руку молодому ученому.

— Я вполне понимаю, — откровенно признался он. — Если кто-нибудь рассказал бы мне подобную историю, я тоже вряд ли поверил бы.

Дон Вильсон с удовольствием наблюдал за сценой примирения.

— Итак, отныне вы стали одним из нас, — сказал он, жестом приглашая вошедших сесть. — Я вижу в этом перст судьбы. Вы спаслись от смерти самым фантастичес-

ким способом, о котором я только слышал... Кто знает, быть может, вы сумеете помочь многим миллиардам других людей.

— Все это замечательно, Дон, однако наш новый друг должен понимать: он разделит отныне нашу судьбу, какой бы она ни была.

— Вы полагаете, врамены убьют нас, если сумеют поймать? — прямо спросил Хаммонд.

Ему ответил Дон Вильсон:

— Видите ли, врамены не занимают официальных должностей. Их власть определяется совсем другими обстоятельствами, о которых я уже вам рассказывал. Если они поймают нас, то попросту привезут на ближайшее заседание Совета Федерации Солнц и там руками высокопоставленных хооменов осудят за нарушение закона о звездных перелетах. Нас ждет суровое наказание за то, что мы строим нелегально космический корабль. Впрочем, вам пора на него взглянуть.

Дон Вильсон и Ланг повели Хаммонда в сборочный цех. В центре помещения, среди лесов, возвышался каркас космолета, около которого работали около двух десятков хооменов в белых халатах.

Технический словарь Хаммонда был невелик, так что он понял едва десятую часть того, о чем ему с энтузиазмом рассказывал Дон Вильсон. Похоже, работа находилась в самом начале. Сейчас шел монтаж атомного двигателя. Его составные агрегаты поступали из соседнего цеха. По мере готовности кормовых отсеков собранная часть космолета постепенно опускалась в глубокую шахту, находившуюся под сборочным стендом.

— Когда звездолет будет полностью готов, мы пробьем верхнюю часть скалы и ночью стартуем прямо из шахты.

— Но разве радары врамен не сумеют его обнаружить? — спросил Хаммонд.

Ему ответил Ланг:

— Мы все продумали. В нескольких десятках миль от побережья находится город Руроома, а рядом с ним — небольшой космодром. Мы выведем из строя один из транс-

портов и стартуем в отведенное для него время. Конечно, позже врамены обнаружат подмену, но мы будем уже далеко. Весь космос не в состоянии контролировать даже врамены.

— Понимаете, что мы хотим совершить, Хаммонд? Впервые за долгие века в космосе окажется свободный корабль, который враменам не удастся разрушить с помощью своего взрывного устройства! А теперь пойдемте, я представлю вас хоомена как нашего нового товарища.

В сборочном цехе собралась вся небольшая коммуна — сорок пять человек, из них тринадцать женщин. Дон Вильсон представил Хаммонду каждого из них.

Большинство обитателей каменных катакомб были учеными, техниками или опытными астронавтами. Кроме Куоббы и Таммаса, занимавшихся охраной катакомб, здесь было еще четверо инопланетян: двое краснокожих инженеров с Бетельгейзе, смуглый маленький пилот с Альтаира и серокожий, мрачный техник с огромными, глубоко посаженными глазами— уроженец Алгола.

Хаммонд смотрел на них словно завороженный — эти хоомены служили живым доказательством, что люди действительно завоевали Галактику. Но на него смотрели с не меньшим любопытством — ведь он прибыл на Землю из глубин времени.

— Держитесь, Кирк, отныне вас не оставят в покое, — усмехнувшись, заметил Дон Вильсон. — Ваш двадцатый век для нас — заря человечества, мы очень мало знаем об этом периоде...

Его слова были прерваны появлением Шау Таммаса. Маленький мизарианин торопливо спустился по винтовой лестнице из наблюдательного пункта.

— Куобба встревожен! — воскликнул он. — Уже полчаса над нами кружит флайер враменов. Похоже, нас все-таки обнаружили!

Лицо Дона Вильсона помрачнело.

— Хм... не могу понять, как это могло произойти, — пробормотал он. — Пойдем посмотрим.

Он и Ланг зашагали к лестнице, за ними засеменил

Таммас. Хаммонд настолько истосковался по небу, что тоже пошел в наблюдательный пункт.

Остальные хоомены не стали приниматься за работу и, собравшись в небольшие группы, оживленно дискутировали, тревожно поглядывая наверх.

В наблюдательном пункте находился Куобба и еще один хоомен. Комнатка была столь тесна, что Хаммонд едва сумел протиснуться к «телескопу», который использовался для обзора окрестностей.

— Этот чертов флайер уже сделал добрый десяток кругов над нами! — взволнованно сказал Куобба. — Да вы сами взгляните...

Вильсон наклонился к грибообразному отростку на конце «телескопа» — это был один из окуляров. То же самое сделали Ланг и Хаммонд. «Телескоп» давал удивительно широкий, почти круговой обзор.

Ясное солнечное утро. Море было беспокойным, вдали от берега на гребнях волн вскипали белые барашки.

Приглядевшись, Хаммонд увидел среди облаков флайер. Длинная черная стальная сигара с большими иллюминаторами делала широкие круги, центр которых находился прямо над лжевалуном. Флайер постепенно снижался.

— Ничего не понимаю, — угрюмо сказал Дон Вильсон, выпрямившись. — Врамены не могли нас обнаружить, их радары не в состоянии пробить наши защитные экраны.

Но флайер упрямо снижался, делая круг за кругом. Наконец он замер без движения в воздухе, всего лишь в сотне футов над наблюдательным постом.

Дон Вильсон выругался сквозь зубы.

— Теперь сомнений нет, мы обнаружены. Надо немедленно сбить этот флайер, пока он не вызвал подмогу.

Глаза Куобба вспыхнули от недоброй радости.

— Я запросто собью эту жестянку! — уверенно сказал он. — Давно я ждал этого часа... Эй, Таммас, открывай люк!

Маленький мизарианин включил механизм раскрытия люка на потолке лжевалуна, а Куобба тем временем засуетился около «телескопа», нажимая на его грибообразные

отростки, словно на кнопки. И тогда Хаммонд понял, что «телескоп» был не только наблюдательным устройством, но и оружием.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

▼▼▼

В наблюдательном пункте послышался низкий гул. Куобба замер, прильнув глазом к одному из окуляров, а затем нажал на красный рычаг. Хаммонд увидел, как в воздухе прямо над валуном появилось небольшое сияющее облачко. Оно стало вращаться, расширяясь, и вскоре превратилось в вихрь света, который быстро поднялся в небо.

Флайер враменов резко повернул в сторону, но было уже поздно. Край вихря коснулся его хвостовой части, которая немедленно рассыпалась в пыль. Летательный аппарат клюнул носом и стал падать на землю. Ударившись о скалы, он с оглушительным грохотом скатился на песчаный берег, подняв облако пыли.

Вильсон жестким голосом приказал:

— Ланг, Куобба, надо захватить в плен экипаж — если они живы, — а затем немедленно уничтожить флайер.

Он открыл дверь в стенке валуна и выбежал наружу. Ланг и Куобба последовали за ним. Хаммонд не удержался и через секунду тоже оказался на берегу.

Его ноги слегка дрожали, но он был рад вновь увидеть солнце и почувствовать дуновение холодного соленого ветра. В нескольких десятках метров от них лежала черная сигара флайера. Носовая часть была смята в гармошку, да и на остальном фюзеляже во многих местах торчали лохмотья лопнувшей обшивки.

Куобба заглянул в распахнувшийся от удара люк.

— Вижу двух мертвых враменов! — крикнул он.

Вскоре хоомены были уже внутри флайера. Хаммонд чуть замешкался — не мог насытиться свежим воздухом и панорамой кипящего под ударами ветра океана. Когда он наконец вошел внутрь, то увидел двух мужчин, почти

полностью засыпанных обломками металлических конструкций. Их лица были залиты кровью.

Дон Вильсон и двое его товарищей продирались через завалы обломков к кабине пилота. Хаммонд уже было решил последовать за ними, как вдруг услышал позади тихий стон. Отодвинув в сторону несколько покореженных металлических панелей, он увидел, как с пола поднимается невысокая белокурая женщина, одетая в куртку и шорты, как и женщины хооменов. Она была молода и очень красива.

Стряхнув с себя пыль, женщина посмотрела на Хаммонда с гневом и болью. Ее лицо было по-королевски властным, так что Хаммонд инстинктивно почувствовал — эта женщина превосходит его во многих отношениях.

Тут Ланг случайно обернулся и, заметив Хаммонда, недовольно закричал:

— Что вы делаете здесь, Кирк? Немедленно уходите...

Заметив женщину-врамен, он замолчал потрясенный.

— Черт побери, да это сама Таяна Марден. Глазам своим не верю!

Услышав его слова, Дон Вильсон немедленно обернулся.

— Что, Марден? Ого, вот это удача! Ланг, не вздумайте убивать ее. Быстрее!

Женщина-врамен, поняв, что ей угрожает, оттолкнула растерявшегося Хаммонда и бросилась к раскрытому люку. Хоомены явно не поспевали отрезать ей путь к бегству, но за них это сделал Хаммонд. С криком ярости он прыгнул вперед и схватил женщину за плечи, пытаясь повалить ее на пол.

Его ждал сюрприз — хрупкая на вид женщина обладала поистине тигриной силой. Даже с Хаммондом, висевшим на ней, Таяна Марден лишь немного замедлила бег. Однако этого оказалось достаточно, чтобы Вильсон и Ланг вовремя встретили ее у люка. Молниеносными ударами рук женщина разбросала их в стороны, словно кегли, и уже готова была выпрыгнуть наружу, как сбоку на нее обрушился могучий Куобба. Хаммонд был отброшен в

сторону. Лишь с огромным трудом Куоббе удалось обхватить тонкую фигурку женщины мускулистыми лапами.

— Гурт, свяжите ее! — закричал Дон Вильсон, поднимаясь с пола и вытирая ладонью разбитое в кровь лицо. — Да быстрее, чего вы мешкаете. Раб ее едва удерживает!

Ланг торопливо оторвал кусок толстой изолированной проволоки, торчащей из трещины в стенке флайера, и бросился помогать вегианину. Общими усилиями им удалось заломить руки женщине за спину, и Ланг несколькими витками проволоки тщательно связал ей запястья. После этого Таяна Марден сразу же прекратила борьбу, хотя ее серые глаза пылали от ярости и негодования.

— Тащите ее в наблюдательный пункт, — приказал Вильсон вегианину. — А мы с Гуртом попытаемся проникнуть в двигательный отсек. Хаммонд, немедленно убирайтесь отсюда!

Куобба взвалил женщину на плечо и выпрыгнул из люка наружу. Хаммонд, опустив голову, последовал за ним. Вегианин торопливо зашагал в сторону лжевалуна, время от времени недовольно поглядывая на Хаммонда. Тот понял, что совершил какую-то серьезную ошибку, и поспешил за Куоббой, больше не глазея по сторонам.

Около распахнутой двери их встретила Ива. Увидев женщину-врамен, она также не удержалась от радостного восклицания:

— Таяна Марден! Нам повезло, повезло!

— Вы знаете ее? — спросил Хаммонд, бросив последний взгляд на голубое небо с редкими пушистыми облаками.

Ива кивнула и, схватив его за руку, затащила внутрь наблюдательного поста.

— Таяна Марден была одной из самых известных враменов еще в то время, когда я только родилась, — сказала девушка. — Ей лет триста, не меньше.

Хаммонд вздрогнул. Он уже позабыл в пылу борьбы, что внешний вид враменов обманчив. Если верить рассказам хооменов, то эти суперлюди обладали секретом долгой, почти вечной жизни. Но сейчас, глядя на молодую прекрасную женщину, Хаммонд почувствовал всю абсурдность россказней Дона Вильсона. Таяна Марден родилась

три века назад? Чушь, она выглядела не намного старше Ивы.

Тем временем Куобба поставил женщину на ноги и со вздохом облегчения вытер пот со своего широкого лица. Хаммонд ожидал, что Марден обрушится на них с гневными упреками, но она смотрела на обитателей катакомб, как убеленный сединой старец мог бы наблюдать за расшалившейся ребятней.

— Смотрите, сейчас этому чертову флайеру придет конец! — сказал Шау Таммас, выглядывая за дверь.

Обернувшись, Хаммонд увидел, как Дон Вильсон и Ланг бегут к ближайшему валуну. Едва они успели скрыться, как внутри флайера вспыхнуло белое сияние. Вскоре оно переросло в мощный, почти беззвучный взрыв. Хаммонд невольно зажмурился от ослепительной вспышки. Когда он вновь открыл глаза, от разбитого флайера остался только черный пепел.

Вильсон и Ланг покинули свое убежище и стали торопливо забрасывать сгоревшую машину песком. Затем они побежали к лжевалуну, тревожно поглядывая в сторону моря.

Захлопнув дверь, Дон Вильсон постоял некоторое время, тяжело дыша, а затем, не обращая внимания на пленницу, подошел к «телескопу» и заглянул в одну из наблюдательных трубок.

— Если экипаж этого флайера успел передать послание в Рурoом, то врамены будут здесь через несколько минут, — сказал он. — Подождем.

Почти полчаса никто не проронил ни слова. Наконец Дон Вильсон вздохнул с облегчением.

— Нам повезло. Все прошло на редкость удачно... кроме одного. — Он шагнул к Хаммонду и гневно спросил: — Кирк, почему вы последовали за нами? Я не отдавал такого приказа.

Хаммонд вспылил:

— Черт возьми, неужто я тоже ваш пленник? Я вышел потому, что мне надоело сидеть в каменной норе. Я уже сто веков не видел солнца, можете вы это понять? Кроме того, я вам помог.

Его взволнованная тирада не произвела на Дона Вильсона ни малейшего впечатления.

— Теперь я лишний раз убедился, что вы настоящий дикарь, — сурово произнес он. — Неужто в вашем двадцатом веке люди не имели понятия о дисциплине? Поймите, мы боремся в тяжелых условиях, вам придется подчиняться приказам, как и всем в нашей коммуне.

Хаммонд едва сдержался, чтобы не ответить лидеру хооменов в таком же резком тоне.

Дон Вильсон тем временем повернулся к женщине-врамену. Она с изумлением смотрела на Хаммонда и первой задала вопрос:

— Кто этот человек? Он не похож на хооменов.

— Ваши друзья врамены разыскивают его уже несколько дней, — усмехнувшись, ответил Дон Вильсон. — Но когда-то его искала вся Земля и тоже не сумела найти.

Таяна Марден посмотрела на него недоумевающим взглядом.

— Вся Земля? Не понимаю... Когда это было?

Дон Вильсон не был расположен отвечать на вопросы пленницы.

— Поговорим об этом чуть позже. Ответьте, Таяна, как вы сумели обнаружить наше убежище? Я был убежден, что оно надежно защищено экранами от лучей радаров.

Таяна Марден не ответила.

— Возможно, враменов насторожил именно тот факт, что часть скал непроницаема для лучей радаров? — предположил Ланг.

Дон Вильсон покачал головой.

— Гурт, вы забываете, что наши щиты имитируют обычные горные породы с немного повышенным содержанием железа, только и всего.

— Это я и имею в виду, — упрямо возразил Ланг. — Таяна Марден известна, кроме всего прочего, еще и как прекрасный геолог. Ее мог заинтересовать факт, что на побережье, столь бедном металлами, находится локальное месторождение железной руды. Дон, я не раз говорил вам,

что надо не пожалеть усилий и сымитировать целую железную жилу, и тогда...

Хаммонда этот спор двух руководителей коммуны хоменов мало заинтересовал. Куда больше его привлекала Таяна Марден — первая женщина-врамен, которую он видел воочию.

Достаточно было одного взгляда на эту гордую красавицу, чтобы понять, почему хоомены так ненавидят расу суперлюдей. Она выглядела герцогиней среди жалких плебеев, в ней чувствовалось природное превосходство, которое люди и в его далеком двадцатом веке редко кому прощали.

Как ни странно, Таяна Марден смотрела на него с ничуть не меньшим интересом. Казалось, она пыталась проникнуть в его мысли. Хаммонд ничуть не обольщался — было ясно, что он заинтересовал красавицу не как мужчина, а лишь как живой реликт давно прошедшей эпохи. И все же это внимание было ему лестно.

Тем временем Дон Вильсон прекратил затянувшийся спор с Лангом и, взглянув на пленницу, сделал приглашающий жест в сторону внутренней двери.

— Спускайтесь вниз, Марден. Я покажу вашу комнату.

Таяна Марден нахмурилась.

— Вы имеете в виду мою тюрьму? — спокойно спросила она. — Не лучше ли вам вместо этого пойти со мной в Рурoом? Вы же отлично знаете, Вильсон, что меня будут искать и обязательно найдут.

— Сомневаюсь, — ответил лидер хоменов. — Не все врамены хорошо разбираются в земной геологии. К тому же теперь у нас есть заложница, так что в любом случае нечего опасаться.

Таяна пожала плечами и пошла к лестнице, ведущей в нижние помещения подземного поселения.

Хоомены, а также Хаммонд последовали за ней, и только один Шау Таммас остался в наблюдательном пункте. Внизу, в сборочном цехе, пленницу немедленно обступили инженеры и техники. В их взглядах Хаммонд заметил странную смесь ненависти и восхищения.

Дон Вильсон коротко рассказал товарищам о том, что

произошло, а затем повел Таяну Марден в свой кабинет. Женщина-врамен бросила лишь мимолетный взгляд на грохочущие станки. Куда больше ее заинтересовали звездные карты, висящие в кабинете Дона Вильсона.

— Так вот почему вы сбежали несколько лет назад из Руроома и спрятались в этих местах, — сказала она задумчиво. — Вы пытаетесь нелегально построить звездолет...

— Не пытаемся, а строим, — поправил ее Вильсон. — Садитесь, Марден, нам предстоит долгий разговор. Хаммонд, вы тоже пришли? Ладно, послушайте, вам это будет полезно.

Хаммонд сел в углу комнаты рядом с Лангом. Он сгорал от любопытства.

Марден неохотно отошла от звездных карт.

— Не понимаю, — сказала она. — Судя по тем узлам, которые сейчас изготавливались на ваших станках, корабль находится лишь в зачаточном состоянии. Чей же космолет тогда обнаружили наши радары вблизи Земли?

Дон Вильсон указал на Хаммонда.

— Это его корабль, Марден. Хотите знать, откуда он прилетел?

— Конечно!

— Он прилетел на Землю... с Земли!

Марден ответила ему недоуменным взглядом. Тогда Дон Вильсон рассказал ей о невероятной истории Кирка Хаммонда, одного из первых астронавтов Галактики. С каждым его словом в глазах Таяны Марден росло недоверие.

— Не знаю, какую роль в ваших замыслах играет этот человек, — наконец сказала она, — но то, что вы мне поведали, попросту нелепая выдумка.

— Нет, это чистая правда, — уверил ее Дон Вильсон. — Вы ведь знаете об анабиозе. Этому человеку невероятно повезло, он действительно прилетел к нам из глубин далекого прошлого.

— Почему вы так уверены? — спросила Таяна Марден. — Даже мы, врамены, плохо разбираемся в двадцатом веке. Да и что может иметь общего один из первых астронавтов с такими преступниками, как вы?

— Он — один из нас, — усмехнулся Дон Вильсон. —

Когда звездолет будет построен, он полетит вместе со всеми на Алтар.

На лице женщины-врамен не дрогнул ни один мускул, но Хаммонду показалось, что в ее сердце бушевала буря.

— Вот что вы задумали, — тихо произнесла она. — Нет, только не это! Вы не должны даже пытаться проникнуть в Трифиды!

— Тем не менее мы сделаем это, — хладнокровно возразил Дон Вильсон. — И где бы ни скрывали секрет вечной жизни, мы обязательно найдем его. Не только и не столько для нас самих, сколько для всех хооменов Галактики.

— Вы будто дети, — прошептала Таяна Марден с грустью. — Вы рассуждаете о вещах, в которых ничего не смыслите. Если бы вы знали, что на самом деле происходит на Алтаре...

— Зато вы знаете, — с победным видом сказал Дон Вильсон. — Вот почему вам сохранили жизнь. В качестве заложника вы поможете нам избежать обстрела в районе Трифид. А о том, что и как искать на Алтаре, вы нам подробно расскажете.

Серые глаза Таяны Марден потемнели от гнева.

— Я ничего вам не скажу. Вы плохо знаете нас, врамен, Дон Вильсон.

Лидер хооменов помрачнел. Его лицо угрожающе нахмурилось.

— Нет, вы все расскажете, — упрямо повторил он. — Не по собственной воле, так под действием психозонда.

— У вас его нет, — спокойно ответила Марден.

— Верно. Но мы сможем его быстро собрать. У нас есть чертежи этого прибора, а также двое опытных психотехников. Так что если вы попытаетесь применить ментальную защиту...

Таяна Марден слегка побледнела, хотя ее лицо осталось по-прежнему непреклонным.

— Вы можете разрушить мой мозг, но не узнаете ничего, — глухо сказала она. — Только подумать, мы, врамены, сами вручили в руки дикарям-хооменам такое опасное оружие, как психозонд!

Дон Вильсон не обратил на ее слова никакого внимания.

— Нам потребуется несколько дней, чтобы построить психозонд, — сказал он. — У вас будет время поразмышлять над нашим предложением, Марден. Если вы используете ментальную защиту, то все последствия этого безумного шага будут на вашей совести. Куобба, отведи эту женщину в пустую комнату в конце северного коридора. Поставь охранника у двери. За пленницу отвечаешь головой!

Куобба только усмехнулся в ответ. Он махнул рукой в сторону двери, и Марден вышла, опустив голову. Хаммонд почему-то почувствовал смутную тоску. Не обращая внимания на негодующий взгляд Дона Вильсона, он тоже вышел в коридор. Ива последовала вслед за ним.

Проводив взглядом хрупкую женщину-врамен, по пятам которой следовал могучий Раб Куобба, Хаммонд раздраженно спросил:

— Ива, я ничего не понял. О каком разрушении мозга шла речь? И что такое психозонд?

Ива посмотрела на него странным взглядом, в котором Хаммонд не смог ничего прочитать.

— Почему вы так разволновались, Кирк? — тихо спросила его девушка. — Какое вам дело до судьбы одного из ненавистных враменов? Что касается психозонда... Если не вдаваться в подробности, то это прибор для чтения мыслей.

Хаммонд недоверчиво посмотрел на нее.

— Правда, — кивнула Ива. — Психозонд изобрели врамены несколько веков назад. Его лучи могут считывать электрические импульсы мозга и переводить их в словесную форму. Конечно, невозможно прочитать все, что хранится в человеческой памяти, однако самое скрытое, глубоко запрятанное с помощью психозонда становится явным.

— Но как все это может разрушить мозг? — нетерпеливо спросил Хаммонд.

— Если человек пытается заблокировать какие-то области своей памяти от луча психозонда, то электрические импульсы в нейронах начинают лавинообразно нарастать. Это приводит к самым тяжелым последствиям. Люди обычно в таких случаях становятся полными идиотами.

Хаммонд вздрогнул, представив гордую красавицу Таяну Марден в виде жалкой сумасшедшей, неспособной связать и двух слов.

— Наши жизни, судьба всех враменов зависят от этого, — пылко сказала Ива. — Отец вынужден пойти на такой шаг! Признайтесь, Кирк, вы испытываете сомнения... потому что Таяна так красива?

Хаммонд снисходительно улыбнулся.

— Да, она красива! — воскликнула Ива. — Однако она не человек, она не такая, как все мы! Врамены не знают любви, у их женщин отсутствует инстинкт материнства. Все, что их интересует, это наука и власть. Не обманитесь ее красотой, Кирк.

Лицо девушки покраснело, в ее темных глазах Хаммонд с удивлением заметил затаенную грусть.

— В ваших словах больше зависти, чем ненависти, — сказал мягко Хаммонд.

Ива презрительно посмотрела на него.

— Вы, должно быть, совсем отупели от вашего долгого сна, — процедила она и, резко повернувшись, вышла из комнаты. Хаммонд озадаченно почесал затылок, мысленно ругая себя за несдержанность.

Вечером он заглянул в кабинет Дона Вильсона, чтобы узнать, как идут дела. Чуть позже сюда же пришел Шау Таммас со свежей информацией из наблюдательного поста.

— Час назад два флайера враменов прошли над берегом к югу, а затем вернулись обратно. Явно искали Таяну Марден.

Дон Вильсон хмуро кивнул.

— Они долго не успокоятся, — сказала он. — Поисковые отряды Руроома наверняка получили указание ни в коем случае не спускаться на землю. Сейчас врамены нас побаиваются, и правильно делают.

Глядя на них, Хаммонд почувствовал холодок сомнения. Еще недавно ему казалось, что он знает хооменов. Дон Вильсон был упрям, своевластен, и все же это был истинный лидер, свято веривший в справедливость своих идей и умевший повести за собой товарищей.

Теперь же выяснилось, что этот умный, интеллигент-

ный человек мог без тени сомнения перешагнуть через жизни других людей, не щадя даже женщин. И никто из хооменов не пытался ему перечить. Похоже, все, даже милая, искренняя Ива Вильсон, полагали, что цель оправдывает любые средства. Старая как мир история о добрых намерениях, которыми может быть вымощена дорога в ад...

Ну что ж, он принял решение бороться плечом к плечу с этими людьми и негоже теперь отступать. Врамены сами поставили себя вне закона тем, что узурпировали космос. Никто, даже раса суперлюдей, не имел права захватывать то, что самой природой предназначалось для всех и для каждого!

И все же Хаммонд с горечью почувствовал, что он был и будет для хооменов чужим.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

▼▼▼

Катастрофа произошла четыре дня спустя. В течение этого времени Хаммонд испытывал растущее чувство клаустрофобии. Каменные стены давили на него, он задыхался в полутемных катакомбах и нигде не мог найти себе места. Судьба сыграла с ним злую шутку — из стального склепа «Искателя» закинула в каменную клетку с отвратительным стерильным воздухом и еще более ненавистным искусственным светом. Больше всего на свете он хотел хоть на час выйти на берег океана и подышать соленым свежим ветром. Увы, Дон Вильсон строго-настрого запретил всем выходить наружу и днем, и ночью.

— Исчезновение Таяны Марден должно всполошить весь Рууром, — терпеливо объяснял он Хаммонду в какой уж раз. — Побережье наверняка находится под пристальным наблюдением. Поиски продлятся еще не одну неделю. Мы не имеем права рисковать, Кирк.

— Чем же мне заняться? — расстроенно спросил Хаммонд. — Безделье начинает действовать мне на нервы.

— Будет для вас работа, не сомневайтесь, — усмехнулся Дон Вильсон. — Но сначала вы должны в совер-

шенстве выучить наш язык, разобраться в математических символах, узнать хотя бы в общих чертах устройство звездолета, который мы строим. Наберитесь терпения, Кирк, и учитесь, не теряя ни минуты. Ива поможет вам.

Пришлось Хаммонду вновь сесть за «уроки», обложившись книгами. Ива Вильсон с удовольствием занималась с ним по десять-двенадцать часов в сутки. Дело шло на лад, хотя Хаммонд уставал обычно куда быстрее, чем его неутомимая учительница.

Иногда, чувствуя, что голова начинает распухать от бесчисленных формул, схем, терминов, чертежей, он уговаривал девушку подняться в наблюдательный пункт. Прильнув к окулярам, они любовались то солнечным сиянием, то штормом, то звездным куполом. А затем изнурительные уроки продолжались.

Несколько раз Ива водила Хаммонда на экскурсию в сборочный цех, где днем и ночью шла кропотливая работа по постройке звездолета.

Тем временем в соседней комнате двое техников занимались сборкой психозонда, представляющего собой массивное кресло, густо напичканное сложнейшей электроникой. Хаммонд как-то не утерпел и зашел в лабораторию, чтобы посмотреть, как идут дела.

— Это правда, что врамены сконструировали психозонд, а затем сами передали его хооменам? — спросил он.

Один из техников, алголианин по имени Норт Абел, ответил:

— Да. Враменам было угодно, чтобы официальные власти имели такой прибор. С помощью психозонда нетрудно раскрыть любой заговор. Вот уже несколько веков ни один судебный процесс не проходит без использования результатов психозондирования. Судьи этим очень довольны — хлопот меньше, да и ошибок почти не бывает.

Хаммонд нахмурился.

— Неужели все обстоит так просто? — с сомнением произнес он. — Ива рассказывала, что сильные, волевые люди могут использовать ментальную защиту. Они теряют разум, но психозондирование в этом случае не дает никаких результатов.

Абел снисходительно улыбнулся.

— Врамены предусмотрели все. Насколько я слышал, Кирк, вы уже встречались с действием гипноизлучателя. С его помощью судьи могут подавить волю любого хоомена, а затем выудить из него все необходимые сведения.

— Но у нас ведь нет гипноизлучателя! — возразил Хаммонд. — Так что если Таяна Марден...

Алголианин кивнул.

— Верно, ее мозг будет разрушен, только и всего. Впрочем, надеюсь, что этого не случится. Мне не жаль высокомерную гордячку ни капельки! Просто обидно, если вся наша работа пойдет скорру под хвост.

Поймав недоуменный взгляд Хаммонда, Абел объяснил:

— Скорр — это домашнее животное, очень распространенное на моей планете. Оно похоже на земного кота.

Эти хладнокровные рассуждения не очень-то понравились Хаммонду. Но он понимал — хоомены патологически ненавидят врамен, так что протестовать было бесполезно. Ему оставалось лишь надеяться, что Таяна не сможет сопротивляться действию психозонда. Если она обо всем расскажет, то они смогут достроить звездолет и выбраться из этой норы. Он был готов лететь хоть на Алтар, хоть к черту на кулички, только бы выбраться из каменного склепа!

Чуть позже Хаммонда ожидал сюрприз. Он пошел в кабинет лидера коммуны, чтобы узнать, как обстоят дела со сборкой психозонда. Дон Вильсон о чем-то оживленно разговаривал с Лангом, рассматривая большой чертеж, расстеленный на столе.

— Хорошо, что вы пришли, Кирк, я уже собирался за вами послать. Как ни странно, Таяна Марден хочет поговорить с вами.

— А что случилось? — изумленно спросил Хаммонд.

Ланг нахмурился.

— Не нравится мне все это. Врамены способны на любую хитрость.

— Согласен, — кивнул Дон Вильсон. — Но с нами Марден не хочет разговаривать. Может быть, вы, Хаммонд, сумеете убедить ее не пытаться защищаться от лучей пси-

хозонда? Она очень заитересовалась вами, узнав, что вы прибыли из далекого прошлого. Врамены вообще помешались на истории древней Земли. Говорят, они собрали обширную библиотеку книг всех эпох и народов, увы, полную «белых пятен».

Хаммонд растерянно сказал:

— Я сделаю все, что в моих силах, но она может догадаться, с какой целью вы послали меня...

— Конечно, она догадается, — сухо заметил Дон Вильсон. — Врамены далеко не глупы, за их плечами опыт долгой жизни. Помните об этом, Кирк, и будьте осторожны.

Охранник, дежуривший около комнаты пленницы, видимо, получил уже приказ от Вильсона, поэтому беспрекословно пропустил гостя и сразу же закрыл за ним дверь.

Мягкий свет шарового светильника скупо освещал маленькую комнату с голыми каменными стенами. Обстановка была спартанской, как и в остальных помещениях подземного поселения: стол, два кресла, кровать и платяной шкаф.

Таяна читала какую-то книгу. Заметив Хаммонда, пленница вспыхнула от радости и поднялась ему навстречу, с царственной грацией протянула руку для рукопожатия. Сейчас она не была похожа на высокомерную суперменшу — нет, сейчас перед гостем стояла очаровательная молодая женщина с изящной фигурой и белокурыми волосами до плеч. Короткие шорты так выразительно облегали ее бедра, что Хаммонд невольно облизал пересохшие губы. Он волновался, словно мальчишка на первом в жизни свидании.

Таяна сделал приглашающий жест в сторону другого кресла.

— Садитесь, Кирк, — улыбаясь, сказала она. — Почему вы так испуганно смотрите на меня?

Хаммонд почувствовал, что краснеет. Мысленно выругавшись, он с нарочитой непринужденностью уселся, заложив ногу за ногу.

— Понятия не имею, что меня так смущает, — сказал

он с усмешкой. — Может быть, то, что мне никогда еще не доводилось беседовать с бессмертной женщиной.

Таяна села рядом, недовольно поморщившись.

— Бессмертной? Это детские сказки. Хоомены считают так только потому, что мы живем дольше, чем... — Она вдруг запнулась и с любопытством спросила: — Вы ведь не относите себя к хооменам, Кирк?

Он пожал плечами.

— Пожалуй, нет. Но я правильно понял ваши слова — выходит, вы не бессмертны? Сколько же тогда вам лет?

— В земном исчислении немногим более двух сотен, — спокойно ответила Таяна, пытливо глядя на него.

Хаммонд вздрогнул, словно под прелестными чертами красавицы выглянуло нечто нечеловеческое.

По-видимому, его чувства отразились на лице, потому что Таяна нахмурилась.

— Почему вы так поражены, Кирк? — немного раздраженно спросила она. — Как же я тогда должна смотреть на человека, который, если верить его словам, прожил десять тысяч лет?

Справедливость этих слов еще больше смутила Хаммонда, и он резко возразил:

— Прожил? Это слишком сильно сказано, Таяна. Я даже не ощущал, что жив.

— Неужели вы ничего не помните об этой бездне времени? — скептически спросила Таяна.

«Я не помню ничего, кроме снов, — подумал Хаммонд. — Вернее, одного мрачного сна, в котором я, словно мертвый корабль, облетал свои звездные владения, неподвижно восседая на стальном троне». Но он не стал говорить об этом.

— Нет, я ничего не помню. Господь отнял у меня все, даже память.

Таяна смотрела на него с нескрываемым сочувствием.

— А вы не похожи на самозванца, Кирк.

— Я бы благословил небо, если бы оказался им, — признался Хаммонд. — Но увы, даже недоверчивые хоомены вынуждены мне поверить.

— Поразительно, — прошептала Таяна, не сводя с него

взволнованных глаз. — Вы не откажетесь ответить на мои вопросы, Кирк? Как и многие врамены, я очень интересуюсь историей Земли.

— Пожалуйста, — сказал Хаммонд.

И Таяна начала расспрашивать его с неподдельным интересом о двадцатом столетии.

На некоторые вопросы ему уже приходилось отвечать — их задавал Дон Вильсон, но большинство было новых, глубоких, сложных. Некоторые просто ставили его в тупик. Оказалось, что он не так уж много знал о своей эпохе, особенно о политическом устройстве Земли. Зато на вопросы, касающиеся истории космических полетов, Хаммонд отвечал очень подробно, со множеством деталей, известных ему, как профессионалу.

Таяна выглядела озадаченной и одновременно очень возбужденной.

— Теперь я почти верю, что вы на самом деле прибыли из далекого прошлого, — призналась она. — Наши историки создали гипотетическую историю прошлого Земли, которая не известна ни одному из хооменов. Ваши ответы во многом совпадают с нашими представлениями о двадцатом столетии, за исключением некоторых деталей. Хотя, возможно, это объясняется только нашими ошибками.

— Гипотетическая история? — удивился Хаммонд. — Разве вы не могли узнать все о нашем времени из книг, кинофильмов и архивных документов?

Таяна грустно покачала головой.

— Увы, нам мало что удалось собрать. Межпланетная война двадцать третьего века уничтожила все это не только на Земле, но и на Марсе, Венере и в других колониях Солнечной системы. Человечество чудом выжило тогда, людям долгие века было не до истории.

— Межпланетная война? — ошеломленно спросил Хаммонд. — Замечательно! Выходит, вот для чего мы работали, рисковали жизнями — чтобы, выйдя в открытый космос, люди стали уничтожать друг друга... А ныне у Галактики появился хозяин — вы, врамены, которые считают своим правом указывать людям, куда и когда лететь. Вот к чему привел наш проклятый космический век!

Таяна задумчиво смотрела на него.

— Или вы самый умный самозванец, о котором я только слышала, или ваш фантастический рассказ — все-таки правда. Инженеры утверждают, что ваша спасательная капсула не могла быть изготовлена в этом тысячелетии. — Она замолчала и неожиданно умоляющим тоном добавила: — Послушайте, Кирк. Не позволяйте втянуть себя в заговор хооменов! Это безнадежное дело, все вы зря погибнете.

Хаммонд раздраженно скривил губы.

— Меня тронула забота о моей скромной персоне, но что-то я не очень верю в нее.

Таяна ядовито усмехнулась.

— Неужто вы полагаете, что я так обеспокоена судьбой некого Кирка Хаммонда? Вы интересны мне прежде всего как выходец из далекого прошлого. Я не хочу, чтобы вы и все ваши бесценные знания вновь канули в вечность.

Хаммонд помрачнел — да, в это можно было поверить, хотя слова для него не очень лестные.

— Не беспокойтесь, Таяна, — недобро сощурившись, сказал он. — Я никуда не исчезну. Когда звездолет будет построен, я навещу ваш таинственный Алтар.

— Чушь! — резко возразила Таяна. — У вас не будет и одного шанса из миллиарда! Мы охраняем все подходы к Трифидам. И даже если вы каким-то чудом попадете на нашу планету, то... — Она внезапно замолчала.

— То что? — с любопытством спросил Хаммонд.

Но Таяна взяла себя в руки.

— Ни вы, ни хоомены ничего не узнаете от меня, — сдержанно ответила она. — И никакой психозонд вам не поможет.

— Вы не боитесь потерять разум? — удивился Хаммонд.

Таяна с легкой улыбкой покачала головой.

— Вам не переубедить меня, Кирк, и не пытайтесь. Но я хотела бы спасти хооменов и прежде всего вас от нелепой, бессмысленной гибели.

Она неожиданно положила ладонь ему на руку. Хаммонд вздрогнул и инстинктивно отдернул ее.

Таяна невесело рассмеялась.

— Так вы уже научились у хооменов ненавидеть нас? Вы тоже считаете нас чудовищами?

Хаммонд смутился и пробормотал что-то нечленораздельное, но Таяна Марден больше не смотрела на него.

Опустив глаза, она явно огорченно о чем-то задумалась. Хаммонд невольно почувствовал симпатию к этой прелестной женщине, которая волей судьбы оказалась по другую от него сторону баррикады.

— Неужели вы сделаете такую глупость и позволите разрушить ваш мозг? — тихо спросил он.

— Я же говорила — не хочу помогать этим безумцам хооменам лететь к Трифидам.

— Но они, то есть мы, все равно полетим туда! — воскликнул Хаммонд. — Ваша жертва будет напрасной, Таяна.

Женщина-врамен внезапно посмотрела на него таким взглядом, что у Хаммонда сильно забилось сердце.

— Почему вас заботит то, что случится с таким чудовищем, как я? Неужто вы испытываете ко мне не только отвращение?

Таяна поднялась с кресла и, подойдя к Хаммонду, присела на корточки так, что их лица оказались маняще близко. Тонкий аромат ее белокурых волос, ласковый взгляд серых глаз окончательно заворожили Хаммонда. Ее сочные губы...

— Неужели я совсем вам не нравлюсь, Кирк? — еле слышно прошептала она.

Не осознавая, что делает, Хаммонд обнял женщину за плечи и поцеловал. Губы Таяны были неожиданно холодными и упругими. Опомнившись, Хаммонд отпрянул.

Таяна смотрела на него с нескрываемым триумфом, но ее слова оказались для него ушатом холодной воды.

— Как вы осмелились поцеловать меня, вы, необузданный дикарь? — гневно воскликнула она, вскакивая на ноги.

Хаммонд не сразу нашелся, что ответить.

— Простите, Таяна, я сам не знаю, что со мной происходит, — пробормотал он. — Но вы меня спровоцировали...

— Я? — возмутилась Таяна, хотя в ее глазах сверкали насмешливые огоньки. — Какая чушь! Впрочем, я напрасно обвиняю вас, принимая за цивилизованного человека. Это не оскорбление, Кирк, это только констатация очевидного факта. Простите меня, я была не права, забыв, что вы человек совсем другого времени.

Последние слова окончательно сбили Хаммонда с толку. В этой восхитительной женщине были странно смешаны лед и пламя, и это делало ее еще более привлекательной.

— Я просто не хочу, чтобы ваш разум был разрушен, — еще раз повторил он.

— Хватит, — твердо сказала Таяна. — Но я рада, что вы навестили меня, Кирк. Приходите, если возникнет желание. Мы еще раз потолкуем о вашей эпохе, она меня очень интересует.

Хаммонд почувствовал огромное облегчение, когда охранник захлопнул за ним дверь. Задумавшись, он не спеша пошел в сборочный цех, где и встретил Дона Вильсона.

Лидер коммуны хооменов внимательно выслушал его рассказ о встрече с Таяной Марден.

— Я не сомневался, что врамены тщательно охраняют все подходы к Трифидам. Но что имела в виду Марден, когда намекала о каких-то других опасностях, которые ждут нас на Алтаре? Она больше ничего не говорила об этом?

— Ничего, — покачал головой Хаммонд. — Она запнулась, словно поняв, что коснулась какой-то очень важной тайны, которую нам знать нельзя. У меня сложилось впечатление, что она попросту сделала промах.

— Врамены редко делают промахи, — скептически заметил Вильсон. — Она могла попытаться сбить нас с толку этими туманными намеками.

— Я могу еще раз встретиться с ней, — охотно предложил Хаммонд. — Кажется, она будет рада вновь поговорить со мной о двадцатом веке.

Дон Вильсон поджал губы, с сомнением глядя на него.

Хаммонд ответил ему простодушным взглядом, хотя с трепетом ждал ответа, словно он значил что-то важное для него. Но ответ Вильсона оказался совершенно неожиданным.

— Норт Абел доложил, что психозонд будет готов к завтрашней ночи. На следующее утро мы начнем допрос Марден, и если она попытается использовать ментальную защиту, то сурово поплатится.

Хаммонд спрятал руки в карманы, чтобы Вильсон не заметил, как они задрожали.

— Не вижу в вашей несгибаемой позиции никакого смысла, — сказал он, стараясь не выдать своего волнения. — Таяна — мужественная женщина, и запугать ее вам не удастся. Но убедить ее, по-моему, можно. Я готов попробовать еще раз спасти и наше дело, и эту упрямицу.

После долгих размышлений Дон Вильсон неохотно согласился.

— Хорошо, встретитесь с Марден еще раз. Я скажу охране, чтобы вас пропустили к ней завтра во второй половине дня. — Он посмотрел на Хаммонда проницательным взглядом и добавил: — Вам не нравится, что мы вынуждены прибегнуть к психозондированию?

Хаммонд кивнул.

— Да, я думаю об этом с ужасом. В моем веке не было ничего подобного, и слава Богу. Мне не хочется, чтобы от жуткого прибора пострадал любой человек, даже врамен.

— А вы думаете, мне это очень нравится? — проворчал Дон Вильсон. — Гурт Ланг и еще несколько наших товарищей пылают ненавистью к враменам — у них есть личные причины на это. Я же всегда готов пойти на компромисс. Но что делать, хотим мы или нет, будущее нашего дела во многом находится в руках Таяны Марден. Мы не имеем права отступать даже перед самыми жестокими методами. Поговорите с ней, Кирк, хуже не будет.

На следующий день Хаммонд с самого утра не мог найти себе места. Он мысленно еще и еще раз перебирал подробности вчерашней встречи и пытался понять, где совершил ошибку. Когда наконец он вновь вошел в маленькую комнату, ставшую для женщины-врамен тюремной камерой, он был настроен очень решительно. Любым спо-

собом нужно убедить Таяну согласиться на испытание! И дело здесь не в том, что она ему нравится, а просто он исходит из принципов гуманности.

Обо всем этом Хаммонд и сказал в своей небольшой, но тщательно обдуманной речи. Таяна внимательно выслушала его, а затем, к его огорчению, упрямо покачала головой.

— Спасибо за заботу, Кирк, я не собираюсь сдаваться.

— Вы говорите так, словно хоомены собираются оккупировать ваш родной Алтар! — взорвался от негодования Хаммонд. — Дело обстоит совершенно иначе! Хоомены хотят, чтобы вы поделились с ними секретами вечной жизни — разве это так уж несправедливо? Врамены когда-то были обычными людьми и лишь случайно обнаружили на Алтаре животворный источник. Почему же вы узурпировали право на вечную жизнь?

— Потому что в ней есть ужасные стороны, о которых хоомены даже не подозревают, — глухо сказала Марден, опустив глаза.

— Так расскажите о них открыто! Может быть, это образумит хооменов и они оставят вас в покое! — в сердцах воскликнул Хаммонд.

Таяна только горько усмехнулась.

— Вы плохо знаете хооменов, Кирк, — сказала она. — Это их не остановит. Страх близкой смерти затмит разум любому, и никакие доводы не будут слушать. На Земле до сих пор в ходу древняя поговорка «После меня хоть потоп». Вот мы и не хотим, Кирк, чтобы из-за нецивилизованности хооменов Галактику когда-то затопил поток ужаса. Так что мне остается одно — любыми путями помешать им попасть на Алтар. И никакой психозонд меня не остановит.

Хаммонд не понял, что имела в виду Таяна. Он испытывал отвратительное чувство бессилия перед этой твердой как кремень женщиной.

— Как знаете, Таяна, — раздраженно ответил он. — Я умываю руки!

Но он не мог встать и уйти, что-то его удерживало.

Таяна долго изучающе смотрела на Хаммонда, а затем слегка улыбнулась.

— Вы ведь не хотите, чтобы из меня сделали жалкую идиотку, Кирк?

— Я никому этого не пожелаю, даже врагу, — глухо ответил Хаммонд, отводя взгляд.

— А вам я ведь и не враг, верно? По-моему, я даже немного нравлюсь вам, Кирк... Вы мне тоже очень симпатичны. Надеюсь, вы поможете мне спастись от ужасной участи, которую приготовили для меня хоомены.

Хаммонд изумленно посмотрел на нее, но Таяна только рассмеялась, глядя на его озадаченное лицо.

— Не бойтесь, я не собираюсь уговаривать вас устроить для меня побег. Я отлично понимаю, что даже при желании вы не сможете сделать это.

— Тогда чем же я могу помочь?

Таяна наклонилась к нему и зашептала в ухо, так что Хаммонд вновь почувствовал аромат ее волос:

— Психозонд — изобретение наше, враменов. Мы научили хооменов собирать этот прибор из стандартных электронных блоков, но на всякий случай предусмотрели кое-какие маленькие хитрости. Если вы откроете заднюю стенку психозонда, то обнаружите небольшую коммутационную панель с двенадцатью пронумерованными штекерами. Хоомены полагают, что она служит для наладки генератора, и это верно. Но только мы, врамены, знаем, что с помощью панели можно существенно изменять характеристики электромагнитной диаграммы луча. Если вы переставите штекер два в гнездо четыре, штекер четыре — в гнездо шесть, а штекер шесть совсем вынете, то я буду спасена. Луч психозонда не пробьет мою ментальную защиту, и мой мозг уцелеет.

Хаммонд схватился за голову.

— Поймите, Таяна, я же добровольно принял сторону хооменов, а вы предлагаете мне их предать!

Таяна пожала плечами.

— Это можно назвать и так, — согласилась она. — Выбирайте, Кирк. Хоомены в любом случае не получат от

меня никакой информации. Вы же в силах сохранить мой разум, если захотите, конечно.

Хаммонд застонал от отчаяния.

— Нет, я не могу изменить людям, которые спасли меня. Ваша судьба зависит не от меня, а от вашего фанатичного упрямства. За него я не отвечаю!

К его удивлению, Таяна не стала настаивать на своем.

— В одном вы правы, Кирк: вы не можете отвечать за мои поступки, — мягко сказала она. — Остается лишь сожалеть, что судьба отдала вас в руки безумцев.

Женщина улыбнулась и ласково погладила расстроенного донельзя гостя по плечу.

— Ладно, оставим эту тему, все равно изменить ничего уже нельзя. Давайте лучше поговорим в последний раз о двадцатом веке. Вчера вы начали рассказывать о подготовке полета на Луну.

Хаммонду ничего не оставалось делать, как отвечать на жадные вопросы Таяны Марден. Казалось, ее совсем не заботило, что назавтра все эти сведения ничего не будут значить для нее...

Ни разу они не возвращались к теме психозондирования, и только когда Хаммонд собрался уходить, Таяна грустно сказала:

— Я думаю, нам надо попрощаться, Кирк. Не до завтра, а навсегда.

Хаммонд вздрогнул и оперся рукой о дверь. Он и сам думал об этом ежеминутно.

— Не расстраивайтесь так, — продолжала Таяна с очаровательной улыбкой, которая буквально разрывала сердце гостю. — В конце концов кто я для вас? Мимолетная знакомая, снежинка на ладони — один миг, и меня уже нет. И все же я осмелюсь напоследок кое о чем попросить вас.

Хаммонд пробормотал:

— Поймите, я не смогу отговорить хооменов...

— О, нет, я прошу совсем о другом! После того как психозонд разрушит мой мозг, мне не хотелось бы влачить жалкое существование безумной, никому не нужной женщины. Попросите Дона Вильсона, чтобы он дал мне

яд или большую дозу снотворного... что угодно. Неужели даже такое чудовище, как я, не заслуживает толики человеческого милосердия?..

Хаммонд не помнил, как оказался в своей комнате. Уткнувшись лицом в подушку, он пытался заснуть, но не мог. Мысль о Таяне Марден не выходила у него из головы.

Вечером ненадолго заглянул Дон Вильсон. Узнав, что Марден продолжает стоять на своем, он молча ушел, даже не слушая просьб Хаммонда отменить зондирование.

К ночи Хаммонд совсем извелся. Он проклинал судьбу, которая забросила его в это жестокое, сумасшедшее время. Да, люди сделали большой шаг, их научный и технический уровень был несравним с допотопным двадцатым веком. Человечество завоевало звезды и расселилось по всей Галактике. И все же человеческие пороки не исчезли за прошедшие тысячелетия, напротив, многие из них расцвели пышным цветом.

Нет, к дьяволу, он умывает руки! Не он виноват, что «светлый мир будущего» оказался таким варварским. Он не мог ничего изменить, зачем же попусту терзаться?

И все равно с каждым часом Хаммонд чувствовал себя все хуже и хуже. Наконец он поднялся с кровати и, не надевая башмаков, вышел в коридор. О том, что делает, он старался не думать.

Вокруг было тихо, подземная коммуна спала. Выждав еще несколько минут, Хаммонд торопливо пошел в лабораторию. К счастью, там никого не было, даже охраны. При тусклом свете лампы он открыл заднюю стенку «кресла» и переставил штекеры — так, как научила его Таяна. Затем вернулся в свою комнату и почти сразу же заснул.

Проснулся он позже обычного и некоторое время лежал, глядя в каменный потолок. На сердце было удивительно легко, и совесть его больше не беспокоила. О том, что он совершил предательство по отношению к своим товарищам, Хаммонд старался не думать.

Вскоре к нему в дверь тихо постучались. Это пришла Ива Вильсон. Глаза ее были испуганы, лицо казалось еще бледнее обычного.

— Кирк, они повели Таяну в лабораторию, — сказала девушка с грустью.

— Вы хотите пойти посмотреть? — спросил Хаммонд, торопливо поднимаясь с кровати.

Ива отвернулась, пока он одевался.

— Нет. Я с детства ненавижу враменов и эту высокомерную гордячку Марден тоже, но... Но я не хочу смотреть, как пытают человека, кто бы он ни был!

Хаммонд не стал уговаривать девушку и, оставив ее в своей комнате, быстро пошел в лабораторию.

Там было полно людей. Мало кто из хооменов разделял чувства Ивы, и все свободные от вахты пришли полюбоваться на мучения ненавистного врага.

Таяна спокойно стояла в центре комнаты рядом с торжествующим Лангом и озабоченным Нортом Абелом. Женщина пытливо взглянула на вошедшего Хаммонда, но ничего не сказала.

— Последний раз предупреждаю вас, Марден, — произнес Ланг. — Если вы все-таки вздумаете использовать ментальную защиту, то все последствия такого шага будут на вашей совести.

Таяна даже не взглянула на него. Норт Абел с мрачным видом подвел ее к креслу психозонда.

Таяна села без приглашения и молча позволила пристегнуть ремнями свои руки к подлокотникам. Ее лицо не дрогнуло даже тогда, когда явно нервничающий Абел водрузил ей на голову округлый металлический шлем.

— Не вздумайте защищаться, Марден, — предупредил он. — Все готово, Дон Вильсон.

— Включайте, — хладнокровно сказал Ланг.

Абел подошел к контрольной панели и защелкал выключателями.

В зале повисла напряженная тишина. Было слышно лишь гудение прибора и шум печатающего устройства, которое толчками стало выталкивать из себя ленту, густо заполненную цифрами.

Хаммонд почувствовал, что его сердце бешено забилось. Похоже, он совершил какую-то ошибку. Неужто он перепутал штекеры? Лицо Таяны Марден покрылось смер-

тельной бледностью, ее дыхание стало едва заметно. Неужели...

Норт Абел взял в руки ленту и впился в нее взглядом.

— Черт побери, я не понимаю, что происходит, — озадаченно пробормотал он.

Хаммонд с облегчением вздохнул.

По спиральной лестнице, ведущей из наблюдательного поста в соседний сборочный зал, гулко застучали чьи-то торопливые шаги. Вскоре в лабораторию вбежал один из дежурных.

— Что происходит? — закричал он. — Наши радары зарегистрировали мощный радиолуч, направленный в сторону Руроома. И этот луч исходит из лаборатории!

Хоомены с изумлением переглянулись.

— Дарк, вы, должно быть, ошиблись, — ответил Дон Вильсон, заметно побледнев. — Сейчас здесь включен один лишь психозонд, да и он надежно экранирован.

— Я не ошибся! — заорал наблюдатель. — Выключайте проклятый прибор, пока времены со всей Земли не слетелись к нам в гости!

Внезапно Гурт Ланг с проклятием подбежал к застывшему на месте Абелу.

— Выключайте психозонд, вы, идиот! Немедленно выключайте!

Алголианин недоуменно посмотрел на него, но тем не менее беспрекословно подошел к контрольной панели. Вскоре гудение прибора стихло. Таяна Марден открыла глаза и с легкой насмешкой обвела взглядом озадаченных хооменов, столпившихся вокруг нее.

— Вы говорили нам, что психозонд настроен правильно! — орал тем временем Ланг, наступая на побледневшего Абела. — Откуда же появился мощный радиолуч?

Абел растерянно покачал головой.

— Не может быть, — пробормотал он. — Я сам вчера вечером проверил коммутационную панель и ручаюсь, что все было нормально...

Только сейчас Хаммонд осознал, что произошло. Ему показалось, что каменный потолок рухнул на него, засы-

пав грудой обломков. Он с ненавистью посмотрел на спокойно сидящую в кресле Таяну Марден.

— Что вы стоите, словно истукан! — продолжал бесноваться Ланг. — Проверьте психозонд, болван!

Абел дрожащими руками вскрыл заднюю панель и через минуту выпрямился с удивленным воплем.

— Кто-то переставил штекеры! Возможно, этим было включено передающее устройство. До сих пор я и понятия не имел, что оно встроено в психозонд. Вы же знаете, Ланг, мы только в общих чертах разбираемся в его устройстве. По-видимому, хитрецы-врамены приготовили нам сюрприз...

— Дьявол... — прошептал Хаммонд, невольно шагнув со сжатыми кулаками к пленнице, на лице которой появилась довольная улыбка.

Ланг заметил это.

— Так это вы сделали, предатель? — угрожающе воскликнул он. — Посмотрите на этого чужака, да на его лице все написано! Я предупреждал — нельзя разрешать ему беседовать с пленницей наедине.

Внезапно он зарычал от бешенства и, бросившись на Хаммонда, вцепился ему в горло.

Хаммонд боролся изо всех сил. Толпа разъяренных хооменов вскоре сомкнулась вокруг них. К Хаммонду тянулись десятки рук, воздух сотрясался от проклятий. Он был на краю гибели.

И вдруг все стихло. Ланг со стоном отпрянул от него, ошеломленно оглядываясь.

Хаммонд услышал, как в голове зазвучал чей-то сильный холодный голос. Нечто подобное он уже испытывал однажды, когда они с Куоббой прятались за валуном от врамен. Врамен?!

«Сложите немедленно оружие, хоомены», — раздались слова в голове.

На лестнице, ведущей вниз из наблюдательного пункта, вновь зазвучали шаги. Полдюжины незнакомых мужчин ворвались в лабораторию. Двое из них держали в руках шаровидный прибор, излучающий иглистые голубые лучи.

«Похоже, это и есть гипноизлучатель, — подумал Хаммонд, не имея сил двинуться с места. Все остальные хоомены были также парализованы. Никто из них не носил металлического тюрбана на голове и не мог противиться приказам противника.

— Врамены... — простонал Дон Вильсон, с тоской глядя застывшими глазами на нежданных гостей.

«А теперь спите, — приказал безжалостный голос, лишенный каких-либо эмоций. — Спите!»

Хоомены стали безвольно опускаться на пол и засыпать. Темнота обрушилась на мозг Хаммонда, и он провалился в пучину небытия.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

▼▼▼

Когда Хаммонд очнулся, он ощутил необычный прилив сил и бодрости. Впервые после его странного появления в мире будущего тело наполнилось энергией. Даже прежде, в родном двадцатом веке, он редко был в такой блестящей форме, как сейчас.

Открыв глаза, Хаммонд озадаченно огляделся. Он лежал на низкой и мягкой кушетке. Рядом на высокой подставке сиял розовый шаровой светильник. Три стены и потолок небольшой комнаты были сделаны словно бы из полупрозрачного зеленого фарфора, а четвертая была полностью прозрачной. И она сияла ослепительным солнечным светом!

Хаммонд улыбнулся — он так давно не видел солнца! — как вдруг память разом вернулась к нему. И он не смог сдержать крика ужаса.

— Врамены! Я в руках враменов!..

Но это было не самое плохое. Куда хуже было то, что именно он послужил причиной всех бед. Таяна Марден провела его, словно ребенка. Она сумела вскружить ему голову, а затем убедила включить передатчик, который и привел враменов в подземное убежище. Им не стоило большого труда с помощью гипноизлучателя заставить хоомe-

нов сдаться. И вот теперь все они находятся в руках коварных и безжалостных врагов.

Хаммонд вскочил на ноги и подбежал к единственной двери в комнате. Она оказалась закрытой, на его стук и крики никто не отозвался. Сбитый с толку, Хаммонд подошел к прозрачной стене и со сдавленным криком отшатнулся.

Он находился на одном из верхних этажей гигантского небоскреба и наблюдал потрясающую панораму современного мегаполиса, разительно отличающегося от известных Хаммонду городов Земли двадцатого столетия. В этом городе было не более ста зданий, но каких! Каждое не менее мили высотой — сложный конгломерат стеклянных труб, соединенных между собой бесчисленными прозрачными переходами. Здания-гиганты сияли под лучами солнца так, что Хаммонд невольно прищурился.

Приглядевшись, он увидел, что на каждом небоскребе находятся многочисленные «листья» — посадочные площадки. В голубом небе роились сотни флайеров, не издавая почти никакого шума.

— Руроома, — прошептал потрясенный Хаммонд. — Но это значит...

А это значило, что он и его друзья хоомены из подземного убежища привезены в город. Игра Дона Вильсона бесповоротно проиграна.

Хаммонд застонал от отчаяния. Судьба вновь посмеялась над ним. Надо же было так случиться, что один из первых астронавтов Земли по собственной глупости отдал сторонников свободы космоса в руки ненавистных хозяев Галактики!.. Но где находятся его товарищи по несчастью?

Дверь позади открылась, Хаммонд резко обернулся. Увидев Таяну Марден, он напрягся, готовясь к прыжку. Во всем виновата она, проклятая лживая красавица!

Но Таяна остановила его первыми же словами:

— Предупреждаю: если вы броситесь на меня, Кирк, то немедленно будете парализованы.

Она выразительно подняла руку, в которой сжимала небольшую пластиковую трубку шокера. Хаммонд остановился, весь дрожа от гнева. Несмотря на обуревавшие его

чувства, он не мог не отметить, что сейчас Таяна Марден выглядела как никогда прекрасной. Она была одета в куртку и шорты из темного шелковистого материала, подчеркивающие изящество фигуры. На груди женщины мерцало ожерелье из зеленых камней, а волосы были стянуты на затылке сверкающей лентой. Только лицо Марден оставалось прежним — холодным и непроницаемым.

— Что вы сделали с Вильсоном и остальными хооменами? — едва сдерживая ярость, спросил Хаммонд.

Таяна равнодушно пожала плечами.

— Кажется, с ними все нормально. Они, так же как и вы, вот уже четыре дня находятся в этом здании, ожидая заседания суда.

— Четыре дня? — ошеломленно пробормотал Хаммонд, на минуту забыв о своей ненависти. — Неужели прошло так много времени?

Таяна слегка улыбнулась.

— Да, вы долго спали, Кирк. Когда наши медики обследовали вас, то обнаружили, что организм еще не полностью восстановился от анабиоза. Они рекомендовали несколько дней продержать вас под терапевтическим облучением.

Она кивнула в сторону розового светильника, который Хаммонд поначалу принял за обычный торшер.

Он хмуро кивнул в знак благодарности, но затем вновь вернулся к вопросу о своих друзьях:

— Вы сказали, что Дон Вильсон и остальные в полном порядке. Как вы можете доказать, что не лжете?

— Мы, врамены, никогда не прибегаем к обману, — высокомерно ответила Таяна.

— Замечательно! Выходит, вы не надули меня, когда попросили перестроить психозонд?

— Ничего подобного! Я сказала только, что если хотите спасти мой разум, то вам надо переставить штекеры на коммутационной панели. В чем же я солгала вам?

— Но вы не объяснили, что тем самым вызовете на помощь ваших друзей! — взорвался Хаммонд. — Разве это не та же гнусная ложь?

— По-моему, нет, — ледяным голосом парировала

Таяна. — Я просто умолчала о конкретных деталях моего спасения. Кроме того, ситуация была экстремальной. Я заботилась не только о себе, но и о ваших друзьях-хооменах. Для их же блага ни в коем случае не стоит пытаться попасть на Алтар!

— Ловко, — грустно усмехнулся Хаммонд. — Выходит, вы ни в чем не виноваты... Вы умело сыграли на моей симпатии к вам, а затем попросту провели, как мальчишку. Я свалял дурака, поддавшись вашему дьявольскому обаянию! Забыл, что под внешностью молодой красавицы скрывается существо, которому от роду больше двух сотен лет и которое, быть может, вообще не является человеком...

Ему хотелось как можно сильнее ударить Таяну словами, и он достиг своей цели. Женщина-врамен отшатнулась, ее щеки побледнели. Когда она заговорила, в ее голосе явно ощущалась тоска:

— Что ж, вы имеете право так говорить... Но, может, вас заинтересует, почему же я пришла?

— Сказать, что меня будут судить вместе с остальными хооменами? — недобро сощурившись, спросил Хаммонд.

— Нет, пока вам лично ничего не грозит, Кирк. Возможно, вы еще способны перевоспитаться — по крайней мере, я на это надеюсь. Теперь мы убедились, что вы не самозванец, а действительно выходец из далекого двадцатого века, и поэтому...

— Подождите, я что-то не понял, — прервал ее Хаммонд. — Как вы могли узнать об этом?

— Мы исследовали вас психозондом, пока вы спали, — спокойно объяснила Таяна.

Хаммонд почувствовал новый прилив гнева.

— Что? Вы использовали эту дьявольскую штуку на мне? — заорал он. — Да как вы посмели копаться у меня в мозгах?!

— Обычная процедура с подследственным перед судом, — пожала плечами Таяна.

— Надеюсь, вам было приятно узнать, как я отношусь к враменам, — ядовито заметил Хаммонд, но Таяна не обратила на его слова никакого внимания.

— Да, мы многое узнали о вас, Кирк, — спокойно сказала она. — Однако психозонд может зарегистрировать только самые доминирующие мысли и эмоции человека. Нас больше всего интересовала та часть ваших воспоминаний, которая касалась неизвестных нам до сих пор деталей быта двадцатого века.

Женщина подошла к нему ближе и так ласково улыбнулась, что сердце Хаммонда невольно дало сбой и вся его злость сразу куда-то улетучилась. Но слова Таяны прозвучали сухо и практично:

— Вы обладаете очень важной для нас информацией о прошлом Земли. Если вы согласитесь сотрудничать с нами, то это останется тайной для хооменов.

— Ни за что! — отрезал Хаммонд. — Я и пальцем не пошевелю ради вашей проклятой расы суперменов! Предпочитаю разделить судьбу Дона Вильсона и его товарищей.

Таяна недовольно поморщилась.

— Вы просто ослеплены гневом, Кирк, и этим вас заразили хоомены. Они ненавидят нас, хотя мы никогда не мешали им, напротив — во многом им помогали.

— Почему же вы тогда не хотите посвятить их в секрет долголетия? — резонно возразил Хаммонд.

Таяна устало посмотрела на него.

— Я вижу, Кирк, вы не желаете слушать никаких доводов. Вы переняли нелепые предубеждения у своих новых товарищей. И к тому же обижены на меня: вам кажется, что я обманула вашу любовь.

— Любовь? К кому?.. — пробормотал Хаммонд недоуменно и, вдруг поняв, расхохотался. — Что за чушь! С чего вы решили, Таяна, что я в вас влюблен? Вы мне нравитесь, не спорю, вы очень красивая и таинственная женщина, но...

— Вы забыли, что мы исследовали ваш мозг психозондом, — со снисходительной улыбкой перебила его Таяна. — Я изучила полученные записи и узнала, что вы влюбились в меня с первой же встречи. Однако предубеждения к нам, враменам, заставили вас невольно оттеснить это чувство в область подсознания.

Хаммонд застыл, ошеломленный, не находя слов, что-

бы возразить самоуверенной красавице. Таяна еще раз улыбнулась и, не прощаясь, вышла из комнаты.

Хаммонд был одновременно расстроен и разгневан. Черт побери, много ли стоят показания этого хваленого психозонда? Да, он несомненно чувствовал влечение к Таяне — любой мужчина мог бы понять его. Но физическое влечение и любовь — вещи разные. Таяна Марден не была человеком в полном смысле этого слова, она принадлежала к иному виду разумных существ и поэтому ошиблась, приняв слабенький огонек свечи за извержение вулкана. Влюбиться в двухсотлетнюю женщину, больше похожую на живой компьютер, чем на человека...

Надо же вообразить подобное!

Час спустя в комнату вошли двое молодых людей в черных кителях, с эмблемами в виде множества золотых дисков. Хаммонд знал, что это знак принадлежности к службам Федерации Солнц. Врамены не занимали официальных должностей в этой организации, значит, перед ним были хоомены.

Один из юношей сказал вежливо:

— Пожалуйста, следуйте за нами. Мы проводим вас на заседание суда.

Хаммонд не видел у гостей оружия, но не сомневался, что оно у них есть. Пожав плечами, он демонстративно заложил руки за спину и вышел из комнаты.

Коридор был широким и изогнутым, его стены напоминали подсвеченное изнутри зеленое стекло. Вскоре Хаммонд увидел впереди группу людей — это были Дон Вильсон, Ива, Куобба и еще несколько пленников. Охранники в черной форме оцепили их тугим кольцом и вели, по-видимому, тоже в зал заседаний суда.

Хаммонд убыстрил шаг и догнал своих недавних друзей. Некоторые из них обернулись и посмотрели на него, словно на пустое место.

— Дон Вильсон! — обрадованно крикнул Хаммонд. — Как у вас дела? Я опасался, что вас...

Его слова повисли в тишине. Большинство хооменов, даже Ива и Куобба, избегали смотреть на него, и лишь Ланг ответил ему взглядом, полным лютой ненависти.

— Я знаю, о чем вы думаете, — продолжил Хаммонд с отчаянием в голосе. — Поверьте, я не хотел предавать вас, это произошло случайно.

Сопровождавший его охранник положил ему на плечо тяжелую руку.

— Вам не разрешено разговаривать, хоомен.

Дойдя до конца коридора, все вместе вошли в просторную кабину лифта, начавшего спуск с неожиданной скоростью. Хаммонд оказался рядом с Ивой и не преминул этим воспользоваться.

— Ива, вы верите, что Таяна Марден обманула меня? Я не собирался предавать вас!

Девушка грустно взглянула на него и отвела взгляд.

— Отец и все остальные думают иначе, — уклончиво ответила она.

Лифт остановился, и охранники повели хооменов в обширный зал. Он отличался редкой красотой: пол напоминал поверхность тихого озера перед закатом, примыкающие к нему стены были внизу темно-серыми, а выше начинали постепенно светлеть, переходя под потолком в ослепительно белый цвет. Множество концентрических рядов было заполнено хооменами.

На высокой трибуне сидел судья в черной мантии с эмблемой Федерации Солнц на груди; такая же эмблема, только огромная, занимала большую часть стены позади. Хаммонд не заметил в зале ни присяжных, ни прокурора, ни адвокатов, характерных для суда двадцатого столетия.

В одном из передних рядов Таяна Марден сидела рядом с тремя мужчинами, отличающимися надменным и бесстрастным выражением лиц. Они носили сияющие ожерелья, которое он уже видел на Таяне.

— Проклятые врамены пришли сюда, чтобы полюбоваться, как нас задушат их жалкие прислужники судьи, — проворчал Куобба, указывая Таммасу в их сторону.

Пленников подвели к трибуне, и Хаммонд услышал в зале удивленный гул голосов. Оглянувшись, он понял, что все смотрят на него, как на диковинку. По-видимому, слухи о его странном появлении из глубин прошлого успе-

ли расползтись по городу. Судья также смотрел на него с неподдельным интересом.

— Заседание суда объявляется открытым, — произнес он суровым, чуть хриплым голосом. — Рассматривается дело группы хооменов под предводительством Дона Вильсона. Подсудимые, вы обвиняетесь в попытке нелегально построить звездолет, нарушив тем самым законы Федерации Солнц. Кроме того, вы обвиняетесь в убийстве двух враменов, чей флайер вы сбили над побережьем во время патрульного полета. Вы также обвиняетесь в насильственном захвате в плен врамена Таяны Марден и в попытке допроса с помощью психозонда вопреки ее желанию.

Судья перелистал какие-то бумаги, лежащие на столе, и продолжил:

— Передо мной находятся официальные результаты вашего психозондирования, которые доказывают перечисленные выше обвинения. Суд предоставляет вам возможность ознакомиться с ними и готов рассмотреть ваши протесты, если таковые возникнут.

Дон Вильсон выступил вперед и холодно произнес:

— Нет, мы не собираемся опротестовывать эти данные.

Судья кивнул и обратился в зал:

— Таяна Марден, как потерпевшая и основной свидетель обвинения, вы также имеете возможность изучить результаты вашего психозондирования. Будут ли у вас какие-то замечания на этот счет?

— Нет, — спокойно ответила Таяна.

Хаммонд был потрясен. Судебное заседание шло совсем в ином русле, чем он ожидал. Похоже, изобретение психозонда упростило его процедуру до предела. Вопросы председателя суда были чистой формальностью, ответы подсудимых и свидетелей — тоже. Да и как опротестовывать сведения, добытые прямо из мозга подследственного! Ни ложь, ни юридические хитросплетения уже не могли спасти преступника, кто бы он ни был.

Судья вновь обратился к Дону Вильсону и его товарищам.

— Таким образом обвинение можно считать доказанным. Вы знаете, что нарушили статью 1 Кодекса, по кото-

рой хооменам запрещено строить космолеты без лицензии враменов и без установки на корабле специального ограничителя.

Дон Вильсон резко возразил:

— Мы не считаем эту статью законной. Она, как известно, была включена в Кодекс без обсуждения в Совете Федерации, то есть фактически была навязана врамена-ми. Все доводы о безопасности полетов, которые обычно приводят в ее пользу, звучат настолько бессмысленно, что я даже не хочу их сейчас приводить. — Он повернулся лицом к залу и продолжил: — Уважаемые хоомены! Все мы отлично знаем, что статья 1 Кодекса преследует совсем иную цель — не допустить жителей Федерации в туманность Трифид, где на планете Алтар эгоистичные врамены наслаждаются вечной жизнью, не зная ни старости, ни болезней. Миллиардам хооменов с других планет Кодекс законов запрещает любую попытку уйти от безжалостной смерти! Разве это справедливо?

В зале покатился сочувственный шепот. Видимо, простые граждане разделяли взгляды Дона Вильсона. Таяна Марден и ее спутники-врамены никак не отреагировали на слова лидера бунтарей, их лица по-прежнему оставались спокойными и холодными.

— Правильность нашего соглашения с враменами здесь не обсуждается, подсудимый Вильсон, — недовольно сказал судья, повышая голос. — Федерация Солнц добровольно пошла на эту небольшую уступку в благодарность за все то, что врамены сделали для цивилизации хооменов. Итак, вы нарушили Кодекс и не смогли привести никаких веских аргументов в свою защиту. Суд постановляет признать вас виновными в нарушении статей 1, 14 и 134 Кодекса и приговаривает вас к ссылке на тюремную планету в системе звезды Спика.

Со спокойным достоинством Дон Вильсон ответил:

— Мы не ожидали другого решения суда. Но рано или поздно настанет день, когда доминирующему положению враменов в Галактике придет конец. Секрет вечной жизни не может принадлежать только одной расе человечества, пусть и самой могущественной!

Вновь в зале прокатилась волна приглушенных голосов. На этот раз в них слышалось не только сочувствие, но и разгорающийся гнев. Однако судья сделал вид, будто ничего не слышит.

— Повторяю, решение суда окончательно и обжалованию не подлежит. Однако по отношению к подсудимому по имени Кирк Хаммонд может быть применена и другая, более мягкая мера наказания. Присутствующие здесь врамены хотели бы пояснить свою особую позицию к этому обвиняемому.

Таяна Марден поднялась и, взглянув на огорченное лицо Хаммонда, сказала:

— Прошу прощения, уважаемый судья, но обстоятельства изменились. Кирк Хаммонд отказался от сотрудничества с нами, поэтому мы снимаем просьбу о его помиловании.

Судья нахмурился.

— Жаль, жаль, — произнес он, укоризненно глядя на Хаммонда. — Мне известна ваша удивительная история, обвиняемый. Вы чудом спаслись от неминуемой гибели, попали волей невероятного случая в наше время из далекого прошлого и могли бы стать почетным и уважаемым гражданином Федерации. Увы, психозондирование показало, что вы присоединились к шайке заговорщиков добровольно. Исключительность судьбы не может оправдать вашего преступного участия в злостном нарушении законов. Только вмешательство враменов могло бы спасти вас от сурового наказания. Жаль, искренне жаль...

Судья выжидающе посмотрел на Таяну Марден, и она после некоторого колебания добавила:

— Мы готовы вновь обратиться к Хаммонду с предложением сотрудничать с нашими учеными-историками. Его знания представляют уникальную ценность для Галактики.

Судья слегка кивнул.

— Хорошо. Обвиняемый Кирк Хаммонд, чем вы ответите на это предложение?

Чувствуя на себе пристальные взгляды сотен хоомен, Хаммонд воскликнул с яростью:

— Будь я проклят, если соглашусь на это!

— Что ж, вы сами выбрали свою судьбу, — мрачно

сказал судья. — Обвиняемый Кирк Хаммонд, вы также приговариваетесь к ссылке на планету Куум в системе Спика. Однако если вы со временем передумаете, мы готовы отменить приговор.

Хаммонд вышел из здания суда в шоковом состоянии. Все произошло так быстро, что он еще не мог поверить в то, что отныне ему предстоит влачить жалкую роль заключенного на какой-то отдаленной планете.

По дороге к лифту он пробормотал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Кто знает, можем мы подать апелляцию? Или надеяться на амнистию, или условное наказание, или досрочный выход за хорошее поведение в тюрьме?..

Дон Вильсон обернулся и с холодной усмешкой взглянул на его растерянное лицо:

— Каждые десять лет судебные власти Федерации проводят повторное психозондирование всех заключенных. Если выясняется, что заключенный полностью раскаялся и даже в подсознании не держит мысль о повторном преступлении, то его могут освободить. Но это не должно беспокоить вас.

— Почему? — сдержавшись, спросил Хаммонд.

— Вы же слышали судью — ворота тюрьмы для вас всегда открыты. Признайтесь, Кирк, ведь вам это обещали как плату за предательство?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

▼▼▼

Когда-то, бесконечно давно, парнишка из Гайо по имени Кирк глядел на небо и кричал: «Я хочу оказаться там, среди звезд!» И благодаря своему упорству он одним из первых покинул Землю и улетел в космос.

Теперь, тысячи лет спустя, Хаммонд вновь оказался на борту космического корабля. Но это был не крошечный лунный челнок, в котором и повернуться-то было трудно, а огромный бронированный звездолет, напоминающий летающий город.

После окончания судебного заседания осужденных вывели из здания, посадили в небольшие автобусы и повезли в сторону космопорта. Хаммонд приник к окошку и жадно смотрел на проплывающие мимо небоскребы Руроома, на зеленые парки и аллеи, на пожилых хооменов, сидящих в скверах на скамейках... Парки незаметно перешли в лес, и вскоре вдали показалось обширное поле, уставленное ангарами, кранами, доками, между которыми мельтешили сотни машин.

И Хаммонд увидел звездолеты. Они ничуть не напоминали маленькие ракеты двадцатого столетия. Куполообразные корпуса нависали над землей, словно грозовые облака. Они отдыхали здесь, на древней Земле, от дальних и трудных галактических дорог и залечивали раны на бронированных боках, полученные во время полетов к чужим светилам.

Но больше всего Хаммонда поразили люди. Он увидел разноголосую толпу астронавтов и туристов со всех концов Галактики, с кожей всех цветов и оттенков, начиная со светло-серой и розовой и кончая темно-синей и черной. И двухметровые гиганты типа Куоббы, и коротышки, похожие на Таммаса, — все они были людьми, рассеянными ныне по тысячам звездных островов.

Автобусы остановились около одного из кораблей, и охранники провели осужденных по широкому пандусу внутрь летающего монстра. По дороге к лифту им встретились несколько астронавтов-хооменов; те равнодушно смотрели на заключенных, и только не совсем обычно выглядевший Хаммонд привлек их внимание.

На тюремной палубе, разделенной на множество камер рядами стальных решеток, осужденных усадили в громоздкие антигравитационные кресла и заставили пристегнуть ремни безопасности. Хаммонд выбрал место поближе к иллюминатору и в момент старта прильнул к нему, сгорая от любопытства. Другие хоомены не проявили ни малейшего интереса к тому, что происходило за бортом корабля. Дон Вильсон погрузился в невеселые размышления. Куобба вел с Таммасом какой-то яростный спор, остальные закрыли глаза и дремали.

Хаммонд, напротив, не хотел упустить ни одной детали взлета корабля. Но он мало что увидел. Земля в течение нескольких минут уменьшалась до размера голубого шарика, а затем и ослепительное Солнце превратилось в заурядную желтую звездочку, ничем не выделявшуюся среди тысяч своих галактических собратьев.

И все равно Хаммонд не отрывал глаз от иллюминатора. В какой-то момент он почувствовал, что звездолет словно бы растаял вокруг него и он вновь оказался на своем ледяном троне, закованном в стальную скорлупу. В его остекленевших глазах проплывал хоровод звезд, вспыхивали искры комет, то появлялся, то исчезал голубой отсвет Земли, и так длилось годами, веками, тысячелетиями...

— Кирк!

Чья-то рука с силой тряхнула его за плечо, и чары воспоминаний рассеялись. Он снова оказался на борту звездолета. Рядом с его креслом стояла Ива Вильсон и изо всех сил пыталась оторвать его от иллюминатора. Ее лицо было искажено страхом.

— Кирк, опомнитесь! — сказала она умоляюще. — Вы выглядите сейчас ужасно... словно мертвец...

Хаммонд встряхнул головой, пытаясь сбросить с себя остатки жуткого наваждения.

— Повторился мой старый кошмар... — еле слышно пробормотал он. — Я опять летел один среди звезд...

— Оставь его, Ива, — сурово приказал кто-то. — Этот человек не достоин сочувствия.

К Хаммонду подошли с угрожающим видом Дон Вильсон, Ланг и еще несколько хооменов. Куобба и Таммас стояли в стороне с растерянным видом, словно не знали, что предпринять.

Сердце Хаммонда сжалось. Он огляделся и увидел, что вблизи не было видно ни одного охранника. Надеяться в эту критическую минуту он мог только на себя самого.

— Эй, подождите! — хрипло воскликнул он, лихорадочно пытаясь расстегнуть ремни на груди. — Не теряйте голову, друзья! Я отлично вас понимаю, но и вы должны меня понять. Да, я сделал большую глупость, поверив Таяне Марден, но я не собирался вас предавать!

Суровое лицо Дона Вильсона не смягчилось.

— Ошибка, вы говорите? — переспросил он, остановившись в двух шагах от Хаммонда и сложив руки, сжатые в кулаки, на груди. — Сомневаюсь, что это правда. Я мог бы простить ошибку, сделанную по неведению, но предательство я простить не могу. Вы намеренно дали сигнал врáменам, Кирк, чтобы спасти эту проклятую Марден.

— Отец, что ты говоришь! — пролепетала Ива со слезами на глазах. — Этого не может быть!

Краска гнева бросилась в лицо Хаммонду.

— Дьявол, почему вы так решили? — воскликнул он. — Это и глупо, и нелогично. Уж если я такой отъявленный негодяй, каким вы меня хотите представить, то почему я отказался сотрудничать с врáменами и променял свободу на тюрьму?

— Это я и сам хотел бы знать, — проворчал Дон Вильсон, с подозрением глядя на него. — Скорее всего врáмены послали вас на Куум в качестве шпиона.

— Что вы несете! — горячился Хаммонд. — У вас нет никаких оснований для гнусных подозрений!

— Так уж и никаких? — неожиданно усмехнулся Дон Вильсон. — Запомните, Кирк, я никогда не бросаю слов на ветер. Перед заседанием суда я попросил ознакомить меня с данными психозондирования всех членов моего отряда, и мне это разрешили. Я убедился, Кирк, что вы по уши влюблены в Таяну Марден!

Слова лидера, словно гром, прозвучали в тюремной камере. Хоомены переглянулись с растерянным видом, не веря своим ушам. Казалось, такого поворота событий не ожидал никто.

— Я же говорил,что этот мерзавец сознательно предал нас! — вдруг завопил Ланг и набросился с кулаками на Хаммонда.

Кирк не ожидал атаки и, не успев отвернуться, получил мощный удар в челюсть. И тут же руки Ланга стальным обручем сомкнулись на его шее. Задыхаясь, Хаммонд все же сумел резким ударом ноги отпихнуть Ланга от себя. Тот взревел от ярости и уже был готов вновь броситься в атаку, но Дон Вильсон схватил его сзади за руки.

— Бросьте, Гурт, вы только все испортите. Сюда скоро сбегутся все тюремщики и разведут нас по отдельным камерам.

Хаммонд вытер кровь с разбитых губ и зло процедил:

— Что мне нравится здесь, в мире будущего, так это простота, с которой принимаются все решения. Суд, состоящий из одного-единственного судьи, осудил всех за каких-то десять минут. А теперь и вы, Вильсон, действуете в таком же лихом стиле. Поймите, я никогда не любил и не люблю Таяну Марден, что бы ни говорил ваш чертов психозонд!

Вильсон сухо ответил:

— Ошибки при психозондировании исключены, Кирк. Да и не это самое главное. Намеренно ли вы послали сигнал врáменам или нет, вы не заслуживаете больше доверия. И мы посчитаемся с вами — но не здесь и не сейчас...

Он повернулся и пошел к своему креслу. Остальные хоомены тоже разошлись, бросая на бывшего товарища злобные взгляды, не обещавшие ему ничего хорошего.

«Ну и дьявол с ними, — подумал с раздражением Хаммонд. — Тупоголовые хоомены не верят ничему, кроме своих приборов! В конце концов врáмены выглядят куда умнее и интеллигентнее, чем эти ущербные, озлобленные существа. С ними вполне можно иметь дело».

Но когда он вспомнил о Таяне Марден, его намерения сразу же изменились. Нет, он не доставит такое удовольствие этой ледяной лживой красавице, больше похожей на робота, чем на человека! Как бы он ни злился на легковерных хооменов, врáмены для него куда более чужие. Так или иначе, ему предстоит найти свой путь в этой Вселенной далекого будущего. И начал он хуже некуда — растеряв всех друзей, делая одну глупость за другой...

Резко зазвенел звонок — заключенных приглашали на обед. Хоомены поднялись и в сопровождении охранников пошли в другой конец тюремной палубы, где располагалась столовая. Никто из них и не взглянул на бывшего товарища. Хаммонд не сдвинулся с места — он не был голоден. Закрыв глаза, он попытался вздремнуть, как вдруг

услышал рядом торопливые шаги Ивы Вильсон. Ее милое лицо было как никогда несчастным.

— Кирк, я так сожалею о том, что произошло! — сказала она со слезами на глазах.

— Значит, вы не верите, что я намеренно предал вас? — с надеждой спросил Хаммонд.

— Нет, нет! Это все Таяна Марден... Она заворожила вас, вскружила голову — ведь она такая красавица... Скажите откровенно, Кирк, вы любите ее?

— Дьявол, конечно, нет! — выпалил он в сердцах. — Да, она понравилась мне, не спорю, но не больше того! Психозонд это и зарегистрировал, а ваш отец подумал бог знает что...

Ива с облегчением улыбнулась.

— Я уверен, что так оно и есть! Врaменов невозможно любить, они совершенно иные.

Хаммонд пристально посмотрел на девушку.

— Вы уверены в этом? — тихо спросил он. — Ваш отец говорил, что врамены никогда не женятся, не имеют детей. Неужели они на самом деле лишены эмоций?

Ива отвела глаза.

— Мы ничего толком не знаем об этом. Врамены живут закрытой жизнью и не пускают в нее посторонних... Кирк, забудьте о Марден, вам надо любыми путями вновь завоевать доверие хооменов! На Кууме мы пробудем долго, если не всю жизнь. Отец и остальные будут пристально за вами наблюдать и, если вы опять не наделаете глупостей, в конце концов поверят вам. Не спорьте и не злитесь на них сейчас, время снова сделает вас друзьями.

— Хм... надеюсь, так и будет, — с сомнением покачал головой Хаммонд. — По крайней мере, с вашим отцом я смогу найти общий язык, и с Куоббой, и с Таммасом. Но Ланг... Почему он так меня ненавидит?

— Что вы, он ненавидит не вас, а врaменов! — пылко возразила Ива. — Девушка, которую он любил, несколько лет назад умерла от неизлечимой болезни. Конечно, неизлечимой для нас, хооменов. Врамены, насколько нам известно, этой страшной болезнью вообще не болеют. Нечто подобное произошло когда-то и с моей матерью, и

именно после этого отец фанатически загорелся идеей отнять у враменов секрет вечной жизни.

Она указала на небольшой экран, на котором горели россыпи звезд.

— Что бы вы сами сказали, Кирк, если бы ваша возлюбленная умерла, а средство ее спасения лежало бы там, в глубине Трифид, охраняемое безжалостными эгоистичными враменами?

Кирк проследил взглядом за ее рукой и увидел среди незнакомых созвездий сияющее звездное облако.

— Это Трифиды, верно?

Ива кивнула.

— Да. И где-то там находится Алтар.

Хаммонд поднялся с кресла и, подойдя к экрану, молча стал вглядываться в растущую впереди туманность.

Что ж, хооменов можно понять. Тяжело жить с сознанием, что смерть могла бы отступить, если бы раса суперлюдей поделилась небольшой толикой живой воды или чего-то другого таинственного, животворящего, что хранится совсем рядом, среди звезд. И как можно любить существ, стоящих на этом пути?

Ива тихо подошла к нему, Хаммонд взял ее руку и с благодарностью прижал к губам.

— Благодарю вас, милая, что вы поверили мне, — растроганно сказал он. — Что бы ни говорили, я по-прежнему с вашим отцом и буду бороться до конца на его стороне.

Девушка грустно улыбнулась.

— Борьба закончилась, Кирк. С тюремной планеты еще никому не удалось бежать... Пойду, а то отец рассердится на меня.

Но она не отрывала руки от губ Хаммонда. Тогда, повинуясь внезапному импульсу, он обнял девушку и поцеловал. Ее губы оказались мягкими и ласковыми. Тело Ивы трепетало в кольце его рук, но... странное дело, сам он был спокоен. Почему-то он не ощущал и тени того восторга, который испытал, целуя холодные, неподатливые губы Таяны Марден.

Когда Ива ушла, раскрасневшаяся и взволнованная, Хаммонд еще долго стоял у экрана, вглядываясь в сия-

ющее далеко впереди облако. Оно напоминало средневековую крепость с зубчатыми стенами из созвездий и темными валами из пылевых течений. Тысячи солнц светились вечным огнем, охранявшим секрет враменов от чужих глаз. Но что это за секрет? И какова та темная сторона жизни, о которой намекала Таяна? Что ждало нежданных гостей на Алтаре?..

Впрочем, гадать об этом бесполезно, корабль летел в совсем иную область Галактики. Бунт хоомен был задавлен в самом зародыше, и не без его, Кирка Хаммонда, активного участия...

В последующие дни полета он сторонился своих бывших товарищей, не заговаривал с ними и по возможности не смотрел в их сторону. Рано или поздно ему все равно удастся доказать, что он не предатель, но для этого нужно набраться терпения, много терпения.

Дни шли своей чередой, отмечаясь лишь звонками «подъем» и «отбой», а также регулярными обходами капитана полиции. Ничего существенного на тюремной палубе не происходило, да и на экране мало что менялось. Однако через некоторое время Хаммонд заметил, что Трифиды ушли куда-то влево и впереди по курсу корабля появилась сияющая искорка звезды Спика. Она стала медленно расти, превратилась сначала в белое пятно, потом в крошечный диск и наконец в ослепительно сияющий шар.

По странной причуде природы огромная звезда имела всего одну планету — Куум. Видимо, это и послужило основной причиной, по которой планету выбрали в качестве тюрьмы Федерации Солнц.

Куум размерами походил на Землю. Его океаны имели странный молочный цвет, а континенты были покрыты сплошной пеленой темно-зеленых джунглей. Когда корабль вышел на орбитальную траекторию, готовясь к посадке, хоомены увидели лишь один район суши, свободный от джунглей. На нем были видны квадратики возделанных полей, и среди них — небольшой городок. Поодаль располагался космопорт, окруженный барьером мерцающего света.

— Так вот он какой, знаменитый Куум, — произнес

Раб Куобба, подойдя к экрану. — Это один из тех миров, где я и шагу не хотел бы ступить.

— Ступишь, дружище, и не раз, — пообещал ему с усмешкой Таммас. — На Кууме нам скучать не дадут, это тебе не курорт. О, я вижу, нам приготовили недурную встречу! Вы только поглядите на эти силовые барьеры вокруг космопорта.

— Вижу, — глухо сказал Дон Вильсон, наклонившись поближе к экрану. — Теперь я понимаю, почему с проклятой планеты еще никому не удавалось бежать. Эти сияющие стены покрепче любой стальной решетки... Похоже, друзья, мы останемся на Кууме до конца своих дней!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

▼▼▼

Щурясь от ослепительного сияния солнца, Хаммонд сошел вместе с остальными пленниками по пандусу на землю. Трава вокруг была настолько густой и высокой, что пришлось ее раздвигать руками. Она немного напоминала земную осоку, но была покрыта мельчайшими белыми и черными крапинками, из-за чего выглядела дымчато-серой даже с близкого расстояния. Почва же была черной и жирной, словно чернозем, и норовила прилипнуть толстым слоем к подошвам ботинок.

«Я не на Земле, — напомнил сам себе Хаммонд, растерянно озираясь по сторонам. — Не на Земле, а на планете Куум, в другом конце Галактики».

В это трудно было поверить, и Хаммонд жадно стал изучать свой новый мир. Воздух был теплым и влажным, насыщенным едкими запахами — далеко не вонью, но и не совсем ароматами. Чуть меньшая гравитация делала движения удивительно легкими, словно за время перелета у него прибавилось сил.

К звездолету подъехали грузовые машины, и охранники без особых церемоний затолкали в кузова ссыльных хооменов. Высокие борта не дали Хаммонду возможности следить за окрестностями. Минут через двадцать машины

остановились на краю небольшого поселения, состоящего из дюжины цельнометаллических бараков и нескольких десятков аккуратных коттеджей, окруженных газонами с ровно подстриженной серой травой и клумбами с яркими цветами. За ними начинались поля, на которых росли неизвестные Хаммонду зерновые культуры, а еще дальше поднималась темная стена джунглей.

Все это мало соответствовало представлениям Хаммонда о поселении ссыльных преступников. Больше всего его поразила обычная, будничная жизнь, которая кипела вокруг. Ребятишки с визгом и хохотом играли на лужайках, женщины стирали белье, пололи грядки под окнами, болтали, обсуждая последние новости, готовили пищу.

К вечеру в поселок приехали крытые грузовики, привезя мужчин после нелегкого рабочего дня в джунглях. Эти хоомены были сосланы на Куум со всех краев Галактики и отличались друг от друга ростом, цветом кожи, манерами поведения. И все же они прекрасно уживались друг с другом и легко находили общий язык. Более того, они совсем не выглядели ссыльными; скорее напоминали колонистов, осваивающих дикую планету. Это навело Хаммонда на мысль, что Федерация Солнц довольно гуманно обращается со своими правонарушителями. Куум — место ссылки, но отнюдь не тюрьма. В поселке даже не было охранников.

Но, конечно же, за ссыльными наблюдали, и очень внимательно. В нескольких милях от поселка на востоке торчал сияющий купол силового поля, закрывавший космопорт вместе с окружавшими его по периметру сторожевыми башнями. Офицер охраны сразу же после посадки звездолета объявил пленникам, что силовое поле создается генератором, находящимся в башне штаба охраны. Прикосновение к этому мерцающему, полупрозрачному барьеру не грозит человеку смертью, однако он на долгое время теряет сознание. Офицер предупредил, что приближаться к силовому полю категорически запрещено, и всякого ослушавшегося ждет суровое наказание. Затем он повернулся лицом к самой высокой бетонной башне и махнул рукой.

Тотчас часть мерцающей занавеси погасла, открыв проход для грузовиков.

Хаммонду тогда стало понятно, почему с Куума не смог убежать ни один ссыльный. Единственный тщательно охраняемый космопорт был окружен силовым куполом, проход через который открывался только из штаба охраны. Ссыльным предоставлялась относительная свобода действий на всей остальной территории планеты, однако улететь с нее они не могли.

В первый же день вновь прибывших хооменов распределили по баракам — здесь жили холостяки, тогда как семейные люди занимали отдельные коттеджи.

Вернувшиеся из джунглей мужчины забросали Дона Вильсона и его товарищей жадными вопросами — ведь они почти ничего не знали о том, что творится во внешнем мире. У Хаммонда вскоре закружилась голова от названий десятков планет, городов, космопортов, о которых он даже не слышал. Не выдержав, он незаметно вышел на улицу и с облегчением уселся на скамейку, чтобы полюбоваться закатом.

К нему неожиданно подсел незнакомый мужчина — невысокий, худощавый, с серой кожей и умными, проницательными глазами. Чем-то он напоминал Норта Абела. Хотя его лицо было лишено морщин, незнакомец казался куда старше, чем психотехник.

— Меня зовут Тол Орр, — сказал он, дружески протягивая руку. — А вы землянин Кирк Хаммонд?

Хаммонд кивнул, с некоторым замешательством пожимая протянутую руку.

— Вы, кажется, родом с Алгола?

— Верно, — кивнул Тол Орр. — Но я уже почти забыл об этом — ведь большую часть жизни я провел здесь, на Кууме. Многое я здесь повидал, но вот шпиона временов видеть не доводилось. Ваши товарищи утверждают, что вы — шпион, вот я и вышел посмотреть на этакую диковинку.

Хаммонд грустно усмехнулся.

— Это — полная чушь. Правда, не уверен,что я сумею разубедить их.

Еще недавно он был уверен в обратном, так же, как и Ива Вильсон. Но во время многодневного перелета никто, даже добродушный Куобба, не попытался с ним заговорить. И здесь, на Кууме, его продолжали игнорировать.

Проклятая Таяна Марден! Она сломала его судьбу, сделала никчемным второе чудесное рождение в мире далекого будущего. Ничего, он еще посчитается с ней, и с остальными врáменами...

Тол Орр смотрел на него с глубоким интересом.

— Дон Вильсон говорил, что вы — выходец из далекого прошлого. Трудно поверить, честно говоря, хотя вы выглядите весьма необычно.

Хаммонд так соскучился по простому человеческому вниманию, что охотно поведал новому знакомому свою историю. Выслушав рассказ, Тол Орр только покачал головой.

— Поразительно... и не совсем понятно, — сказал он задумчиво. — Мне хотелось бы узнать об этом как можно подробнее. Я попрошу, Кирк, чтобы вас распределили в мою рабочую группу, и тогда у нас еще будет время обстоятельно побеседовать.

Он объяснил Хаммонду, что все работы на Кууме велись под руководством тех же ссыльных. Федерация Солнц не заставляла никого трудиться, хотя готова была платить за расчистку от джунглей новых территорий. Осужденные получали бесплатно грузовики, мощные бульдозеры, другую необходимую технику, но никто из них не имел оружия. Охрана колонии беспокоила их лишь раз в сутки, во время вечернего обхода.

— Советую вам принять мое предложение, Кирк, — настаивал Тол Орр. — Я дам вам относительно легкую работу и обещаю по мере возможности гасить все нападки на вас со стороны моих подчиненных. Учтите, все хоомены отныне настроены против вас, и защита вам не помешает.

— Выходит, вы не верите, что я — шпион врáменов? — с надеждой спросил Хаммонд.

Тол Орр снисходительно потрепал его по плечу.

— Врáмены не нуждаются в шпионах, — с улыбкой сказал он. — Дон Вильсон несколько преувеличил. Все

эти нелепые подозрения — не больше, чем отзвук старой ненависти к временам.

— А вы, кажется, ненавидите их не так сильно, — осторожно заметил Хаммонд.

Тол Орр пожал плечами.

— Я попал сюда по воле временов — так же, как и большинство остальных ссыльных. Но мне грех обижаться, меня было проще уничтожить.

Поймав недоуменный взгляд Хаммонда, он пояснил:

— В молодости я был физиком, специалистом по космическим лучам. Однажды, пролетая в свободном поиске на небольшом исследовательском космолете вблизи Трифид, я обнаружил поток излучения со странным спектром, идущий изнутри этой туманности. Увлекшись измерениями, я подошел слишком близко к Трифидам, совсем забыв об ограничителе, который должен был превратить мой корабль в горстку пепла. Но времены почему-то не дали сигнал на подрыв, а просто послали мне навстречу свой крейсер. Я был осужден к пожизненной ссылке на Куум, а мой несчастный экипаж — к пятилетнему заключению. По-моему, нам просто повезло, с нами обошлись очень мягко.

Солнце спустилось за горизонт, в небе высыпали бесчисленные незнакомые созвездия. Куум был лишен луны, но в поселке было довольно светло — его освещал мерцающий купол силового поля.

Тол Орр встал и, зевнув, потянулся.

— Мы поднимаемся рано, Кирк. Идите, вам нужно выспаться как следует.

Хаммонд неохотно вернулся в большую комнату, где продолжали горячо дискутировать люди Дона Вильсона и человек тридцать старожилов. Как раз в тот момент Раб Куобба, энергично жестикулируя по своему обыкновению, рассказывал о провалившейся попытке построить звездолет, чтобы попасть с его помощью на Алтар.

— Клянусь всеми солнцами, вот это было бы дело! — вскричал толстый мужчина с ярко-розовой кожей. — Если добраться до этого проклятого Алтара...

— Молчите! — коротко сказал Ланг, кивнув в сторону только что вошедшего Хаммонда.

Головы всех хооменов повернулись. Хаммонд вздрогнул, словно от удара бичом, — ему еще ни разу не приходилось видеть столько устремленных на него злобных глаз. Ему хотелось объяснить, что он не шпион враменов и не предатель, но это было бесполезно, никто не стал бы слушать. Опустив голову, Хаммонд прошел через холл в коридор, направляясь к отведенной ему крошечной комнатушке. Никто из ссыльных не захотел жить вместе с ним. Никто!

Лежа ничком на кровати, Хаммонд долго не мог успокоиться. Его гнев постепенно стал кристаллизоваться в твердую решимость отомстить ненавистным враменам. А для этого надо освободить каким-то образом и себя, и своих бывших товарищей. Он должен помочь достичь им Алтара, чего бы это ему ни стоило! Надо показать идиотам хооменам, как он обожает Таяну Марден...

На следующее утро Хаммонд по-прежнему пребывал в атмосфере всеобщего остракизма. Он позавтракал в столовой в одиночестве за столом, рассчитанным на четверых, а затем вышел на лужайку, где хоомены садились в грузовики. Тол Орр ожидал его и сразу поманил рукой.

Члены небольшой бригады уже сидели в кузове машины. Увидев Хаммонда, они помрачнели, а кое-кто разразился проклятиями.

— Вы рискуете испортить отношения с вашими подчиненными, если будете поддерживать меня, — предупредил Хаммонд, тоскливо глядя на своих будущих партнеров по работе.

Тол Орр добродушно усмехнулся.

— Ничего, не страшно. На Кууме я старожил, так что пользуюсь некоторыми привилегиями. Уж очень вы любопытная личность, Кирк. Садитесь быстрее, пора ехать.

Пока грузовик пересекал расчищенные поля, глазное яблоко Спики уже выкатилось из-за ресниц джунглей. Туман стал медленно подниматься вверх, открывая темную стенку деревьев.

Хаммонду еще никогда не приходилось видеть такой

жуткий, мрачный лес. Высокие мощные деревья переплетались стелющимися над землей ветвями, образуя почти непроходимую преграду. В свою очередь, ветви были густо оплетены вьющимися растениями с крупными белыми цветами, похожими на орхидеи. Над ними порхали гигантские бабочки, среди переплетения ветвей пели радужные птицы, воздух гудел от туч бесчисленных крылатых насекомых. Человеку среди этого бурного праздника жизни не было места.

И все же хоомены день за днем, год за годом теснили джунгли. Могучие бульдозеры выворачивали с корнями деревья, заодно сметая своими ножами весь подлесок. Следом за ними шли трактора, перепахивая землю и разбрасывая вокруг химические вещества, которые останавливали рост любых растений, кроме серой травы.

— Вы будете помогать корчевать самые крупные деревья, — объяснил Тол Орр новому «лесорубу». — Пойдемте, я покажу, как это делается.

Тол Орр уверенно зашагал в джунгли, направляясь к огромному узловатому дереву, напоминавшему земной дуб. За ним, рокоча, поехал приземистый, но очень мощный тягач, управляемый одним из членов его бригады.

— Возьмите конец цепи тягача и обмотайте вокруг ствола. Так, хорошо. Затем защелкните замок, фиксирующий цепь. А теперь отойдите в сторону. Подальше, подальше...

Тягач взревел и, глубоко погрузившись в черную почву широкими колесами с шипами, резко рванул с места. Дерево с ужасным треском рухнуло. С его ветвей вспорхнуло множество птиц, напоминающих крошечных летающих дракончиков. Пока тягач урча оттаскивал дерево в сторону, на Хаммонда с воинственным писком набросилась туча крылатых кровососов. Он с проклятиями выбежал из джунглей, бешено отмахиваясь руками.

Тол Орр, вдоволь посмеявшись над ним, наконец сжалился и вручил ему баллончик с едким репеллентом.

— Теперь вы знаете, что делать. Ну, успеха! И будьте осторожней — в этих джунглях полно всякого зверья.

Обычно они разбегаются, заслышав шум машин, но всякое может случиться.

Обрызгав себя с ног до головы репеллентом, Хаммонд пошел в джунгли, направляясь к соседнему крупному дереву.

К полудню он уже едва держался на ногах. От изнуряющей жары трудно было дышать, насекомые не оставляли в покое, но в целом он уже освоился со своей новой работой. Дело шло довольно споро, и они вдвоем с водителем тягача успели очистить от деревьев большой участок джунглей. Хаммонд забыл о недавних страхах и о предупреждениях бригадира, и, как оказалось, напрасно.

Он тащил тяжелую цепь к одному из деревьев, как вдруг ощутил странный мускусный запах. Вместо того, чтобы остановиться и осмотреться как следует, Хаммонд продолжал упрямо идти вперед, хрипло дыша и вытирая ладонью пот с лица. Через минуту он буквально наткнулся на округлый черный холм, каким-то чудом оказавшийся на его пути. Хаммонд отпрянул со сдавленным криком, но было уже поздно. «Холм» ожил, слегка приподнял переднюю часть своего основания и внезапно выбросил вперед огромную, увенчанную острым рогом голову на длинной шее. Острые зубы впились в бок землянина.

Оглушенный резкой болью, Хаммонд едва осознавал, что его тащат к «холму», который оказался гигантским черепахоподобным существом. Роговой край панциря вновь приподнялся, готовый проглотить несчастного зеваку, как вдруг по темному телу животного прошла сильная дрожь. С минуту-другую Хаммонд лежал на месте, не двигаясь, затем змееобразная голова вновь потащила его к пасти.

Никого из хооменов не было поблизости, и даже шума тягача не было слышно. Глупо умирать в пасти какой-то безмозглой твари в десятках парсеков от родной Земли, но что он мог поделать, что?

Новая, еще более сильная дрожь прокатилась по телу монстра. Пасть хищника слегка ослабила хватку, и Хаммонд пришел в себя. То, что он увидел, заставило его завопить от ужаса. Роговой панцирь раскололся, словно пустой орех, и изнутри тела стали выползать десятки кро-

шечных тварей, внешним видом весьма напоминающих живой «холм».

Опомнившись, Хаммонд вырвался, оставив в зубах твари клочья своего комбинезона, и побежал прочь из джунглей, крича во все горло:

— На помощь! На помощь!

Вскоре из-за деревьев показался тягач, за рулем сидел сам Тол Орр. Он направил машину в сторону чудовища, которое в это время покидали последние из его детенышей, но, не доехав нескольких метров до лопнувшего панциря, остановил тягач.

— Поздно, оно уже сдохло, — сказал бригадир, глядя вслед детенышам, исчезавшим среди кустарника. — Грязь-феникс... жуткая, беспощадная тварь. Вы не ранены, Кирк?

— Так, пустяки, — пробормотал Хаммонд, ошеломленно встряхивая головой. — До сих пор не могу опомниться...

— Вам еще повезло! Вы попали в пасть этой твари в тот момент, когда она собиралась рожать. Разве ваш партнер, водитель тягача, не предупредил, что их можно учуять по резкому мускусному запаху?

— Нет. Я даже не знаю, куда он исчез, — хрипло ответил Хаммонд.

Оказалось, что у его товарища внезапно заглох двигатель и он ничего не видел и не слышал. Получив нагоняй от Тола Орра, водитель через минуту, как ни в чем не бывало, вновь поехал в джунгли.

Теперь Хаммонд понял, насколько его ненавидят все ссыльные.

После возвращения из джунглей он получил этому новое подтверждение. Поселок жил своей обычной вечерней жизнью. Со всех сторон слышались оживленные голоса. На улицах было полно людей. Женщины сидели на скамейках, обсуждая последние новости, мужчины направлялись в кабачки, чтобы провести остаток дня за стаканчиком доброго вина. На Хаммонда же никто демонстративно не обращал внимания. Даже Ива Вильсон, вышедшая было на порог коттеджа, где она жила вдвоем с отцом,

при виде его смутилась и поспешила захлопнуть за собой дверь. Похоже, Дон Вильсон запретил дочери общаться с «изменником».

В последующие дни ничего не изменилось. Только Тол Орр продолжал встречаться с Хаммондом: давал новому товарищу книги, учил его читать и писать, рассказывал о жизни людей на множествах других планет. В свою очередь, Хаммонд поделился с ним воспоминаниями о двадцатом веке Земли, к которым алголианин отнесся с ничуть не меньшим интересом, чем Таяна Марден.

Все свободное время Хаммонд обдумывал план побега. Задача была предельно ясна. Ни один заключенный не мог прежде покинуть Куум, потому что невозможно было проникнуть на территорию космопорта, огороженную со всех сторон силовым барьером. Проход в нем открывали лишь изнутри, из самого штаба охраны.

Проблема казалась неразрешимой, но однажды на Хаммонда снизошло озарение. Внезапно ему стал ясен весь план бегства. Оставшиеся дни он обдумывал нюансы предстоящей операции, однако не смог найти ни одной слабинки в своем замысле.

И все же бегство теряло всякий смысл, если не удастся уговорить остальных хооменов присоединиться к нему. А это будет нелегко сделать — многие могут решить, что он пытается заманить их в ловушку враменов.

И все застопорилось. Шли неделя за неделей. Хаммонд загорел дочерна под палящим солнцем, его мускулы окрепли, он стал привыкать к одиночеству. Больше не доверяя никому, он сам научился водить тягач и обходился на работе без посторонней помощи.

Однажды днем он не спеша ехал вдоль края джунглей, направляясь к временному лагерю бригады, куда вскоре должен был прибыть грузовик со сменой. Вдруг послышались чьи-то приглушенные крики. Развернув машину, Хаммонд вломился в густой кустарник. Знакомый мускусный запах ударил ему в ноздри. Вскоре Хаммонд увидел рядом с зонтичным деревом черный лоснящийся холм — это был крупный грязь-феникс. Змеевидная голо-

ва, вцепившись клыками в бок извивающегося человека, волокла свою жертву по земле к роговому панцирю.

Не раздумывая, Хаммонд направил тягач на монстра, от резкого удара вылетел из открытой кабины и упал в густой кустарник. С трудом поднявшись на ноги, он увидел, что тягач заехал на верхушку чудовища и там заглох. Сам же грязь-феникс остался цел и невредим, но на всякий случай втянул змеевидную голову под панцирь — так, как это делает земная черепаха в минуту опасности.

В нескольких футах от Хаммонда на ноги с проклятиями поднимался человек. Он был с ног до головы перепачкан в грязи, но, к счастью, отделался лишь ушибами. Это был Раб Куобба. Вытерев лицо, он в замешательстве посмотрел на своего спасителя.

— Хаммонд... Спасибо. Я уже прощался с жизнью, когда вы подоспели... Похоже, зря не доверял вам, друг!

— Рад слышать, — с усмешкой сказал Хаммонд. — Вряд ли шпион враменов стал бы рисковать своей шеей, спася хоомена, верно?

Продолжая отряхивать комбинезон, Куобба уныло взглянул на него:

— А вот этому я никогда не верил, клянусь всеми солнцами. Ха! На кой черт враменам шпионы, когда они и так держат нас за горло? Но я здорово разозлился из-за того, что вы позволили этой проклятой Марден так ловко обвести себя вокруг пальца!

Хаммонд не стал возражать.

— Что ж, верно, я свалял дурака и теперь расплачиваюсь... — Внезапно он понял, что перед ним появился шанс, которого он давно ждал. — Куобба, послушайте. Хотели бы вы сбежать с Куума и вновь попытаться проникнуть на Алтар?

Куобба удивленно вытаращил глаз.

— Ха, конечно, хотел бы! Но разве это возможно?

— Я мог бы помочь Дону Вильсону и его людям попасть на звездолет, — взволнованно заговорил Хаммонд. — У меня есть отличный план. Но ваши друзья не доверяют мне. Может быть, они послушаются вас, Раб?

— Хм... не знаю, — неуверенно ответил Куобба. — А что за идея?

— Скоро на Куум прилетит звездолет...

— Ничего себе скоро! — прервал его вегианин. — Последний транспорт улетел всего несколько дней назад, значит, следующего ждать, считай, целый месяц.

Хаммонд снисходительно улыбнулся.

— Прилетит, не сомневайтесь. Я могу пригласить звездолет на Куум в любой момент, и это будет не какой-то там транспорт.

— Слушаю, — заинтересовавшись, сказал Куобба.

Хаммонд подробно объяснил свой план. Лицо Куоббы вытягивалось все больше и больше, и под конец он со вздохом покачал головой.

— Ха, это будет нелегкая работенка! Да и риск велик, слишком велик. Но если нам немного повезет...

— Согласны участвовать в этой авантюре?

Куобба хохотнул.

— Еще бы! Я — астронавт, а не лесоруб. Ха! Мне осточертело копаться в грязи. Что от меня требуется, Кирк?

— Начинаем готовиться к побегу немедленно. Поговорите с друзьями, найдите желающих рискнуть головой ради свободы. Только не упоминайте мое имя, скажите, что сами придумали этот план.

Куобба понимающе кивнул.

— Хорошо, я постараюсь повесить им лапшу на уши. Хотя, боюсь, они поймут, откуда дует ветер. Учтите, Кирк, если это дело не выгорит, вас разорвут на куски!

— Я знаю, — коротко сказал Хаммонд.

Поздно вечером, когда офицер охраны совершал традиционный обход поселка, Хаммонд дождался, пока он зашел в холл барака, и сказал:

— Капитан, у меня к вам просьба.

Все хоомены, находившиеся в комнате, немедленно замолчали и настороженно посмотрели на Хаммонда.

— Что же вы хотите? — равнодушно спросил охранник.

— Когда меня ссылали на Куум, суд постановил: если когда-нибудь я соглашусь сотрудничать с враменами-историками, то меня немедленно освободят. Поразмыслив, я

решил принять предложение. Можете вы поставить об этом в известность начальство, а также Таяну Марден?

Офицер охраны находился на службе у Федерации Солнц и все же был хоомеком. С неприязнью глядя на Хаммонда, он неохотно ответил после долгой паузы:

— Хорошо, я передам на Землю сообщение о вашей просьбе.

Когда он ушел, раздраженно хлопнув дверью, Гурт Ланг подошел к Хаммонду и с ненавистью оглядел его с ног до головы.

— Что, Кирк, пошпионили вдоволь и теперь торопитесь под крылышко к своим друзьям-враменам?

Хаммонд не стал отвечать. Лица окружавших его людей были настолько угрожающими, что он не рискнул — одно неосторожное слово могло вызвать взрыв.

Часа через три офицер вернулся.

— Ваша просьба передана, — брезгливо сказал он Хаммонду. — Таяна Марден в ближайшие дни намерена посетить Куум. Она хочет лично побеседовать с вами, и если убедится в вашей искренности, то вы будете освобождены.

— Благодарю, — спокойно сказал Хаммонд и пошел в свою комнату.

Хоомены неохотно расступились перед ним, но по их взглядам он понял, что ему здорово повезет, если он доживет до прибытия звездолета.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

▼▼▼

Оглушительный грохот прокатился по небосводу, глухо отразившись от темной стены джунглей. Хоомены из бригады Тола Орра, уже готовившиеся забраться в грузовик, остановились и посмотрели вверх, щурясь от ослепительного сияния солнца. Вскоре в сторону космопорта стало опускаться взвихренное облако пыли, сквозь которое можно было разглядеть конусообразный корпус звездолета. Он опустился на посадочное поле, и грохот мгновенно затих.

— Это за вами?

— Надеюсь, что так, — хрипло ответил Хаммонд, облизывая пересохшие от волнения губы.

Алголианин коротко кивнул.

— Посмотрим. А пока садитесь в машину, нам пора ехать.

Пока грузовик трясся на грунтовой дороге, пересекающей очищенные от джунглей поля, Хаммонд лихорадочно пытался собраться с мыслями. Он давно ждал этого события. Прошедшие дни были для него нелегкими. Только один Куобба знал правду о его истинных целях, остальные же окончательно уверились, что он предатель. Ему пришлось быть вдвойне осторожным, потому что отныне смерть могла ожидать его за любым углом. Даже Ива Вильсон смотрела на него с нескрываемым презрением.

Только Тол Орр был приятным исключением. Узнав о намерениях Хаммонда, он задумчиво покачал головой.

— Так вы собираетесь сотрудничать с врáменами, Кирк? Что ж, быть может, это и к лучшему.

Хаммонд был удивлен такой спокойной реакцией.

— Похоже, вы не так сильно ненавидите врáменов, как все остальные, — сказал он недоуменно. — Но почему? Ведь именно они сослали вас на Куум.

Тол Орр пожал плечами.

— Я прежде всего человек науки, а врáмены — замечательные ученые, перед которыми я преклоняюсь. Они облагодетельствовали хооменов многими своими открытиями, так что нам грех обижаться.

— И вас не возмущает, что врáмены сохраняют в секрете рецепт вечной жизни?

— Не знаю, — помолчав, произнес алголианин. — Быть может, немного возмущает. Но сейчас, когда я еще далеко не стар, я стараюсь об этом не думать. Возможно, оказавшись на пороге смерти, я начну их так же бешено ненавидеть, как и остальные хоомены. Разумом, а не сердцем, я даже признаю справедливость бессмертия врáменов — ведь эти люди глубоко преданы науке, они начисто лишены корыстолюбия, зависти и множества других пороков, свойственных простым хооменам. Они посвящают

свои жизни благу всех людей Галактики, и с этим спорить невозможно. Смогут ли жить так хоомены, получив бессмертие? Сомневаюсь.

Но Тол Орр был чуть ли не единственным в своем терпимом отношении к происходящему. Все остальные хоомены ненавидели Хаммонда почти так же сильно, как и враменов. Исключение составляли только Куобба и Таммас, знавшие правду о планах «предателя».

Хаммонд несколько раз тайно встречался с ними и обсуждал детали предстоящей операции. Он задал вновь обретенным друзьям множество интересующих его вопросов, в частности о современных видах оружия и о возможном устройстве системы управления силовым барьером. Однажды Куобба порадовал его вестью, что к ним решили присоединиться еще несколько смелых парней, готовых рискнуть головой во время побега. Имя Хаммонда при этом, разумеется, не упоминалось.

И вот теперь настал момент, когда корабль враменов сел в космопорте Куума.

Около барака Хаммонда уже ждал офицер охраны. Холодно глядя на землянина, он процедил:

— Корабль прибыл. Таяна Марден хочет немедленно встретиться с вами. Пойдемте.

Хаммонд выпрыгнул из кузова грузовика на землю и торопливо пошел за офицером, который даже не оглянулся. Ссыльные хоомены проводили своего бывшего соседа по бараку громкими проклятиями. Только Куобба стоял возле машины, растерянно глядя ему вслед. Хаммонд выразительно посмотрел на него, и тогда добродушный вегианин словно проснулся.

— Проклятый земляшка! — заорал он, потрясая кулаками. — Слава Богу, наконец-то мы избавились от тебя! Погоди, я хочу плюнуть напоследок в твою гнусную рожу!

Догнав Хаммонда, он смачно плюнул в «предателя», однако, разумеется, не попал. Вытирая губы ладонью, он тихо спросил:

— Этой ночью?

— Да, — быстро ответил Хаммонд. — Пускай парни

спрячутся поближе к барьеру, а уж я сделаю все, что смогу.

Офицер недовольно оглянулся, и Куобба, разразившись напоследок самыми отборными проклятиями, побрел назад к бараку.

На краю поселка ждал небольшой автомобиль, за рулем которого сидел сержант охраны. Хаммонд уселся на заднее сиденье, и машина помчалась в сторону космопорта.

Солнце уже катилось к горизонту, и его розовые лучи косо падали на сторожевые башни и крыши ангаров. Хаммонд, не утерпев, посмотрел назад и увидел на пороге одного из коттеджей Иву Вильсон. «Черт побери, — огорченно подумал он, — ведь если дело не выгорит, девчонка будет считать меня мерзавцем до конца жизни. А шансов на успех мало, очень мало...»

Внезапно усталость и нервное напряжение последних дней сыграли с Хаммондом злую шутку. Он подумал: «Черт побери, а для чего мне рисковать своей шкурой? Неужто ради хооменов, которые всей душой ненавидят меня и считают самым распоследним подонком? Лучше уж сотрудничать с врименами...»

Нет, этого он сделать не мог даже при большом желании. Между ними стояло слишком многое, и прежде всего их положение хозяев космоса. Всю душу он и его друзья из двадцатого века отдали тому, чтобы люди могли выйти в галактические просторы и наконец-то обрести свободу, которая не снилась даже птицам. Ни времены, никто другой не мог перечеркнуть усилия поколений космопроходцев.

Но к этим возвышенным мыслям, как это нередко бывает, примешивалось и нечто иное, мелкое и глупое, в котором Хаммонду даже самому себе не хотелось признаваться. Он страстно мечтал натянуть нос наглецу Лангу и иже с ним, считавшим его предателем. Его, Кирка Хаммонда!..

Автомобиль остановился перед мерцающим барьером. Офицер вышел и помахал рукой, глядя на ближайшую сторожевую башню. Снова, как и в первый день после прибытия корабля с осужденными, часть сияющей стены

исчезла. Автомобиль въехал в образовавшийся проход, и паутина силового поля затянулась позади.

Сердце Хаммонда отчаянно стучало, когда они поехали среди административных зданий космопорта.

На посадочном поле сидел сравнительно небольшой черный звездолет, верхняя часть которого была освещена лучами заходящего солнца.

Впереди появился штаб — трехэтажное здание, выложенное из крупных блоков, к которому примыкала высокая башня. Ее вершину опоясывали светящиеся окна. По мнению Куоббы, именно здесь находился пульт управления силовым барьером — по крайней мере, так считали многие старожилы. Хаммонда повели в здание штаба.

Пройдя по длинному коридору, охранники втолкнули его в кабину лифта и поднялись на третий этаж. Выйдя в очередной коридор, Хаммонд заметил две винтовые лестницы, укутанные мглой, — они вели на верх башни. Возможно, одна из них шла к пульту управления полем, но какая?

Попав в кабинет начальника охраны Куума, Хаммонд лишь мельком взглянул на этого высокого худощавого человека с бледно-зеленым лицом, характерным для жителей Сириуса: его внимание было сосредоточено на Таяне Марден.

Она стояла у окна, задумчиво глядя на закат солнца за далекой полосой джунглей. Услышав шаги, обернулась и встретилась глазами с Хаммондом. Он уже почти забыл, как красива эта женщина. Одетая в черную куртку и шорты, подчеркивающие белизну ее кожи, с зеленым ожерельем враменов на груди, она выглядела как никогда обворожительно.

— Здравствуйте, Кирк, — сказала она, нерешительно улыбнувшись. — Как видите, я выполнила свое обещание. Вы на самом деле решили сотрудничать с нашими учеными-историками?

— Да, — кивнул Хаммонд. — Понятно, в обмен на свободу. Хоомены так и не поверили, что я предал их случайно, а теперь путь назад мне вообще заказан.

Лицо Таяны Марден посветлело, но в ее глазах еще таилась тень настороженности.

— Рада это слышать, — сказала она. — Только прежде я должна побеседовать с вами наедине — необходимо убедиться в вашей искренности.

Хаммонд посмотрел на коменданта.

— Я готов ответить на любой ваш вопрос, Таяна. Но наш разговор должен пройти тет-а-тет.

Комендант нахмурился.

— Нет, этого я не могу разрешить.

Таяна улыбнулась.

— Не беспокойтесь, я не вижу ни малейшей опасности. Дайте мне на всякий случай ваш шокер и подождите в соседней комнате.

Комендант с сомнением посмотрел на нее, затем нехотя кивнул и, достав из кобуры пластиковую трубку шокера, протянул оружие женщине-врамен. Затем он вышел, плотно притворив за собой дверь.

Таяна выразительно подняла шокер, нацелившись им в грудь Хаммонда, и сказала:

— Держитесь на расстоянии, Кирк. Так что вы хотели бы мне конфиденциально сообщить?

Нервы Хаммонда были напряжены до предела. Наступал решающий момент, от которого зависела его дальнейшая судьба.

— Таяна, я решил сотрудничать с враменами не только ради обретения свободы, — наконец сказал он, стараясь изобразить на лице трогательную улыбку. — В большей степени я сделал это ради того, чтобы быть ближе к вам, видеть вас как можно чаще, дышать с вами одним воздухом...

Таяна посмотрела на него с холодной, почти циничной усмешкой.

— Вот как? С чего бы это?

— Секрет прост, я действительно люблю вас, — с чувством ответил Хаммонд. — Наверное, я самый большой глупец во Вселенной, но не могу с собой ничего поделать.

Он ожидал, что Таяна расхохочется ему в лицо, или придет в ярость, или назовет лжецом. Но почему-то она не

сделала этого. Шагнув к нему, Таяна пристально посмотрела на него, словно не веря своим ушам, а затем грустно покачала головой.

— Выходит, психозонд все-таки не ошибся, — тихо сказала она. — Жаль, жаль... Забудьте об этом, Кирк, и никогда больше не заговаривайте со мной о любви.

— Почему бы и нет? — горячо возразил он. — Пусть вы относитесь к расе бессмертных, но вы женщина, и прекрасная женщина, о такой я мечтал всю свою жизнь!

— Вы не отдаете себе отчета, Кирк, — расстроенно ответила Таяна. — Врамены не вступают в брак даже между собой — что уж тут говорить о хооменах! Вы даже не представляете, какие барьеры стоят между нами...

Хаммонд изобразил на лице вселенскую скорбь, а на самом деле внутри его все пело от восторга. Эта суперменша все-таки поверила ему! Он ловко сыграл на дурацкой ошибке психозонда, который не в состоянии был отличить любовь от простого увлечения. Да, он лгал Таяне сейчас, говоря о своих возвышенных чувствах, — плата за то, что эта женщина сделала с ним. У него были припасены и еще кое-какие сюрпризы для своей «возлюбленной».

Он шагнул к Таяне, протянув к ней с мольбой руки, и воскликнул со всем пылом, на который был способен:

— Не будьте такой жестокой! Что может разделить два любящих сердца, кроме смерти, даже если одно из них бьется в груди хоомена, а другое — врамена?

К его изумлению, Таяна приняла всю эту мелодраматическую чушь за чистую монету. На ее лице появилась тень мучительной боли, и она еле слышно прошептала:

— Я не могу вам сказать об этом, не могу... Поверьте, эту пропасть вам никогда не преодолеть...

Таяна никогда не была столь обворожительна, как в этот момент. Хаммонд был искренне тронут, и все же кто-то в нем гадко хихикнул: а ведь страсть оказалось подделать на удивление легко! Попалась, красавица, попалась, словно семнадцатилетняя девчонка...

— Таяна, послушайте! — сказал он, делая еще шаг вперед. — Я верю, что никакие преграды не могут разлучить два любящих...

Внезапно он схватился левой рукой за шокер, а правой нанес мощный удар в подбородок своей «возлюбленной».

Таяна упала, даже не вскрикнув. Хаммонд едва успел подхватить ее, прежде чем она коснулась пола. Шокер выпал из бессильно повисшей руки и покатился по полу. Хаммонд быстро схватил его и выпрямился, тяжело дыша.

Трюк удался — Таяна клюнула на его предложение поговорить наедине. Все прошло без сучка и задоринки. Но... но он не ожидал такой реакции женщины-врамен на его болтовню о любви. Ему даже показалось...

Хаммонд тряхнул головой, словно избавляясь от наваждения. Глупо терять на подобные пустяки драгоценные секунды. Он осмотрел шокер — единственное разрешенное для гражданских лиц оружие. Шокер генерировал мощный электромагнитный поток, способный подавить деятельность мозга, вплоть до полной потери сознания. Недостатком его был малый радиус действия, да и пораженный им человек быстро приходил в себя.

Положив палец на спусковую кнопку, Хаммонд подошел к двери, ведущей в соседнюю комнату, и резким ударом ноги распахнул ее. Здесь находился комендант, а также двое охранников. Все они обернулись, услышав шум за спиной. Вскочив на ноги, охранники схватились за оружие, но Хаммонд опередил их. Трижды нажимал он на спусковую кнопку, и трижды раздавался глухой звук, похожий на шипение рассерженной змеи. Хоомены упали, так и не успев ни разу выстрелить.

Хаммонд на всякий случай угостил лежащие на полу тела еще порцией парализующего импульса, но затем опомнился — ведь запас энергии шокера был ограничен.

Что дальше? Лестницы в конце коридора. Одна из них должна вести к пульту управления силовым барьером.

Он осторожно выглянул в коридор. Из соседних комнат слышались голоса, но дорога пока была свободна. Хаммонд побежал к ближайшей из лестниц и начал поспешно подниматься, стараясь не думать о том, что произойдет, если он ошибся и выбрал не тот путь. И все же

он чувствовал себя как никогда уверенным в своих силах. Ничем подобным не приходилось ему заниматься в родном двадцатом веке, но в этом странном мире будущего все было по-другому, и он стал другим.

Поднявшись на площадку, Хаммонд толчком открыл дверь. Да, это была контрольная комната. Через круговые прозрачные окна виднелся окутанный тьмой космопорт, на границе которого мерцал силовой барьер. В конце комнаты находилась клинообразная стойка с контрольными приборами и панелями управления, мигающими сотнями разноцветных огоньков. Возле большого дисплея сидел охранник, что-то регулируя на одной из панелей. Его напарник стоял у окна и вглядывался во тьму.

Ему-то и достался первый заряд шокера. Когда хоомен упал, Хаммонд не спеша нацелил оружие на сидящего за стойкой охранника и со злорадством увидел его изумленное, побелевшее от страха лицо. Еще одно движение кнопки, и... и ничего не произошло!

Шокер на этот раз не зашипел — видимо, заряд его батарей кончился.

Охранник мигом оценил ситуацию и, схватив со стола микрофон, заорал: «Говорит наблюдательная башня! Один из ссыльных сбежал...»

Хаммонд зарычал от бешенства и, подскочив к хоомену, нанес ему мощный удар шокером по голове. Однако тот не упал, а, лишь закричав от боли, закрыл окровавленный затылок руками. Микрофон остался включенным, так что его вопль послужил дополнительным сигналом тревоги. Хаммонд схватил хоомена за волосы и с силой ударил лицом о панель управления. На этот раз охранник обмяк и медленно сполз на пол.

Где-то внизу, в главном здании штаба, загудела сирена.

— О, дьявол! — простонал Хаммонд. От его недавнего куража не осталось и следа. Он паршиво сработал и теперь может поплатиться за это жизнью.

Через минуту-другую сюда ворвутся охранники. Закрыть дверь? Но на ней не было запора, никто и подумать не мог, что посторонний человек будет свободно разгули-

вать по штабу. Нет, надо заняться силовым барьером, даже на это у него осталось мало времени.

Хаммонд наклонился над стойкой и стал скользить взглядом по панелям управления, на которых, к счастью, были маленькие таблички с надписями. Большинство из них он не понял — ведь он едва умел читать, а технических терминов практически не знал. Но это не имело сейчас значения. Куобба помог ему твердо выучить все три слова: «Контроль генератора поля». Только попробуй их найди здесь...

Но он все-таки нашел — на табличке под большим реостатом с кнопкой на конце ручки. Хаммонд схватил ручку и медленно опустил ее до цифры 0. И в этот момент услышал топот ног на лестнице.

Подбежав к окну, он увидел, что снаружи стало заметно темнее — вокруг космопорта погас мерцающий барьер. Со всех сторон через посадочное поле бежали люди. Раб Куобба сдержал слово — заключенные потоком ринулись на штурм космопорта.

Сирена истерически вопила. Из казарм выскакивали охранники в одном белье, настолько ошарашенные, что многие из них даже не пытались пустить в ход оружие. Завязалась потасовка, и верх брали ссыльные, которых было больше, намного больше...

Дверь с шумом распахнулась. Хаммонд не успел повернуться, как услышал знакомое жужжание шокера. И сразу же провалился куда-то в темноту.

...Откуда-то издалека донесся голос:

— Он приходит в себя.

Приходит в себя — после чего? Неужто из бесконечного полета к Луне? Нет, он не мог вернуться оттуда, он наверняка еще летит по невообразимой орбите из ниоткуда в никуда, год за годом, столетие за столетием, и из этого замкнутого круга нет возврата...

— Хаммонд, вы слышите меня?

Ему был знаком этот голос. Он попробовал открыть глаза, но не смог. Выждав немного, он сделал еще одну попытку, и наконец отяжелевшие веки слегка приподнялись.

На него смотрел Тол Орр. На заднем плане был виден изогнутый металлический потолок, освещенный плоскими светильниками. Он уже видел этот потолок прежде, слышал отдаленное глухое гудение и ощущал подобную, едва заметную вибрацию.

— Мы... мы в космосе? — едва слышно пробормотал Хаммонд.

Тол Орр кивнул.

— Да, мы улетели с Куума. — Затем он быстро добавил: — Вам пока нельзя много разговаривать, Кирк, и тем более вставать. Потребуется время, чтобы ваша нервная система восстановилась после удара шокера.

Шокер?.. Внезапно Хаммонд все вспомнил. Он огляделся и увидел стоящую чуть в стороне Иву Вильсон, смотревшую на него с нескрываемой радостью.

— Мы захватили космопорт, Кирк, — пояснила девушка. — А затем отвоевали этот корабль. Охрана сумела вновь восстановить барьер, но было уже поздно, слишком много ссыльных успело проникнуть внутрь. Только когда мы заняли штаб, Куобба рассказал, что всем этим мы обязаны вам.

— Но куда... — прошептал Хаммонд и замолчал, все поняв.

— Мы вот уже несколько часов летим к Трифидам. На борту сорок четыре человека, большинство из них — наши старые товарищи по катакомбам. Узнав, как много вы сделали для победы, мы не могли оставить вас на Кууме.

Поначалу Хаммонд ощутил острый приступ восторга — его план полностью удался! Но затем он вспомнил о предостережениях Таяны Марден, и по его спине пробежал холодок. Впрочем, уже поздно что-то предпринимать.

Силы постепенно возвращались к нему. Через несколько минут Хаммонд сел на кровати.

— Почему вы полетели с Доном Вильсоном и его товарищами? — спросил он задыхающимся голосом у Тола Орра.

Алголианин пожал плечами.

— А почему бы и нет? Дон Вильсон считает, что мой

опыт полета к Трифидам может пригодиться. Кроме того, Куум не самое приятное место во Вселенной. Если нас поймают, меня скорее всего вновь сошлют на эту проклятую планету. По крайней мере, теперь у меня есть шанс вновь обрести свободу. Так что я ничего не теряю.

— Разве? — сказал Хаммонд. — По-моему, вы кое-что можете все-таки потерять, а именно — свою жизнь. На этом корабле вмонтирован ограничитель, не так ли?

Тол Орр вздохнул.

— Да, это так.

— И если нас обнаружат вблизи Трифид, то мы разлетимся в пыль?

— Врамены могут сделать это, не спорю. Но Дон Вильсон считает, что такой печальный исход почти исключен.

— Почему?

— Мы взяли с собой заложника, — сказала Ива, пристально глядя на Хаммонда, словно пытаясь заглянуть ему в душу. — Вашу добрую знакомую Таяну Марден.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

▼▼▼

Хаммонд уже однажды был в космическом корабле во время перелета на Куум, но тогда он находился на тюремной палубе и мало что видел. Сейчас же он стоял перед огромным экраном в кабине пилота и впервые мог как следует рассмотреть панораму звездных облаков. Ему страстно хотелось, чтобы сейчас рядом с ним стояли его друзья с мыса Канаверал и увидели эти ослепительно сияющие улья разноцветных солнц, колдовские огни двойных звезд, темные валы пылевых течений, дымчатые моря туманностей...

Не меньшее впечатление произвела на него и сама кабина, плотно заставленная панелями управления с многочисленными контрольными приборами и десятками дисплеев.

Однако Тол Орр быстро развеял его восхищение своими скептическими комментариями.

— Впечатляюще, не правда ли? — сказал он с усмешкой. — А на самом деле, Кирк, эта кабина — не более чем рудиментарный орган звездолета вроде слепой кишки у человека. В действительности корабль управляется не отсюда, а из кибершturманского отсека, где находится мощный компьютер, связанный со всеми агрегатами. Однако чисто психологически людям необходимо ощущать, что они хозяева на звездолете. Потому-то пока сохраняется этот отсек ручного управления, хотя он — не более чем мираж, кибершturман все равно контролирует каждое движение рук пилота и страхует его на случай любых ошибок.

Сидящий в кресле пилота Куобба повернулся к ним лицом и хохотнул:

— Что касается меня, то я на кибершturмана не в обиде. У этого парня железные мозги, куда мне с ним сравниться. Ха! Я только слежу за показаниями приборов, и этого с меня довольно. Кирк, хотите тоже попробовать «повести» корабль? Держу пари, вам это удастся ничуть не хуже, чем мне!

— Я? — вздрогнул Хаммонд. — Но я не сумею...

— Бросьте, Кирк, это под силу даже ребенку. Садитесь в мое кресло. Бог свидетель, вы заслужили это право, как никто другой.

Не веря самому себе, Хаммонд уселся в широкое мягкое кресло. Куобба подробно объяснил ему, на какие показания приборов надо обращать внимание, а затем заговорил с Толом Орром об особенностях полета вблизи Трифид, ведь алголианин единственный из всего экипажа уже однажды побывал там. Их голоса почти потонули в мягком гудении двигателя, и вскоре для Хаммонда перестало существовать все, кроме его самого, корабля и звезд.

Набравшись смелости, он положил руки на панель управления и чуть-чуть изменил курс — просто так, чтобы почувствовать себя увереннее. Кибершturман отозвался недовольным всплеском цифр на дисплеях, но все же повиновался. Тогда Хаммонд уселся поудобнее и «повел»

корабль, задавая бедному киберштурману одну задачку за другой.

Звезды на экране почти не меняли своего положения, и внезапно Хаммонд ощутил, что не может больше пошевелить рукой. Он словно впал в глубокий самогипноз, к нему вернулся старый кошмар. Он вновь сидел в кресле в своем маленьком стальном склепе и продолжал бесконечный облет звездных владений...

Только огромным усилием воли ему удалось стряхнуть ужасное наваждение, и тогда он услышал где-то вдалеке голос Тола Ора.

— Мне пора идти, друзья, скоро состоится совет, и мне на нем предстоит выступить. Куобба, дайте передохнуть Кирку — он даже вспотел от напряжения, дурача киберштурмана.

Куобба снисходительно улыбнулся.

— Из этого парня выйдет толк, — сказал он. — Видите, Тол, прошло почти полчаса, а мы еще летим к Трифидам!..

Несколько часов спустя в большой кают-компании состоялось совещание экипажа. В нем участвовали около сорока мужчин и женщин со многих галактических миров, собрались все свободные от вахты. За столом «президиума» сидели Дон Вильсон, Ланг и Куобба. Хаммонд, устроившись в самом дальнем углу вместе с Ивой, приободрился, заметив приветливую улыбку на лице Вильсона.

— Рад видеть вас, Кирк, — сказал он. — От имени всего экипажа благодарю за организацию побега с Куума. Мы не только вновь обрели свободу, но наконец-то получили шанс достичь Алтара. Отныне мы во всем доверяем вам, кроме одного.

— Чего именно? — насторожился Хаммонд.

— Я имею в виду Таяну Марден, — пояснил Дон Вильсон. — Больше вы не будете встречаться с ней наедине. Да, вы не особенно церемонились с ней во время побега, но и результаты вашего психозондирования нельзя сбрасывать со счетов. Мы не хотим больше рисковать. Во всем остальном, повторяю, вы равный среди равных.

Хаммонд возмущенно подумал: «Черт побери, сколько

же можно вспоминать об этих дурацких показаниях психозонда?» Но вскоре успокоился и стал слушать Дона Вильсона.

— ...Теоретически шанс незаметно проникнуть в Трифиды очень мал, — говорил тот. — С другой стороны, еще никогда хоомены не имели такой прекрасной возможности попасть на Алтар, так что мы просто обязаны попытаться. Все с этим согласны?

В кают-компании послышался тихий гул голосов, больше похожий на выражение согласия, чем протеста. Никто не выражал восторга, никто с бравадой не кричал: «Конечно, о чем разговор!» Нет, эти люди понимали, на что идут и чем рискуют, и тем не менее были готовы поставить на карту свою жизнь.

— Как долго нам предстоит лететь к Трифидам? — спросил Таммас. — Нас не перехватят по пути патрульные корабли враменов?

Ему ответил Гурт Ланг:

— Мы не зря разрушили перед уходом с Куума его главный передатчик и взорвали склад с запасными частями. Охрана теперь не сможет послать сигнал тревоги, и у них нет другого корабля. Но отсутствие ежедневных рапортов, несомненно, вызовет тревогу на Альто-4, где находится база полицейских сил Федерации. Через двадцать четыре часа они скорее всего пошлют на Куум корабль, но ему потребуется не меньше десяти суток, чтобы добраться до планеты.

— Выходит, у нас в запасе десять суток? — обрадованно воскликнул Куобба. — Ха! Мы достигнем Трифидов раньше, клянусь солнцами!

— Помолчите, Раб, — раздраженно осадил его Ланг. — Могут быть и другие, менее приятные для нас варианты. Если какой-то патрульный крейсер окажется вблизи Куума, то его и пошлют, чтобы выяснить, в чем дело. Так что времени у нас может оказаться куда меньше.

Лица хооменов вытянулись. Хаммонд добавил еще одну ложку дегтя в бочку меда:

— Все это замечательно, но мы забыли о главном, — сказал он. — Врамены, несомненно, обнаружат нас на под-

ходах к Трифидам. Что делать, если нам прикажут остановиться и ждать полицейского патруля под угрозой немедленного уничтожения?

Тол Орр кивнул, помрачнев.

— Именно это и произошло со мной много лет назад. Не думаю, что врамены с тех пор стали беспечнее. Что вы припасли на этот случай, Вильсон?

— Если мы объясним, что на борту корабля находится Таяна Марден... — начал было Вильсон, но Тол Орр немедленно перебил его.

— Это не поможет, можете не сомневаться, — убежденно сказал он. — Врамены без колебаний пожертвуют даже Марден, лишь бы не допустить нас в Трифиды. Есть только один выход, хотя и довольно рискованный.

— Какой же? — озадаченно спросил Куобба.

Дон Вильсон снисходительно усмехнулся.

— Наш друг Тол Орр кое-что придумал. Однако об этом потом. Пора побеседовать с нашей очаровательной пленницей, а то она, наверное, уже совсем заскучала. Приведите ее, Гурт.

Ланг ушел и вернулся с Таяной Марден. Женщина-врамен выглядела неважно, лицо было утомленным, на подбородке виднелся синяк. Но ее взгляд озадачил Хаммонда — в нем не было злости или ненависти, только тревога и грусть. Тол Орр вежливо встал и предложил ей сесть.

Таяна кивнула и, сев в кресло, заговорила первой:

— Прошу вас еще раз выслушать мое предостережение. Вам не удастся достичь Алтара, так что лучше и не пытаться это сделать. Вам грозит неминуемая гибель, неужели вы не понимаете?

— Вы имеете в виду ограничитель? — спокойно спросил Вильсон.

— Конечно. Вам не найти безопасный путь в Трифиды, потому что его попросту не существует. Не удастся и демонтировать ограничитель, даже если вы его и обнаружите каким-то чудом.

Тол Орр кивнул.

— Понятно. Откровенно говоря, мы надеемся на вас,

Таяна. Помешать нам лететь к Трифидам вы не сможете, а вот помочь — в ваших силах.

— Помочь вам? — изумленно переспросила Таяна. — Да вы с ума сошли!

— Посмотрим, — кротко улыбнулся Тол Орр и начал задавать пленнице вопросы, довольно странные, на взгляд Хаммонда. Таяна отвечал на них презрительным тоном, затем внезапно нахмурилась.

— Что-то я не понимаю, к чему этот разговор? — настороженно спросила она. — Чего вы от меня хотите?

— Больше ничего, — ответил Дон Вильсон и кивнул Лангу. — Гурт, отведите пленницу в ее каюту и выставьте охрану.

Когда Таяна Марден ушла, Дон Вильсон с надеждой посмотрел на алголианина.

— Все прошло нормально?

Тол Орр хмыкнул.

— Кажется, так... Но это было нелегко сделать. Марден отнюдь не глупа, она едва не догадалась, в чем смысл моих дурацких вопросов.

— И в чем же их смысл? — буркнул Куобба. — Я ни черта так и не понял.

Тол Орр подошел к стене — той, что находилась перед креслом, в котором еще недавно сидела Марден, и нажал на едва заметную кнопку.

Тотчас небольшая плита сдвинулась в сторону, и за ней открылась ниша, в которой находился какой-то прибор с широким окуляром.

— Это стереовидеокамера, — объяснил алголианин. — Я специально взял ее с Куума, рассчитывая, что она нам пригодится.

— Ха! На что она нам сдалась?

— Я сделал видеозапись Таяны во время нашего разговора. Мои вопросы, возможно, показались вам нелепыми; мне просто нужно было получить определенные ответы. Теперь с помощью компьютера мы сможем перемонтировать их так, чтобы Таяна, вернее, ее изображение на экране, могла отвечать на самые очевидные вопросы. Ясно?

Все находившиеся в кают-компании заулыбались и шумно выразили свое одобрение.

Только Хаммонд не понял причины общего восторга. Как можно из обрывков записи создать иллюзию нормального разговора?

Следующие несколько дней алголианин провел в лаборатории, колдуя над видеозаписью. Наконец он подсоединил передатчик к компьютеру — вместе они должны были создать видимость «живого эфира».

— Я сделал все, что мог, — сказал Тол Орр, доложив о своей работе экипажу. — Однако риск остается, и немалый. Если врамены будут задавать моей «компьютерной Таяне» нестандартные вопросы, то все рухнет. Будем надеяться, что этого не произойдет.

Шесть дней спустя Хаммонд проснулся «утром» и увидел в иллюминаторе каюты жемчужное облако туманности, лежащее впереди по курсу корабля.

Трифиды. Даже на астрономических фотографиях, которых Хаммонд видел в двадцатом веке, эта туманность выглядела впечатляюще. С подобной же малой дистанции она попросту ошеломляла.

Вокруг сияли звездные облака, которые летней ночью на Земле можно было увидеть в районе созвездия Стрельца. Сияющую массу Трифид разделяли три гигантских ущелья шириной в световые годы, образовывая дороги в непредсказуемые глубины туманности.

Звездный свет падал на лица людей, находившихся в кабине пилота. Таммас суетился возле приборной стойки, а Дон Вильсон, Куобба и Ива стояли чуть позади Хаммонда. Теперь, перед нависшим титаническим храмом Трифид, ему показалось, что все они грешники, приближающиеся к престолу Господа.

Колдовское очарование этого мига рассеял нервный голос Вильсона:

— Нас могут обнаружить в любой момент. Думаю, что Тол уже готов.

Хаммонд оторвал взгляд от завораживающего экрана и вышел вслед за Вильсоном из кабины пилота. Он боял-

ся продолжать смотреть на туманность, которая лишала его мужества.

В радиорубке Тол Орр приветствовал их спокойным кивком головы.

— У меня все готово. Помните, вы должны сохранять тишину и ни в коем случае не появляться перед объективом телепередатчика.

Корабль продолжал лететь под гул двигателя. Экипаж ждал. Экран телеприемника оставался темным.

Раздался резкий звук зуммера, и Хаммонд вздрогнул.

— Это они, — пробормотал Вильсон.

— Тише, — прервал его Тол Орр, словно успокаивая перепуганного малыша, и коснулся выключателя.

На экране возникло приятное лицо юноши, вполне обыкновенное лицо, за исключением того, что оно принадлежало ненавистному врамену. За ним были видны незнакомые Хаммонду приборы.

— Назовите кодовый номер вашего корабля, — потребовал юноша.

Тол Орр коснулся другого выключателя, и стереовидеопроектор заработал. Перед объективом телепередатчика возникло трехмерное изображение Таяны Марден.

— Возвращаюсь за необходимой мне консультацией. На корабле нет никого, кроме враменов.

Ее слова прозвучали вполне естественно.

Хаммонд надеялся, что это убедило юношу, иначе он просто нажмет на кнопку и они даже не узнают, что погибли.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

▼▼▼

На экране было видно, как глаза юного врамена засияли от удовольствия.

— Рад вас видеть, Таяна. Вы отсутствовали так долго! Добро пожаловать.

Экран погас. Тол Орр повернул выключатель, и стереоизображение Таяны исчезло. Хаммонд почувствовал,

что стальной обруч, сжимавший его грудь во время короткого разговора, разомкнулся. Члены экипажа торжествующе посмотрели друг на друга.

— Хорошая работа, Тол! — сказал Вильсон. — Нам удалось перехитрить враменов.

Тол Орр покачал головой.

— Боюсь, это ненадолго, — произнес он с сомнением. — Не забудьте, теперь врамены ожидают Марден на Алтаре. Если она не появится, то поднимут тревогу и начнутся поиски.

— К этому времени, надеюсь, мы уже зайдем глубоко в Трифиды, — проворчал Вильсон. Он подошел к Норту Абелу, изучавшему показания пеленгатора. — Ты определил координаты станции, из которой врамен вел передачу?

— Похоже, что так. Но мне надо поработать над данными, прежде чем я сумею рассчитать новую траекторию.

В маленьком навигационном отсеке вскоре собрались Ланг, Абел, Вильсон и Тол Орр. Хоомены склонились над столом, разложив перед собой многочисленные таблицы и графики. Хаммонд заглядывал им через плечи, но так ничего и не понял в хитросплетении вычислений.

— Кажется, все, — сказал наконец Абел. — Если их передатчик находится на Алтаре, то путь к этой планете ясен. Быть может, враменам известна дорога получше, но нам и эта подойдет. Мы войдем в туманность через одну из расщелин.

Лицо Ланга стало еще мрачнее обычного.

— Нелегко будет лететь через туманность, черт ее дери.

Хаммонд удивленно спросил у Тола Орра:

— Почему вы все так озадачены? Я полагал, что космическое вмешательство в туманностях очень разреженное.

Тол Орр кивнул.

— Верно. Трифиды выглядят со стороны словно облако огня, но на самом деле это лишь отражение света звезд от частичек космической пыли. В лабораторном глубоком вакууме больше плотность вещества, чем в туманности. Кораблю это угрожать не может.

— Тогда в чем проблема?

— В магнитных полях. Облака пыли в Трифидах находятся в непрерывном движении, вращаясь и сталкиваясь друг с другом. Возникают мощные магнитные поля, напряженность и форма которых постоянно меняется. Можете себе представить, как они подействуют на наш фотонный двигатель!

Время шло, корабль спокойно летел по направлению к Трифидам. Хаммонд отсыпался, набирался сил, и ночные кошмары перестали его преследовать. И все же по утрам он вспоминал один и тот же возбуждающий его сон: будто бы он сжимает в объятиях Таяну Марден. Она хохочет, вырывается и внезапно исчезает. Только тогда становится ясно, что это лишь бестелесное стереоизображение... Таяна сидит под арестом в маленькой каюте. Как она чувствует себя — дрожит от страха? Сомнительно. Конечно, она высокомерная ведьма, но мужества ей не занимать. Наверное, расхаживает по своей стальной клетке, не находя себе места... Черт, зачем он вообще о ней думает?

Хаммонд вскочил с койки и вышел в коридор. На экране в кабине пилота раскрывалась великолепная панорама Трифид. Бесчисленные звезды сияли в глубине огромного газового облака, словно бриллианты на дне моря. Титанические ущелья, видимые даже с Земли, казались бездонными реками мрака среди сверкающих берегов. Корабль медленно плыл по одной из этих рек, уходя все дальше и дальше в глубь туманности.

Шау Таммас, сидевший в кресле пилота, повернул к Хаммонду сморщенное желтое личико и ухмыльнулся:

— Чудесное местечко, верно? Только дьявольские выродки вроде враменов захотели бы жить в этой преисподней.

Вскоре мизарианина сменил Раб Куобба. Корабль плыл сейчас вблизи пылающего берега, мимо сверкающих мысов из сотен созвездий, пересекая заливы мрака, уходящие на миллионы миль в глубь туманности. Хаммонд был подавлен этим зрелищем, слишком фантастичным для выходца из патриархального двадцатого века. Однако

на лицах Ивы и Таммаса читался такой же благоговейный ужас.

В кабину на минуту заглянул Дон Вильсон. Мельком взглянув на проплывающие мимо величественные звездные берега, он сказал:

— Пристегните ремни. Раб, перестань терзать пульт управления, дальше мы пойдем на автопилоте. Ива, пойдем, тебе здесь не место.

Куобба кивнул в сторону соседнего кресла, и Хаммонд уселся, торопливо пристегивая ремни безопасности. Из интеркома послышался голос Ланга:

— Автопилот включен!

Куобба поставил систему управления в автоматический режим и неохотно снял руки с пульта.

— Есть автопилот! Надеюсь, электронные мозги не заведут нас черт знает куда. — Он покосился на Хаммонда. — Глядите в оба, ископаемый астронавт! Сейчас вы получите урок под названием «пилотирование в туманности». Только в Трифидах это сложнее, чем где-нибудь еще....

Его слова заглушил нарастающий гул генераторов. За дело взялся киберштурман, молниеносно рассчитывая наиболее безопасную траекторию в сложнейшем переплетении гравитационных и магнитных полей. Получив от него команды в виде электрических импульсов, автопилот уверенно развернул корабль и направил его прямо на сверкающий берег из тысяч звезд.

Река мрака начала уходить назад. Хаммонд, затаив дыхание, увидел, как стена огня двинулась им навстречу. По мере приближения она стала гаснуть и вскоре уже была не ярче лунного света. Впереди, среди пелены разреженного газа, вспыхнул треугольник тройного солнца, за ним еще один, и еще, и еще... Мощные гравитационные и магнитные поля обрушились на корабль, корпус задрожал мелкой дрожью. Генераторы взревели, насыщая энергией фотонный двигатель. Киберштурман работал с полной нагрузкой, постоянно корректируя курс и отдавая приказы автопилоту. Корабль благополучно вырывался из одной ловушки, но тут же попадал в другую. Хаммонду каза-

лось, что рано или поздно они непременно попадут в сети какого-нибудь светила, которое поглотит их, словно акула крошечную рыбешку. Например, вот эта угрожающе растущая тройная звезда, состоящая из двух теплых золотистых солнц и одного горячего, бело-голубого...

Однако киберштурман не сдавался. В битве со звездами, в которой разум любого человека оказался бы слишком слаб и неповоротлив, электронный мозг успевал отражать удар за ударом, не зная ни сомнений, ни усталости. Человеку не было места в этой туманности, но машины чувствовали себя в подобной обстановке как рыба в воде. Не зря именно здесь поселились похожие на роботов врамены...

Хищная тройная звезда наконец осталась позади. Наступила небольшая обманчивая передышка перед новой схваткой. Огоньки на контрольной панели прекратили бешеную пляску, но их мигание навевало тревогу.

Куобба впился взглядом в многочисленные приборы и простонал:

— Дьявол, мы попали в космическое течение, в котором полно крупных обломков! Как бы шею не сломать...

До сих пор киберштурман успешно спасал их от незримых пут магнитных полей звезд, но сейчас и ему пришлось нелегко. Началась бешеная свистопляска.

Корабль резко замедлил скорость и стал рыскать из стороны в сторону, уходя от столкновения. Ремни безопасности впились в тело Хаммонда, не давая вздохнуть. Панорама сияющих звезд погасла, задернувшись пеленой космического течения. Внезапно корпус корабля вздрогнул, словно от удара метеорита. На экране то здесь, то там вспыхивали ослепительные искры. Сквозь рев генераторов до Хаммонда донесся крик Куоббы:

— Это работа противометеоритной защиты, Кирк! Лазеры уничтожают мелкие обломки, а от крупных автопилот пытается увернуться!

Корабль еще некоторое время продолжал рыскать из стороны в сторону так, что переборки трещали, а потом наконец вышел из опаснейшего течения. И сразу же на них обрушилось очередное магнитное поле...

Киберштурман упрямо держал корабль на прежнем курсе. Минуя звезду за звездой, они летели в глубь Трифид.

Не выдержав многочасового напряжения, Хаммонд задремал. Проснулся он от перемены в тембре гудения генераторов. С трудом подняв отяжелевшие веки, он сразу же взглянул на экран и увидел, что панорама на нем заметно изменилась.

— Начали торможение, — объяснил Куобба, заметив его недоуменный взгляд. — Впереди по курсу радары обнаружили звезду с одной-единственной планетой. Мы думаем, что это Алтар.

Хаммонд сразу же окончательно проснулся. Вглядевшись в экран, он увидел далеко впереди яркое пятно, затянутое пеленой газового облака.

В кабину пилота вошли Дон Вильсон и Ланг и уселись в свободные кресла. Туманная звезда медленно приближалась.

— Я поручил штурманам провести тщательное изучение пространства вокруг этого солнца, — сказал Вильсон. — Любой астероид может укрыть нас от радаров враменов.

Вскоре в кабину вошел Норт Абел и протянул ему листок, испещренный цифрами.

— Мы обнаружили достаточно крупный обломок, и киберштурман рассчитал траекторию сближения с ним. — Вильсон внимательно изучил расчеты и передал листок Куоббе. — Попробуем обмануть враменов. Раб, настал твой час, переходи на ручное управление.

Туманная пелена постепенно светлела, становясь все более прозрачной — сказывалось действие гравитационного поля светила. Наконец звезда предстала перед ними во всем своем колдовском блеске. Вокруг нее кружила небольшая планета, размерами уступавшая Земле: возможно, это и был долгожданный Алтар. Но сейчас все взгляды были прикованы к звезде.

— Клянусь Создателем, я никогда не видел ничего подобного, — пробормотал Куобба.

Остальные промолчали, не находя слов.

Нет, не пылевое облако, преломляющее лучи света,

придавало этому солнцу такой фантастический вид, космос впереди был чист. Огромный опаловый шар испускал фейерверк разноцветных лучей — красных, зеленых, фиолетовых, золотистых, подобно великолепному бриллианту. Маленькая планета купалась в потоках радужного света, словно дитя в колыбели.

Вильсон тихо произнес:

— Никогда не видел и даже не слышал о таких звездах...

— Таких звезд нет нигде в Галактике! — воскликнул Норт Абел. — Пойду расскажу Толу Орру.

Он выскочил из каюты, чтобы поделиться побыстрее поразительной новостью со своим земляком.

— Неужели эта планета — Алтар? — спросил Хаммонд.

— Возможно, — кивнул Дон Вильсон.

— Будем садиться? — спросил Куобба.

— Конечно. Но надо оставаться как можно дольше под прикрытием ближайшего из астероидов. Гурт, займись киберштурманом.

Ланг отправился в вычислительный центр, а Хаммонд вместе с Вильсоном и вегианином продолжал любоваться поразительной звездой. При приближении к ней сияние все усиливалось, переливы красок завораживали. Казалось, это солнце пришло из другой области Вселенной, неся с собой тайну зарождения жизни из небытия.

Ива взволнованно прошептала:

— Какая колдовская, жуткая красота...

Вернулся Норт Абел с вытаращенными от волнения глазами:

— Тол хочет поговорить с вами, Дон, и немедленно! — выпалил он. — Ему что-то известно об этой дьявольской звезде.

Вильсон неохотно поднялся с кресла и вышел в коридор. Ива и Хаммонд последовали за ним, сгорая от любопытства.

Тол Орр находился в навигационном отсеке. Он изучал опаловую звезду, прильнув к окулярам спектроскопа.

Хаммонд еще никогда не видел обычно хладнокровного алголианина таким взволнованным.

Оторвавшись от прибора, он сказал, ошеломленно глядя на Вильсона и его товарищей.

— Вы знаете, что я в прошлом был специалистом по космическим лучам. В свое время меня сослали на Куум именно за то, что я слишком близко подошел к Трифидам, увлекшись исследованиями.

— Да-да, знаем, — прервал его Дон Вильсон нетерпеливо. — Сейчас нас интересует приближающаяся странная звезда и ее планета. Вы полагаете, что этот мир — Алтар?

— Об этом я и толкую, — ответил раздраженно Тол Орр. — В прошлый раз я прилетел в Трифиды, чтобы изучить новый вид космических лучей, который не встречается больше нигде в нашей Галактике. Сейчас ясно, что источником его служит эта удивительная звезда! Такого мощного источника высокочастотных электромагнитных колебаний в природе больше не существует.

В голосе Тола Орра прозвучал неприкрытый страх. Поймав удивленный взгляд Хаммонда, алаголианин объяснил:

— Электромагнитный поток такой интенсивности и частоты должен серьезно влиять на все живое, в том числе и на человека. Последствия подобного воздействия непредсказуемы.

Дон Вильсон побледнел.

— Вы хотите сказать...

— Да, — кивнул Тол Орр. — Секрет вечной жизни скорее всего нужно искать здесь, на этой звезде.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

▼▼▼

— Миллионы лет, с момента сотворения Вселенной, Трифиды хранили тайну удивительной звезды, выделявшейся среди других, словно бриллиант среди обычной гальки. Но однажды, две тысячи лет назад, на нее случай-

но набрели люди. Высокочастотное излучение воздействовало на клетки организмов этих людей, значительно усиливая в них регенеративные процессы. И обычные люди стали врáменами, первыми представителями расы бессмертных.

Дон Вильсон внимательно выслушал пылкую речь алголианина, а затем прошептал:

— Да, наверное, так и было. Но если дело только в излучении звезды, тогда и мы...

Куобба, охнув, заорал:

— Ха! Я, кажется, понял! Свет этого солнца подарит нам вечную жизнь, и мы тоже станем врáменами!

«Нет, это невозможно! — подумал Хаммонд, потрясенный до глубины души. — Эти люди слишком долго лелеяли мечту о бессмертии и теперь поддались гипнозу самообмана. Ничто не доказывает, что перед нами находится загадочный мир врáменов!» И все же его сердце пело от восторга: «Жизнь, жизнь, жизнь!»

Видимо, Норт Абел или кто-то другой не выдержал и проболтался о догадках Тола Орра, потому что вскоре корабль наполнился гулом взволнованных голосов. Люди теснились около кабины пилота, чтобы хоть одним глазком взглянуть на фантастическую звезду. Общее возбуждение готово было вот-вот перейти в истерику. Психологический шок был слишком велик, и даже Хаммонд ощущал, что близок к умопомешательству. Каждый человек с детства знает о своей неизбежной смерти и с возрастом постепенно привыкает к этой мысли, хотя и боится ее, и постоянно гонит прочь. Возникновение расы врáменов нарушило естественный порядок, заложенный природой. Людям стало куда труднее смириться с неизбежностью своего ухода, когда они узнали про собратьев, не только не умирающих, но даже почти не стареющих, почти не ведающих болезней. Из поколения в поколение переходила зависть к врáменам, узурпировавшим право на бессмертие, не желавшим поделиться эликсиром жизни. Мечта достичь Алтара со временем стала навязчивой идеей всего человечества, рассеянного по Галактике. И вот, наконец, спустя два ты-

сячелетия, хоомены впервые достигли своей цели! Было от чего потерять голову...

В считанные минуты, корабль превратился в сумасшедший дом. Все и думать забыли о дисциплине, но Дон Вильсон вновь взял бразды правления в свои руки. Вылив на разгоряченных хооменов холодный ушат из отборных ругательств и приказов, он восстановил относительную тишину в кабине пилота, а затем твердым голосом произнес, обращаясь к своим подчиненным, как к малым детям:

— Не спешите радоваться, друзья, еще нет никакой уверенности, что перед нами — Алтар. Не исключено, что Тол Орр прав и секрет вечной жизни кроется в удивительном спектре излучения этой звезды. Но, может быть, она здесь ни при чем. Если мы потеряем сейчас голову, то никакой чудесный эликсир жизни нам не поможет. Вспомните об ограничителе!

Мысль о том, что в любой момент взрыватель может сработать и разнести корабль в пыль, отрезвила людей. Никому не хотелось умирать, особенно сейчас, когда до бессмертия было так близко.

— Все немедленно разойдитесь по своим местам, — сурово приказал Дон Вильсон. — Гурт, проследи за этим, а затем приведи Таяну Марден. Быстро!

— Мы выходим из тени астероида, — взволнованно доложил Куобба. — Он уходит от Алтара и больше не может нас прикрывать. Что делать?

Дон Вильсон взглянул на экран, где в радужных лучах солнца плыла зеленая планета, и решительно сказал:

— Держите курс прямо на Алтар.

— Но нас сразу же обнаружит радар враменов, — тревожно возразил Куобба.

— Ну и что? До поры до времени они будут считать, что корабль Марден возвращается на базу.

Вегианин кивнул и отключил автопилот. Набирая скорость, корабль шел по траектории сближения с планетой. Генераторы вновь загудели.

В каюту вошла Таяна Марден в сопровождении сурового Ланга. Она даже не взглянула на находившихся здесь

членов экипажа, нет, ее внимание было целиком приковано к опаловой звезде и крошечной одинокой планете.

— Это Алтар, верно? — спросил Дон Вильсон.

Таяна спокойно взглянула на него, ничего не ответив.

— Не время играть в молчанку, Марден, — предупредил ее Вильсон. — Мы все равно приземлимся на этой планете, хотите вы или нет.

— Не надо! — умоляюще прошептала Таяна. — Поворачивайте и улетайте отсюда, пока не поздно. Так будет лучше для всех хооменов, не только для вас.

Гурт Ланг презрительно рассмеялся в ответ. Вошедший в каюту Тол Орр отодвинул его в сторону и спросил:

— Секрет вечной жизни — в излучении этой удивительной звезды, не так ли?

Таяна Марден обвела всех находившихся в кабине пилота тоскливым взглядом и едва слышно промолвила:

— Да.

Глаза Дона Вильсона торжествующе засияли. Цель всей его жизни была так близка!

Тол Орр не унимался:

— Скажите, Марден, лучи этого солнца нас тоже сделают бессмертными, подобно вам, врáменам?

Таяна с болью в глазах посмотрела на Хаммонда и ответила:

— Для этого потребуется много дней. Если вы высадитесь на Алтаре, то столько все равно не проживете. — Она вновь обратилась к хооменам со страстной мольбой: — Повторяю в последний раз, остановитесь! Бессмертие — это биологическая ловушка, ее последствия ужасны. Если вы подвергнетесь воздействию лучей, то перед вами раскроются не врата рая, а пропасть ада...

— Не надо нас пугать, словно несмышленышей, — язвительно прервал ее Дон Вильсон. — Насколько можно судить, вы, врáмены, очень недурно устроились в этой жуткой преисподней и покидать ее не собираетесь.

Таяна опустила голову.

— Безнадежно спорить с вами, — прошептала она. — Я знала об этом с самого начала. Вот почему мы, врáмены,

никогда не стремились открыть хооменам всю правду — это было бы бесполезно.

— Почему же? — неожиданно для всех заговорил Хаммонд. — Мы готовы вас выслушать.

Ланг злобно посмотрел на него.

— Куда вы лезете, Кирк? Черт побери, я всегда считал, что вам нельзя доверять.

Нервы Хаммонда были напряжены до предела, и, не выдержав, он заорал:

— Сколько можно нести эту чушь? Разве вы оказались бы здесь, если бы не моя помощь?

Дон Вильсон в сердцах стукнул кулаком по приборной стойке.

— Замолчите, вы оба! Только ссор нам сейчас не хватает. — Обернувшись к Марден, он спросил: — Где на Алтаре находится главный город врaменов?

— На северном полюсе, в высокогорном районе. Если уж вы надумали садиться на планету, то направляйте корабль именно туда. В других местах вы не будете в безопасности.

— В безопасности? — переспросил Ланг и расхохотался. — Ну конечно, в безопасности — в руках врaменов.

Глаза Таяны сердито сверкнули.

— Вы ничего не понимаете! Мы, врaмены, контролируем только часть приполярной области. Почти вся остальная планета принадлежит другой расе — Третьим людям. Ни в коем случае вы не должны оказаться на их территории!

Ланг сурово нахмурился.

— Сколько можно дурить нам головы? Мы уже устали от вашего постоянного вранья, Марден.

Таяна вздохнула.

— Так вы не хотите сесть рядом с Шаранной, центром врaменов на Алтаре?

— Дураков нет, — любезно ответил Дон Вильсон, снисходительно усмехаясь.

Таяна перевела тоскливый взгляд на Хаммонда и еще раз вздохнула.

— Тогда все мы очень скоро погибнем. Прощайте, Кирк Хаммонд!

Повернувшись, она ушла, сопровождаемая Таммасом.

Последние слова Таяны тревожным эхом звучали в ушах Хаммонда. Ланг гневно взглянул на него, но сдержался и спросил Вильсона:

— Интересно, что она имела в виду, когда говорила о нашей неминуемой гибели?

Вильсон хмыкнул.

— Здесь и гадать нечего. Радары враменов скорее всего уже засекли нас. Если мы сядем не на космодроме в Шаранне, а где-нибудь в другом месте, то они заподозрят неладное и на всякий случай взорвут корабль.

На лице Куоббы заблестел пот.

— И что же нам делать? — растерянно спросил он.

— Направь корабль в сторону северного полюса, — сказал Вильсон. — Но на орбите раскачай, словно он потерял управляемость из-за неполадки, и сразу же садись. Врамены могут подумать, что мы потерпели аварию.

Хаммонд с сомнением посмотрел на него.

— Вы считаете, что в этом случае они не подорвут взрывное устройство?

— Не знаю, — сказал Вильсон. — Но у нас появится шанс. Скорее всего врамены попытаются связаться с нами или пошлют отряд спасателей.

— А если они найдут место посадки?

— Они найдут лишь следы аварии. Мы сразу же покинем корабль и унесем с него все, что будет в наших силах. На всякий случай взорвем два-три второстепенных отсека, чтобы сбить преследователей с толку. Мы наденем металлические шлемы от скафандров, так что гипноизлучатели нам будут не страшны. Кроме того, у нас есть оружие — мы захватили с Куумы шокеры.

— И надолго ли это остановит враменов? — с сомнением спросил Тол Орр.

— Надеюсь, чтобы скрыться, времени хватит, — ответил Вильсон. — Если верить Марден, у враменов есть враги, которые могут стать нашими союзниками. Я имею в виду неких Третьих людей.

— Чушь, — скептически усмехнулся Ланг. — Марден попросту хотела нас запугать.

— Может, и так, — согласился Вильсон. — Но не исключено и другое — какая-нибудь иная раса нашла этот мир и также стала бессмертной.

Подобная мысль раньше не приходила Хаммонду в голову и потому потрясла его. Конечно же, не только люди, но и другие разумные существа, в том числе и из далеких галактик, могли прилететь в Трифиды в поисках вечной жизни. Словно животворный магнит, звезда манила к себе разумных существ, жаждущих навеки избавиться от страха смерти. Они могли вступить друг с другом в военный конфликт, борясь за место под солнцем.

— Готовьтесь к высадке, — объявил Вильсон, прерывая его размышления. — Из корабля надо будет вынести все наиболее ценное: атомные реакторы, аккумуляторы, инструменты, ремонтное оборудование, оружие, продовольствие... Все, что только сможем! Гурт, возьмите руководство этим делом на себя. Торопитесь!

В корабле начался самый настоящий бедлам. Ланг и Тол Орр определяли, что надо демонтировать, и экипаж немедленно набрасывался с инструментами на тот или иной агрегат, о назначении которых Хаммонд мог только догадываться. Остальные хоомены вручную перетаскивали снятые агрегаты к шлюзам.

Группа техников под руководством Ланга наскоро сооружала электрические подъемники, чтобы с их помощью выгружать тяжелые атомные генераторы. Хаммонд вместе с Абелом занялся самой простой работой — переносил к шлюзам картонные коробки с продовольствием, которые Ива доставала из кладовых. По всем коридорам торопливо сновали люди, заглушая своими возбужденными голосами даже гул генераторов.

Когда Хаммонд пришел за очередной коробкой, Ива спросила его:

— О чем рассказала вам Таяна Марден?

— О многом. Но мне показалось, что она больше всего хотела нас запугать, расписывая всяческие страсти об Алтаре.

Ива настороженно взглянула на него.

— Возможно, к ее словам стоит прислушаться, Кирк. Вряд ли ей есть дело до хооменов, но к вашей судьбе она неравнодушна.

Хаммонд с негодованием посмотрел на девушку.

— Ива, да вы с ума сошли, если считаете...

Он не успел закончить свою гневную тираду. За бортом послышался знакомый свистящий звук — корабль начал вхождение в атмосферу. Из интеркома донесся голос Ланга:

— Внимание! Начинаем торможение. Всем пристегнуть ремни.

Люди бросили работу и уселись в креслах, торопливо пристегивая ремни безопасности.

Хаммонд и Ива устроились в кают-компании, заняв места неподалеку от обзорного экрана.

Планету почти сплошь покрывал темно-зеленый ковер лесов, кое-где расцвеченный желтыми пятнами болот. Цветовая гамма заставила Хаммонда вспомнить о панораме гор в Нью-Мехико поздней осенью, с золотыми факелами осин среди сосен...

Поверхность планеты неожиданно резко наклонилась — корабль вошел в штопор, имитируя аварию.

Ремни безопасности болезненно впились в тело Хаммонда, а Ива не удержалась от испуганных восклицаний. Впечатление было такое, что корабль на самом деле потерял управляемость и катастрофа неминуема. За бортом воздух гудел все громче и громче, а экран полностью заполнил стремительно приближающий лес.

«Неужели мы пролетели такой путь, чтобы так бездарно погибнуть?» — с тоской подумал Хаммонд.

Глухой удар, треск лопнувших переборок, панические крики людей...

Затем настала тишина. Через минуту ее нарушил резкий голос Ланга, зазвучавший из интеркома:

— Всем немедленно выходить наружу! Начать разгрузку оборудования!

Хаммонд помог Иве расстегнуть ремни, и они вслед за остальными выбежали в коридор и затем к шлюзам. Из

распахнутых люков лился ослепительный свет солнца. В корабль ворвался теплый сухой ветер.

Закипела работа. На землю были спущены пандусы, и члены экипажа, в том числе Хаммонд и Ива, стали вручную выносить коробки с продовольствием. В грузовом люке были установлены электрические лебедки, с помощью которых начали выгружать атомные реакторы и другие тяжелые агрегаты. Времени осмотреться на месте посадки не было. Дон Вильсон подгонял всех приказами:

— Быстрее! Врамены могут подорвать корабль в любую минуту. Уносите все подальше, к лесу. Быстрее, я говорю!

Сознание смертельной опасности лучше всяких распоряжений подгоняло людей. Громоздкие агрегаты были спущены на землю с рекордной скоростью, а затем на электрокарах отвезены подальше от корабля.

Наконец основная часть грузов уже лежала огромной грудой на опушке леса, и экипаж смог немного передохнуть и оглядеться.

Рядом возвышалась стена густых зарослей, состоящих не из деревьев, а огромных древовидных лишайников. Они росли группами, этакими темно-зелеными холмами двадцати-тридцати футов высотой и еще больше в диаметре. Между ними расстилался малахитовый ковер мха с золотистыми прожилками травы.

Солнце скрылось за горизонтом, но небо еще переливалось радужными сполохами, напоминавшими полярное сияние. Вокруг царила хрустальная тишина. Люди смотрели со страхом и надеждой на планету своей мечты.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

▼▼▼

Ночь стояла над Алтаром, но совсем иная, чем на Земле или Кууме. Здесь не было ни звездного купола, ни лун. Небо представляло собой мерцающий жемчужный свод, льющий на землю тусклые рассеянные лучи, почти не дающие тени.

Люди собрались тесной группой рядом с грудой оборудования и припасов. Хотя солнце село почти час назад, было все же достаточно светло, и фонари не включали. Несколько человек, вооруженных шокерами, охраняли лагерь, остальные спали.

Хаммонд, несмотря на усталость, не смог сомкнуть глаз так же, как и Таяна Марден. Она сидела чуть в стороне от него, под бдительным наблюдением Шау Таммаса. Маленький мизарианин держал пленницу под постоянным прицелом шокера. Хаммонд едва различал бледное лицо Таяны в тусклом свете неба и сгорал от желания поговорить с ней. Он обязательно поговорит с ней, как бы ни возражали Вильсон, Ланг и все остальные, черт бы их побрал!

Не выдержав, он встал и шагнул вперед, по колено увязнув в высоком мху.

И тут же раздался оглушительный удар грома, и волна горячего воздуха ударила ему в грудь, сбив с ног.

Лагерь немедленно проснулся. Люди вскочили на ноги, испуганно озираясь и ничего не понимая.

— Корабль! — заорал Куобба, указывая рукой в сторону дымного столба, поднимавшегося на месте, где еще недавно стоял звездолет.

Хоомены с криками проклятий бросились было в ту сторону, но Дон Вильсон остановил их:

— Все назад! Врамены подорвали наш корабль, как мы и ожидали. Нам нечего там делать.

Холодные мурашки пробежали по спине Хаммонда. С таким же успехом это могло произойти и при приближении к Трифидам, и при выгрузке корабля. Да, он был прав, ненавидя враменов, — эти чудовища спокойно распоряжались жизнью и смертью других людей, словно имели на это право.

Вильсон с угрожающим видом подошел к Таяне. Она тоже встала и со странным выражением лица смотрела на останки звездолета.

— Почему ваши друзья подорвали корабль вместо того, чтобы прийти нам, вернее вам, на помощь?

Таяна глухо ответила:

— Я же говорила — врамены никогда не покидают свою территорию, это слишком опасно.

— Ах, да, таинственные Третьи люди, — усмехнулся подошедший Ланг. — Пугало, которым вы хотели нас устрашить. Глупая выдумка!

— Напрасно вы так считаете, — мрачно сказала Таяна, оглядывая мерцающее небо. — Мои собратья наверняка наблюдали за местом нашей посадки из Шаранны. Раз они решили взорвать корабль, значит, радары обнаружили приближающиеся флайеры. — Она с безнадежным видом обратилась к Дону Вильсону: — Прошу вас, послушайте меня хотя бы сейчас! Уничтожьте атомные генераторы и все металлические приборы, которые вы сняли с корабля! Если они попадут в руки Третьих людей...

Вильсон прервал ее язвительным смехом.

— Понятное дело, вам хотелось бы, чтобы мы остались ни с чем. Не выйдет! — Он обернулся к окружавшим его товарищам и, повысив голос, приказал: — Удвоить охрану! Не пускать в ход шокеры без моего приказа.

Хаммонд подошел к нему и сказал, что остался без оружия. Дон Вильсон успокаивающе похлопал его по плечу.

— Не волнуйтесь, никакой схватки не будет. Если даже эти таинственные Третьи люди и существуют, они — враги врамен, а значит, наши потенциальные друзья. Я сумею с ними договориться.

— Послушайте! — воскликнула Ива.

Все замолчали, тревожно озираясь по сторонам. И услышали вдали резкий прерывистый свист, несущийся с небес.

— Флайеры, — сказала Таяна, опустив плечи. — Третьи люди заметили взрыв и теперь летят на столб дыма.

Вильсон приказал Таммасу:

— Следи за ней, Шау. Не отходи от нее ни на шаг, что бы ни произошло!

Вместе с Лангом он шагнул к зарослям гигантских лишайников, и за ним последовали все остальные хоомены. Воспользовавшись моментом, Хаммонд подошел к Таяне

Марден, не обращая внимания на насторожившегося Таммаса.

— Ну и что, Кирк, довольны? — спросила с горькой иронией Таяна. — Вы помогли хоомена впервые достичь Алтара. Если вы останетесь живы, в чем я сомневаюсь, то излучение солнца сделает вас бессмертным. И тогда вы станете по-настоящему счастливыми — как и мы, врамены.

— Таяна, хватит говорить загадками. Скажите, что нам угрожает?

Она невесело усмехнулась.

— Ничего. Ровным счетом ничего. Я ведь только и умею, что лгать, вы сами говорили об этом.

Женщина замолчала, и тогда Хаммонд услышал, что свист в небе стал громче.

— Приближаются ваши новые друзья, — устало сказала Таяна, опустив голову. — Бегите им навстречу, Кирк, кричите «ура». Конечно же, они помогут вам в борьбе с ненавистными враменами.

Хаммонд вновь взглянул на небо и увидел четыре длинные тени, быстро пролетевшие над ними.

Свист стал пронзительным до боли в ушах, а затем утих немного, когда флайеры замедлили скорость. Один из них вскоре спустился за ближайшим холмом, а остальные продолжали кружить в воздухе.

Хоомены напряженно ожидали, сжимая в руках шокеры. Долгое время ничего не происходило, только флайеры со свистом кружили в мерцающем небе.

Хаммонд подошел к Вильсону и произнес:

— Не нравится мне это, Дон. Пока мы будем стоять и ждать, нас могут окружить.

— Аборигены не будут нападать на нас, кто бы они ни были, — убежденно ответил Вильсон. Выждав несколько минут, он пошел в сторону холма, и его голос глухим эхом отразился от гигантских лишайников, нависающих высоко над землей: — Мы ваши друзья! Друзья!

Долгое время не было слышно ничего, кроме свиста кружащих в небе флайеров. Наконец из-за гряды донесся высокий голос:

— Друзья?

— Мы хоомены, — громко произнес Дон Вильсон. — Мы не знаем, кто вы, но готовы вступить с вами в союз, если вы, конечно, не врамены.

На этот раз ответ пришел быстрее. Абориген ответил на галакто, и в его холодном голосе Хаммонду почудилась легкая ирония:

— Мы не врамены, нет! Врамены никогда не были нашими друзьями.

— И нашими тоже, — поспешил заверить Вильсон. — Они пытались помешать нам попасть на Алтар, а теперь охотятся за нами. Только что они разрушили наш корабль. Одного из них мы сумели захватить в качестве заложника.

— Врамен — пленник? — В голосе аборигена прозвучало удивление. — Я Мар Канн, один из Третьих людей, готов встретиться с вами. Я приду без оружия. Враги враменов — мои друзья!

Из-за гряды появилась высокая, не меньше семи футов, фигура. Это был мощный, ладно скроенный мужчина, одетый в облегающую темную тунику. Его совершенно лишенная волос голова мерцала под светом ночного неба. Широкими шагами абориген приближался к хооменам. Ива издала тихий возглас ужаса, как и остальные женщины, и спряталась за спиной Хаммонда. Сам он тоже ощущал нарастающий страх.

Трудно было поначалу понять, чем вызвана эта болезненная реакция. Абориген напоминал человека, только неприятно поражало полное отсутствие волос, в том числе и на бровях. Глаза его отталкивали — ледяные, начисто лишенные тепла и сострадания.

Абориген остановился в нескольких ярдах от них и стал пристально рассматривать — нет, не самих хооменов, а груду машин и агрегатов, снятых с корабля. Внимательно изучив их, он повернулся к гостям, и Хаммонд вздрогнул от его взгляда, словно от удара.

— Сначала я хочу увидеть пленного врамена, — спокойно сказал Мар Канн.

Вильсон повернулся и кивнул в сторону Таяны Мар-

ден, которая стояла среди хооменов. Глаза туземца впились в пленную женщину.

— Не знаю ее, — произнес он. — Я надеялся, что она может быть из тех враменов, кто дорог мне.

— По счастью, этот срам не лежит на моей совести, — ответила Таяна.

Хаммонд не понял, что она имела в виду, но отчетливо ощутил ненависть и отвращение в ее голосе.

— Вот вам еще одно доказательство несправедливости враменов, — почти добродушно сказал Мар Канн. — Многие века они беспричинно ненавидят нас, хотя должны были бы любить.

Дон Вильсон насторожился.

— Многие века?.. Выходит, вы, Третьи люди, также бессмертны?

— Разумеется, — ответил Мар Канн. — Это очень огорчает враменов, но так или иначе все, кто живет под этим солнцем, обрели вечную жизнь.

— Включая ваших горячо любимых детей, — едко заметила Таяна.

Хаммонд вновь ничего не понял, однако в глазах Мара Канна блеснула неприкрытая ненависть.

— Послушайте, значит, и мы, хоомены, можем теперь стать долгожителями? — задал Дон Вильсон давно мучивший всех вопрос.

Выражение гнева сразу же исчезло с лица Мара Канна. Он пристально посмотрел на хооменов, которые с волнением ждали его ответа.

— Так вот почему вы прибыли на Алтар... Что ж, вы прилетели не напрасно. После нескольких недель облучения лучами нашего солнца каждая клетка в ваших телах претерпит изменения, процесс старения почти остановится, и болезни навсегда покинут вас. Но лучше мы побеседуем об этом в Вонне, нашей столице.

Таяна заговорила прежде, чем кто-нибудь из хооменов успел открыть рот.

— Не доверяйте Третьим людям! — воскликнула она. — На самом деле они хотят...

— Замолчи, женщина, — угрожающе прошипел Мар Канн, шагнув ей навстречу со сжатыми кулаками.

Хаммонд с изумлением увидел, как лицо Таяны сразу же изменилось, словно застыло в окаменевшей маске: глаза потускнели, плечи бессильно поникли. Женщина превратилась в жалкую марионетку, не способную ни самостоятельно двигаться, ни говорить.

Он возмущенно спросил:

— Что вы сделали с Марден?

Мар Канн повернулся к нему, и Хаммонд вновь почувствовал незримый удар холодных, безжалостных глаз.

— Я просто успокоил ее.

— Гипноз не мог сработать так быстро, — возмутился Хаммонд. — Вы использовали какое-то оружие!

— С помощью телепатии нетрудно взять верх над врáменами, — презрительно усмехнулся Мар Канн. — И все же даже мы, Третьи люди, когда-то были пленниками на Алтаре.

— Пленниками? — недоуменно переспросил Дон Вильсон. — Не понимаю...

— Я все объясню вам в Вонне, — сказал Мар Канн. — Уверен, что мы станем союзниками. Нам не нужны ваши люди, но мы крайне нуждаемся в ваших машинах. Алтар, увы, крайне беден металлами, и в этом вся наша беда.

Дон Вильсон больше не колебался. Повернувшись к хоомена́м, он сказал:

— Я считаю, нам надо принять это приглашение. Кто бы ни были эти люди, они враги врáменов, и этого вполне достаточно.

— Ваш выбор мудр, — с удовлетворением кивнул Мар Канн. — Я вызову еще несколько флайеров, и они перевезут в город людей и самые ценные вещи. Подождите, я сейчас свяжусь с Вонном.

Туземец повернулся и торопливо зашагал в сторону гряды холмов, за которыми находился его флайер. Темная высокая фигура отчетливо выделялась на фоне неба. Хоомены озадаченно следили за ним. Воспользовавшись всеобщим замешательством, Хаммонд приблизился к замершей на месте Таяне, взял ее за руку и заговорил. Но

она никак не отреагировала на его слова и продолжала стоять, невидящими глазами глядя в сторону леса. Тол Орр подошел к ней и внимательно оглядел ее.

— Я думаю, что Таяна в полном порядке, только находится под действием глубокого гипноза, — сказал он. — Но что же это за люди, которые имеют такую власть над врaменами?

Хаммонд с жалостью смотрел на застывшую на месте женщину, не зная, что предпринять. Ланг не преминул отреагировать на это сердитой репликой:

— Кирк, что-то вы слишком обеспокоены судьбой этой ведьмы! Не хватало еще, чтобы из-за ваших сантиментов осложнились наши отношения с Третьими людьми.

— Сомневаюсь, что мы можем заключить равноправный союз с людьми, которые превосходят даже врaменов, — огрызнулся Хаммонд.

Дон Вильсон неожиданно поддержал его.

— Я тоже думаю об этом. Но, возможно, мы преувеличиваем их мощь. Вы же слышали: врaмены не допускают Третьих людей к своим машинам, не делятся запасами металлов. Из-за этого те фактически стали пленниками Алтара. Галактика недоступна им. Но ведь и мы стали пленниками планеты, лишившись корабля! Так что мы в какой-то степени товарищи по беде, и союз будет полезен обеим сторонам.

Послышался гул голосов, в которых ощущалось согласие со словами лидера, но особого энтузиазма не чувствовалось. Хаммонд молча отошел в сторону, и тотчас же к нему шагнул Куобба.

— Дьявол, кто же такие эти Третьи люди? — тихо спросил он, тоскливо глядя на Хаммонда.

Тот только покачал головой:

— Хотел бы я знать. Таяна пыталась нас о чем-то предупредить, но абориген не дал ей даже фразу закончить. Хотя не исключено, что она вновь хотела нас обмануть.

Хаммонд замолчал, не в силах разобраться в бурлящих в нем самом противоречивых чувствах. Да, это был миг триумфа, Алтар лежал перед ними, и вечная жизнь была наградой за все мытарства. Но тайн пока только

прибавилось, и Эдем оказался унылым, безрадостным миром, от которого буквально веяло тревогой.

Куобба, словно читая его мысли, неожиданно сказал:

— Вы видели руки этого парня, Кирк?

— Нет, а что?

— На них по шесть пальцев, вот что. Эти аборигены не совсем люди, Кирк, они принадлежат к другому виду!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

▼▼▼

Хаммонд стоял у окна, залитого опаловым солнечным светом, и размышлял:

«На что она может быть похожа, эта вечная жизнь? Как я буду себя чувствовать через сотню лет? А через тысячу? Странно, я не ощущаю ничего особенного, а ведь именно сейчас начался процесс перестройки всех клеток организма, который сделает меня совсем иным существом...»

Задумавшись, он едва слышал гул голосов, заполнявший просторную комнату. Здесь, по обе стороны длинного стола, уже какой час совещались дюжина хооменов во главе с Доном Вильсоном, с одной стороны, и четверо лидеров Третьих людей — с другой.

Хаммонду быстро это наскучило, и он подошел к окну, чтобы полюбоваться панорамой Вонна.

Впрочем, любоваться было особенно нечем. Столица Третьих людей представляла собой небольшой город, состоящий из темных бетонных зданий, окруженных бурожелтой равниной. Даже ослепительные лучи солнца не могли рассеять ощущение тяжеловесности и мрачности, исходившее от этих сооружений, больше напоминавших заводские корпуса. В центре, посреди округлой площади, возвышалось пирамидальное здание, в котором и находился сейчас Хаммонд. Внизу, у основания здания, виднелась площадка с флайерами.

Странные это были машины... Корпус их был изготовлен из прочной пластмассы, с керамическими реактивны-

ми двигателями, но не атомными, а химическими. Однако еще более странными Хаммонду показались мехи, роботы, которых можно было видеть на улицах города почти так же часто, как и людей.

Он внезапно заметил, как из города вышли двое мужчин и направились в сторону леса, едва видневшегося на горизонте. Хаммонд решил запомнить это направление — кто знает, быть может, ему тоже со временем захочется покинуть Вонн.

— Кирк, вы не примете участие в разговоре? — недовольно спросил его Дон Вильсон.

Хаммонд вздохнул и поплелся на свое место за черным пластмассовым столом. Вся обстановка комнаты и даже стены и потолок также были сделаны из пластика, только приятного серебристого цвета.

Он уселся в кресло, мысленно чертыхаясь — уж очень ему не хотелось вновь ощутить на себе ледяной, испытывающий взгляд четырех аборигенов.

— ...Я все понимаю, это трудно принять, — продолжал тем временем Холл Горман, один из лидеров Третьих людей. — Но сейчас не время для эмоций, ситуация требует безотлагательных и решительных действий.

Больше всего в Третьих людях поражало то, что они выглядели на одно лицо. Все они были почти одного возраста, крепкими, мускулистыми, с лицами, словно отштампованными на одном прессе. Хоомены, сидевшие по другую сторону стола, представляли собой пестрый набор самых различных рас и казались по сравнению с хозяевами жалкими плебеями.

— О действиях против враменов мы поговорим чуть позже, — мягко сказал Дон Вильсон, бросив на Хаммонда раздраженный взгляд. — Я хотел бы вернуться к вашему предложению: сделать секрет вечной жизни достоянием всего человечества.

Холл Горман презрительно улыбнулся.

— Я уже говорил, мы не собираемся монополизировать бессмертие, как это делали врамены. Конечно, практически невозможно привезти триллионы людей со всех концов Галактики на Алтар. Но в этом и не будет необхо-

димости. Со временем нам удастся синтезировать электромагнитный луч, близкий по спектру излучению Звезды Жизни. Мы построим тысячи, десятки тысяч излучателей, и тогда они станут доступны всем.

Лицо Дона Вильсона расцвело от улыбки.

— Поймите, я забочусь не о себе, а о благе всех жителей Галактики, — пояснил он. — Если люди избавятся от страха неминуемой смерти, то сколько грязи уйдет из жизни! Корысть, низкие помыслы, агрессивность навсегда покинут души, и люди со временем станут прекрасны как боги! Вы — тому живой пример.

Холл Горман небрежно кивнул, принимая лесть как должное.

— Самое главное, особому положению врамен в Галактике придет конец, — сказал он. — Ваше прибытие решило их судьбу. Отныне чаша весов справедливости качнулась в нашу сторону!

Горман обвел присутствующих в зале торжествующим взглядом, и Хаммонд вновь ощутил сильное желание куда-то скрыться от этих холодных, нечеловеческих глаз. Он помнил, что они могли быть и другими: безжалостными, светящимися гипнотической силой, от которой даже Таяна Марден не в силах была защититься. Кстати, а где сейчас эта красавица? Кажется, ее держат под арестом в этом же здании, но где именно?

— ...Мы всегда хотели сделать секрет Звезды Жизни достоянием всего человечества, но, увы, врамены мешали этому, — продолжал Холл Горман. — Наша планета слишком бедна металлами, а из пластика и керамики звездолет не построишь. Несмотря на высокий уровень наших научных познаний, Алтар стал нашей тюрьмой. Мы научились делать почти все, кроме атомных генераторов. Врамены же обладают звездолетами, но нам запретили к ним даже приближаться. Они построили свой город Шаранну на севере, в горах, и тщательно охраняют его.

Горман сделал паузу и посмотрел на хооменов пытливым взглядом, словно пытаясь прочесть их мысли.

— Видите, мы совершенно откровенны с вами, — продолжил он. — Атомный генератор и металлические кон-

струкции, которые вы сняли с погибшего корабля, являются для нас бесценным сокровищем. С их помощью мы сможем создать мощное оружие и взять штурмом Шаранну. Тогда тирании враменов настанет конец, и мир и благоденствие воцарятся во всей Галактике.

Дон Вильсон, сощурившись, резко сказал:

— Все это замечательно, Горман, но давайте уточним, что получим мы, хоомены, в обмен на атомный генератор и металл.

— Я же говорил: секрет вечной жизни и в недалеком будущем — искусственный источник животворной радиации, — ответил Горман. — Что касается ближайшего времени, то мы обещаем вам защиту от враменов. А она вам очень скоро понадобится, можете не сомневаться! Подумайте над нашими предложениями и не спешите с ответом. Что бы вы ни решили, вы — наши гости. Но мы будем надеяться, что в вашем лице обрели еще и союзника.

— Можете быть уверены в этом! — горячо воскликнул Дон Вильсон, однако Холл Горман покачал головой.

— Не спешите, — уклончиво ответил он. — Вам надо хорошенько отдохнуть и все обсудить.

Эти слова означали, что совещание закончилось. Холл Горман поднялся и вежливо проводил гостей к выходу.

— У нас есть масса других, очень интересных тем для бесед, — сказал он на прощание. — Вы — первые хоомены, которых мы когда-либо видели, а ведь мы почти ничего не знаем о людях с иных миров, о Федерации Солнц... Но все это — потом, когда мы решим проблему враменов. А пока отдыхайте, чувствуйте себя как дома. Все жители города рады, что нас посетили такие гости.

Последние слова насторожили Хаммонда. Он вспомнил туманные намеки Таяны Марден и неожиданно для самого себя спросил:

— Мы не видели в Вонне ни одного ребенка. Неужели у вас нет детей?

Горман резко повернулся к нему, в его глазах вспыхнул огонь гнева. Однако он тотчас взял себя в руки и спокойно ответил:

— Наши дети живут не здесь, а в другом месте. Мы вынуждены были пойти на это из соображений безопасности.

Он коснулся кнопки на стене, и дверь открылась. В коридоре гостей ожидал мех — довольно примитивный робот, представляющий собой пластмассовый куб высотой фута в четыре, с небольшими колесами для передвижения и клешнеобразными руками. Глаза его заменяли шаровые линзы, часть из которых для лучшего обзора была закреплена на гибких жгутиках.

— Проведи этих людей в коридор 4-2-9, — приказал Горман. — До свидания, хорошего вам отдыха.

Мех заговорил монотонным голосом:

— Пожалуйста, следуйте за мной.

Он повернулся и покатился по коридору. Попрощавшись с Холлом Германом, хоомены пошли вслед за роботом, обмениваясь впечатлениями о первой встрече с Третьими людьми. Мех сворачивал то в один, то в другой коридор, поднимался по эскалаторам, и каждый раз, меняя направление, вежливо повторял: «Пожалуйста, следуйте за мной».

Наконец они добрались до небольшого коридора с рядом распахнутых дверей. Мех остановился и без всякого выражения сказал:

— Ваши комнаты. Кнопка вызова на обратной стороне каждой двери. Рядом — кнопка сигнала, по которому вам привезут еду в любое время. Хорошего отдыха.

Робот развернулся и покатился назад по коридору, а хоомены направились в холл. Там их уже поджидал Таммас.

— Есть какие-нибудь новости? — спросил его Вильсон.

Маленький мизарианин покачал головой.

— Нет. Марден не сказала ни слова.

Хаммонд задумался. Неужели Таяна до сих пор находится под влиянием гипнотической команды? Он так и не видел ее ни разу после прибытия в Вонн. Дон Вильсон позаботился, чтобы они летели в разных флайерах. Грустно было вспоминать, как эта гордая, властная красавица стояла на опушке леса с пустыми, ничего не выражающими глазами, словно кукла.

В холле поджидали остальные члены экипажа. Ива, вскочив с дивана, подбежала к отцу:

— Все хорошо?

Дон Вильсон оглядел озабоченные лица друзей и с улыбкой кивнул.

— Все замечательно. Эти люди станут нашими союзниками. Они хотят получить доступ в Галактику и передать секрет Звезды Жизни всему человечеству. Врамены, конечно, попытаются помешать этому, но вместе мы сможем справиться с ними. — Помолчав, он добавил: — Только не будем строить никаких иллюзий. Третьи люди так же далеко ушли от нас в научном отношении, как и врамены. Увы, для них мы не более чем дикари, несмотря на вежливое к нам отношение. Но хозяевам этого города крайне необходимы атомные генераторы и металл, которые мы сняли со сгоревшего корабля. Кроме того, они хотели бы многое узнать о Галактике, об обитаемых мирах. Я считают, нам повезло, мы сумели заключить равноправный договор.

Хаммонд не выдержал и, усевшись в кресло, стоящее у окна, язвительно заметил:

— Вы нарисовали просто пасторальную картину, Дон, только овечек на берегу пруда не хватает. На самом деле Третьи люди с превосходством разговаривают даже с врамена-ми. Да, пока мы им нужны, нам беспокоиться не о чем. А что будет потом, после того, как Третьи люди выйдут в космос? Не станут ли они еще большими тиранами, чем врамены? Вспомните об их гипнотической силе. Такие могут завоевать Галактику без единого выстрела. Кто знает, что у них на уме?

— Ха! — рявкнул Куобба. — Кирк прав, клянусь всеми солнцами. Эти парни так смотрят, что у меня по спине мурашки бегают.

Дон Вильсон вскочил с места.

— Опять вы, Кирк, пытаетесь мутить воду! Без малейших оснований вы приписываете Третьим людям недобрые намерения. Да, наши хозяева не выглядят очень радушными людьми, они страдают некоторым высокомерием...

И что же? Главное, они помогут хооменам обрести бессмертие. Всем хооменам Галактики, вы понимаете?

До сих пор молчавший Тол Орр поддержал его:

— В одном я уверен: Третьим людям под силу синтезировать излучение Звезды Жизни. Нам, хооменам, это вряд ли удастся в обозримом будущем, но Холл Горман и его товарищи способны на многое. Вряд ли разумно отказываться от такого шанса. Это поможет избежать страшного ажиотажа в Галактике с непредсказуемыми последствиями. Вы не задумывались над тем, что случится, когда в Трифиды ринутся миллионы людей, в том числе старики и смертельно больные?

— Верно! — с энтузиазмом воскликнул Дон Вильсон. — Третьи люди помогут нам избавиться от множества проблем, и тогда бессмертие станет достоянием всех и каждого!

Тол Орр нахмурился.

— Да, все это замечательно, но... Но вряд ли в таких серьезных вопросах уместна спешка. Прежде чем сообщить в Федерацию Солнц о секрете вечной жизни, надо тщательно изучить все возможные последствия.

— Что вы имеете в виду, Тол? — недовольно спросил Дон Вильсон. — Вы сомневаетесь, что радиация этого солнца обладает живительным эффектом?

— Конечно, нет, — проворчал алголианин. — Но мы отлично знаем, что радиация такой мощности способна вызвать и некоторые побочные, нежелательные последствия. Хаммонд задал хозяевам очень верный вопрос о детях, которых не видно в городе. Объяснения Холла Гормана показались мне неубедительными. Что-то здесь не так...

Одна из женщин вдруг прошептала с ужасом:

— Вы намекаете на то, что радиация могла стерилизовать Третьих людей?

— Вполне возможно, — сказал Тол Орр. — Генетический код мог так же сильно измениться, как и структура клеток тканей. Природа ничего не дает даром, и вполне может быть, что расплатой за бессмертие станет полное

бесплодие. Даже не могу представить себе, как это скажется на галактической цивилизации.

Хоомены ошеломленно переглянулись.

— Ха, действительно... — пробормотал Куобба, потирая с силой свое бугристое лицо. — У враменов же нет детей, по крайней мере, о них никто не слышал. Выходит, пока я радовался, глядя на эту чертову звезду, меня потихоньку лишили наследства?

Хаммонд вздрогнул от этих слов. Неужто райский плод имел такой горький привкус?

— Нет, не верю! — сказал он. — Вспомните, Таяна говорила о детях Третьих людей так, словно они на самом деле существуют.

Дон Вильсон кивнул.

— Да, все это лишь догадки, и оснований для паники нет. Но если стерилизация действительно является прямым следствием облучения лучами Звезды Жизни, то надо обо всем честно рассказать хоомен ам. Думаю, это охладит многие горячие головы.

— По-моему, здесь дело не в стерилизации, а в чем-то другом, — задумчиво произнес Тол Орр. — Что-то здесь иное. Радиация может вызвать и другие изменения генотипа...

Спор разгорелся с новой силой, но Хаммонду он быстро наскучил. Все это напоминало гадание на кофейной гуще. Ему захотелось спать, и он молча поднялся и вышел в свою комнату. Он чертовски устал от этого мрачного мира и от его нескончаемых загадок, разгадки которых не сулили ничего хорошего.

Улегшись на пластиковую кровать, Хаммонд почти мгновенно заснул. Сон вновь обернулся тяжелым кошмаром. Со всех сторон к нему тянулись шестипалые руки, душили его, разрывали на части... Он очнулся с болезненным стоном и увидел, что рядом в темной комнате стоит Ива Вильсон и трясет его за плечо.

— Что за дьявол... — пробормотал Хаммонд, тупо глядя на девушку, но, увидев ее взволнованное, перепуганное лицо, тотчас вскочил с кровати. — Что случилось, Ива?

— Мне необходимо поговорить с вами, — прошептала девушка. — Отец не хочет меня даже слушать, он думает только о секрете долголетия и прочих высших материях.

Хаммонд предложил ей сесть, но Ива отказалась. Тогда они подошли к открытому окну, из которого открывался вид на ночной Вонн. Город был освещен облаком голубоватого света, висящего над крышами мрачных, прямоугольных зданий. Откуда-то доносился прерывистый лязгающий звук, и над высоким зданием, напоминающим фабричный корпус, то и дело вспыхивали факелы белого света.

— Я так жалею, что мы прилетели сюда, — еле слышно прошептала Ива, вся дрожа. — Мне не нравится этот город, а глаза его хозяев приводят меня в ужас.

— Верно, — вздохнул Хаммонд. — Эти существа еще меньше похожи на людей, чем врамены.

Ива повернула к нему бледное лицо.

— Вы можете ответить мне правдиво на один вопрос, Кирк?

— Конечно.

— Вы на самом деле любите Таяну Марден?

— Бога ради, сколько можно толковать об этом? — раздраженно воскликнул Хаммонд. — Во всех этих измышлениях нет и грамма правды...

Ива печально посмотрела на него.

— Да, вы уже говорили об этом, но не убедили меня. Если бы Таяна стала утверждать подобное, я тоже не поверила бы ей.

Хаммонд не сразу понял девушку.

— То есть... вы хотите сказать, что Таяна меня любит? — удивленно пробормотал он, а затем расхохотался. — Что за чушь! Она ненавидит и презирает меня.

— Нет, Кирк, она любит вас, это совершенно очевидно, — горько сказала Ива, отводя глаза в сторону. — Я следила за тем, как она смотрела на вас там, на корабле... Интуиция меня не подводит, можете не сомневаться. Вы очень необычный, таинственный человек, другого такого в Галактике нет, это вскружит голову любой женщине. Не удивлюсь, если Таяна в какой-то момент даже забудет, что она врамен и между вами лежит пропасть.

В голове Хаммонда воцарился хаос.

«Чушь, чушь, чушь...» — говорил он себе, и тем не менее откуда-то из глубин подсознания вырастало чувство уверенности в справедливости этих слов. По крайней мере, с ним было все ясно. Психозонд не ошибся, он действительно полюбил эту потрясающую женщину с первой же встречи. Долгое время он пытался убедить себя в обратном и почти убедил. Но от себя не спрячешься, и настал час прозрения...

Ива, казалось, читала его мысли на лице и еще больше помрачнела.

— Вот видите, я права — вы любите Таяну. И поскольку с этим ничего не поделаешь, я хочу кое-что вам сказать.

— Что? — насторожился Хаммонд.

— Это вам не понравится. Пока вы спали, отец заключил с лидерами Третьих людей договор о союзе. Мы передали горожанам все спасенное с корабля, и они уже начали конструировать некое супероружие. Вы видите?

Она кивнула в сторону далекого здания, от которого доносился прерывистый лязгающий шум.

— Но это еще не все, Кирк, — продолжила Ива упавшим голосом. — Третьи люди захотели допросить Таяну, они сказали, что это жизненно важно. Отец передал ее в руки аборигенов несколько часов назад.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

▼▼▼

На какое-то время Хаммонд потерял дар речи. Весь его страх и недоверие к Третьим людям выплеснулись в одну жуткую мысль — эти чудовища будут пытать Таяну. Пытать!..

Не сознавая, что делает, он схватил Иву за плечи и грубо встряхнул.

— Дон не имел права! Хоомены захватили ее и корабль с моей помощью и не должны были делать что-нибудь подобное без моего согласия!

Ива невесело усмехнулась.

— Отец знал, как вы отнесетесь к просьбе хозяев города, и поэтому было решено вас не будить. Но он вовсе не жестокий человек, нет! Просто сейчас, когда цель его жизни рядом, он не может остановиться на полпути. Кроме того, он получил заверения аборигенов, что те не причинят Таяне никакого вреда.

— Много же стоят обещания этих ублюдков, — процедил Хаммонд, буквально трясясь от гнева.

— Кирк, пожалуйста... — прошептала Ива со слезами на глазах.

Только тогда он заметил, что с силой сжимает плечи девушки.

— Простите, Ива, вы не виноваты. Спасибо, что все мне рассказали.

— Это может мне дорого обойтись, — вздохнула Ива. — Меня будут считать предательницей за то, что я предупредила вас.

— Зачем же вы это сделали? — спросил Хаммонд.

Ива ответила ему долгим взглядом: мол, неужели не ясно? Но сказала совершенно другое:

— Я ненавижу враменов, и все же Третьи люди пугают меня еще больше. Не зря Таяна хотела нас предупредить о чем-то. Холл Горман не дал ей даже фразу закончить.

Хаммонд был растерян и никак не мог придумать, что же делать. И все же он решил пойти к Таяне, чем бы это ему ни грозило.

— Вы знаете, где ее держат?

— Отец сказал, что охранник отвел ее в комнату, где вы утром держали совет с лидерами Третьих людей. Но я не знаю, где это.

— Понял, — ответил Хаммонд, лихорадочно обдумывая план дальнейших действий. Прежде всего он засунул руку в карман и удостоверился, что шокер по-прежнему на месте. — Остальные спят?

— Да, я подождала, пока стало тихо, и только затем решила пойти к вам и все рассказать.

— Тогда оставайтесь здесь, а я пойду посмотрю, можно ли проникнуть в комнату Таяны, — решил Хаммонд. —

Если кто-нибудь проснется, скажите, что я прогуливаюсь по ночному городу.

Он вышел в коридор, даже не оглянувшись, и зашагал по тихому зданию. Хоомены спали. Тогда он повернул в соседний коридор, следуя маршруту, по которому их привели.

На середине пути ему преградил дорогу мех. Квадратный робот уставился на него выпуклыми линзами и произнес невыразительным монотонным голосом:

— Чего вы желаете? Если хотите пойти куда-то, то я должен оповестить об этом хозяев.

Хаммонд стоял, не зная, что предпринять. Вид у меха был угрожающий, с одним шокером в руках с ним было не справиться. Проклиная все на свете, Хаммонд вернулся в свою комнату.

— Мы практически пленники в этом доме, — глухо сказал он Иве.

— Выходит, Третьи люди не доверяют нам? — огорченно сказала девушка. — Мне не нравится это.

— А мне не нравится то, что мы вообще прилетели на эту планету, — в сердцах ответил Хаммонд. — Но я в любом случае выберусь отсюда.

Он подошел к окну. Вонн спал, окутанный голубым, тускло светящимся облаком. Со стороны улиц лишь кое-где доносились голоса, а вдали по-прежнему был слышен грохочущий гул. Над всем выгибалась арка тускло светящегося неба.

Вокруг огромного здания было тихо. Хаммонд разглядел только одну или две темные фигуры в районе площадки флайеров, и это было все. Он повернулся к Иве.

— Я спущусь вниз. Помогите мне свить веревку.

Они сняли постельное белье с кровати, разорвали его на длинные полосы и связали из них грубую, но довольно прочную веревку. Хаммонд привязал ее к решетчатой раме, потянул, испытывая на прочность, затем осторожно стал спускаться. Ива перегнулась через подоконник и следила за ним тревожным взглядом.

Через несколько минут Хаммонд достиг земли и некоторое время стоял, настороженно оглядываясь. Вокруг

было тихо. Тогда он пошел вдоль стены, направляясь в сторону входной двери.

Она никем не охранялась. Хаммонд проскользнул внутрь здания и пошел по едва освещенному коридору, смутно припоминая, где находится комната, в которой хоомены вчера советовались с хозяевами города. Одно он знал твердо — из окна была видна площадка с флайерами.

Дойдя до первого «перекрестка», Хаммонд остановился и некоторое время размышлял, куда идти дальше. Вскоре он услышал голоса в соседнем коридоре и рискнул пойти именно туда. Он не представлял, что делать, если его заметят. Шокер был не очень надежным оружием, при малейшем промахе встретивший его человек мог успеть криками созвать на помощь товарищей. Нет, уж лучше скрыться...

Услышав, что голоса приближаются, Хаммонд скользнул в первую же попавшуюся дверь, ощущая болезненные удары сердца. Через минуту по соседнему коридору прошли двое людей. Хаммонд услышал фрагмент их разговора:

— ...Это плохая ночь для враменов, — с усмешкой сказал один из них.

— И для Четвертых людей тоже! — зловеще ответил другой.

Голоса замерли вдали, оставив Хаммонда в замешательстве. Кто такие Четвертые люди?

Но сейчас не было времени для размышлений. Он вернулся в коридор, по которому только что прошли двое горожан, но зашагал в противоположную сторону.

«Только бы не встретить мехов», — подумал Хаммонд. Могучие, хоть и примитивные роботы всерьез пугали его. Но еще больше его тревожило, что он никак не мог вспомнить дорогу.

В конце коридора что-то двигалось с едва уловимым шумом. Хаммонд остановился, не решаясь идти дальше, и только через несколько минут понял, что это всего лишь эскалаторы. По одному из них он спускался вчера с мехом!

Теперь он все вспомнил и вскоре уже стоял около две-

рей комнаты — той самой, в которой хоомены держали совет с хозяевами города.

К счастью, рядом не было видно охраны. Хаммонд нажал на кнопку в стене, и дверь плавно скользнула в сторону. В комнате царил полумрак. В ней находилась только одна Таяна Марден, привязанная к креслу. Ее лицо уже не было тупой, бесчувственной маской куклы, нет, сейчас перед Хаммондом сидела измученная до предела женщина.

Услышав шум шагов, она с трудом приподняла веки и долго смотрела на него, словно не веря своим глазам.

— Осторожно, сзади! — внезапно крикнула она.

Хаммонд обернулся и увидел меха, который почти бесшумно катился к нему из дальнего угла комнаты.

— Здесь не разрешено пребывать посторонним, — проскрежетал механический голос. — Я получил приказ применять против нарушителя любые меры, вплоть до уничтожения. Немедленно назовите себя и уходите.

Хаммонд в отчаянии выхватил шокер и несколько раз выстрелил. Он надеялся, что электрические импульсы выведут мозг меха из строя.

Но этого не произошло. Без повторных угроз мех двинулся вперед, вытянув цепкие руки-клещи.

— Прыгайте наверх! — закричала Таяна. — Наверх, Кирк!

Хаммонд сумел увернуться от рук робота, однако тот мигом развернулся и вновь бросился на него. Тогда, почти отчаявшись, Хаммонд подпрыгнул и приземлился... на плоской макушке меха.

Потеряв противника, могучий, но примитивный робот растерялся. Он стал носиться по комнате, обыскивая все ее уголки. Хаммонд едва удерживался на гладкой поверхности. Поначалу ему казалось, что робот пытается его сбросить, но вскоре он понял, что туповатая машина ничего не сообразила. Таяна прекрасно знала об ограниченных возможностях мехов и вовремя подсказала ему, как спастись.

Наконец мех надумал поднять пару своих глаз на гибких стебельках. Хаммонд с проклятием ударил шокером

по одной из линз. Она треснула, и мех издал звук, который до странного напоминал стон живого существа.

Хаммонд стиснул зубы и обрушил несколько ударов на вторую линзу, пока та тоже не раскололась. Как он и надеялся, в мехе сработала система безопасности, и робот замер, отключившись.

Тяжело дыша, Хаммонд слез с машины и вернулся к Таяне. Пленница смотрела на него снизу вверх странным взглядом.

— Вы не ранены? — спросил он.

Таяна покачала головой.

— Нет, только голова раскалывается от боли. Я ведь столько часов находилась под гипнозом... — Внезапно ее лицо исказила гримаса боли. — Третьим людям еще ни разу не удавалось заполучить пленника-врамена. Они могли узнать от меня многое, очень многое...

Хаммонд опустился на колени и внимательно осмотрел путы, которыми Таяна была привязана к креслу. Оказалось, что это были петли из пластика, настолько тугие и прочные, что он понял — разорвать их нелегко.

Таяна тихо сказала:

— Кирк, я должна вас предупредить. Если вы освободите меня, то я попытаюсь связаться с моими товарищами в Шаранне, чтобы предупредить их о грозящей опасности.

Хаммонд, сопя, долго возился с первой пластиковой петлей. Когда ему наконец удалось ее разорвать, он спросил задыхающимся голосом:

— Какой опасности?

— Третьи люди собираются атаковать Шаранну! Они пробовали сделать это уже не раз, но теперь, получив от хооменов необходимые материалы, могут добиться успеха. Поймите, Кирк, этим людям нельзя доверять, они относятся к вам, словно к животным.

— Вообще-то похоже... — пробормотал Хаммонд, борясь с непослушной пластиковой петлей.

— Они не должны выйти в Галактику! Этого мы всегда боялись. Но если им удастся овладеть Шаранной и...

Таяна замолчала, задумавшись, и тогда Хаммонд задал давно интересующий его вопрос:

— Кто такие Четвертые люди?

— Откуда вы узнали о них? — спросила Таяна, нахмурившись. — Это... это еще одна раса людей на Алтаре. Сейчас нет времени объяснять подробнее. Те, кто допрашивал меня, скоро вернутся!

Хаммонду наконец удалось разорвать вторую петлю и освободить руки женщины. Но перед тем как Таяна успела подняться, он сжал ее ладонь и пристально посмотрел в глаза.

— Вы однажды уже обманули меня, Таяна. Что если вы опять морочите мне голову?

— Нет, ручаюсь, я говорю правду.

— Вы понимаете, почему я пришел сюда, рискуя своей шкурой?

Таяна прошептала:

— Не смейте даже говорить об этом, Кирк...

— Почему я должен молчать? Я сделал немало глупостей в жизни, эта, наверное, самая большая, и все же я скажу: я люблю вас, Таяна, и надеюсь, что вы отвечаете мне взаимностью.

Ее губы задрожали.

— Да, но...

Хаммонд поцеловал Таяну. Она ответила ему с неожиданной страстью, а затем отпрянула.

— Это безнадежно, Кирк, безнадежно! Мы, врамены, никого не можем любить. Я даже не ожидала, что способна еще на такие эмоции.

— Почему же безнадежно? — пылко спросил Хаммонд, покрывая поцелуями ее холодную руку. — Что может нас разделять?

— Пропасть, через которую не перейти, не перепрыгнуть, — прошептала Таяна. Порывисто встав, она подошла к окну и остановилась там, прижавшись лицом к стеклу.

Тревога, звучавшая в голосе Марден, немного остудила его пыл. Чем-то жутким, мрачным повеяло от ее слов, хотя об этом не хотелось думать. Хаммонда обуревали совсем иные мысли: Таяна ответила на его чувства! Она его тоже любит! Остальное сейчас не имеет значения...

Голос Таяны вернул его к действительности.

— Кирк, у нас есть только один шанс спастись — мы должны захватить один из флайеров. Я умею управлять этими машинами, хотя и не очень хорошо.

Хаммонд пришел в себя.

— Что? Бежать?.. — пробормотал он. — Я не могу оставить друзей!

— Но вы ведь хотите им помочь, верно? Разве вы не поняли, что им угрожает смертельная опасность со стороны Третьих людей! Спасти их можно только одним путем — предупредив моих друзей в Шаранне.

Хаммонд замялся.

— Я однажды уже предал хооменов ради вас, Таяна. Вы сами знаете, чем это кончилось.

Она подошла к нему почти вплотную, так что их дыхания смешались.

— Кирк, ты думаешь, я тебя обманываю?

Сомнения Хаммонда немедленно испарились. Сейчас для него все перестало существовать, кроме этой чудесной ослепительно красивой женщины, которая любила его.

— Пойдем, — сказал он.

Мягкий свет жемчужного неба освещал путь от огромного здания до стоянки флайеров. В коридорах, к счастью, не встретился никто, но Хаммонд понимал, что это спокойствие обманчиво. Те, кто допрашивал Таяну, скоро вернутся и поднимут тревогу.

Беглецы медленно шли вдоль аллеи, настороженно оглядываясь по сторонам. Убедившись, что здесь так же пустынно, они побежали к флайерам. Таяна немедленно поднялась в кабину ближайшей машины, а Хаммонд еще раз оглянулся. Черная пирамида уходила высоко в мерцающее небо. Окна были темными — казалось, все спали.

— Назовите ваши имена, пожалуйста, — кто-то произнес рядом.

Хаммонд вздрогнул. Из-за деревьев выехал мех и направился к беглецам.

— Назовите ваши имена, пожалуйста. Иначе я вынужден буду дать сигнал тревоги.

Таяна крикнула из кабины флайера:

— Отойди в сторону, Кирк!

Хаммонд отпрыгнул в сторону, и в этот момент Таяна включила двигатель. Флайер рванул вперед. Его короткое, довольно толстое крыло с силой ударило по меху и отшвырнуло робота к соседней машине. Ударившись о фюзеляж, он с грохотом скатился на землю. На корпусе появились заметные вмятины, но в целом мех остался неповрежденным. Поднявшись на колеса, он издал оглушительный рев сирены.

Флайер на секунду остановился, и Хаммонд торопливо забрался в кабину.

— Взлетаю! — закричала Таяна. — Держись!

Сопла под фюзеляжем яростно взревели, и флайер почти вертикально поднялся в ночное небо. Когда Хаммонд как следует устроился в кресле, машина уже перешла в горизонтальный полет. Внизу проплывали крыши Вонна, окутанные голубым сиянием. Набирая скорость, флайер полетел на запад. Вскоре впереди показался темный ковер леса, простирающийся до самого горизонта.

— Нас преследуют, — коротко сказала Таяна, не отрывая глаз от панели управления. — Посмотри назад.

Хаммонд обернулся и увидел далеко позади на фоне белесого неба рой ярких искр. Таяна еще больше увеличила тягу, так, что пластиковые стенки фюзеляжа стали разогреваться. Они летели над лесом на такой малой высоте, что макушки древовидных лишайников уносились назад с огромной скоростью. И все же преследующие флайеры с каждой минутой становились ближе.

— Третьи люди, естественно, лучше знают свои машины и наверняка ведут нас радарами, — сказала Таяна, не поворачивая головы.

Хаммонд взглянул на четкие черты ее лица, освещенного светом приборной доски, на маленькие руки, крепко держащие штурвал.

Он подумал: «Да, Таяна, быть может, и не совсем человек, но такой женщины я никогда не встречал и не встречу».

— Мы не успеем долететь до Шаранны, — сказала она. — Нас собьют над лесом, и тогда... Впрочем, есть

один шанс. Где-то неподалеку находится Черное озеро. Если мы сумеем убедить преследователей, что мы погибли...

Через несколько минут впереди появилось округлое зеркало озера, отражавшее мягкое сияние небосвода.

— Открывай дверцу и жди, пока я включу автопилот! — крикнула Таяна.

Хаммонд так и сделал, с огромным трудом удерживая дверцу, которую напор ветра вновь пытался захлопнуть.

Флайер плавно замедлил скорость, а затем нырнул, повиснув всего в нескольких метрах над кронами древовидных лишайников.

— Прыгай! — наконец выкрикнула Таяна и с силой сжала ему руку.

Доверие Хаммонда к этой женщине было столь велико, что он не стал раздумывать ни секунды. Они дружно выпрыгнули во тьму.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

▼▼▼

Хаммонд ожидал болезненного, быть может, даже смертельного удара о землю, но вместо этого они упали на мягкую, упругую поверхность «холма», состоящего из нескольких десятков «лишайников».

Когда они катились по поверхности туго сплетенных крон деревьев, флайер уже летел над озером. Минуту спустя аппарат взорвался, рассыпавшись на десятки огненных обломков — преследователи все-таки настигли его.

Хаммонду наконец удалось одной рукой уцепиться за ветвь, другой он удержал от падения на землю Таяну. Через несколько секунд они услышали неподалеку громкие всплески — это падали в воду обломки их флайера. После долгой паузы в небе промелькнули светящиеся точки — Третьи люди возвращались в Вонн, убедившись, что в волнах озера беглецов нет.

— Решили, что мы погибли, — сказала Таяна с облег-

чением. — Но нам теперь придется добираться до Шаранны пешком, а это будет нелегко.

Хаммонд помог ей спуститься на землю.

— И куда нам идти?

— Придется обогнуть озеро, а затем направимся прямо на север, к горам. Шаранна находится среди них.

Идти через ночной лес оказалось делом нелегким. Высокий мох сильно мешал ходьбе — Хаммонду казалось, что они идут по колено в воде. Вокруг царила серая мгла, но видимость была неплохая, и Таяна уверенно ориентировалась среди деревьев. Вскоре беглецы выбрались на пологий берег Черного озера и пошли по песчаной косе. Тихо плескались волны, едва не касаясь их ног, но других звуков, даже пения птиц, слышно не было.

Хаммонду показалось, что Таяна приняла слишком резвый темп, но она покачала головой и еще прибавила шаг.

— До Шаранны несколько часов пути, а времени у нас в обрез, — сказала она, ободряюще улыбнувшись.

— Почему же? — с сомнением спросил Хаммонд. — Третьи люди еще не скоро создадут свое оружие, а без него нападать на Шаранну не имеет смысла.

Таяна грустно усмехнулась.

— Ты недооцениваешь их интеллект и технические возможности, Кирк. Они давно ждали случая напасть на нашу основную базу. Теперь, получив от хооменов все необходимое, они медлить не станут. И никто им не сможет помешать, даже их дети.

— Дети? — озадаченно спросил Хаммонд. — Ты уже как-то упоминала... Где, в конце концов, их держат?

Таяна долго молчала, а затем мрачно посмотрела на него.

— У Третьих людей есть дети — они называют себя Четвертыми людьми.

Хаммонд почувствовал, что наконец-то прикоснулся к одной из важнейших тайн этого странного мира.

— Таяна, хватит напускать туман, — резко сказал он. — По-моему, я заслужил право узнать, что же происходит на вашей чертовой планете.

— Да, ты прав... — неохотно сказала она. — Теперь уже нет смысла ничего скрывать... Что Третьи люди рассказали вам о своем происхождении?

— Только то, что Алтар для них родная планета.

— Да, это верно, — негромко промолвила Таяна, не замедляя шаг. — Они — наши дети.

Хаммонд был настолько поражен, что не сразу пришел в себя.

— Вот как? — пробормотал он. — А мы-то уже стали опасаться, что излучение этого солнца вызывает стерилизацию.

— Хотела бы я, чтобы это было так! — горько сказала Таяна. — Но нам не повезло — у врамéнов родились дети. Поскольку мы фактически были Вторыми людьми, то они сами назвали себя Третьими. А затем от них пошло новое, генетически отличное от всех нас поколение Четвертых людей.

Она взяла его за руку и буквально потащила за собой.

— Нужно торопиться, Кирк. Если мы не попадем в Шаранну вовремя, то произойдет катастрофа!

Хаммонд ускорил шаг, но упрямо сказала:

— Нет уж, договаривай до конца, Таяна. Я хочу знать историю Алтара.

И она рассказала странную, жуткую сагу о трех поколениях бессмертных обитателей этой планеты.

Около двух тысяч лет назад группа ученых-хооменов, исследовавших Трифиды, обнаружила удивительную звезду и планету, которую они назвали Алтар. Спустя несколько недель биохимики выяснили, что клетки организмов людей стали необратимо меняться. Сначала это вызвало всеобщую панику, но вскоре стало ясно, что судьба подарила им бессмертие.

Тайно первые из врамéнов пригласили на Алтар наиболее талантливых могучих хооменов со всех концов Галактики. На севере, в горах, был построен великолепный город Шаранна. И тогда...

И тогда события приняли совершенно неожиданный оборот. Врамены собирались поделиться секретом Звезды Жизни со всеми обитателями Галактики, но поначалу ре-

шили исследовать возможные последствия воздействия на организм такой мощной радиации. Так получилось, что они поставили эксперимент на самих себе, и результаты его оказались ужасными.

Дети врамен были совсем иными существами, новым видом хомо сапиенс. Они отличались более высоким ростом, шестипалостью, необычно развитым мозгом и телепатическими способностями. Конечно же, врамены ожидали нечто подобное. Предварительные исследования доказывали, что генетический код под воздействием радиации меняется и мутации в последующих поколениях неизбежны. Но ученые оптимистически оценивали эти изменения, они говорили, что во втором поколении врамены станут богоподобными существами, что их возможности неизмеримо возрастут по сравнению с обычными хооменами — и это превратит Алтар в новый Эдем.

Увы, надеждам не суждено было оправдаться. Когда малыши подросли, выяснилось, что эмоционально они стали совершенно чужими для своих родителей.

Физическое и умственное превосходство породило в Третьих людях глубокую уверенность, что они предназначены стать хозяевами Вселенной. К хооменам и даже к врамен они относились как к низшим существам, которые со временем должны будут исчезнуть, уступив место богоподобным Третьим людям.

И тогда врамены поняли, что выпустили, сами того не желая, злого джинна из бутылки. Их дети оказались опасными, чуждыми для людей существами. Врамены приняли решение — любыми средствами не допустить, чтобы они вышли в Галактику. Нелегко было выступить против своих детей, но другого выхода не было.

Третьих людей заставили покинуть Шаранну, и они не протестовали, не испытывая никаких чувств к родителям. Третьи люди построили Вонн и долгие годы не показывались на глаза врамен. Но, как оказалось, они не теряли времени зря. Могучие интеллектуальные способности, а также знания, полученные в детстве от родителей, помогли им буквально на пустом месте основать свою цивилизацию. Даже отсутствие металлов не помешало им постро-

ить самые разнообразные машины и создать оружие. Несколько раз они пытались захватить Шаранну, но их атаки завершились крахом. Затем события приняли новый оборот.

У Третьих людей также появились дети. Действие радиации, вызвавшей первую волну мутаций, сказалось и на них, да еще как!

Четвертые люди оказались совершенно не похожи на своих родителей и на другие человеческие существа. Природа обделила их внешними данными, зато мозг был необычайно мощным, телепатические возможности — неограниченными. Их души оказались необычайно чисты, чужды всякому злу, но и к доброму они были равнодушны. Они хотели только одного — жить уединенно и спокойно, круглые сутки предаваясь философским размышлениям.

Родители предвидели, что Четвертые люди будут обладать фантастическими ментальными возможностями, и потому рассчитывали использовать их силу против врамен. Однако новое поколение не желало ни во что вмешиваться. Повзрослев, молодежь по собственному желанию покинула Вонн и основала свой, очень странный город. После этого Четвертые люди полностью прекратили контакты как с родителями, так и с врамена.

На Хаммонда эта история произвела глубокое впечатление. Бессмертие оборачивалось какой-то жуткой стороной, ловушкой, в которую могли попасть хоомены.

Кто знает, быть может, со временем вся Галактика превратится в гигантский Алтар, где хооменам не будет места, где врамены и Третьи люди будут вечно враждовать, а Четвертые люди устранятся от реальной жизни, уйдя в мир своих мыслей и грез?..

— Но Четвертые люди должны генерировать новое поколение мутантов?

— Нет, — сказала Таяна. — Они полностью стерильны, конечное звено эволюции на планете. Но это их мало волнует, для них главное то, что они могут тысячи лет заниматься своими размышлениями о сути бытия.

Многое стало теперь ясно для Хаммонда. Он понял,

что имел в виду Мар Канн, когда так хотел увидеть плененную Марден: «Я надеялся, что она может быть из тех враменов, кто дорог мне». Не оставалось больше загадки и в едкой фразе Таяны «о любимых детях Третьих людей», которая так больно задела Мара Канна. Но какой смысл было все это скрывать?

Он так и сказал:

— Боже, почему же вы просто не расскажете правду всей Галактике? Хоомены и думать забудут о бессмертии, когда узнают, чем она грозит их потомству.

Таяна пытливо взглянула на него.

— Почему вы так в этом уверены, Кирк?

Нет, Хаммонд не был в этом уверен. Действительно, мало кого отпугнет предостережение, что за вечную жизнь придется заплатить плату в виде шестипалых детей с большим мозгом и телепатическими способностями. Третьи люди, в свою очередь, вряд ли захотят лишиться потомства, так что в конце концов Галактику могут заселить Четвертые люди. И эволюции человечества придет конец.

— Ты, кажется, права, Таяна, — нехотя признал Хаммонд. — Люди со всех концов Галактики, несмотря ни на что, слетятся к этой звезде, подобно мотылькам, привлеченным пламенем свечи.

— И это пламя через тысячелетия может полностью испепелить человеческую расу. «Бессмертие», «вечная жизнь» — лишь красивые фразы, за ними стоят тысячи, быть может, десятки тысяч лет. Для каждого из нас — это долго, ужасно долго, но с точки зрения Галактики сотни веков — лишь мгновение. Если хоомены никогда не узнают о секрете Алтара, человечество может просуществовать еще многие миллионы лет. Бессмертие уничтожит хомо сапиенс несравненно быстрее. Одно дело, когда тысячи лет жизни даруются ученому, а другое — когда обывателю, и так толком не умеющему распорядиться своей короткой жизнью. Не превратится ли Галактика в Содом и Гоморру?

— Дон Вильсон считает, что скорее она станет Эдемом, в котором не будет почвы для человеческих поро-

ков, — задумчиво сказал Хаммонд. — Он надеется, что хоомены станут равными богам...

Таяна в ответ только горько рассмеялась.

— Неисправимый идеалист, этот Дон Вильсон. Но не сомневаюсь, что «богоподобные» Третьи люди его скоро разочаруют. Они опасны для всех, в частности для своих же детей. И нам, врáменам, надо так или иначе решить эту проблему.

Таяна замолчала, а затем долгие часы не проронила ни слова. Хаммонд шел за ней через ночной лес, ступая по упругому мху, и пытался навести порядок в хаосе, царящем в голове. Слишком многое он только что узнал, и это было нелегко осмыслить. Выходит, люди на свою беду вытащили выигрышный билет в виде Звезды Жизни? Врáменам она не принесла счастья, а галактическому человечеству может принести неисчислимые беды. Да и у него, Кирка Хаммонда, теперь хватало проблем.

Он устал настолько, что Таяна заметила это и, остановившись, ободряюще улыбнулась.

— Отдохнем, Кирк. Путь еще остался неблизкий.

Она выглядела куда менее утомленной, чем он, но не пыталась подчеркнуть это. Она первой уселась на упругий мох и тихо спросила:

— Теперь, когда ты все узнал... ты иначе будешь относиться ко мне, да?

Хаммонд озадаченно посмотрел на нее.

— Почему ты так решила? Все это важно для человечества; для меня имеет значение только одно — что мы любим друг друга.

Он обнял Таяну за плечи, но женщина отшатнулась с протестующим возгласом:

— Нет! Ничего хорошего не выйдет, Кирк. Ты должен жить нормальной жизнью, иметь жену и детей — нормальных детей! Мы, врáмены, сознательно отказались от личной жизни, когда поняли, к каким ужасным последствиям приводят браки между нами.

Хаммонд ласково погладил Таяну по плечу.

— Ты забываешь, что я тоже врáмен. Уже несколько недель я прожил на Алтаре, и изменения клеток...

— Изменения еще не стали необратимыми! — пылко возразила Таяна. — Если ты улетишь в ближайшие дни с Алтара, то останешься хооменом. Иначе ты со временем возненавидишь меня. Вечной жизни не существует, а вечной любви — тем более...

Хаммонд не стал больше слушать ее. Тесно прижав к себе, он зарылся лицом в ее чудесные, пушистые волосы.

— Таяна, Таяна...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

▼▼▼

Они увидели Шаранну только к вечеру, когда Звезда Жизни уже стала спускаться к высоким пикам гор, окрашивая их заснеженные вершины в багряные, красные и зеленые тона. Посреди горной долины возвышался могучий небоскреб — единственное здание Шаранны. Нижняя часть города была погружена во мрак, и Хаммонду показалось, что его уже коснулась печать предстоящего разрушения.

Чувствовала ли Таяна нечто подобное или нет, ему было трудно судить. Ее лицо было застывшим и бледным, и маска эта не меняла выражение в течение всего долгого и трудного дня. После того, что произошло ночью, она словно отдалилась от него и старалась даже не смотреть в его сторону. Расстроенный, Хаммонд не раз пытался пробиться через эту стену, но Таяна отвечала лишь ледяным молчанием и отчужденными взглядами.

Наконец он оставил бесполезные попытки и пошел вслед за ней, молчаливый и грустный.

Сейчас, когда здание-город возвышалось впереди среди чаши гор и бурый туман медленно стекал к его основанию, движения Таяны стали вновь быстрыми и уверенными. Хаммонд спешил изо всех сил, чтобы не отставать от нее.

Рядом с гигантским небоскребом располагался космопорт с полудюжиной космолетов и несколькими приземистыми зданиями технических служб, над которыми подни-

мались башни радарных антенн. Идеальный порядок, царивший в Шаранне, резко контрастировал с нагромождениями серых глыб, некогда скатившихся со склонов древних гор.

Силового барьера вокруг города видно не было, но Таяна повернулась к Хаммонду и впервые за день сказала:

— Иди за мной, Кирк, след в след. Будь внимателен!

Она медленно пошла вперед, постоянно меняя направление, словно вела его по безопасному маршруту через минное поле. Хаммонд даже вспотел от волнения, каждую минуту ожидая удара силового поля.

Наконец Таяна перестала петлять и остановилась, с облегчением вздохнув. И тогда Хаммонд увидел, как со стороны небоскреба к ним бегут несколько враменов.

Дальнейшее произошло настолько стремительно, что он опомнился, только оказавшись внутри здания-города.

Он сидел в просторном холле, а рядом с ним находились двое враменов, следя за каждым его движением. Мрачный свет заходящего солнца проникал через большое, во всю стену окно. В соседней комнате Таяна разговаривала с лидерами Шаранны.

Прошло немало времени, прежде чем дверь вновь распахнулась. Вышла Таяна, приглашающе кивнула ему.

В комнате за полукруглым столом сидели пятеро мужчин. Они выглядели куда старше, чем врамены, которых Хаммонду прежде приходилось видеть, словно прошедшие тысячелетия отложили свой отпечаток в виде глубоких морщин на их лица. Глаза мужчин светились мудростью, но в них был заметен и страх. На гостя они смотрели так, как старцы могли глядеть на упрямого ребенка, игравшего в доме со спичками.

— Я должен сказать вам «здравствуйте», хоомен, но, честно говоря, мне куда больше хочется вас убить, — неожиданно произнес один из враменов, старик с седыми волосами и мощным телосложением борца.

Хаммонд изумленно посмотрел на Таяну, и та опустила глаза.

— Я рассказала лидерам враменов обо всем, что про-

изошло, и о вашей роли в этом, — тихо, словно оправдываясь, объяснила она.

Хаммонд не нашел, что ответить на резкие слова врамена, но они показались ему не совсем справедливыми.

Да, он сделал массу ошибок, но и врамены были далеко не безгрешны!

Словно прочитав его мысли, старик взял себя в руки и заговорил куда спокойнее:

— Впрочем, рано или поздно все это должно было случиться. — Он жестко взглянул на Хаммонда. — Таяна рассказала, что мы вас должны благодарить за то, что вы вырвали ее из рук Третьих людей. Иначе мы не узнали бы вовремя о надвигающейся опасности. Мы сохранили вам жизнь — по-моему, это неплохая благодарность... А теперь слово вам, Таяна.

Она заговорила усталым голосом, по-прежнему избегая смотреть на Хаммонда:

— Кирк, вы вновь стоите перед выбором. Предупреждаю, не сделайте на этот раз ошибку! Ваша дальнейшая судьба во многом зависит от этого. Вы помогли хооменам украсть звездолет, и они попали на Алтар. Теперь у ваших прежних друзей появились могучие союзники. Получив атомный генератор и металл, они стали почти непобедимыми. Вы можете, если хотите, присоединиться к ним. Но вам разрешено остаться в Шаранне. Решайте сами.

— А что собираетесь делать вы?

— Конечно, я останусь, но...

— Я тоже останусь, — сказал он.

Таяна посмотрела на него тревожным взглядом.

— Послушайте, Кирк, все не так просто. Мы решили попросить Четвертых людей о помощи. Однако это легче сказать, чем сделать. Наши внуки не любят, чтобы кто-нибудь нарушал их спокойствие. Все, кто пытается пересечь невидимую границу вокруг их странного города, подвергаются мощной телепатической атаке. Волей-неволей им приходится поворачивать назад. Но я считаю...

Она запнулась, и лидеры выжидающе посмотрели на

нее. После долгой паузы она продолжала упавшим голосом:

— Я считаю, что вы — наша последняя надежда. Вы сможете проникнуть в город наших внуков, если, конечно, захотите рискнуть.

— Что-то я не совсем понимаю... — пробормотал Хаммонд.

— Дело в вашем необычном прошлом, Кирк. Четвертые люди лишены всех слабостей, кроме одной — любопытства. Их наверняка заинтересуют ваши знания, ваша необычная судьба — все это они смогут прочитать даже на расстоянии и, быть может, захотят поближе познакомиться с выходцем из далекого прошлого, пропустят вас в город.

Лидер враменов добавил:

— Наши внуки никогда не интересовались внешним миром, наши проблемы их не занимают. И все же не исключено, что ближайшие перемены на Алтаре, вызванные усилением позиций Третьих людей, их обеспокоят. В этом наш единственный шанс на спасение.

Все выжидающе посмотрели на Хаммонда. В растерянности Кирк отошел к окну. Он смотрел на темные силуэты звездолетов и не ощущал сейчас ничего, кроме огромной усталости. Все тело его болело, не успев отойти от многочасового пути через лес. Ему было странно вспоминать, как еще месяц назад он жаждал попасть на Алтар и узнать секрет бессмертия. Да, это ему удалось, но победа обернулась настоящим кошмаром.

Сейчас он хотел только одного — вернуться немедленно на Землю, пока он еще не стал одним из «бессмертных», и забыть обо всем.

Обо всем?.

Хаммонд обернулся и поймал умоляющий взгляд Таяны. «А ведь она наверняка хочет, чтобы я сказал «нет», — подумал он. — Тогда мы смогли бы улететь вдвоем с этой жуткой планеты и прожить вместе столько, сколько нам отпустит судьба. Мы вряд ли доживем до времен, когда Третьи люди завоюют Галактику, и слава

Богу. Почему я должен взваливать на свои плечи такой тяжелый груз?»

— Похоже, выбора нет ни у вас, ни у меня, — сказал Хаммонд, улыбнувшись успокаивающе Таяне. — Кто-нибудь пойдет со мной, или я должен действовать в одиночку?

— Я пойду! — воскликнула Таяна.

Лидер враменов покачал головой.

— Нет. Четвертые люди не пропустят в свой город больше чем двоих чужаков. Одним их них должен быть Хаммонд, а вторым...

— Я, и только я! Ример, вы же знаете...

— Кто угодно, только не вы, — сурово возразил Ример. — Четвертые люди ненавидят любые эмоции, а от вас, Таяна, сейчас идет волна таких бурных чувств... — Он недовольно покосился на Хаммонда. — Ладно, не время говорить об этом. Подумайте, Таяна, чем ваша идея может грозить не только вам, но и вашему новому другу.

Хаммонд хотел возразить Римеру, но Таяна остановила его движением руки и спокойно сказала:

— Удачи, Кирк.

Она улыбнулась, и на выходе из комнаты изящную фигуру осветили последние лучи заходящего солнца. Хаммонд хотел было броситься ей вслед, но Ример преградил ему путь.

— У нас мало времени, Кирк, — сказал он.

Меньше чем через полчаса флайер уже летел на восток под переливающимся жемчужным куполом неба. Темные громады гор медленно уплывали прочь. Повернувшись, Хаммонд увидел, как угас последний луч солнца, осветив напоследок заснеженные пики и вершину гигантского небоскреба враменов. На космодроме вспыхнули два столба пламени — это космолеты отправились в патрульный полет на границы Трифид.

Ример сказал не особенно дружеским тоном:

— Вздремните пока, Кирк.

Хаммонд откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, но заснуть не смог. Вновь и вновь ему вспоминалась одна

и та же сцена: Таяна, уходящая во тьму, провожаемая пурпурными лучами гаснувшего солнца.

Затем пришло другое видение — мрачные кубы Вонна, освещенные голубым туманом, и грохочущий лязгающий шум. Третьи люди, наверное, уже выковали свое сверхоружие... Поняли ли Дон Вильсон и его товарищи, в какую ловушку загнал их Мар Канн? «Надеюсь, что нет, — подумал Хаммонд, — иначе хоомены уже должны быть мертвы...»

Ример потряс его за плечо, и тогда Хаммонд понял, что все-таки заснул.

Флайер стоял на голой каменистой равнине, на которой не росло ни единой травинки. Далеко на западе поднималась темная громада — гора с плоской, словно срезанной ножом вершиной. Над ней переливалось ночное беззвездное небо.

— Остальной путь придется проделать пешком, — сказал Ример. — Если, конечно, нам удастся пройти его до конца.

Хаммонд понял, что лидер враменов опасается ментальной атаки и потому посадил флайер, не долетев до города Четвертых людей. Но где же он находился?

Хаммонд спросил об этом, и Ример указал на громадную вершину.

— Наши внуки живут внутри этой горы, словно муравьи в песчаном холме. Они вырубили там тысячи туннелей и залов, укрывшись от окружающего мира надежной каменной толщей. — Он взглянул на Хаммонда и неожиданно мягко улыбнулся. — Понимаю, Кирк, какие чувства бурлят в вас, ведь я когда-то тоже родился на Земле и прожил там добрые пять десятков лет: Забудьте сейчас о Таяне, это может нам только помешать. Старайтесь вспомнить о вашем прошлом, о мире, который вы покинули десять тысяч лет назад. И поменьше эмоций, наши внуки этого не любят... Пора.

Они выпрыгнули на землю и пошли по направлению к темной глыбе, нависающей над долиной.

Хаммонд сосредоточился и стал вспоминать Землю, навсегда утерянную для него. Из глубин памяти всплыли

огромные города, маленькие деревеньки, улицы, запруженные чадящими автомобилями, тренажеры центра подготовки полетов, взлетающие в небо ракеты... И лица, сотни, тысячи лиц людей, которых ныне помнил он один.

Воспоминания увлекли его, и все же в глубине сердца таился страх. Хаммонд не мог избавиться от ощущения, что кто-то видит картины давно ушедшего прошлого, кто-то чужой и могучий...

Он упал, пораженный внезапным болевым ударом, и застонал, ощущая во рту горечь. В десяти футах впереди опустился на колени Ример. Весь дрожа, врамен еще пытался сопротивляться ментальной атаке, но тщетно.

Шок быстро прошел, однако теперь Хаммонд отчетливо ощущал, что кто-то перелистывает его память, словно книгу. Инстинктивно он попытался вскочить на ноги, но не смог даже пошевелиться. Дрожь сотрясала его тело, ему было очень холодно.

Кто-то сказал: «Вам разрешено войти в город».

Хаммонд поднялся. Постороннее присутствие в его мозге ослабло, но тонкая нить, ведущая куда-то вовне, осталась. Эта нить тянула Хаммонда мягко, упорно по направлению к горе, и он пошел. Ример следовал позади, механически передвигая негнущиеся ноги. Никто из них не произносил ни слова. Мысли Хаммонда свились в беспорядочный клубок, и он даже не пытался осмыслить происходящее.

Опомнился он только тогда, когда черная стена горы поднялась в нескольких футах перед ним. В ней не было и следа входа, но Хаммонд и Ример, не сговариваясь, пошли к одному и тому же месту. Часть каменной поверхности неожиданно повернулась вокруг невидимой оси. Гостей пригласили войти в город.

Они оказались в небольшой комнате с прозрачными стеклянными стенами. Дверь за ними беззвучно закрылась, и сразу же гости ощутили, что пол начал с силой давить на подошвы их башмаков. Стало ясно, что они в лифте, который поднимается в верхнюю часть горы. Путь назад был отрезан, теперь они полностью находились во власти хозяев города-горы.

Лифт остановился. Одна из стен исчезла, и гости ступили в коридор, освещенный лишь тусклым сиянием стеклянных стен. Потолок был настолько низок, что обоим мужчинам пришлось идти, согнувшись в три погибели. Когда Хаммонд опустился на корточки, чтобы немного передохнуть, он увидел невдалеке чью-то фигуру.

Казалось, это был подросток, ростом не больше четырех футов. Его одежда напоминала грубо вытканный мешок с отверстиями для головы и рук, телосложением же незнакомец смахивал на пухлого младенца с непропорционально большой головой. Черты лица были довольно красивыми, глаза огромными, глубоко спрятанными в глазницы; они светились необычайной мудростью, но в то же время были холодными и безразличными.

— Меня зовут Клед, достопочтимый дедушка, — обратился коротышка к Римеру с нескрываемой иронией. Он взглянул на Хаммонда и добавил: — Это первый хоомен, которого я вижу. Его мозг находится в зачаточном состоянии, но содержит довольно любопытную информацию. Нам потребуется несколько минут, чтобы извлечь все полезное. За это время, достопочтимый дедушка...

— За это время я советую вам исследовать мой мозг, дорогой внук, — резко ответил Ример. — Тогда вы поймете, по какой причине я оказался здесь, и...

— О, это уже сделано, — равнодушно ответил Клед. — Трое наших людей, оторвавшись от своих философских размышлений, изучают сейчас ваш мозг одновременно с мозгом хоомена. Пожалуйста, не шумите, это им очень мешает.

Клед зашагал по лабиринтам коридоров, и гости, полусогнувшись, последовали за ним. По обеим сторонам виднелись ряды крошечных комнат или, вернее, келий, вырубленных в камне и закрытых полупрозрачными панелями. В каждой из них находилась маленькая фигурка собрата Кледа, погруженная в глубокие размышления.

— Телепатические способности позволяют нам объединять усилия для решения важнейших проблем, — пояснил Клед. — Лишь немногие заняты индивидуальными исследованиями и могут уделить вам несколько минут. Даже

это является для них болезненным нарушением привычного образа жизни.

Ример покраснел от гнева и хотел что-то резко сказать, но не смог и рта раскрыть. Это поразило Хаммонда. Лидер враменов до сих пор казался ему почти сверхчеловеком, и даже он терялся в присутствии своего маленького внука. Впрочем, это пустяки, куда важнее было то, что судьба Алтара, а может быть, и всей Галактики ныне определялась этими холодными, нечеловеческими разумами.

Хаммонд смотрел на детские фигурки, сидящие в крошечных кельях со сложенными на груди ручонками и застывшими невидящими глазами, и думал: «А ведь они будут вести свою полурастительную жизнь до тех пор, пока каменные своды не рухнут им на головы. Что для них могут значить все треволнения внешнего мира?»

— Мы пришли, достопочтимый дедушка, — сказал Клед, указывая на открытую панель в стене. За ней располагалась относительно просторная комната, в которой сидели трое коротышек. — Входите, вам нечего бояться, в любом случае вам не причинят зла.

Ример недоверчиво хмыкнул, и Клед скривил рот, что можно было принять за тень улыбки.

— Ваши мысли совершенно ясны, достопочтимый дедушка. Вы раздумываете, мужчина я или женщина, и удивляетесь, как можно жить без эмоций. Все это пустяки, совершенные пустяки, которые недостойны даже ответа. Откройте свой разум, я постараюсь вам кое-что объяснить. Не знаю только, поймете ли вы, ведь ваш мозг так примитивен...

Они постояли молча несколько минут в келье, а затем Клед повернулся и вышел в коридор. Оба гостя последовали за ним. Их никто ни о чем не спрашивал, но Хаммонд ощущал, что его мозг основательно выпотрошен. Судя по бледному лицу Римера, лидер враменов ощущал нечто подобное.

— Мои собратья собрали всю необходимую информацию и теперь анализируют ее, — сообщил Клед. — Вскоре мы примем решение, стоит ли вмешиваться в ваш кон-

фликт с Третьими людьми. А сейчас я на прощанье покажу нашу единую память.

Вскоре они вошли в обширный куполообразный зал, погруженный в серебристую мглу. В стенах его располагалось множество келий, ярус за ярусом поднимавшихся к сводчатому потолку. Там сидели сотни, тысячи Четвертых людей, погруженных в размышления.

Казалось, они даже не заметили гостей, однако Хаммонд ощутил на мгновение болезненный укол в мозг.

— Теперь вся ценная информация, которой располагаете вы оба, запечатлена в нашей общей памяти, — спокойно сказал Клед. — Уходите.

Они повернулись и пошли по переплетению коридоров, уже одни, без сопровождения Кледа. Ни разу они не остановились, ни разу не советовались, по какому пути идти за очередным перекрестком. Они находились словно под мощным гипнозом, сделавшим из них бессловесных роботов.

Хаммонд пришел в себя, только подойдя к флайеру. Ример стоял рядом и очумело встряхивал головой, будто стараясь стряхнуть остатки наваждения.

— Что они решили? — хрипло спросил его Хаммонд. — Они помогут?

Ример раздраженно ответил:

— Наши внуки сказали, что им нужно время, чтобы разобраться во всем. Они, как и прежде, не хотят ни во что вмешиваться. Но поскольку есть вероятность того, что Третьи люди могут серьезно побеспокоить их, они готовы оценить эту опасность. И только затем начать действовать. Или оставить все как есть...

— Сколько времени им потребуется? — с тоской спросил Хаммонд. — Неужто ваши внуки будут спокойно наблюдать, как бандиты уничтожат Шаранну?

— Это их не волнует, — гневно ответил Ример. — Так же, как и судьба всего остального человечества. Кирк, я даже хочу, чтобы Третьи люди взорвали эту чертову гору. Такие детские мстительные эмоции недостойны меня, но я этого искренне хочу!

Он открыл дверь флайера и с проклятиями полез в ка-

бину. Когда летательный аппарат поднялся в воздух, на востоке уже разгоралась заря. Равнина окрасилась в теплый оранжевый свет, в небе поплыли длинные нитевидные облака. Но Хаммонд смотрел только вперед, где на горизонте виднелась зубчатая стена гор.

Путь до нее оказался тягостно долгим. Хаммонд не мог ни на минуту заснуть, обуреваемый тревожными чувствами. Успеют ли Четвертые люди прийти враменам на помощь, да и захотят ли они сделать это? Не придет ли помощь слишком поздно?

Когда ближе к полудню вдали, среди заснеженных гор, появился серебристый небоскреб Шаранны, Хаммонд понял, что они опоздали.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

▼▼▼

Над долиной, в нескольких сотнях футов над вершиной небоскреба, прямо в воздухе плясал гигантский ятаган света. Только рука Бога могла бы владеть этим колдовским оружием, но изогнутый клинок, казалось, сам по себе наносил сокрушающие удары. Они доставались не только небоскребу, но и окружавшим Шаранну скалам.

Периметр города пылал адскими факелами — это враменны наносили ответные удары.

Ятаган света легко уклонялся от них. Третьих людей не было видно среди гор. Они дистанционно управляли своим супероружием, находясь за пределами достижимости оружия враменов.

Титанический город-небоскреб был расколот пополам могучим ударом и стоял, на треть засыпанный собственными обломками. Огненные факелы, взметавшиеся в небо, становились все слабее и слабее, и наконец ятаган света улучил момент и вновь обрушился на оплот враменов, снеся несколько десятков его этажей.

Воздух задрожал от чудовищного грохота, и чуть позже в небо взметнулось бурлящее облако пыли.

— Боже, останови это! — закричал в ужасе Хаммонд. — Таяна...

Но смертоносный серп света продолжал плясать в небе, нанося удар за ударом. Полуразрушенная цитадель враменов вскоре была окружена огромным валом щебня и сама уменьшилась почти наполовину. Только тогда карающий клинок внезапно исчез, растворившись в медном небе.

Опомнившись, Хаммонд посмотрел на Римера, который с окаменевшим лицом смотрел на разрушенную Шаранну, на рухнувшую цивилизацию враменов.

— Ример, — хрипло пробормотал Хаммонд и потряс лидера враменов за плечо. — Ример, вы слышите меня?

Обернувшись, он увидел, что далеко на юге в небе появился рой черных мошек.

— Ример, очнитесь! — заорал он и стал хлестать врамена по щекам, стараясь привести его в чувство. — Они идут!

Ример ответил ему пустым, ничего не выражающим взглядом, но все же вновь положил руки на штурвал. Застывший в небе флайер плавно опустился на груду крупных обломков, засыпавших космодром.

Хаммонд распахнул дверцу и выпрыгнул наружу. Обернувшись, он увидел, что черные мошки уже превратились в экскадрилью флайеров и находятся всего в миле от Шаранны. Оставив застывшего от ужаса Римера в машине, он побежал к остаткам небоскреба.

Воздух был насыщен запахом гари. Едкий дым щипал глаза, дышать было трудно из-за пыли, пустым облаком висящей над землей. Хаммонд пробежал по застывшему озеру расплавленного металла — по-видимому, это были остатки одного из звездолетов. У подножия небоскреба в жутких позах лежали десятки тел враменов.

Таяны среди них не было — по крайней мере, среди тех, кого еще можно было узнать. Хаммонд стал карабкаться по груде дымящихся обломков к небоскребу.

Он не знал, почему делает это, ведь Таяна могла погибнуть и на космодроме, и здесь, погребенная тысячами тонн камней. А за его спиной в воздухе отчетливо нарас-

тал зловещий свист — флайеры Третьих людей шли на посадку.

Задыхаясь от бешеных ударов сердца, Хаммонд пробрался в небоскреб через одно из разбитых окон и побежал по коридорам.

Как ни странно, здесь царил относительный порядок, словно катастрофы и не было, только стены не светились как обычно.

Около площадки с лифтами высились груда арматуры и каменных блоков. Хаммонд решил подняться по шахте на следующий этаж, как вдруг увидел Таяну.

Она сидела, прислонившись спиной к искореженной кабине лифта. На ее белом как мел лице не было видно даже царапины. Хаммонд вскрикнул от радости, но затем увидел, что Таяна руками держится за правый окровавленный бок.

— Кирк... — прошептала она, силясь улыбнуться. Вместо этого ее лицо исказила гримаса боли.

Хаммонд опустился на колени и поцеловал ей руку, с ужасом глядя на кровавую рану. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять — Таяна обречена. Даже странно, что до сих пор она не умерла. Видимо, невероятная жизнеспособность враменов продлила агонию.

— Тебе необходима помощь, — с трудом выдавил он бесполезные слова утешения. — Врач...

Таяна покачала головой и прижалась к нему, дрожа всем телом.

— Мне уже ничего не поможет, — прошептала она слабеющим голосом. — Даже враменны умирают... Я жила долго, очень долго... но видела так мало хорошего... Только ты, Кирк, дал мне глоток счастья... Раньше я презирала женщин-хооменов, но теперь... теперь я завидую им... Пусть судьба отводит им всего несколько десятков лет... это так много, если рядом любимый... Я прожила века... но была счастлива всего несколько дней... Спасибо, милый...

Она замолчала, хрипло дыша, бессильно опустив голову на его плечо. Хаммонд сцепил вокруг нее руки так,

словно удерживал остатки жизни. Однако с каждым дыханием силы покидали Таяну.

— Поцелуй... меня в последний раз... — прошептала она еле слышно.

Хаммонд осторожно повернул ее голову, но губы Таяны были уже холодны.

Он еще долго сидел, вглядываясь в дорогое для него лицо. Как ни странно, сейчас оно было совсем иным, чем прежде, — детски беззащитным, немного испуганным. Оно не было сейчас красивым, как прежде, но стало милым и трогательным. Казалось, Таяна ненадолго заснула.

Хаммонд поцеловал ее еще раз, а затем закрыл ей глаза.

...Он очнулся от болезненного оцепенения, услышав где-то снаружи звук смеха. Казалось, десятки людей хохотали, увидев там, на обломках цитадели враменов, что-то очень забавное.

Хаммонд осторожно прислонил тело Таяны к груде обломков, а затем, сняв куртку, закрыл ее лицо. Не оглядываясь, он пошел назад по коридору к выбитому окну, чтобы взглянуть, что же смешного нашли Третьи люди в разрушенной Шаранне.

Несколько десятков богоподобных мерзавцев окружали взбешенного Римера, который обрушивал на них потоки проклятий. Старый врамен с развевающимися седыми волосами призывал небо покарать безумцев, убивших своих отцов и матерей, а дети только смеялись в ответ. Они выглядели триумфаторами, одержавшими славную победу над злейшим врагом; победителями, не испытывающими ни тени жалости к поверженному противнику.

Это они убили Таяну.

Хаммонд подобрал в груде обломков стальной прут и начал спускаться по искореженным обломкам арматуры. Он понимал, что в лучшем случае сумеет убить только одного из этих весельчаков, но и это было кое-что.

Ример обернулся и вдруг замолчал, увидев приближающегося Хаммонда. Третьи люди тоже перестали хохотать. Их лица помрачнели, в глазах появился страх.

Но они испугались не Хаммонда. Обернувшись, он увидел, как из разбитого небоскреба вслед за ним вышли четверо детей. Нет, нет, это были не дети, это был Клед и трое его товарищей!

Как они оказались в Шаранне, Хаммонд не мог понять. Быть может, прилетели на флайере, который стоит позади небоскреба? Они могли использовать и более фантастический способ передвижения, скажем, телепортацию или что-нибудь в этом роде — Хаммонда ничего не удивило бы.

Маленькие фигурки встали на край горизонтально лежащей среди обломков плиты и посмотрели сверху вниз на своих родителей. Впервые на Алтаре сошлись четыре вида хомо сапиенс, но это была отнюдь не радостная встреча.

Клед обратился к стоящим внизу людям негромким голосом, в котором ощущалась горечь и недовольство:

— Чему вы так радуетесь — вы, кто когда-то дал нам жизнь? Вы превратили Алтар в поле боя, устлали его окровавленными телами своих отцов и матерей и считаете себя победителями.

Ему ответил Холл Горман. Оскорбительно расхохотавшись, он воскликнул, указывая пальцем на Четвертых людей:

— Вы только послушайте, эти сосунки пришли нас поучать! Никчемные коротышки, изображающие из себя мудрецов, выползли из своих нор, чтобы судить, что есть добро, а что — зло. Запомните, ничтожества: это мы породили ваше жалкое племя, и отныне вы будете служить нам, как и положено почтительным сыновьям. На Алтаре с этого дня правят ваши родители. Благодаря глупости ничтожных хооменов у нас есть оружие, с помощью которого мы укоротим руки любым упрямцам. Идите и расскажите об этом вашему муравьиному племени!

— В этом нет никакой необходимости, — спокойно ответил Клед. — Разумы всех наших собратьев всегда тесно связаны, и то, что становится известно одному, через мгновение является достоянием всех. Решение уже принято. Вы — наши отцы, но разума у вас не больше, чем у мла-

денцев. Вы стали опасны не только для враменов и всех хооменов Галактики, но и для нас, потому что волей случая вам в руки попало слишком мощное оружие. Мы должны защищаться, и немедленно.

Тень озабоченности промелькнула на лице Холла Гормана. Он поднял руку и хотел что-то сказать, но не смог.

Даже Хаммонд, стоявший в сторонке, почувствовал мощный удар телепатической волны, которую Четвертые люди через Кледа и его спутников обрушили на своих растерявшихся родителей. Закрыв лицо руками, он закричал от дикой, невыносимой боли.

Волна прошла так же быстро, как и появилась. Хаммонд открыл глаза и, еще продолжая дрожать, огляделся.

С Третьими людьми произошла разительная перемена. Наглые улыбки исчезли с их лиц, сейчас они выглядели растерянными и по-детски беззащитными. Некоторые из Третьих людей бесцельно бродили среди флайеров, другие сидели на земле и с глубокомысленным видом играли в камешки; третьи хныкали, испуганно озираясь по сторонам, словно детишки, потерявшие родителей.

— Боже мой, — пробормотал Ример, изумленно оглядывая жутковатый «детский сад». — Вы сделали из них сущих младенцев!

Клед холодно посмотрел на него, стоя на краю плиты:

— Запомните, достопочтимый дедушка, мы сделали это не ради вас, враменов. Вы — чужие, родители нам куда ближе. По крайней мере, они не так примитивны, их мозг хоть и слаб, но все-таки способен к простейшим философским размышлениям. Им всегда было не до того, суетная жажда власти съедала их, отравляла разум. Теперь это в прошлом. Наши родители вновь стали младенцами. Отныне забота о них ляжет на наши плечи. Мы воспитаем из них лучших людей, чем это сделали некогда вы, враменны.

Получив волей случая бессмертие, вы целиком сосредоточились на себе, на собственных непомерных амбициях и не обращали внимания на своих детей. Именно это, а не испорченный генотип сделал из них чудовищ! Поняв, что дети не будут послушно служить враменам, вы изгна-

ли их из Шаранны, а затем изолировали от внешнего мира. Вы объясняли свои жестокие поступки необходимостью защиты Галактики, а на самом деле просто боялись конкуренции со стороны Третьих людей, которые превосходили вас во многих отношениях.

Вы, и только вы, виноваты в том, что благо вечной жизни обернулось кошмаром. Несмотря на ваше высокомерие и огромное самомнение, в душе вы остались теми же, кем и были в молодости — примитивными хоомена-ми со всем набором недостатков. Только чистые души и могучие разумы способны достойно принять груз бессмертия, и где же они среди временов?

Мы настаиваем, чтобы и вы и хоомены немедленно покинули Алтар. Вызовите звездолеты, которые охраняют подступы к Трифидам, улетайте куда хотите. Никогда не возвращайтесь на Алтар.

Ример хотел что-то возразить, но Клед только отмахнулся от него своей маленькой ручкой. Неуклюже спустившись вниз, он подошел к одному из людей, игравшему камешками, и прикоснулся к его щеке. В этом жесте чувствовалась и нежность, и одновременно жестокая насмешка.

Затем он сурово взглянул на Римера, и тот, смирившись, опустил голову.

— Хорошо, мы улетаем с Алтара.

Клед улыбнулся и, сощурившись, посмотрел на радужный шар солнца, сияющий в медном небе.

— Это дьявольская звезда, — прошептал он. — Люди дважды ее находили и когда-нибудь вновь попытаются сделать это. Легенда о чудесной Звезде Жизни будет существовать так же долго, сколько будет существовать человечество, и с этим ничего нельзя поделать. Но что-нибудь придумаем. Мы перестроим гравитационное поле этого солнца так, чтобы оно собрало всю пыль из его окрестностей. Пылевое облако погасит большую часть излучения, изменит спектр, и Звезда Жизни станет заурядным светилом, каких миллиарды в нашей Галактике. И тогда на Алтаре воцарится мир и спокойствие.

Клед протянул руку человеку, сидящему рядом в пыли.

— Пойдем, отец. Время возвращаться домой.

Четверо коротышек зашагали в сторону гор, и за ними, взявшись за руки, нетвердой походкой последовали родители, отныне ставшие детьми.

Хаммонд не стал смотреть им вслед.

Опустошенный и усталый донельзя, он сел на горячий песок, прислонившись спиной к каменной глыбе, и погрузился в полусон-полуявь. Он не знал, сколько времени прошло, прежде чем к нему подошли какие-то люди и заговорили с ним. Кажется, это были врамены, вернувшиеся из патрульного полета. Потом прошли еще долгие часы — или дни? — и к нему подошли Ива, Куобба и Тол Орр, рассказали возбужденными голосами про то, как Вонн в мгновение ока стал напоминать детский сад, в котором в качестве воспитателей заправляют коротышки, похожие на младенцев. Коротышки приказали всем хооменам лететь в Шаранну, а затем и прочь из Трифид, и никто, даже Дон Вильсон, не смог с ними спорить.

Хаммонд отрешенно выслушал это, кивнул и заснул, уже по-настоящему.

...Когда дурман вновь рассеялся, Хаммонд увидел, что сидит в кресле салона звездолета.

Рядом, в иллюминаторе, сияла Звезда Жизни. Она была окружена триумфальным опаловым ореолом, через который прорывались снопы золотистых, оранжевых, зеленых лучей — тех, что обладали чудесными свойствами дарить бессмертие. Крошечный шарик Алтара купался в радужном водопаде, словно ребенок, избалованный щедрой лаской матери.

«Скоро этому придет конец, — подумал Хаммонд. Клед и его сородичи не бросают слов попусту. Пройдут годы, а может быть, только месяцы, и это божественное сияние потускнеет. Звезда Жизни станет темным, холодным солнцем, и ее чары навсегда рассеются. Галактика осиротеет от такой потери, но человечество, напротив, многое выиграет.

Будет положен конец вражде между врамена и хооменами, и Трифиды перестанут притягивать к себе взгляды миллиардов людей, мечтающих о вечной жизни и даже

не задумывающихся о том, заслужили ли они это, готовы ли они нести такой груз.

И тогда Алтар оставят в покое, и никто не побеспокоит Таяну в ее вечном сне.

«Да, всем нам Богом дарована вечность, — думал Хаммонд. — Вечность небытия... Не так уж это мало, ведь мы далеко не боги. И если за те считанные годы, которые нам отпустит судьба, мы сможем быть счастливы хоть несколько дней, то жизнь наша прошла не зря. Неважно, где это случится, в каком времени и на какой планете, — главное, всегда стремиться. Хотя бы только ради одного этого человечеству стоило выйти в космос. Так или иначе, люди сделали свой выбор, когда впервые подняли головы к небу и увидели звезды. А чего больше принесет «завоевание космоса» — Добра или Зла, зависит только от них самих».

▼▼▼

БИТВА ЗА ЗВЕЗДЫ

РОМАН

▼▼▼

ГЛАВА ПЕРВАЯ

▼▼▼

Эта планета не была создана для людей. Бог сотворил человека из мяса, костей, крови и нервной ткани. Этот же мир состоял из огня, песка и радиации. Ступай домой, Человек! «Но я не могу сделать это, — с тоской думал Джей Биррел. — Не могу! От усталости я давно уже не сплю по ночам, меня мучают боли в ногах, и я очень хочу увидеть мою жену. И все же я должен высадиться на планету, где человеку так же уютно и хорошо, как муравью в доменной печи».

От этих мыслей Биррелу стало еще тоскливей. Он терпеть не мог эмоций, которые мешали делу. Сам себя он считал твердым, практического склада мужчиной, привыкшим выполнять любую трудную работу. Нет, он отнюдь не был суперменом, этаким видавшим виды космическим волком, но в свои тридцать семь лет он не зря был командиром Пятой Лиры — лучшей эскадры богатейшего сектора Галактики.

Биррел инстинктивно выпрямился — он привык отдавать приказы и любил, когда подчинённые смотрели на него снизу вверх, что было непросто при его среднем росте.

— Как там радар?

— Ничего, — ответил Джо Гарстанг, не поворачивая головы. — Экран пуст.

Гарстанг был моложе Биррела, но раза в два массивнее, так что едва помещался в кресле на капитанском мостике. На его суровом лице обычно ничего нельзя было прочесть, но сейчас в голосе капитана «Старзонга» явно

ощущалось недовольство. «Ему так же, как и мне, не нравится это задание, — подумал Биррел. — И еще больше то, что на борту его корабля находится непосредственный начальник. Что ж, старину Джо надо понять, я тоже был бы не в восторге, если бы гостем моей эскадры в какой-нибудь экспедиции был губернатор Фердиас. Но это все эмоции, сейчас не до них...»

Биррел сидел рядом с Гарстангом на капитанском мостике, который напоминал полутемный храм с металлическими стенами, куполом и пультом управления, чем-то похожим на алтарь. Около него тихо суетились двое техников — словно двое богобоязненных служек, изредка поглядывавших на своего сурового «епископа Гарстанга». Ну а он, Биррел, наверное, казался им самим кардиналом.

«Что ж, звучит неплохо — кардинал Звездной церкви», — с усмешкой подумал Биррел. Именно звездной — ведь они с Гарстангом вот уже какой час не отрывали глаз от обширного экрана, на котором серебрились россыпи созвездий, объединенных в скопление N-356-44 по Галактическому атласу. Это был настоящий улей из роящихся светил — бледно-зеленых и фиолетовых, белых и золотистых, зеленых и дымчато-красных.

Звезды сияли настолько ослепительно, что терялось обычное для космоса ощущение перспективы, все эти раскаленные миры будто выстроились в ряд, соприкасаясь и толкаясь друг с другом. Они извергали невидимые, но могучие потоки радиации и магнитных полей, способных закружить в своих вихрях любой корабль, словно щепку, и бросить его на дно, имя которому — смерть.

Любой торговый корабль повернул бы назад, испугавшись предстоящих навигационных трудностей. К сожалению, «Старзонг» не был торговым кораблем и не имел права уходить от опасностей.

В сияющем облаке виднелись черные прожилины и темные пятна, но лишь одно из них, лежащее в самом его сердце, могло провести корабль через скопление. Немногие звездолеты проходили этим путем, а еще больше никогда не вернулись обратно.

О чем думали их капитаны, приближаясь к этому мрач-

ному туннелю, окруженному теснинами из сияющих скал? Наверное, вспоминали о родных, близких и проклинали свою опасную профессию... Перед глазами Биррела на мгновение всплыл образ Лиллин, которая терпеливо ждала его в тихом доме на Веге-4. Нет, астронавтам нельзя иметь семью...

— Что говорит радар? — вновь спросил он, не поворачивая головы.

Гарстанг посмотрел на округлый дисплей, расположенный рядом с креслом.

— Ничего, командор. Пока ничего. — Его мохнатые брови насупились. — Мне кажется, сэр, что мы неоправданно рискуем. Если Орион может устроить засаду, то мы должны были прийти сюда всей эскадрой.

Биррел покачал головой. Его тоже мучили сомнения, но подчиненным необязательно об этом знать. Он сам принял решение лететь на флагмане, без прикрытия и даже без экскадрильи разведывательных кораблей, и ни у кого не должно быть сомнений в его правоте.

— Этого-то и ждет от нас Соллеремос, — глухо сказал он. — В туннеле через скопление легко устроить засаду, и напавший первым получает огромное преимущество. Пятая Лира бесславно погибла бы, и сектор Ориона сумел бы воспользоваться этим преимуществом. Нет, в таком опасном походе одного корабля вполне достаточно.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Гарстанг.

Биррел оторвал взгляд от экрана и посмотрел на одутловатое лицо капитана флагманского корабля. Серые глазки Гарстанга были непроницаемы, но Биррел прочел в них явное неодобрение.

— Мы не на плацу, Джо, — тихо сказал он. — Не надо мне демонстрировать готовность по приказу командира сесть задницей в крапиву. Скажите прямо, что вы думаете?

— Начальству всегда виднее, — после долгой паузы ответил Гарстанг. — Но когда вы поднялись на борт моего корабля, командор, и приказали лететь на эту чертову планету, я подумал: это не лучший день в твоей жизни, старина Джо.

Корабль вошел в туннель, конец которого был отмечен

замечательной парой двойных звезд, расположенных по обе стороны от выхода из скопления. Неровные «стены» туннеля, казалось, едва ползли назад — и это несмотря на то, что космолет двигался со скоростью, во много раз превышающей световую. Его двигатель создавал чудовищную тягу, изменяя в очень широком диапазоне соотношение «скорость — масса». При разгоне масса корабля искусственным путем уменьшалась почти до нуля, так что значительное ускорение могло быть достигнуто при сравнительно небольшом расходе энергии. Во время торможения происходил обратный процесс — скорость как бы «перекачивалась» вновь в массу.

Биррел нетерпеливым взглядом смотрел, как иззубренные стены звездного туннеля медленно уходили назад. Казалось, ему никогда не будет конца. За любой из этих разноцветных звезд могла находиться в засаде эскадра Ориона...

— Не кажется ли вам, Джо, что стратегическое значение этого туннеля постоянно растет? — спросил Биррел. — С тех пор как Земля потеряла реальный авторитет, во всех пограничных областях типа этого скопления стало тревожно. Никогда не знаешь, чего и от кого здесь ждать. Корабли пропадают один за другим, а губернаторы только лицемерно разводят руками — мол, очередной несчастный случай, они здесь ни при чем. Какие-то тайные механизмы пришли в движение, и похоже, что сектора вступают в незримый бой, хотя внешне все выглядит весьма благопристойно.

— Я давно знаю, что политика — грязное дело, — проворчал Гарстанг, покосившись на своего командира. — А еще хуже она становится, когда ты увязаешь в ней, словно муха в патоке.

Биррел промолчал, хотя думал точно так же. Навигационные компьютеры гудели от напряжения, решая сложнейшие задачи по компенсации воздействия гравитационных полей соседних звезд. Ошибись они хоть чуть-чуть, корабль был бы разбит вдребезги, словно стеклянная статуэтка под ударом молота.

Прошел час, другой, и наконец мимо проплыли две

двойные звезды, злобно мигнув им вслед. «Старзонг» вышел из туннеля. Впереди сияло голубое солнце, окруженное многими парсеками пустоты.

На капитанский мостик поднялся Веннер — молодой подтянутый офицер из навигационной службы. Отдав честь обоим начальникам, он почтительно обратился к Биррелу:

— Командор, наш дальний радар обнаружил в этой системе пять планет. Только вторая из них земного типа. Прикажете направиться сразу к ней?

Гарстанг вопросительно смотрел на Биррела, но тот в ответ только пожал плечами.

— Если у Ориона на самом деле здесь база, то, конечно, она должна находиться на планете, сходной с Землей. Но Соллеремос может подготовить нам и сюрприз. Так что будем исследовать их одну за одной.

Гарстанг кивнул и, взяв в руки коммуникатор, стал отдавать приказы службам корабля. А Биррел, не сводя глаз с раскаленного гиганта, погрузился в размышления.

Верна ли была информация о базе Ориона в этом пограничном районе, примыкавшем к сектору Лиры? Или это лишь хитрость, попытка заманить эскадру Фердиаса в ловушку? Да, засады в туннеле не оказалось, но, быть может, ее надо ожидать здесь, в системе голубого гиганта? Или все обстоит совершенно иначе, и они с Фердиасом просто клюнули на дезинформацию, а Орион сейчас предпринимает какие-то шаги в совсем другой части пограничной области?

Внезапно Биррел почувствовал себя старым и усталым. Начиная с семнадцати лет он служил в Пятой Лиры, пройдя путь от рядового астронавта до командора, и все двадцать лет службы его не покидало изматывающее нервное напряжение. Любая ошибка техника-двигателиста грозила гибелью крейсеру; промах же командора Биррела мог поставить под угрозу безопасность всего сектора, в который входили сотни звезд и тысячи населенных планет.

А ведь пару столетий назад все было иначе. Сектора лишь формально разделяли обитаемую часть Галактики — Объединенные Миры, в которых преобладало гуманоид-

ное население. Губернаторы секторов назначались Советом, базировавшимся на Земле, а звездные эскадры были лишь частью могучего галактического флота. В те старые добрые времена борьба велась лишь с силами природы, однако это продолжалось недолго.

Возможно, причиной будущих потрясений стало то, что вновь открытые астронавтами с Земли планеты нередко оказывались заселенными разумными существами. И даже не гуманоидами, а людьми в полном смысле этого слова! Антропологи до сих пор ломали копья в бесконечных спорах: стало ли это следствием рассеивания через космос так называемых «спор жизни», несущих хромосомный набор хомо сапиенс, или некогда, в другом цикле развития, люди сами расселились по множеству галактических миров?

Большинство ученых в последнее время склонялись ко второй гипотезе, но реальных доказательств найдено не было. Конечно, цивилизации на различных планетах находились на различных этапах развития — от варваров каменного века до высокоразвитых культур, вплотную подошедших к решению проблемы межзвездных перелетов. Земляне лишь немного опередили своих собратьев из других звездных систем, но именно они стали основателями галактического братства. И не их вина была в том, что Совет Объединенных Миров с лавинообразной скоростью стал пополняться новыми членами, а граница ОМ с каждым десятилетием увеличивалась на десятки парсеков.

Поначалу Земля еще пыталась выполнить функции центра, однако огромные расстояния сделали эти потуги бессмысленными. На одной из сессий Совета были созданы пять секторов, объединявших громадные звездные скопления. Ныне существовали пять таких «звездных штатов»: сектор Орион с губернатором Соллеремосом, Цефея с Ворном, Лев с Гианеем, Персей со Стровом и Лира с Фердиасом. Лишь формально эти сектора входили в ОМ, а правители могучих звездных скоплений скромно именовались губернаторами.

На самом деле Совет ОМ давно превратился в атавизм, а под внешне дружескими отношениями между гу-

бернаторами скрывалась ненасытная жажда власти и взаимная ненависть. Все правители жаждали новых звезд и новых парсеков пространства. «Даже Фердиас, — с грустью подумал Биррел, — мой друг и повелитель».

Губернатор Лиры давно играл в тайную игру со звездами, посылая свои эскадры из одной части Галактики в другую — словно переставлял пешки на шахматной доске. Он умело балансировал между миром и войной и с каждым «ходом» понемногу расширял свой сектор — то на незначительную туманность, то даже на одну-единственную звездную систему...

Миссия Биррела была частью этой тайной галактической схватки. Фердиас получил сведения от своих агентов, что Соллеремос основал базу в буферной зоне между Лирой и Орионом, нарушив тем самым соглашения между секторами. Такое случалось нередко, но пока конфликты не выходили за пределы «схватки под ковром». То там, то здесь при загадочных обстоятельствах исчезали корабли с сотнями людей, вымирали от таинственных эпидемий целые поселения на пограничных планетах, а в официальных сводках все это именовалось лишь «несчастными случаями». С каждым годом напряженность между секторами росла, так что Биррел не очень-то надеялся на мирный исход.

— Подходим к системе голубой звезды, — доложил Гарстанг сдавленным голосом.

«Старзонг» вздрогнул — это конвертер почти мгновенно погасил скорость корабля, преобразовав энергию кинетического движения в массу. На экране появилась безжизненная планета, испещренная кратерами вулкана и гигантскими трещинами. Было очевидно, что она лишена жизни, но корабль тем не менее сделал несколько витков, пока его сенсоры окончательно не подтвердили — планета пуста.

Второй мир оказался земного типа. Биррел почти не надеялся, что база Ориона именно здесь — слишком уж это было просто. Час спустя радары обнаружили большой город, а рядом — примитивный космопорт.

Здесь, на этой стороне планеты, царила ночь. Небо

сияло миллионами звезд, бросавшими на песчаные дюны возле космопорта призрачный дрожащий свет. Город спал, не подозревая, что в нескольких милях над ним завис крейсер, ощупывая поверхность невидимыми лучами своих радаров.

Но на экранах не появилось ничего интересного — ни звездолетов Ориона, ни его базы, ни лагеря его легионов. Космопорт был пуст, как, впрочем, и пустыня на многие сотни миль вокруг.

— Это ничего не значит, — буркнул Гарстанг, недоверчиво глядя на экраны. — Соллеремос — хитрая лиса. Его корабли могут находиться на другой стороне планеты или где-то еще в этой системе. Командор, нутром чую — здесь нас ждет ловушка. Надо было Пятой прилететь сюда в полном составе.

— ...чтобы встретиться на планете с наблюдателями из ОМ, которых Соллеремос предупредил об «угрозе с Лиры» и попросил лично убедиться в нашей агрессивности? — насмешливо подхватил Биррел, надевая свой парадный мундир в голубых и серебристых тонах. — Нет, Джо, в такую примитивную западню мы больше не попадемся.

Он спрятал в карман порто — портативный коммуникатор.

— Погодите, командор! — запротестовал Гарстанг. — Вы не сказали, сколько человек вам понадобится для сопровождения.

— Никого. Я пойду один.

Глаза Гарстанга расширились от изумления.

— Бога ради, сэр!

— Я знаю, что делаю, — раздраженно ответил Биррел. — Однажды я уже бывал на этой планете.

Командир «Старзонга» вздрогнул — за долгие годы совместной службы он так и не смог привыкнуть к сюрпризам своего начальника.

— Были здесь? Но зачем же мы тогда блуждали...

— Потому что базы Ориона здесь нет и быть не может, — спокойно объяснил Биррел. — Местное племя, что называется, бедное, но гордое. Оно свято чтит предания

тех далеких времен, когда их короли правили всем звездным скоплением. Эти люди терпеть не могут чужеземцев и готовы принять не более одного-единственного гостя. Лет пятнадцать назад, когда я был простым техником на Пятой, старый командор Болланд именно меня послал на разведку в этот город. Пойду проведаю старых знакомых...

— Понятно, — произнес Гарстанг, недовольно качая головой. — Я же говорил вам давеча — с начальством не соскучишься. Но что если ваши знакомые-аборигены тоже любят устраивать неприятные сюрпризы?

— На этот случай у меня есть порто, — ответил Биррел, похлопав себя по карману. — Слушайте меня внимательно, Джо. Через тридцать минут после того, как я войду в город, я вызову вас и дальше буду связываться с вами через каждые полчаса. Если хоть раз мой сигнал не придет, включайте двигатель и поскорее уносите отсюда ноги. Мстить этому племени — что высечь океан, толку все равно не будет. Нельзя давать Соллеремосу ни одного козыря, понимаете?

— Да Фердиас с меня голову снимет, если с вами что-то случится! — вспылил Гарстанг, побагровев. — И потом, неужели вы думаете, Джей, что я брошу так просто своего старого друга?

Биррел сурово посмотрел на капитана «Старзонга».

— Фердиас в курсе моего плана, — тихо сказал он. — Ему не впервой рисковать своими подчиненными. А вот я этого делать не хочу. Вам ясно, Гарстанг?

Капитан «Старзонга» кивнул с безнадежным видом.

— А теперь сажайте корабль, — велел Биррел и пошел к выходу.

Когда двигатели смолкли и люк автоматически открылся, Биррел постоял некоторое время, вдыхая чужой колючий воздух, насыщенный непривычными запахами. Впереди под россыпями звезд были видны силуэты башен старого города. Лишь кое-где в домах горели огни, но они выглядели далеко не приветливо.

Гарстанг неприязненно смотрел на город, который больше напоминал огромную и мрачную крепость, чем столицу цивилизованного государства.

— Сэр, мне не очень нравится эта ваша идея насчет тридцатиминутных пауз между вызовами, — наконец решился сказать он. — Вы чего-то опасаетесь, верно? Неужели я не могу предпринять хотя бы простейшие шаги, чтобы попытаться вызволить вас?

— Ну что ж, попробуйте, — после некоторого колебания ответил Биррел. — Но если кораблю будет угрожать серьезная опасность, то без колебания возвращайтесь на Вегу. На этой планете царит глубокое средневековье, и каждый гражданин прекрасно владеет оружием. Фердиасу только не хватает серьезного конфликта в пограничной зоне! Представляю, как на это отреагирует Соллеремос...

— А я отлично знаю, что услышу от губернатора, если вернусь без вас, — пробурчал Гарстанг. — Ладно, удачи, командор!

Биррел успокаивающе похлопал товарища по плечу и легко сбежал по пандусу. Ноги его по щиколотку увязли в песке — похоже, на этом космодроме действительно давно не садились корабли. Поеживаясь от ночного холода, Биррел зашагал к городским воротам.

Он вспомнил, как много лет назад шел этой же дорогой. Тогда он был юн, полон энтузиазма и жаждал геройских подвигов. Доверие самого командора Пятой наполняло его душу восторгом, и никакие опасности не страшили. Но теперь все изменилось. То ли сказывался возраст, то ли недавняя женитьба, однако рисковать головой ему ныне вовсе не хотелось. Да, Фердиас — его давний друг, но губернатор управлял огромным сектором Галактики, а командор эскадры был лишь пешкой в его игре, в которой человеческая жизнь не ценилась и на грош. Биррелу было не по себе от мысли, что Фердиас так легко поставил на кон его голову.

Очертания города стали проясняться. Теперь можно было разглядеть башнеподобные дома круглой и восьмиугольной формы, беспорядочно жмущиеся друг к другу. Их остроконечные крыши мерцали под светом звезд, а бесчисленные глазницы окон пристально вглядывались в непрошеного гостя из другого мира. Ветер бросал в лицо пригоршни колючих песчинок, и, кроме этого вечного го-

лоса пустыни, Биррел не слышал ни одного звука. Казалось, город затаился, словно зверь, приготовившийся к прыжку.

ГЛАВА ВТОРАЯ

▼▼▼

Трое аборигенов встретили Биррела у ворот. Это были гиганты ростом более семи футов, одетые в серые балахоны, под которыми угадывались тонкие, как тростинки, фигуры. Они двигались изящной, легкой походкой, опираясь на длинные посохи из резной кости. Вытянутые, словно на картинах Эль Греко, лица были увенчаны пирамидальными прическами, слегка покачивающимися при ходьбе. Немигающие глаза, упрятанные под резко выдающимися вперед надбровными дугами, казались таинственными и бесстрастными.

— Что делает здесь чужеземец с далекой звезды? — спросил один из аборигенов на отличном галакто.

— Я хочу поговорить с властителем города о других чужеземцах, — уверенным тоном сказал Биррел.

— Здесь нет чужаков, кроме тебя, — ответил один из горожан, не проявив ни малейших эмоций. — Возвращайся на свой корабль, незнакомец, и немедленно улетай с Лидии.

Биррелу приходилось десятки раз общаться с гуманоидами на различных планетах Галактики, и он знал, как трудно достичь взаимопонимания. Но он знал и другое — упорству надо противопоставлять настойчивость, глухоте — ясные, понятные всем слова.

— Здесь есть другие чужеземцы, — мягко произнес он. — Властитель города знает об этом.

Туземцы переглянулись, смущенные его настойчивостью. Наконец один из них медленно наклонил голову:

— Твои речи темны, чужеземец, но наш правитель Седарх мудр и сможет понять твои тайные мысли — те, что лежат за пустой скорлупой слов.

Аборигены окружили Биррела и повели его через ши-

роко раскрытые створки ворот. Когда-то он уже шел этой дорогой, и вновь его удивил этот странный город, где не было ни улиц, ни тротуаров — только волнистые дюны между тесно стоящими зданиями-башнями. Ни один светильник не рассеивал мглу глубокой ночи, но шедший впереди абориген зажег маленький фонарь. Биррел украдкой взглянул на наручные часы, заметив момент, когда они прошли через ворота. Гарстанг начал отсчет первых тридцати минут — кто знает, что произойдет за это время?

Увязая по щиколотку в песке, Биррел едва поспевал за широкими шагами аборигена с фонарем — и одновременно ощущал спиной враждебные взгляды его товарищей. Мимо проплывали массивные стены, сложенные из грубо обтесанных камней, и узкие, словно бойницы, окна, темные и настороженные. Кое-где на пути встречались пыльные безлистные кустарники, настолько унылые, что их трудно было назвать «зелеными насаждениями». В прошлый свой приезд на Гинею Биррел слышал об обширных плантациях, разбитых в глубинах подземных каверн, но никогда не видел их.

Трудно было поверить, что этот скучный, беспорядочно сооруженный город был некогда столицей огромного звездного скопления. Впрочем, это могло быть лишь красивой легендой. Едва ли не каждый варварский мир привык хвастаться могучими предками, как правило, не оставившими никаких ощутимых следов своей титанической деятельности. Некоторые ученые даже усматривали в этом стандартном мифотворчестве доказательство единства происхождения всей человеческой популяции в Галактике, у которой тысячи лет назад была одна прародина, со своими легендами и преданиями.

Вскоре они подошли к приземистой башне, из широко открытой двери которой лился желтый свет.

— Желает ли чужеземец войти в жилище нашего правителя?

Биррел с сомнением взглянул на здание, больше похожее на таверну, но без вопросов вошел внутрь. Его спина уже успела онеметь от недружественных взглядов прово-

жатых. Да, здесь не любили чужеземцев, так что скорее всего его миссия напра...

Он замер на пороге. Большая комната с голыми каменными стенами была едва освещена лампой, выточенной из крупного кристалла, похожего на кварц. За грубо сколоченным столом сидели четверо мужчин, потягивая вино из высоких кружек.

Это были не аборигены-гуманоиды, нет — это были люди, носившие комбинезоны астронавтов с эмблемами Ориона на плечах и со станнерами за поясами. Только один из незнакомцев был одет в обычный гражданский костюм без каких-либо знаков отличия. Заметив Биррела, он встал со стула и пошел ему навстречу — худощавый, невысокого роста мужчина средних лет, с массивной головой и настороженными карими глазами. Его движения отличались тигриной грацией, которая говорила о недюжинной силе.

— Вот и вы, командор, — скупо улыбнулся мужчина в гражданском. — Мое имя Таунцер. Это я назначил вам свидание и очень рад, что вы не заставили себя долго ждать.

Биррел никогда не видел этого человека, но его имя говорило о многом. Таунцер был известен как один из самых ловких и опасных агентов Соллеремоса, оставивший кровавый след на десятках пограничных миров.

Он криво усмехнулся.

— Выходит, я оказался в дураках?

Таунцер пожал плечами.

— Не надо так переживать, командор. Просто каждый делает то, на что он способен. Прошу садиться. Правда, местная мебель, по обычаю, вытесана из камня, но я уж постараюсь, чтобы вам было удобно. Хотите вина? Местный херес, право, недурен.

Трое здоровяков за столом выразительно смотрели на Биррела, поигрывая тренированными мускулами, и он решил принять предложение. Кресло оказалось действительно жестким и неудобным; оно было рассчитано на двухметровых аборигенов, так что ноги Биррела немного не доставали до пола. Он бросил взгляд на дверь, однако

туземцев и след простыл. На часы же он не решился взглянуть — Таунцер пристально следил за каждым его движением проницательными смеющимися глазами.

Остальные мужчины будто бы не обращали на него никакого внимания, хотя Биррел не питал на этот счет никаких иллюзий. Он не успел бы даже коснуться своего порто, как получил бы по заряду из каждого станнера. Что ж, надо выжидать подходящий момент, но времени на это оставалось немного, минут пятнадцать, не больше.

— Просто поразительно, Таунцер, как вы сумели столковаться с этим племенем, — сказал Биррел, недоуменно покачивая головой. — Насколько мне известно, они никогда не вступали в сговор с чужаками. Это противоречит всем их обычаям. Я бы никогда так просто не купился на вашу приманку, если бы хоть на грамм сомневался в их непробиваемом консерватизме.

— Все верно, командор, вы рассуждаете совершенно верно, — с довольной ухмылкой сказал Таунцер. — Только в одном вы ошиблись. Дело в том, что в моих жилах течет часть крови и этого племени. Однажды моя прабабка согрешила с одним из этих верзил и вписала этим позорную страницу в родословную моей семьи. Но, как видите, даже постыдный блуд с гуманоидом может пойти на пользу умному правнуку.

Биррел пожал плечами, испытывая сильное желание взглянуть на часы. Теперь он уже сожалел, что перед уходом дал слабину и предоставил Гарстангу относительную свободу действий. Кто теперь знает, во что может обойтись Лире его сегодняшний промах?

Таунцер пригубил вино и закрыл глаза, словно от наслаждения, затем вдруг небрежно произнес:

— Кстати, командор, я не зря зажмурился. Можете быстро взглянуть на свои часы, пока я вас не вижу.

Он хохотнул и одним глотком опорожнил кружку до дна. Лицо Биррела вспыхнуло от гнева. Агент Соллеремоса действительно был ловкой бестией, а сейчас явно испытывал удовольствие от того, что сумел поймать доверенное лицо Фердиаса на голый крючок. Что ж, придется рвать леску...

Биррел посмотрел на часы и спокойно сказал:

— Надеюсь, вы понимаете, Таунцер, что мои люди следят за каждым моим шагом? Они получили кое-какие инструкции на этот счет.

Таунцер произнес почти утешающим тоном:

— Не сомневаюсь в этом, командор. У меня было достаточно времени, чтобы изучить ваше досье и узнать кое-что о ваших методах действия. У губернатора Фердиаса есть одна скверная привычка: использовать в особо щекотливых ситуациях командующего Пятой Лиры как особо доверенного агента. Так что я ждал именно вас, Биррел, и рад, что на обманулся. Что касается ваших угроз, то от них есть очень простая защита: сидеть и ждать, ничего не предпринимая. Вот мы и подождем.

Биррел внутренне чертыхнулся. Кажется, Гарстанг был прав, стоило бы прийти сюда всей эскадрой.

— Рад слышать, что меня столь высоко ценят на Орионе, — после паузы сказал он. — Чем же я могу быть вам полезен, Таунцер?

— О, пустяки, командор, совершеннейшие пустяки, — добродушно усмехнулся агент. — Я хочу услышать ответ на один-единственный вопрос.

Он вскочил с кресла, подойдя к Биррелу, наклонился и тихо спросил, все еще продолжая улыбаться:

— Каковы планы Фердиаса в отношении Земли?

Некоторое время Биррел изумленно смотрел на Таунцера. Он был готов к любым вопросам, кроме этого. Командующий лучшей эскадрой Лиры немало знал о тактических, даже стратегических планах Фердиаса, имел исчерпывающие сведения о диспозиции его основных сил, о секретных базах, о новых видах оружия — словом, о десятках вещей, которые могли бы весьма заинтересовать губернатора Ориона. Но это... Это не поддавалось объяснению.

Земля, несмотря на свое славное прошлое, давно уже была захолустной, потерявшей всяческое влияние планетой. Да, на ней все еще заседал Совет ОМ и базировался Объединенный космофлот, но это уже не имело никакого значения. Даже он, Биррел, побывавший почти во всех

концах Галактики, никогда и на несколько парсеков не подходил к Солнечной системе. Правда, в его жилах бежала кровь земных предков — его прадед был выходцем из Соединенных Штатов, но сам он не испытывал ни малейшего интереса к своей прародине, которую никогда не видел.

В грандиозной игре, которую вели друг против друга губернаторы секторов, Земля не имела и не могла иметь никакого веса. Фердиас ни разу не упоминал ее даже в приватных разговорах с Биррелом, не опускаясь до масштабов, меньших, чем звездные скопления. Так что скорее всего вопрос Таунцера был очередной уловкой, отвлекающим маневром, попыткой сбить его с толку...

— Повторяю, Биррел, что замышляет губернатор Лиры в отношении Земли?

— Понятия не имею, о чем вы толкуете, приятель, — обезоруживающе улыбнувшись, ответил командор.

— Не исключено, — согласился Таунцер. — Но, знаете, я всерьез навожу справки по этому поводу и боюсь, вашего слова будет маловато. Кстати, где сейчас находится Кэрш?

Он выстрелил последним вопросом, явно стараясь застать пленника врасплох. Но Биррел глазом не моргнул.

— Кэрш? Это еще что за птица?

Биррел выпрямился, болезненно поморщившись.

— Ладно, пустые разговоры. Они только задерживают нас, командор, а мы с вами — люди занятые. Доу!

Один из астронавтов поднялся из-за стола и, повинуясь движению руки Таунцера, пошел в соседнюю комнату. Сердце Биррела тревожно забилось. До очередного вызова Гарстанга осталось не более десяти минут.

— У вас мало времени, Таунцер, — напомнил он. — Мы оба сделали ошибки, но ваша может иметь самые плачевные последствия.

— Я рад, что вы так заботитесь о моем благополучии, командор, — усмехнулся Таунцер, хищно поглядывая на пленника. — Боюсь, не смогу ответить вам тем же. Ваши люди не придут к вам на помощь, а вот мои, надеюсь, не подкачают.

— Вы слишком самоуверенны, Таунцер.

— Что делать, у всех свои слабости. Доу, ты можешь поторопиться?

— Все готово, сэр.

Доу вошел боком в комнату, неся треножник, на вершине которого был расположен прибор с широким раструбом. Во рту Биррела пересохло. Он видел подобную штуку не раз. Это был «детектор правды», который с помощью особого излучения подавлял человеческую психику, и пленник не мог лживо отвечать на вопросы.

Да, он не знал ничего о планах Фердиаса в отношении Земли и не имел ни малейшего представления, где сейчас находится Кэрш — правая рука правителя Лиры в тайной борьбе за звезды. Но он знал массу вещей, которые весьма могли заинтересовать Соллеремоса.

Сколько времени у него осталось? Десять минут или уже всего пять? Когда включат «ДП», будет слишком поздно. Надо как-то выкрутиться, как-то оттянуть время, но как?

Биррелу пришла в голову лишь простейшая идея, и он без раздумий пустил ее в ход. Внезапно он выпрыгнул из кресла и бросился на Доу, который устанавливал прибор. Командор не сомневался, что головорезы Таунцера не осмелятся пустить в ход станнеры, и оказался прав.

Ему удалось достичь «ДП» на долю секунды раньше, чем его смогли остановить. Сильным ударом он скинул прибор на пол. Тут же на него навалились трое дюжих молодцов, но Биррел не доставил им удовольствия помять ему кости. Он мгновенно перестал сопротивляться, экономя силы.

Его волоком вновь подтащили к креслу и усадили на жесткое сиденье, предварительно угостив парой увесистых оплеух. Доу тем временем, проклиная все на свете, поднял прибор и тщательно осмотрел.

— Больно вы прытки для своей солидной должности, командор, — побелев от ярости, процедил Таунцер. — Я уже говорил вам — бросьте рыпаться понапрасну, никто вам теперь не поможет. Надо уметь проигрывать, Бир-

рел, вы же не мальчишка... Доу, черт тебя дери, как там прибор?

— Э-э... кажется, все обошлось, сэр. Точно, все обошлось.

— Тебе же лучше, парень. А не то эта ошибка могла стать последней в твоей жизни, остолоп... А вы напрасно ухмыляетесь, Биррел. Если ваши люди вступят в игру, то они получат хорошую взбучку.

— А это еще почему? Неужели аборигены вступятся за честь вашей бабки-блудницы?

Таунцер ядовито улыбнулся.

— К сожалению, они наотрез отказались выступить с оружием на стороне Ориона. А представляете, какой это был бы замечательный скандал: агрессоры-убийцы с Лиры уничтожают мирных туземцев из пограничной области! Соллеремос мог бы нажить на этом солидный политический капитал... Увы, приходится бороться с вами более тривиальными средствами. Три моих крейсера скрываются за крупными астероидами невдалеке от планеты и в момент вашего приземления получили приказ лететь к городу. Они накроют ракетами ваш «Старзонг», даже не спускаясь с орбиты. Как вам это нравится, командор?

Хуже ничего не могло произойти. Биррел изо всех сил пытался сохранить на лице бесстрастное выражение, но, видимо, это плохо ему удалось, потому что улыбка Таунцера стала шире.

— Думаю, вы понимаете, что такой поворот событий невыгоден нам обоим. К чему устраивать бойню, если можно тихо-мирно решить все вопросы? А ведь во всем виновата ваша слава, Биррел. Всем известно, что вы в особом фаворе у Фердиаса, кому же знать его секретные планы, как не вам?

— Дружба — это одно, а знание политических тайн — другое, — горячо возразил Биррел. — Не путайте божий дар с яичницей. И потом, Таунцер, вы с сегодняшнего дня становитесь личным врагом губернатора Лиры, то есть бесспорным кандидатом в покойники.

— Возможно, — нахмурившись, согласился Таунцер. — Но сами понимаете, если я прилечу к Соллеремосу с пус-

тыми руками, это тоже не пойдет на пользу моему здоровью. Итак, вы решительно не хотите добровольно рассказать нам о замыслах Фердиаса в отношении Земли? Доу, включай прибор, коммандор попросту тянет время.

Не успел техник коснуться кнопки, как со стороны пустыни раздался могучий грохот. Гарстанг все-таки поднял крейсер! «Молодец!» — с радостью подумал Биррел. Теперь кораблям Ориона так просто его не взять.

— Доу, болван, включай свою машину! — заорал Таунцер, впервые теряя самообладание. В этот момент в проеме наружной двери появились трое аборигенов — тех, что привели Биррела в ловушку. На их обычно бесстрастных лицах теперь была заметна растерянность. Командор быстро воспользовался этим:

— Горожане, одумайтесь! — закричал он на галакто. — Вас впутали в грязное дело! Мой крейсер уничтожит вас, если вы не поможете освободить меня от этих грязных чужаков! Передайте вашему правителю...

Один из людей Таунцера не выдержал и сильно ударил его в челюсть. Биррел рухнул, чувствуя, что теряет сознание. Его ход сработал...

Тем временем «Старзонг», развернувшись, прошел низко над городом. От рева двигателя проснулись все жители и, выбежав на улицы, едва не задохнулись в пыльном воздухе. Многие в панике рухнули на землю, закрыв голову руками. Женщины и дети испуганно завопили. Через несколько мгновений на город обрушилась ударная волна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

▼▼▼

Небо раскололось от чудовищного грохота. Градом посыпались стекла из окон, многие куполообразные крыши снесло, словно от удара гигантского кулака. Вопли ужаса заполнили огромный город.

Затем грохот стал стихать, уходя на запад, и еще через минуту наступила тишина. Кое-кто из горожан стал

подниматься на ноги, в страхе глядя по сторонам. А в таверне Таунцер, изрыгая проклятия, нещадно хлестал Биррела по щекам, безуспешно пытаясь привести пленника в чувство.

Крейсер вскоре вновь вернулся, пройдя над зданиями еще ниже. Казалось, Гарстанг всерьез рисковал распороть брюхо кораблю остроконечными шпилями башен. Воздействие ударной волны на этот раз было сокрушительным, словно орудийный обстрел. Опустевшие дома содрогнулись, стены многих из них треснули, крыши сдуло, словно ураганом, на людей посыпался град камней. Когда крейсер исчез за горизонтом, на пороге таверны вновь появились те трое аборигенов, что заманили Биррела в ловушку. На этот раз на их лицах был виден неприкрытый ужас.

— Вы обманули нас! — закричал один из туземцев, с ненавистью глядя на Таунцера. — Вы обещали, что изгоните с Гинеи всех чужеземцев! А вместо этого натравили их на наш бедный народ!

— Я всем сердцем хочу вам добра! — запротестовал Таунцер, побледнев. — Послушайте, Карн...

— Да, послушайте, — слабым голосом сказал Биррел, придя в себя после нокаута. — Послушайте, как мой крейсер вновь пройдет над городом. Он будет утюжить небо, пока вы не освободите меня от этих мерзавцев...

Таунцер хлестким ударом заставил его замолчать. Лицо Биррела залила кровь.

«Старзонг» вернулся, и на этот раз, казалось, в небе разорвалась ядерная бомба.

Когда все стихло, один из аборигенов с трудом поднялся на ноги, стряхнул с себя каменную пыль и, издав вопль отчаяния, подскочил к Биррелу. Схватив оглушенного командора за руку, он потащил его к выходу.

— Эй, не смейте... — пробормотал Таунцер, еще не отойдя от пережитого минуту назад ужаса. — Он мой пленник, и вы должны...

Высокий горожанин обернулся и в ярости воскликнул:

— Мы, дети звездных королей, ничего не должны такой жалкой полукровке, как ты! Немедленно убирайся с

Гинеи, иначе мои люди будут гнать тебя через пустыню, словно дикого зверя!

Биррел подошел на негнущихся ногах к проему двери и увидел рядом с таверной растущую толпу разгневанных людей. Таунцер тоже заметил их и еще больше помрачнел. Демонстративно отряхнув пыль с колен, командор шагнул через порог.

— Не давайте ему уйти, сэр! — срывающимся голосом просипел Доу. — Губернатор будет недоволен нами...

— Что я могу сделать? — процедил сквозь зубы Таунцер. — Ничего, с этим вегианином мы еще посчитаемся...

Биррел прошел через возбужденную толпу, которая тем не менее расступилась перед ним. Чужака проводили взглядами ненависти, но никто не преследовал его. Выйдя из города, Биррел достал порто из кармана и связался с Гарстангом. А затем, больше не оглядываясь, торопливо пошел через пустыню в сторону космодрома.

Через четверть часа он уже поднялся по пандусу и, не отвечая на расспросы капитана, коротко приказал:

— Немедленно взлетайте! Скоро сюда прибудут три орионских крейсера. Только битвы в космосе нам сейчас не хватало...

Гарстанг кивнул и побежал по коридору в сторону капитанского мостика. Когда Биррел добрел туда же и бессильно рухнул в кресло, двигатель уже заработал. С предельной перегрузкой «Старзонг» ушел в небо. Гарстанг выбрал траекторию ухода, которая, как ему казалось, уводила их от кораблей Ориона.

— Когда мы подойдем к туннелю в звездном скоплении? — спросил Биррел, понемногу приходя в себя.

— Меньше чем через полчаса, — ответил Гарстанг, с тревогой глядя на экраны радара, на которых было пока пусто. — Я бы не прочь вступить в бой, командор, бежать — не в традициях флагманского корабля Пятой Лиры. Но с тремя крейсерами противника нам не справиться...

Биррел хмуро кивнул. Боевые корабли всех секторов были оснащены самонаводящимися ракетами с ядерными боеголовками. Никакой бронированный корпус тут не помог бы, поэтому единственным оружием защиты служили

антиракеты и противорадары, мешающие наведению ракет противника на цель. Залпам с одного и даже двух крейсеров еще как-то можно было противостоять, но бой одного корабля против трех был бессмысленным.

Гарстанг отдал очередной приказ, и по коридорам прокатился вой сирены, предупреждая о переходе к сверхсветовой скорости. Сразу же вокруг всех кресел с членами экипажа возник невидимый силовой конус антигравитатора, гасящий смертоносное действие чудовищной перегрузки. И тем не менее все ощутили резкую головную боль и тошноту. Корабль прыгнул к звездному скоплению, нацелившись на пару красных двойных звезд, за которым начинался вход в туннель.

Обзорные экраны на мгновение погасли, а затем вновь зажглись россыпями бесчисленных созвездий. Казалось, они не двигались с места, но зловещая пара двойных звезд быстро приближалась.

— Сэр, корабли Ориона появились на экране радара, — напряженным голосом доложил Гарстанг. — Судя по их ускорению, это легкие крейсеры типа С-16. Их суммарная огневая мощь превосходит нашу всего лишь в полтора раза, однако максимальная скорость выше на одну восьмую...

— Это только цифры, — оборвал Биррел. — Вы же знаете, Джо, до открытой схватки между нашими секторами дело еще ни разу не доходило. А вот если Лира потеряет свой флагманский корабль, это может привести к галактической войне.

Гарстанг понимающе кивнул. Через несколько минут «Старзонг» миновал двойные звезды и вошел в туннель. Капитан сразу же отдал приказ снизить ускорение. Биррел понимал его — гравитационные поля внутри туннеля были настолько сильными и сложными по конфигурации, что при чрезмерно большой скорости силовая защита флагмана могла не выдержать, и он бы мгновенно рассыпался на куски. Конечно, корабли Ориона должны были поступить точно так же, но они были куда легче и могли позволить себе большее ускорение.

Биррел не вмешивался, несмотря на всю опасность си-

туации, Гарстанг был опытным капитаном и не раз спасал свой корабль от гибели. Правда, ему ни разу до сих пор не приходилось бежать от противника...

Туннель постепенно сужался, оскаливаясь острыми клыками созвездий, которые, казалось, грозили разорвать крейсер Лиры в клочья. Но эта опасность была не единственной...

— Противник сокращает дистанцию, — хладнокровно доложил Гарстанг, не отрывая глаз от экранов радара. — Боюсь, мы попадем в зону обстрела, не дойдя до конца туннеля.

Биррел посмотрел на верхнюю часть экрана, где среди россыпей звезд появилось обширное темное пятно. Это была туманность, находящаяся в самом центре гигантского звездного скопления.

— Насколько я понимаю, у нас остается только один выход, — сказал он.

Гарстанг проследил его взгляд и протестующе воскликнул:

— Надеюсь, вы не имеете в виду этот угольный мешок, командор!

Биррел пожал плечами.

— У вас есть другая идея, Джо? Я готов ее обсудить. В любом случае это не приказ, вы — командир корабля.

— Разве? — с иронией спросил Гарстанг. — Если бы это было так, то «Старзонга» здесь не было бы. — Он наклонился к коммуникатору и хрипло произнес: — Внимание, новый курс к зениту и на север на тридцать восемь градусов. Включить киберштурман и автопилот. Повторяю, новый курс...

Биррел подумал о том, как изменились, наверное, сейчас лица у парней в навигационном отсеке. Что поделать, кому нравится этот путь, но иного выхода нет...

Пульты ручного управления погасли, зато вспыхнули сотнями мигающих огней стойки компьютеров. Мириады звезд на обзорном экране медленно поплыли вниз, а на их месте появилось темное облако пыли, испещренное черными расщелинами космических течений. В глубине туманности едва тлели утопленные в космической пыли солнца.

Радар сообщил, что крейсеры Ориона находятся в тунеле, но «Старзонг» уже вошел в опасную, насыщенную пылью область, в которой его сложно было отличить от любого из мириадов каменных обломков.

Это был эффективный путь ухода от радаров противника, хотя чрезвычайно рискованный. В пыльном облаке вязли и лучи радаров самого «Старзонга», так что система противометеоритной защиты становилась крайне ненадежной. Автопилот попросту мог не успеть среагировать на обломок, обнаруженный радарами на небольшом расстоянии от корабля, так что шансы уцелеть были невелики. Но в схватке с тремя крейсерами их не было вовсе.

Биррел отключил противоперегрузочное поле и стал бесцельно ходить по капитанскому мостику. Экипаж был сейчас не у дел — настал час корабля, его радаров, двигателей, генераторов, компьютеров. Командование временно принял на себя киберштурман, а автопилот послушно выполнял все его приказы, проводя звездолет через космические течения.

Мимо, словно факелы в ночи, проплывали тускло горящие солнца, выбрасывая навстречу кораблю невидимые щупальца гравитационных полей, захватывая его потоками жестких лучей и расставляя ловушки в виде мощных магнитных вихрей.

Весь корабль наполнился мелодичной музыкой работы компьютеров, которые держали сейчас судьбу членов экипажа в своих чутких электронных руках. Малейшая ошибка в сложнейших вычислениях, сбой в системе управления могли бы мгновенно погубить крейсер, и никто — ни пилоты, ни штурманы, ни даже капитан не смогли бы ничего сделать. Только трижды за свою долгую службу в космофлоте Биррел проходил через подобное испытание, и каждый раз его охватывало острое чувство беспомощности и одновременно — благоговения, словно окутавший корабль огненный туман был остатком первичного облака раскаленной плазмы, из которого образовалась Вселенная.

Пространство и время, казалось, исчезли. Мельком Биррел подумал — рискнули ли крейсеры Ориона пресле-

довать их в этом аду, — но тут же забыл об этом. Слишком величественное зрелище открылось перед ним на экране, так что все недавние заботы и тревоги казались мелочными и суетными.

Прошел час — или год? — прежде чем «Старзонг» внезапно вынырнул из туманности и оказался в открытом космосе, за пределами звездного скопления. И сразу стихла органная музыка компьютеров, погасли тысячи мигающих огоньков на контрольных панелях, а вместо этого ожили пульты ручного управления. Но только через несколько минут в коридорах вновь послышались голоса людей — уж слишком все были ошеломлены увиденным и пережитым. Биррел молча обнял Гарстанга за плечи, затем не спеша направился в радиорубку. Вернувшись, он сказал:

— Пятая движется нам навстречу. Можете дать максимальное ускорение?

Гарстанг в сомнении покачал головой, но, изучив показания контрольных приборов, доложил:

— Да, могу. В генераторах сохранился запас энергии еще для одного разгона.

«Старзонг» прошел последние одиночные звезды на периферии скопления, и теперь между ним и Плеядами не было ничего, кроме нескольких парсеков пустоты. Экипаж вновь занял места в противоперегрузочных креслах, и корабль начал новый разгон.

Вскоре из туннеля в скоплении вынырнули три сверкающие искры. Но расстояние до крейсера было столь велико, что преследование было бессмысленным. Развернувшись, корабли Соллеремоса убрались восвояси.

Биррел вспомнил об угрозах Таунцера и улыбнулся. Через несколько часов впереди на экранах радара появилась россыпь огоньков, двигающихся в четком строю. Их можно было принять за метеоритный поток, но Биррел знал, что навстречу движутся сорок четыре могучих звездолета Пятой Лиры. Сердце командора, как всегда, наполнилось гордостью за то, что его сектор Галактики обладает столь могучей эскадрой; и все же одновременно где-то в глубине души в который раз колыхнулось сомнение — имел ли он право управлять этим космическим ти-

таном? Ведь ему еще не было сорока, и он, увы, порой совершал ошибки, как только что на Гинее...

В коммуникаторе послышался взволнованный голос вице-командора Брешника:

— Сэр, Пятая в вашем распоряжении. Я не совсем понял, вы сумели обнаружить секретную базу Ориона? Если это так, то мы...

— Нет, кроме трех кораблей Соллеремоса, мы ничего не нашли, — прервал его Биррел. — В системе голубой звезды меня ожидала ловушка, хотя я так и не понял, зачем же она была поставлена. Готовьтесь к торможению, Брешник.

Он пошел в свою каюту и, тщательно заперев дверь, сел за кодирующее устройство. В послании Фердиасу он коротко описал свою встречу с агентом Ориона.

«...ничем не могу объяснить интерес Таунцера к вашим планам в отношении Земли, — закончил он. — Возможно, этим маскировались другие цели, мне неясные. Жду инструкций».

Биррел вызвал главного радиста и приказал немедленно передать шифровку. Ответ не заставил себя долго ждать.

«Возвращайтесь немедленно на Вегу. К сожалению, отдыха не обещаю. Фердиас».

Эскадра совершила безукоризненно точный маневр разворота и, пропустив вперед флагманский корабль, направилась на маршевой скорости в сторону Веги. Весь оставшийся путь Биррел не покидал своей каюты, лежа на диване и глядя в потолок. Ему так и не удалось найти логичное объяснение происходящему, но в одном он был уверен — в большой игре за звезды был сделан какой-то важный ход.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

▼▼▼

В окрестностях Веги Биррела охватило приятное волнение. Это не было связано с главным миром сектора Лиры — планетой Вега-4, хотя она и отличалась приятным климатом, теплыми морями и вечным летом.

За свою жизнь командор повидал множество прекрасных планет, но так и не прикипел ни к одной из них сердцем. Его отец был офицером флота Лиры, так что вся жизнь Биррела-младшего прошла в бесконечных перелетах с одной базы на другую. Он быстро находил друзей и еще быстрее их терял, а в конце концов махнул рукой на свои бесплодные попытки пустить хоть какие-то корни в одном из десятков миров, где ему приходилось жить. Детство вспоминалось ему как калейдоскоп ярких, но холодных впечатлений, из которых ни одно по-настоящему не согревало сердце.

Сейчас же, наблюдая за пурпурным шаром, плывущим рядом с бело-голубой Вегой, он забыл обо всех своих тревогах. И все дело было в изящной, хрупкой женщине, которая стала главным в его жизни.

Они поженились три года назад, вопреки всем твердым предубеждениям Биррела. Уж он-то отлично знал, что человек его профессии не должен обременять себя семьей. Перед его глазами стоял печальный опыт родителей. Отец, которому не исполнилось и пятидесяти лет, погиб в космической катастрофе, а мать дожила до глубокой старости в тоске и одиночестве. Да, женщины хороши... но не женщина. Биррел упорно придерживался этой точки зрения, пока не познакомился с Лиллин во время отдыха на фешенебельном курорте Веги-4. Поначалу он считал, что его ожидает очередной приятный и ни к чему не обязывающий роман, но неожиданно получил отпор. Народ этой планеты имел свои обычаи и традиции. Бравый космический волк раскрыл рот от изумления, когда в ответ на невинное предложение зайти к нему в отель «на чашку кофе» Лиллин неожиданно покраснела и сказала: «Хорошо, я готова выйти за вас замуж, Джей».

Биррел в ответ расхохотался, а затем, к собственному изумлению, согласился. И до сих пор не жалел об этом, несмотря на то, что молодые супруги виделись нечасто.

Планета быстро вырастала на экране, и вскоре можно было разглядеть обширные моря, затянутые дымкой облаков, и бесчисленные островные архипелаги. На одном из них располагался Вега-Сити — столица сектора Лиры, ко-

торый, если отбросить лицемерие, был грандиозной Империей звезд.

Эскадра быстро снизилась и с грохотом прошлась над черным горным хребтом, направляясь к космопорту. Биррел стоял перед обзорным экраном и думал сейчас только об одном — слышит ли жена раскаты грома в небе, выбежала ли она на веранду их виллы, расположенной на самом берегу океана?

Пройдя на безопасной дистанции от города, Пятая миновала цепи высоких холмов и, сделав головокружительный вираж, стройными рядами села на своей базе.

Час спустя Биррел спускался по пандусу, щуря глаза от ослепительного света Веги.

Вокруг кораблей уже роилось множество машин техслужб, сотни механиков занялись осмотром крейсеров, уделяя особое внимание флагману. Командор постоял немного, наблюдая, как «Старзонг» готовят к послеполетному осмотру, а затем пошел к соседнему кораблю. Ему навстречу уже спешил Брешник, на ходу вытирая вспотевшее лицо.

Это был массивный, грубо скроенный человек с редкими белесыми волосами и по-бульдожьи отвисшими щеками. Опытный служака отлично разбирался в космотехнике, но в сложных стратегических ситуациях ему явно не хватало широты мышления. Характер у него был вспыльчивый, и Биррелу порой с ним приходилось нелегко.

Брешник неуклюже отдал честь, а затем после короткого и четкого рапорта вдруг взорвался:

— Что, черт побери, происходит, Джей? Разве это дело — бросать эскадру взад-вперед, словно мяч? Чего от нас хочет Фердиас?

— Понятия не имею, Род. Надеюсь, губернатор скоро просветит меня. Похоже, он даже отменит мой законный послеполетный отпуск.

— А-а, — протянул Брешник, помрачнев. — Значит, дело пахнет большой политикой. Как всегда в последние годы, кстати. Скоро нам всем придется шить себе фраки, Джей, даже младшим кокам. А кто же будет заниматься

боеготовностью сил Лиры и заботиться о безопасности ее границ? В странное время мы живем, командор...

Биррел не стал отвечать на эти риторические вопросы. Отдав своему заместителю необходимые указания, он пошел в сторону стоянки флиттеров.

Пролетая над холмами, командор размышлял над словами Брешника. Как ни крути, а подобную позицию разделяло большинство офицеров его эскадры, да и многие рядовые тоже. Сенат также не был в восторге от действий правительства и находился к нему в осторожной оппозиции, впрочем, не рискуя прямо выступать против указов Фердиаса. Законодательной власти больше пришлось бы по нраву, если бы Фердиас сосредоточился на решении многочисленных внутренних вопросов, но спорить с его агрессивной внешней политикой никто не решался.

Здесь скрывалась так называемая «психология звездолета», доминирующая среди жителей Галактики. В ее основе лежала глубокая, быть может, даже генетически закрепленная в умах людей уверенность, что лидер всегда прав. Так было, когда переселенцы с Земли и других обитаемых планет некогда начали заселять новые миры. Слово капитана корабля было законом для всех — и для экипажа, и для пассажиров. Только он один отвечал за выполнение задачи полета, за безопасность всех находящихся на борту.

Позднее эта беспрекословная уверенность в правоте капитана перенеслась на действия правителей секторов, но здесь-то все было не так просто и очевидно! Народы далеко не всегда понимали цели, к которым их ведет губернатор, оттого и роптали, но повиновались.

Фактический распад Совета ОМ только усилил позиции правителей пяти звездных империй. И началась борьба, неизбежная в ситуации, когда лидеры уверовали окончательно в свою безгрешность...

Биррел посмотрел вперед и увидел, как из-за горизонта стали подниматься здания Вега-Сити. Этот город разительно отличался от столицы Гинеи — дома здесь в основном были невысокими, с белыми стенами. Широкие улицы были полны автомобилей, но еще больше было пешеход-

ных дорог, аллей и парков. Приятный, уютный город из стекла и металлов — такой же, как и на многих других планетах, где туземная цивилизация была поднята стандартной культурой пришельцев из космоса. Они сумели остановить жестокие межплеменные войны, веками терзавшие народ Лиллин, зато лишили его традиций, которые ранее передавались из поколения в поколение.

Пришельцы из других миров построили и деловой центр города — несколько сотен однотипных, сверкающих под солнцем небоскребов, которые так возмущали Лиллин и многих других коренных вегиан. В последние годы столица сектора Лиры постоянно принимала переселенцев из других миров, так что город стремительно рос.

Вот и сейчас Биррел заметил на окраине десятки новых зданий, не отличавшихся особым изяществом. Сенат не раз выступал против такого хаотичного расширения и без того огромного мегаполиса, но Фердиаса это вполне устраивало. Столице — больше жителей, сектору — больше звезд...

Вспомнив о цели своего визита в резиденцию губернатора, Биррел помрачнел. Отныне соперничество между Лирой и Орионом принимало опасный характер, и он, командир Пятой, вопреки своей воле мог оказаться в самом эпицентре событий.

Флиттер подлетел к центральному зданию в городе — резиденции Фердиаса, которая по своим масштабам и роскоши больше напоминала дворец короля. Сделав полукруг, кораблик сел на небольшом личном аэродроме губернатора. Пройдя несколько рядов охраны, Биррел поднялся на лифте на двадцать второй этаж. Здесь его пропуск еще раз проверили, хотя офицеры охраны отлично знали его в лицо, и только тогда командор Пятой в сопровождении секретаря вошел в кабинет Фердиаса.

Комната была небольшой и сравнительно скромно обставленной по сравнению с роскошью всего здания, словно Фердиас лишний раз хотел подчеркнуть, что вовсе не претендует на императорские привилегии. Палаты сената производили куда большее впечатление, но именно здесь,

а не в залах законодателей, решалась судьба огромного сектора Галактики.

Фердиас сидел за обширным столом резного дерева и листал какие-то бумаги. Заметив Биррела, он, не чинясь, поднялся и пошел, чуть прихрамывая, ему навстречу. Фердиас получил эту серьезную травму еще в молодости, стремясь получить высший, девятый класс пилота космических кораблей. Катастрофа заставила его забыть о карьере космонавта, и всю свою недюжинную энергию Фердиас бросил в политическую деятельность. В секторе Лиры было немало амбициозных молодых людей, желавших со временем занять пост губернатора, но Фердиас оказался самым талантливым и целеустремленным. Он отбросил все лишнее — друзей, женщин, семью, развлечения и шаг за шагом поднимался по лестнице власти, не особенно церемонясь в средствах. Биррел считал, что сделал неплохую карьеру, став в тридцать четыре года командором, но Фердиас был всего лишь на шесть лет старше, а сумел добиться несравненно большего.

Это был невысокий мужчина, без особого лоска в манерах, нервный, импульсивный и до смешного подозрительный. Со стороны он казался личностью мелкой и незначительной, но стоило Фердиасу хоть немного обратить на вас внимание, как вы попадали под неотразимое обаяние его золотистых глаз, бархатного голоса, а главное — проницательного, блестящего ума. Нет, не случайно этот человек был одним из пяти самых влиятельных людей Галактики.

Фердиас, улыбаясь, первым протянул руку Биррелу, словно близкому другу. Да так оно и было, хотя с непредсказуемым правителем Лиры всегда следовало держаться настороже.

— Рад вас видеть, Джей, — сердечно сказал губернатор, будто ожидал от командора приятных сообщений. — А теперь расскажите поподробнее о ваших приключениях.

Биррел доложил во всех деталях о своей неудавшейся миссии на Гинею и о ловушке, которую агент Соллеремоса устроил ему.

На лице губернатора продолжала блуждать улыбка, но глаза стали куда холоднее.

— Вы сделали глупость, Джейс, пойдя в город один, — сказал он.

Биррел кивнул, соглашаясь. В этом был весь Фердиас. План действий разработал сам правитель, но за провал его, естественно, отвечал непосредственный исполнитель.

— Впрочем, нет худа без добра, — после многозначительной паузы продолжил губернатор. — Теперь я уверен в том, о чем раньше только подозревал. Соллеремос явно перестарался, пытаясь выведать мою тайну, и невольно выболтал свою.

Биррел озадаченно сказал:

— Не понимаю, о чем вы говорите, губернатор. Таунцер дважды спросил меня: «Что планирует Фердиас в отношении Земли?» Разве у вас на самом деле есть виды на эту заштатную планетку? Не отвечайте, если я прошу слишком много. Вы же знаете, я стараюсь держаться подальше от политики.

Фердиас заговорил не сразу. Он прошелся по комнате, сцепив руки за спиной, а затем вновь уселся за стол и впился в Биррела пронзительным взглядом.

— Ну к чему этот пренебрежительный тон: «заштатная планетка...» Вы же сами наполовину землянин, разве не так?

— Даже больше — на три четверти. Мой отец был землянином по крови, а родители матери происходили с Земли и Капеллы.

— Вот видите, — с укоризной сказал Фердиас. — Нехорошо забывать о таких вещах, командор. Неужели у вас не осталось никаких чувств к планете своих предков?

Биррел недоуменно хмыкнул.

— Но я ведь там никогда не был! Я родился на транспорте по дороге на Арктур и детство провел, по крайней мере, на двух десятках планет. К Земле же я ближе Проциона не подходил — случая не было, да я особо к этому и не стремился.

Фердиас кивнул.

— Знаю. А что вы думаете о Терре? Как-никак именно

там базируется Совет Объединенных Миров. — Последние слова губернатор произнес с нескрываемой иронией.

— Х-м-м... Что я думаю? — немного растерянно ответил Биррел. — Освоение Галактики первыми начали именно земляне. В школе нам рассказывали, как Терра пыталась некоторое время управлять сообществом миров и как это кончилось прахом. Я немало слышал о Совете ОМ, об объединенном космофлоте, в основном из анекдотов. Такого типа: «Встретились около Сириуса два крейсера — из Лиры и с Земли. Второго из них долго после этого не могли найти, и только случайно обнаружили в кармане старшего боцмана-вегианина...»

— Очень смешно, — сказал Фердиас, нахмурившись. — Сейчас я вас еще больше развеселю — у меня есть сведения, что один из секторов собирается присоединить к себе Землю.

Биррел был поражен.

— Не может быть! Ведь Солнечная система объявлена территорией ОМ, и никто не имеет права... да и кому может понадобиться это сокровище?

— Например, Соллеремосу, — сказал Фердиас.

Биррел удивленно воззрился на губернатора.

— Вы хотите сказать, что правитель огромного сектора, в который входят десятки тысяч звезд, жаждет захватить Терру?

— Он много чего хочет, — многозначительно заметил Фердиас. — Поверьте моему чутью, Джей. Недавние маневры Ориона проводились с намерением скрыть истинную цель Соллеремоса — Землю!

Биррел был окончательно сбит с толку.

— Но зачем Ориону понадобилась эта незначительная планета?

— Незначительная? — Глаза Фердиаса вспыхнули. — Да, во всех отношениях это третьеразрядный мир, каких в Галактике миллионы. Однако Земля занимает в истории важное место. Психологическое воздействие ее громкого имени на сознание и еще больше — на подсознание людей может быть огромным. За два столетия кровь выходцев с Терры оказалась в жилах большинства обитателей Галак-

тики. В их память генетически заложена информация о том, что некогда планета далеких предков была центром Галактики, и это не пустяк, нет! Вспомните, что вы рассказывали о встрече с аборигенами Гинеи — они до сих пор испытывают чувство гордости от того, что некогда их правители якобы были королями звездного скопления. Их даже не смущает полное отсутствие доказательств этому. Подобными красивыми легендами тешат себя народы почти всех обитаемых миров, но только земляне по крови твердо знают, что их славное прошлое — не вымысел! Конечно, Совет ОМ стал объектом всеобщих насмешек, но представьте, если место глупых болтунов займет могущественный губернатор и во весь голос заговорит обо всем этом? Да он тогда без кровопролитной войны может стать императором Галактики!

Биррел был ошеломлен пылкой тирадой Фердиаса.

«Все-таки я настоящий младенец в политике, — подумал он. — Мне и в голову не приходило, что шаткое равновесие между секторами могло нарушиться таким путем. В душе я уже давно смирился с тем, что война за новый передел Галактики неизбежна. Все сектора, несмотря на миролюбивую риторику, наращивают свои силы, тайно разрабатывают все новые и новые виды оружия. Сдерживает губернаторов, конечно же, не архаичный Совет ОМ с его жалким «объединенным флотом», а понимание того факта, что победителей в титанической схватке просто не будет. Но, оказывается, завладеть Галактикой можно и другим путем, в результате необъявленной психологической войны... И крошечная Земля в этой невидимой игре козырной туз!»

Чем больше Биррел думал об этом, тем меньше все это ему нравилось. Он пытливо посмотрел в глаза Фердиасу и настороженно спросил:

— Насколько я понимаю, вы не собираетесь разрешить Соллеремосу сделать такую ставку в борьбе за звезды?

Губернатор неожиданно расхохотался.

— Джей, вы так и не научились хитрить, даже став командором. В вашем вопросе явно слышится другой: «А не хочешь ли ты, Фердиас, сам стать таким путем императо-

ром Галактики?» Отвечаю совершенно искренне — нет, не хочу. Но и другим губернаторам не позволю, тем более старому пройдохе Соллеремосу.

Он вновь вскочил из-за стола и стал энергично ходить взад-вперед, слегка приволакивая правую искалеченную ногу.

— Соллеремос знает слишком хорошо, что я попытаюсь всеми способами остановить его. Вот почему Таунцер подстроил вам ловушку на Гинее. Соллеремос, конечно же, не верил, что вы в курсе моих замыслов по отношению к Земле. Руками своего глупца агента он лишь заинтриговал вас, надеясь, что вы, возвратившись на Вегу, вызовете меня на откровенность. Умно, умно...

Фердиас замолчал. Подойдя к стене, он коснулся кнопки, и тотчас перед ним зажглась объемная звездная карта.

Биррел был в смятении. От недавнего ощущения важности своей персоны не осталось и следа — здесь, в этом скромно обставленном кабинете, он был всего лишь пешкой.

Почему Фердиас до сих пор ни словом не обмолвился о начале новой, невидимой войны? Ведь они столько времени проводили вместе — на охоте, на яхте губернатора, да и просто у камина за бутылкой прекрасного вина... Десятки доверительных бесед — и, как оказалось, ни слова о главном. Конечно, Фердиас поступил мудро, послав его на Гинею, ведь никакой «детектор правды» не смог бы выудить у него то, чего он не знал. Соллеремоса это могло сбить с толку — ведь ему прекрасно было известно об особых отношениях Фердиаса с командиром Пятой Лиры.

Но... но тогда выходит, что Фердиас попросту подставил его? Он догадывался о ловушке и хотел, чтобы ему, Биррелу, прозондировали мозг? Отсюда и его настойчивое желание, чтобы «Старзонг» летел в это чертово скопление один. Тогда получается, что они с Гарстангом спутали Фердиасу все карты... Каков же будет следующий ход губернатора, на какую клеточку поставят командира Пятой Лиры?..

Чувство негодования и обиды захлестнуло Биррела, но внезапно он вспомнил, что точно так же поступал с

офицерами своей эскадры. Командор никогда не говорил им всей правды, однако всегда требовал полного доверия к себе и безукоризненного выполнения своих приказов. Почему же Фердиас должен чувствовать какие-то угрызения совести, когда сам Биррел никогда ничего подобного не ощущал?..

Он вздрогнул, почувствовав, что кто-то положил ему руку на плечо. Это был Фердиас, но уже совершенно в другом настроении — улыбающийся, почти беззаботный, словно они встретились на дружеской пирушке. Губернатор Лиры был переменчив, словно море, и к этому невозможно было привыкнуть.

— Джей, о чем это вы так хмуро думали? — весело спросил Фердиас. — Неужели я испортил вам настроение своими разговорами о политике? Выбросьте из головы все это, жизнь полна других, более приятных вещей! Подумайте, через какой-то час вы будете держать в объятиях свою очаровательную супругу — да вы просто счастливец!.. Кстати, передайте Лиллин мой самый горячий привет. Четыре, нет, пять дней вы сможете наслаждаться отдыхом в семейном кругу на берегу моря...

— А что потом? — не выдержав, перебил губернатора Биррел, но тут же поправился: — Простите, милорд, я слушаю вас.

— Потом будет еще один праздник, Джей, — подмигнув, сказал Фердиас и уселся, непринужденно развалившись в кресле, словно давая понять — официальная часть беседы кончилась. — У вас пошла удачная полоса, командор! Вместо скучного и опасного патрулирования где-то на границах сектора вы отправитесь на празднование в честь двухсотлетия первого звездного перелета. Я уже подписал приказ о назначении вас главой официальной делегации Лиры на этом мероприятии.

Биррел полагал, что сегодня его больше ничем нельзя удивить, но слова губернатора повергли командора в шок.

— Меня? — переспросил он, побагровев. — Вы, надеюсь, шутите, Фердиас. Какой из меня дипломат...

— А это мы еще посмотрим, — загадочно улыбнувшись, ответил правитель Лиры. — Вы не беспокойтесь,

никаких особенных перемен в вашей жизни не произойдет. Вас будут сопровождать не чопорные чиновники из департамента внешних сношений, а крейсеры Пятой эскадры. И полетите вы не куда-нибудь в Тмутаракань, а в цитадель Объединенных Миров — на Землю. Совет ОМ недавно прислал мне приглашение, и я решил не огорчать стариков... Все-таки юбилей первого полета к звездам!

После долгой паузы Биррел нашел в себе силы ответить:

— Понятно. Если Соллеремос решит пойти ва-банк, то Пятая Лиры сможет защитить Землю?

— Приблизительно так, — сказал Фердиас небрежно. — Конечно, мы вступим в бой не по своей инициативе, что может быть неверно истолковано, а исключительно по просьбе Совета ОМ. Думаю, тут проблем не возникнет, даже эти очень большие политики не понадеются на силы своего Объединенного флота, когда к Солнечной системе двинутся армады Ориона.

— Слушаюсь, милорд.

— Не забудьте взять с собой полный набор вспомогательных судов, Биррел, — напомнил Фердиас. — До начала празднования еще немало времени, так что Пятой потребуются дополнительные ресурсы.

— Есть, милорд.

— Да, и вот еще что... — поколебавшись, добавил Фердиас. — Нехорошо отрывать экипажи кораблей на долгое время от своих семей, ведь дело идет всего лишь об участии в праздновании. Да и вам будет неудобно ходить на дипломатические приемы без супруги. Может, есть смысл вместе с Пятой послать транспорты с семьями личного состава, как вы считаете? Представляю, как рады будут детишки такому путешествию к легендарной Земле!

Биррел хмуро кивнул. Все было ясно. Прилет Пятой на Терру вместо делегации чиновников мог вызвать подозрение, и не только со стороны Соллеремоса. Но транспорты с женами и детьми могли рассеять сомнения у самых недоверчивых политиков. Прекрасное прикрытие, лучшего и придумать было нельзя.

Однако факт оставался фактом — в случае начала бое-

вых действий женщины и дети с Лиры могли оказаться в самом пекле. И Лиллин в том числе...

Фердиас был верен себе.

— Все будет сделано, милорд, — хрипло сказал Биррел. — С чего я должен начать, прибыв на Землю?

— Естественно, начать нужно с официального представления, встреч с членами Совета, экскурсий по местным достопримечательностям и тому подобной чепухи. Через день-другой обязательно отправьтесь полюбоваться вашим родовым гнездышком.

— Чем-чем?..

— Домом вашего прадеда, — сухо сказал Фердиас. — Я приказал разыскать все данные о нем в архивах. Он находится в захолустном местечке Орвилле, что вблизи от Нью-Йорка. В этом же городе и здание Совета ОМ, так что никого не удивит, если вы с супругой захотите навестить дорогие для вашего сердца места.

— Там я встречусь с вашим агентом и получу от него дальнейшие указания? — начал понимать Биррел.

— Конечно. Вас будет ждать Кэрш.

Биррел всего несколько раз встречал этого серого, невзрачного человека с незапоминающимся лицом и бесцветными глазами. Кэрш был правой рукой в тайной борьбе Фердиаса с остальными секторами. Подобно Таунцеру, он был буревестником, появление которого на авансцене могло означать только одно — переход к открытой стадии борьбы за Галактику.

— Разве Кэрш сейчас находится на Земле?

— Да, уже несколько месяцев. Он-то и купил дом в Орвилле. Я полностью доверяю этому человеку, Джей. Вы должны беспрекословно выполнять все его приказы, он значительно лучше ориентируется в ситуации, чем я здесь, на Веге.

— Но если Орион...

— Не беспокойтесь, вы будете предупреждены, если Соллеремос двинет свои эскадры к Солнечной системе. И еще одно: думаю, не стоит говорить о том, что Пятая летит на Землю исключительно ради участия в юбилее, до-

рогом сердцу каждого астронавта. Только ради этого, понятно?

Фердиас сказал это мягко, с дружеской улыбкой, но Биррел достаточно хорошо знал, что отныне любая ошибка может стоить ему головы.

Когда флиттер нес командора в сторону моря, где на высоком холме располагалась его вилла, Биррел неожиданно подумал: а не делает ли ошибки сам Фердиас? Ведь с уходом Пятой сектор Лиры лишается своего самого мощного щита.

Не этого ли добивался Соллеремос?..

ГЛАВА ПЯТАЯ

▼▼▼

Голубое солнце коснулось вершин темных холмов, а небо подернулось пурпурной мглой, когда Биррел подошел к своему дому. Белое здание с полукруглым портиком утопало в пышной зелени. Далеко внизу плескалось море, накатывая на песчаные отмели пенистые волны. Биррел едва сдерживал нетерпение.

На обширной террасе Лиллин не было видно, она устала ждать мужа, высокая должность которого не позволяла ему сразу же после прилета нестись домой. Не было ее и в анфиладе комнат, полупустых, по вегианскому обычаю. Биррел нашел жену сидящей на скамейке в маленьком саду, расположенном во внутреннем дворе виллы. Без слов она бросилась ему навстречу и порывисто обняла. Как истинная вегианка, она лишь внешне была сдержанна и даже немного холодна; под личиной ледяной богини скрывалась страстная, в чем-то дикая натура, порой даже пугавшая Биррела. У Лиллин была тонкая, грациозная фигура, тяжелая копна волос с медным отливом и золотистая кожа такого удивительного оттенка, которого никогда не встретишь у людей с земной кровью.

По местному обычаю, молодая женщина была одета в пышный полупрозрачный хитон, казавшийся издалека облачком тумана.

Они долго целовались, сидя на скамье, но когда Биррел хотел было взять жену на руки и отнести в спальню, Лиллин резко отстранилась.

— Сначала расскажи о том, что хотел от тебя Фердиас. Ведь ты уже побывал у него, не так ли?

Это странное сочетание льда и пламени в жене всегда раздражало Биррела, но что поделать — уж таким народом были вегиане. Он коротко рассказал о предстоящем полете на Землю.

К его удивлению, на лице жены не отразилось и тени радости.

— Лететь к Земле, — прошептала она. — Только для того, чтобы отпраздновать юбилей, о котором у нас на Веге никто и не помнит? Как странно...

— Лиллин, что с тобой? — возмутился Биррел. — Сколько раз ты упрекала меня в моих долгих отсутствиях, а теперь тебе не нравится, что мы несколько недель пробудем вместе!

— Несколько недель — что это означает, Джей? Две недели или два месяца?

Биррел не знал и честно сказал об этом. Ему было не по себе от мысли, что Лиллин станет частью пестрой маскировки, которой Фердиас хотел прикрыть Пятую Лиры от недоверчивых взглядов других губернаторов.

Лиллин неожиданно улыбнулась.

— Хорошо, милый, я последую за тобой, куда ты захочешь. Тебе принести вина?

Они вышли на террасу и долго еще сидели, глядя на далекие огни города и изогнутую линию горного хребта на горизонте. Небо зажглось россыпями звезд, среди которых, словно ночные бабочки, мелькали десятки флиттеров. Ежедневное созерцание звездного неба было древней традицией вегиан, и Биррел покорно обнял жену и старался, как подобает в таких случаях, думать только о приятном. «А все-таки эта планета милее мне, чем все остальные, — мелькнула мысль. — Когда-то мне придется оставить космофлот и волей-неволей осесть в каком-то из миров. Почему бы не дожить последние годы на родине Лиллин?

Своего-то дома у меня нет. Если не считать Земли, которой я никогда не видел. Земля...»

Биррел попросил жену подождать минутку, а сам пошел в кабинет и вызвал по закрытой линии связи вице-командора Пятой. Вскоре на овальном экране появилось раздраженное лицо Брешника. Выслушав своего начальника, он кивнул головой:

— Да, я уже получил соответствующие распоряжения от секретаря Фердиаса. Мы должны работать днем и ночью, чтобы подготовить корабли к такому серьезному перелету. Больше всего возни с транспортами — они не приспособлены для того, чтобы перевозить сотни женщин и детей. Не завидую их капитанам, у них на борту будет настоящий ад! Только подумать, что мы идем на такие хлопоты ради дружеской вечеринки в какой-то Богом забытой дыре...

— Что с вами, дружище? — спросил Биррел. — Неужто старый космический волк так относится к юбилею звездных полетов?

Брешник коротко и энергично ответил, как он относится к этому великому празднику, а заодно и ко всем остальным праздникам тоже.

Биррел невольно улыбнулся.

— Род, в глубине души я согласен с вами, но Фердиас хочет ублажить старичков из Совета ОМ и потому вместо делегации из белых воротничков решил послать людей, понюхавших космоса. Экипажи заслужили хороший отдых, и вовсе ни к чему, чтобы наше вино выпили какие-то чиновники. Придется попотеть. Переходите с этого часа на трехсменную работу. Я прилечу завтра утром. Все.

Вернувшись на террасу, он застал Лиллин задумавшейся. Что-то в выражении ее лица насторожило Биррела.

— Брешник закипел, как чайник, когда узнал о приказе Фердиаса, — весело сказал он, усаживаясь в кресло рядом с женой. — Ничего, пусть бурлит и булькает — работать-то все равно предстоит ему, да еще как! Что толку было бы в моем громком командорском звании, если бы нельзя было перевалить всю грязную работу на чужие плечи.

Лиллин не приняла его шутливого тона. Серьезно взглянув на мужа, она только сказала:

— Знаешь, Джей, я начинаю ненавидеть твою Землю.

Биррел был настолько поражен, что поначалу даже не знал, как отреагировать на эти слова. За три года совместной жизни он так и не сумел привыкнуть к внезапным переменам в настроении Лиллин. От недавней покорности не осталось и следа, словно она и не обещала последовать за ним хоть на край света.

— Это еще почему? — наконец выпалил Биррел, с досадой хлопнув себя по колену. — Что за детские капризы? Ты никогда не видела эту планету и ровным счетом ничего о ней не знаешь. Она вполне может тебе понравиться.

Лиллин сказала, отвернувшись.

— Нет.

— Что значит нет?!

Некоторое время она не отвечала. В вечерней мгле очертания ее фигуры стали зыбкими и расплывчатыми. Внезапно она повернула к нему свое бледное лицо с влажными от слез глазами.

— Это твой мир, Джей, а земляне — твой народ! Мы были счастливы здесь, на Веге, но как все сложится на чужой для меня планете? Как ко мне отнесутся твои соплеменники и главное — как на меня будешь смотреть ты?

Биррел так рассердился, что долгое время не мог найти слов. Неожиданно для себя он схватил жену за плечи и грубо встряхнул ее:

— Мне стыдно за тебя, Лиллин. Как ты можешь думать так обо мне?..

Он едва удержался от более резких выражений. С вегианами нельзя было говорить на повышенных тонах — приходилось себя сдерживать. С трудом загнав внутрь раздражение, он произнес более спокойным тоном:

— Послушай, милая! Земля — вовсе не мой мир. Для меня это только название планеты, где родились мои предки. Почти все астронавты имеют частичку земной крови, видимо, это и тянет их в космос, в отличие от оседлых народов типа вас, вегиан.

— В тебе ее больше, чем во многих других, — холодно напомнила Лиллин.

— Да, это так. Мой отец был чистокровным землянином, хотя и родился на Сириусе. Еще в молодости он прилетел на Вегу, чтобы служить в ее космофлоте, и погиб на границе нашего сектора в катастрофе. Мой дед по матери тоже был выходцем с Земли, но всю жизнь проработал на вегианской космоверфи. Это тебя чем-то не устраивает?

Лиллин хотела возразить, но, как это не раз бывало, лед в ее глазах внезапно растаял, и она поцеловала мужа с неприкрытой страстью.

Больше этой ночью они ни о чем не говорили. На следующее утро Биррел размышлял о вечернем разговоре, летя во флиттере в сторону базы Пятой Лиры. Но, едва приземлившись на посадочном поле базы, он и думать забыл о своих семейных проблемах.

Его встретил Эвер — командир третьей эскадры, полный и никогда не унывающий человек с вечной улыбкой на круглом розовом лице. На этот раз он был непривычно мрачен. Крепко пожав руку Биррелу, Эвер тихо сказал:

— Джей, час назад из штаба флота сообщили, что Первая и Третья эскадры Ориона снялись со своих баз. И наши наблюдатели потеряли их из виду.

— Потеряли? Как это могло произойти?

— Пойдемте, Джей, я доложу вам обстановку.

Оба командира молча пошли к зданию штаба Пятой Лиры и поднялись на третий этаж, в зал заседаний. Одна из его стен представляла собой объемную карту сектора Лиры и примыкающих к ней областей. Это была лишь часть той области Галактики, которую освоили люди с Земли и других высокоразвитых планет, но и она содержала в себе тысячи звезд и туманностей и на порядок больше обитаемых миров. Рядом с каждым из них светились красные цифры, которые обозначали, какое население на нем преобладало — люди, гуманоиды или негуманоиды, а также каков уровень развития цивилизации.

Эвер взял в руки световую указку и очертил регион в восточной части сектора Лиры, затем обширную буферную зону, за которой находилась граница сектора Ориона.

— Наши секретные станции наблюдения находятся здесь, здесь и здесь, — сказал Эвер, указав на три далеко расположенные друг от друга потухшие звезды с мертвыми, необитаемыми планетами. — Эскадры Ориона вышли из своего сектора и, внезапно развернувшись, спрятались за одним из горячих водородных облаков. Оно излучает электромагнитные волны в таком широком спектре, что забило помехами все наши радары дальнего действия. Ясно, что это было сделано намеренно.

— И где же, по мнению штаба, находятся сейчас эскадры? — нахмурившись, спросил Биррел.

— Трудно сказать. Наблюдатели полагают, что где-то здесь...

Эвер очертил световым лучом область между водородным облаком и Землей, которая по традиции отмечалась на картах голубым кружком.

Эта часть космоса была малообитаемой, хотя и сияла крупными звездными скоплениями. Она пользовалась среди звездолетчиков дурной славой. Безопасного пути через этот хаос не существовало. Между одними скоплениями протекали мощные космические течения, насыщенные пылью и каменными глыбами, между другими простирались реки холодного водорода. Но хуже всего были многочисленные газообразные облака — остатки сверхновой, некогда взорвавшейся в этом районе. Они до сих пор излучали потоки жестких лучей, которые могли за считанные минуты пробить даже надежную защиту крейсеров Пятой Лиры, не говоря уж о транспортах.

— Эскадры Ориона могут скрываться в этой области буферной зоны где угодно, — продолжал Эвер. — Трудно сказать, какую задачу они выполняют, но в штабе считают, что они могут в принципе помешать Пятой приблизиться к Земле. Хотя это только ничем не подтвержденная догадка.

Биррел хмуро кивнул. Он не любил спекулятивных рассуждений, куда лучше было иметь дело с конкретными данными и цифрами. И все же Первая и Третья эскадры Ориона были отборными силами Соллеремоса и никогда

прежде не совершали рейса вместе. Значит, перед ними поставлена какая-то очень серьезная задача. Неужели...

— Эвер, я попрошу вас лично проследить за тем, чтобы отдел навигации подготовил расчет траекторий Пятой не позднее чем к завтрашнему утру. У меня, к сожалению, нет на это времени.

— Никаких проблем, Джей, — улыбнулся толстяк. — Тем более что штаб флота просил меня о том же.

Биррел попрощался с командиром Третьей Лиры, а сам торопливо вернулся к своему флиттеру и приказал пилоту везти к резиденции губернатора. Сообщение Эвера встревожило его настолько, что он решил на время отложить все текущие дела, положившись на опыт Брешника.

В резиденции правителя сектора Лиры на этот раз было многолюдно, так что Биррелу удалось лишь через час добиться аудиенции. Фердиас только что закончил длительное совещание с членами правительства и выглядел утомленным. Увидев Биррела, он указал ему рукой на кресло возле стола.

— Я знаю, что вас привело сюда, командор. Две эскадры Ориона приблизились к возможной траектории вашего полета к Земле. Похоже, Соллеремос пронюхал каким-то образом о наших планах и словно бы предупреждает — не вздумайте посылать в Солнечную систему военные корабли.

— Опасаюсь, что у него более серьезные намерения, — почтительно возразил правителю Биррел. — Соллеремос может всерьез напасть на Пятую. Случай уничтожить лучшую эскадру Лиры очень удобный — Орион обвинит нас в попытке захвата Земли, а себя постарается выставить как защитников мира в Галактике.

Фердиас пожевал губы.

— Может быть, и так, Джей, но я думаю иначе.

Биррел выжидательно посмотрел на губернатора, однако тот не стал развивать свою мысль. Мол, понимай как хочешь, твое дело выполнять приказ.

На этот раз, впрочем, командир Пятой решил проявить настойчивость.

— С транспортами в арьергарде Пятая окажется в

очень сложной ситуации, — сказал он, пытаясь все-таки вызвать губернатора на откровенность.

— Неужели мы будем это вновь обсуждать? — недовольно отозвался Фердиас. — Транспорты полетят вместе с эскадрой, вопрос решен. Совет ОМ не разрешит Пятой приблизиться к Земле в случае, если это можно будет расценить как демонстрацию силы. Корабли с сотнями женщин и детей — единственное средство преодолеть недоверчивость землян. Соллеремосу же этот ваш ход может спутать все карты.

Биррел кивнул с несчастным видом. Опять политика, одна только политика...

— Значит, жители Земли с недоверием относятся к нам? — спросил он.

— Еще с каким! По сообщениям Кэрша, агенты Ориона активно занимаются распространением самых мерзких слухов и сплетен среди землян. Знаете, что придумали эти подлецы? Они обвиняют меня — меня! — в коварных планах захвата Солнечной системы, а Соллеремоса, естественно, пытаются изобразить в розовых красках спасителя Галактики!

Биррел картинно поднял брови в изумлении, хотя сам минуту назад говорил об этом. Он отлично знал, что может влиять на губернатора только в ограниченных масштабах. Сегодня Фердиас был усталым, раздраженным и фактически не слушал командора.

Биррел поднялся и, изобразив на лице почтительную улыбку, сказал:

— Я сделаю все, чтобы выполнить ваш приказ, милорд.

Фердиас чуть смягчился.

— Я знаю это, Джей.

Не выдержав, Биррел буркнул напоследок:

— И все-таки странно, что там, на Земле, мне придется подчиняться распоряжениям какого-то тайного агента, хоть и лучшего на Лире.

Фердиас недовольно сдвинул брови. Он не привык, чтобы его действия обсуждались кем-то из подчиненных.

— Я достаточно хорошо знаю людей, Биррел, и пони-

маю, кому из них можно доверять, а кому нет. Вы пока пользуетесь моим доверием, но не советую им злоупотреблять. Повторяю, на Земле Кэрш будет вашим непосредственным начальником. Все. Удачного вам полета, командор.

«Очень приятно услышать такое напутствие после всего сказанного», — мрачно думал Биррел, шагая по коридорам резиденции губернатора.

С каждым часом ему все меньше и меньше нравилась его миссия. А тут еще это неожиданное поведение жены... Конечно, все эти бабьи тревоги Лиллин глупы и надуманны, но... но причина для беспокойства у нее была, и очень серьезная. Только говорить об этом нельзя.

Дома его поджидал приятный сюрприз. Гроза так же внезапно закончилась, как и началась, и Лиллин ждала мужа, одетая в свое лучшее платье. Ее лицо светилось от радостного возбуждения. Но первые же слова несколько разочаровали Биррела.

— Дорогой, нас пригласили сегодня вечером повеселиться в одной из приморских деревушек. Ты не будешь возражать?

Биррел рассчитывал провести эту ночь совсем иначе, однако, увидев счастливое лицо жены, не посмел перечить. Они сели во флиттер и поднялись в темно-синее предвечернее небо. Следуя вдоль береговой линии, они через полчаса оказались за цепью старых гор.

На склонах одной из гор сохранились остатки древнего города — белые полуразрушенные виллы, выщербленные колоннады, высокие арки, окутанные вьющимися растениями. Рядом располагалась небольшая деревушка, состоящая из нескольких десятков строений, сложенных из грубо обтесанных камней. Во двориках росли экзотические фруктовые деревья и крупные белые цветы, насыщавшие прохладный воздух густым пряным ароматом. Здесь жили только чистокровные вегиане, не принявшие культуру пришельцев с далеких звезд и сохранившие старый уклад жизни, древние обычаи и почти забытые туземные праздники.

Предзакатные часы они провели в саду-дворике одного из родственников Лиллин, пробуя чудесные фруктовые

вина. Здесь собрались многие соседи со своими семьями. Они шумно говорили о чем-то на вегианском языке, который Биррел так и не удосужился выучить, но, заметив, что он прислушивается к беседе, повторяли для него свои слова на галакто. Ближе к ночи вино сделало свое дело, и о Бирреле почти забыли. Он не обиделся — вегиане нравились ему. Впервые за долгие годы странствий по десяткам миров он почувствовал, что нашел настоящих друзей. Правда, порой в вегианах проскальзывало что-то древнее, жестокое, делавшее их похожими на варваров, но это случалось нечасто, и Биррел научился не замечать этого. Вернее, ему хотелось думать, что он не обращает на это внимания.

Когда последние лучи Веги окончательно погасли за горизонтом, возбуждение среди селян еще больше возросло. Мужчины стали агрессивно что-то выкрикивать, угрожающе жестикулируя какому-то невидимому врагу, а женщины вообще были близки к истерике.

Наконец многие из них поднялись из-за стола и направились по улице к краю деревушки, ближе всего расположенному к морю. Биррел вопросительно посмотрел на жену. Та, казалось, находилась в сомнении — ей явно хотелось последовать за друзьями, но, взглянув на мужа, она помрачнела.

Все разрешилось очень просто. К Биррелу подошла одна из местных девушек, которая весь вечер не сводила с чужака зачарованных глаз.

— Почему ты сидишь? — спросила она на галакто. — Пойдем! Мы все идем на карнавал ворнов! Разве ты не хочешь их увидеть? Ведь это бывает только раз в году.

— Я мало слышал о них, — заколебавшись, ответил Биррел, глядя на задумчиво сидящую чуть в стороне жену. — Кто это?

— О-о, они такие старые, глупые и очень забавные! — со смехом ответила девушка и, схватив его за руку, силой подняла со скамьи. — Пойдем, там будет очень весело!

Биррел не раз слышал о древнем празднике ворнов, но ни разу не бывал на нем. Лиллин почему-то не хотела

этого и отмалчивалась в ответ на его заинтересованные расспросы.

На этот раз она внезапно рассмеялась и, схватив мужа и огорченную девушку за руки, повела их вслед за возбужденной толпой в конец деревни. Там, за древней каменной аркой начиналось глубокое ущелье, ведущее к морю. Оно было окутано туманом, сквозь который проникал далекий плеск волн.

Около арки собрались сотни людей — многие из них прилетели в деревню из города на флиттерах. Посельчан же было на удивление мало. Похоже, они остались в своих домах.

Обернувшись, Биррел заметил, что свет везде погас, окна были закрыты глухими ставнями, двери плотно прикрыты. Казалось, деревня замерла, чего-то ожидая...

И это «что-то» вскоре пришло. Из тумана появилась странная фигура — ужасное ящероподобное создание ростом с человека, идущее на задних изогнутых лапах. Чешуйчатое тело влажно блестело при свете звезд, плоская змеевидная голова раскачивалась из стороны в сторону, сверкая затянутыми пленкой глазами.

— Ворн... ворн... ворн... — прокатилось по толпе. Раздались нервные смешки, но тотчас смолкли, словно ящер вызывал у вегиан страх.

Биррелу было ясно, что перед ними стоял селянин, одетый в костюм ворна, хотя все выглядело настолько достоверно, что по его спине пробежал холодок.

Задолго до того, как на Вегу-4 прибыли первые звездные корабли, вегиане победой завершили свою многовековую борьбу с рептилиями, жившими на берегах морей и океанов. Эти существа не обладали развитым разумом, но отличались коварством и жестокостью. Они совершали бесчисленные ночные набеги на поселения людей, и память об ужасных бойнях при свете звезд осталась в памяти вегиан. Поэтому Биррел не удивился, когда услышал в толпе сдавленные крики страха.

Вслед за первым ворном из белесой мглы появился второй ящер, затем третий, четвертый... Восемь псевдоворнов цепочкой прошли под аркой, угрожающе шипя.

Выйдя на улицу селения, они стали носиться от одного дома к другому, скребясь в двери и жутко воя.

Биррел почувствовал, что Лиллин инстинктивно с силой сжала ему руку. Ее глаза остекленели, губы дрожали, грудь взволнованно вздымалась... Казалось, она всерьез воспринимала происходящее представление.

Внезапно свет в домах вспыхнул, и двери разом распахнулись. На порогах появились мужчины, одетые в традиционные вегианские туники. В руках они держали кнуты. С воинственными криками вегиане бросились на ящеров и стали безжалостно их хлестать, распевая во все горло песню древних воинов. Ворны бросились врассыпную, жалобно воя и делая смешные прыжки, чтобы избежать ударов.

Настроение в толпе зрителей сразу же изменилось. Страх прошел, глаза людей запылали гневом. Сжав кулаки, вегиане стали ритмично притоптывать, повторяя слова старой песни. Мужчины дрожали от возбуждения, едва сдерживаясь, чтобы самим не броситься в бой, и даже красивые лица женщин исказили гримасы жестокости.

Лиллин буквально трясло, она как завороженная смотрела на избиение ворнов, невнятно выкрикивая слова песни вместе с толпой.

Биррел был поражен, глядя на жену, — такой он никогда ее не видел. Под изящными чертами лица словно бы проявилось что-то древнее, скрытое и жестокое. Он давно сознавал, что плохо разбирается в людях и особенно в женщинах. Но то, что произошло сегодня с вегианами, было для него неприятным сюрпризом.

Биррел наклонился к Лиллин и тихо сказал ей на ухо:

— Достаточно, дорогая, нам пора возвращаться. Уже поздно.

Ему пришлось повторить несколько раз эти фразы, прежде чем Лиллин пришла в себя. Гневно взглянув на мужа, она торопливо пошла к стоянке флиттеров, ни разу не обернувшись. Во время полета она не произнесла ни слова, а только смотрела в сторону, демонстративно напевая мелодию древнего гимна.

Когда машина приземлилась на площадке рядом с их

виллой, на лице Лиллин уже не было и следа недавней агрессивности. Она ласково погладила мужа по плечу и спросила:

— Ты получил хоть какое-то удовольствие от праздника изгнания ворнов? Я понимаю, это выглядит со стороны негуманно, но в прошлом мы были не очень цивилизованным народом. А ворны — просто чудовища, не знавшие пощады ни к женщинам, ни к детям.

Биррел понимал, что жена права, и все же не мог найти в себе силы улыбнуться и сказать: «Да что ты, все было очень мило!», или что-нибудь подобное. Лиллин это поняла и, недобро усмехнувшись, сказала.

— Наверное, я на самом деле безнадежная дикарка, Джей. Тогда мне лучше остаться здесь. Для Земли я не подхожу...

Опомнившись, Биррел шагнул к жене и горячо обнял ее за плечи:

— О чем ты говоришь? Я никуда без тебя не полечу! Я люблю тебя, Лиллин, очень люблю.

В глазах Лиллин засияли слезы. Она отвернулась, капризно надув губы, словно ребенок, но Биррел заставил ее вновь обернуться, а затем долго целовал, щепча ласковые слова, пока жена, всхлипнув напоследок, не успóкоилась.

До самого отлета с Веги они ни словом не обмолвились об этом, но в сердце Биррела затаилась тревога. Он боялся, что Земля может окончательно разрушить их хрупкое семейное счастье. В глубине души он проклинал Соллеремоса и его амбициозные замыслы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

▼▼▼

Ранним утром Пятая Лиры поднялась в небо, освещенная голубыми лучами Веги, и ушла к звездам.

Впереди следовали эскадрильи разведчиков, немного позади — ряды тяжелых крейсеров, патрулируемые по флангам более легкими боевыми космолетами, а в арьер-

гарде следовал караван транспортных кораблей. Тысячи мужчин, женщин и детей впервые направлялись на древнюю планету, на которой некогда жили предки большинства из них.

Поначалу курс была привычным. Эскадра направилась по прямой к Тройной Короне — трем белым солнцам-близнецам, которые служили в секторе Лиры путеводным маяком. Затем Пятая развернулась к надиру и на запад, нацелившись на умирающую красную звезду.

За ней начинался узкий проход между двумя пылевыми облаками. Здесь сектор Лиры сужался, стиснутый по сторонам областями, принадлежащими Ориону и Персею. Окраинные границы этих секторов, насыщенные туманностями и малонаселенными звездными скоплениями, напоминали крепости и бастионы, в которых затаились невидимые силы противника. Пройдя опасную территорию, Пятая Лиры вышла в сравнительно пустынную область между кладбищем мертвых солнц и огромной спиралевидной туманностью.

Биррел стоял перед радарным экраном и внимательно следил за медленно плывущими назад разноцветными искорками. Кладбище солнц пользовалось дурной славой среди космолетчиков, оно было насыщено метеорными потоками, в которых легко могли укрыться от радаров не только отдельные корабли, но и целые эскадрильи противника. Туманность же отличалась интенсивным радиоизлучением, так что она выглядела на экране радара как огромное яркое пятно. Лучшего места для засады и придумать было нельзя. Впрочем, Гарстанг не разделял эту точку зрения.

— Нет, командор, держу пари, что орионцы прячутся в космических течениях — если они, конечно, вообще собираются напасть на нас, — сказал капитан, хмуро глядя на экран. — В туманности невозможно поддерживать устойчивую связь между кораблями.

— Да, если они находятся на обычной дистанции друг от друга, — заметил Биррел. — Но на время можно сойтись и ближе, хотя это и рискованно. На всякий случай я

пошлю разведчиков в обе опасные области. Вызовите Гренарда.

Вскоре на капитанский мостик поднялся Гренард, командир разведывательного дивизиона, крепко скроенный молодой человек ангельской внешности, белокурый, с голубыми глазами поэта. Но по характеру это был типичный сорвиголова, не знавший слова «страх». Настоящий командир разведчиков.

Выслушав приказ командора, он кивнул.

— Хорошо, я вышлю две эскадрильи — одну к мертвым солнцам, другую в туманность. Первую возглавит Геаринг, вторую — я сам. Если там кто-то прячется, то мои парни их найдут.

— Прекрасно, но как мы узнаем об этом? — усмехнулся Биррел. — Надежной связи в этих областях нет. Договоримся так: посылайте ко мне через определенные интервалы скауты с донесениями. Через них вы узнаете о моих дальнейших указаниях.

— Полагаете, орионцы могут напасть на мои скауты, если заметят их? — спросил Гренард.

— Не исключено, — коротко ответил Биррел.

Командир разведчиков улыбнулся.

— Это начинает звучать интересно, — сказал он, не скрывая своей радости. — Мне уже надоело гоняться за собственной тенью!

Биррел пытливо взглянул на молодого офицера.

— Вы, кажется, очень довольны? — тихо спросил он. — Словом, вперед, сабли наголо, и прочь все сомнения?

Гренард нахмурился и опустил глаза.

— Я полностью понимаю, что нас ждет, командор, и какая лежит на мне ответственность. Не беспокойтесь, все будет в порядке.

Эскадра неспешно двигалась по коридору длиной в парсек. Биррел принял решение перестроить свои ряды — теперь транспорты охранялись по флангам несколькими тяжелыми крейсерами. Далеко впереди неслись быстрые скауты. Две эскадрильи разошлись в стороны и вскоре исчезли в областях, откуда Пятой могла угрожать опасность.

Радарные экраны вновь ожили, но теперь они смотре-

ли «глазами» радаров, установленных на кораблях Гренарда и Геаринга.

— Пока ничего подозрительного, командор, — послышался голос Гренарда. — Эта туманность, похоже, тихое местечко. Перехожу на поисковый режим.

Правый экран помутнел, затем на нем появилась длинная светящаяся нить — след новой звезды, взорвавшейся в туманности миллионы лет назад. Она-то и была причиной мощного радиоизлучения этого довольно заурядного на первый взгляд газового облака.

Эскадрилья Гренарда веером рассыпалась по обширной области, впрочем, не удаляясь дальше расстояния устойчивого радиообмена. Прошло несколько минут, но новостей не было.

Биррел переключил внимание на левый экран, где картинка была более отчетливой. Эскадрилья Геаринга вошла в область мертвых солнц и без колебаний нырнула в ближайший космический поток.

— Порядок, командор, — доложил Геаринг. — Пока не видно даже каменных обломков — все больше пылинки размером в молекулу. Иду к другому потоку.

На экране царила мгла, лишь кое-где расцвеченная слабым сиянием еще не совсем потухших звезд. Большинство же солнц в этой части космоса давно умерли и теперь почти не излучали не только в оптическом, но и радиоспектре.

Все было спокойно, но на крейсерах Пятой Лиры сохранялась предбоевая готовность. Что касалось транспортов, то их пассажиры даже не подозревали о возможной опасности. Женщины и дети проводили большую часть времени у громадных обзорных экранов, выслушивая поразительные рассказы о космических путешествиях, которыми их развлекали капитаны. В трюмах были установлены объемные видеоэкраны и демонстрировались документальные фильмы о Земле, о планетах Солнечной системы и, конечно, об истории космических полетов.

Все были довольны, и никто не задавался вопросом, почему рядом с транспортами вдруг появились могучие крейсеры, ощетинившиеся орудиями.

Биррел в очередной раз спросил себя: интересно, а что делает сейчас Лиллин? Тоже любуется звездами и слушает завиральные рассказы старых звездных волков? Или лежит на койке, закрывшись с головой одеялом, и с тоской думает о предстоящем свидании с родной для мужа планетой?

Обе эскадрильи разведчиков выслали в сторону Пятой своих посланников, и через их радиоустановки Биррел вновь услышал сообщения:

— Все еще ничего, — сказал Гренард. — Вы уверены, сэр, что здесь могут скрываться корабли Ориона? Как-никак мы еще находимся в пределах нашего сектора.

— Мирные времена, похоже, кончились, — ответил Биррел. — В любом случае, осторожность не помешает.

Минуту спустя донеслось скупое сообщение Геаринга:

— Ничего, командор.

Эскадра одолела почти половину дистанции, которая отделяла их от открытого космоса, когда Гренард вдруг закричал:

— Боже, они здесь, в туманности, за черной звездой! Одна... нет, две эскадры. Двигаются в тесном строю к туннелю. Командор, они идут в точку перехвата!

Сердце Биррела сжалось, но лицо не утратило невозмутимого выражения. Он спокойно спросил:

— Как далеко они находятся от вашей экскадрильи?

— Около двадцати тысяч миль. Далековато, чтобы их можно было разглядеть визуально, но экраны радара не оставляют никаких сомнений.

— Следуйте за ними на безопасном расстоянии, — приказ Биррел, — и постоянно сообщайте их координаты.

— Орионцы хотят уничтожить Пятую, — глухо сказал Гарстанг. — Эти мерзавцы совершенно обнаглели — напасть на нас в нашем же собственном секторе!

— Уничтожить? — бесстрастно переспросил Биррел, не отрывая глаз от правого радарного экрана, на котором, увы, почти ничего сейчас нельзя было разглядеть. — Почему вы так решили?

Капитан флагманского корабля удивленно взглянул на командора.

— А зачем же они еще вышли на пересекающийся курс?.. Сэр, должен ли я отдать приказ усилить оборону транспортов?

— Нет.

— Тогда что же мы должны делать?

— Лететь вперед, как ни в чем не бывало, — сурово ответил Биррел.

Гарстанг посмотрел на него, словно на сумасшедшего, однако сдержался и кивнул.

— Есть, сэр. Слушаюсь, сэр.

Биррел по интонации его голоса почувствовал, что Гарстанг более чем озабочен и недоволен, и поэтому решил объяснить ему свое понимание ситуации:

— Это чистейшей воды блеф, Джо. Орионцы не рискнут начать боевые действия. Если бы они хотели этого, то напали бы в буферной зоне — там, где мы не могли бы надеяться на помощь. Нет, они специально забрались в наш сектор, чтобы ошеломить нас своей наглостью и запугать. Они не хотят, чтобы Пятая шла к Земле, вот и все.

Гарстанг пожал плечами.

— По-моему, вы слишком уверены в этом, сэр. Я лично не вижу оснований для такого оптимистического взгляда на ситуацию.

Биррел не обязан был объяснять подчиненным причины тех или иных своих решений, но для Гарстанга он сделал исключение.

— Подумайте как следует, Джо, и вам будет все ясно. Гренард смог обнаружить эскадры только радарами, но и те, в свою очередь, наверняка заметили разведчиков. Если бы они на самом деле хотели начать боевые действия, то, конечно же, в первую очередь уничтожили бы разведывательную эскадрилью. Вместо этого они позволили ей следовать за собой. Почему? Да потому, что хотят, чтобы сообщения Гренарда заставили нас свернуть с пути к Земле.

— Звучит логично, — неохотно согласился Гарстанг. — Но если вы ошиблись, командор...

— Тогда у нас будут большие неприятности, — согласился Биррел. — Что ж, Фердиас разрешил мне при необходимости рисковать. Это я и делаю... Есть еще вопросы?

Вопросов у Гарстанга больше не было.

Пятая продолжала движение, не изменив ни скорости, ни порядка расположения своих кораблей, словно и не знала о противнике, который шел ей наперерез. Каждые десять минут Гренард сообщал о координатах эскадр Ориона и добавлял: «Идут на пересекающемся курсе». Биррел втайне ожидал, что эта психологическая атака вскоре закончится, но Гренард продолжал докладывать о сближении эскадр. Компьютеры рассчитали вероятную точку встречи. До нее Пятой оставался лишь один час пути.

Биррел с каждой минутой все больше и больше мрачнел. Похоже, они с Фердиасом ошиблись, и Орион на самом деле готовился перейти к открытым боевым действиям. Это было немыслимо, невозможно, война затянулась бы на столетия, не дав никому ощутимого преимущества. Но если амбиции Соллеремоса взяли верх над здравым смыслом...

Уже не было необходимости возвращать транспорты к Веге, прикрывая их отход. Конечно, Пятая в полном составе еще могла уйти, но реакцию Фердиаса на это бегство легко было предвидеть. Губернатор доверял ему, Биррелу, так же, как тот надеялся на смелость Гренарда.

— Эскадры орионцев не меняют курса, — в очередной раз повторил Гренард.

Следующие десять минут для Биррела были самыми долгими в жизни. Однако командир разведчиков вновь произнес ту же самую фразу, которая звучала сейчас как раскаты грома приближающего Апокалипсиса.

Гарстанг сидел в соседнем кресле, неподвижным взглядом следя за экранами переднего обзора, где вот-вот должны были показаться корабли противника. На Биррела он старался не смотреть, словно понимая, как нелегко сейчас приходится командору.

Биррел тоскливо взглянул на часы. До точки встречи осталось всего тридцать три минуты. Если они с Фердиасом все-таки ошиблись, то через полчаса Пятая встретится с двукратно превосходящими их силами противника, в крайне неудобной для боя позиции, с беспомощными транспортами в арьергарде. Осталось тридцать две минуты...

«Говори, Гренард, ты молчишь уже больше положенного времени. Я жду твоих слов — но других. Тридцать одна минута до встречи... Черт побери, Гренард, ты что, заснул? Говори, болван, говори...»

— Курс не изменен, — наконец устало произнес командир разведчиков. Несколько секунд спустя он закричал: — Нет, курс изменился! Теперь орионцы направляются на пять градусов к зениту и на тридцать четыре градуса к западу. Командор, должен ли я преследовать их?

— Немедленно возвращайтесь, — с облегчением ответил Биррел. — Хотя следите за орионцами так долго, как только сможете.

Он откинулся на спинку кресла и весело взглянул на Гарстанга. Командир флагманского корабля не таясь вытирал носовым платком пот с лица.

— Вы оказались правы, сэр, это была лишь психологическая атака, — срывающимся голосом произнес он.

— Запомните, Джо, начальство всегда право, даже если оно ошибается, — хохотнул Биррел. — Хороши бы мы были, если бы дрогнули и повернули назад! Вот тогда-то Соллеремос и мог бы решить, что настала пора начать боевые действия против Лиры. А теперь он, пожалуй, еще призадумается...

Через полчаса Гренард сообщил, что эскадры Ориона окончательно вышли из поля зрения его радаров, придерживаясь нового курса к границам сектора Лиры.

— Возвращайтесь на прежнюю позицию в авангарде, — приказал Биррел и, не выдержав, добавил: — Отличная работа, Тед.

Еще через полчаса Пятая наконец-то вышла в открытый космос. Впереди на многие парсеки простирался регион с редкими звездами и немногочисленными обитаемыми планетами. Эта часть космоса входила в буферную зону между секторами и управлялась Советом Объединенных Миров.

Гарстанг подошел к экрану заднего обзора, на котором еще были видны спиралевидная туманность и мертвые солнца, и неожиданно сказал:

— Прекрасно, что нам удалось уйти от орионцев, но...

но все-таки у меня дурацкое ощущение, командор, будто нас провели.

Биррел промолчал, неприятные предчувствия были и у него. Ему казалось почему-то, что Пятая Лиры двигается к Земле потому, что ее просто загнали в ловушку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

▼▼▼

Далеко впереди, посреди огромной космической пустоши, сияло маленькое желтое солнце, которое так же и называлось — просто Солнце. Биррел смотрел на него, стоя на капитанском мостике, испытывая необычные для себя сомнения. Что должен он ощущать в этот момент? Счастье, подобно ребенку, впервые увидевшему своего отца, или стыд, который мучает блудного сына, возвратившегося после долгих скитаний к родному очагу?

Увы, в его сердце не было ни того, ни другого. Солнце было для него лишь очередной, к тому же весьма заурядной, звездой, солнцем с маленькой буквы.

Повернувшись к Гарстангу, он приказал:

— Джо, начинайте торможение.

Эскадра замедлила скорость, доведя ее до планетарной, которая использовалась при полетах внутри звездных систем. К тому времени желтое Солнце было уже довольно близко, так что экраны дальнего обзора предоставили возможность подробно разглядеть все планеты. В основном они были бесплодными, и лишь три из них принадлежали к земному типу, причем одна — на все сто процентов. Доложивший об этом Веннер внезапно запнулся, смутившись — только сейчас он понял, что этот удивительно высокий показатель объяснялся просто: ведь именно Земля служила эталоном при подобных оценках.

Из радиорубки стали приходить первые послания с Земли: формальные приветствия от Совета ОМ и правительств различных государств. Чуть позже начали поступать данные, необходимые Пятой для посадки на космо-

дром, который располагался в нескольких десятках миль от Нью-Йорка — города, где находилось здание Совета ОМ.

Перестроив ряды, эскадра Лиры вышла на траекторию сближения с планетой.

Вскоре на экране появился маленький серо-зеленый шарик, рядом с которым бледно светилась луна, называемая просто Луной.

— Земля, сэр.

Тишина воцарилась на капитанском мостике. Биррел полагал, что подобное произошло и на всех других кораблях, даже на транспортах с сотнями неугомонных ребятишек. Никто из этих людей ни разу не видел древнюю планету, которая когда-то была центром Галактики, и все же почти каждый был связан с ней невидимыми узами родства. Почти каждый — но далеко не все.

Биррел подумала о Лиллин — какие мысли одолевают сейчас ее? За время перелета они лишь несколько раз общались по внутренней видеосвязи, и он так и не понял, каково душевное состояние жены. Внешне она казалась спокойной и довольной, но почему-то старательно прятала глаза. Что в них было — тревога? Надежда? Или откровенный страх?..

Земля двигалась им навстречу, быстро увеличиваясь в размерах. Вскоре можно было разглядеть мощные облачные фронты и белую полярную шапку. Еще через несколько минут стали заметны очертания континентов, между которыми голубели обширные океаны. Цвета проявлялись все более отчетливо, и это позволило различить горные хребты, лесные массивы, голубые пятна озер, извилистые линии крупных рек. Прекрасный, уютный мир! Глаза Биррела неожиданно повлажнели. «И почему Фердиас выбрал именно меня для этой работы?» — подумал он.

Как оказалось, он произнес эти слова вслух, хоть и негромко. Гарстанг услышал.

— Что вас тревожит, командор? Мы летим с дружеским визитом, чтобы принять участие в празднике. Что в этом плохого?

Голос капитан звучал совершенно искренне, но Биррел только презрительно усмехнулся в ответ. Он знал, что

и Гарстанг, и Брешник, и многие другие офицеры не раз в приватных разговорах выражали сомнение в официальной версии визита. Им было непонятно, почему лучшую эскадру Лиры понадобилось снимать с места ее постоянного дежурства, дабы попросту поучаствовать в дружеской пирушке.

Выйдя на орбитальную траекторию, корабли Пятой снизились к огромному сине-зеленому океану и вскоре подошли к материку. На берегу был расположен крупный город, разбросанный по островам и полуостровам. Его пересекала река. Эскадра приблизилась к крупному космопорту. Космолеты взмыли вверх и, сделав головокружительный разворот в небе, стройными рядами опустились на посадочное поле.

Вдали, около здания космопорта, собралась большая толпа встречающих. Рядом на флагштоках пестрели десятки знамен, и, видимо, не случайно рядом со звездно-голубым флагом ОМ развевалось бело-голубое знамя сектора Лиры. В сторону космолетов двинулся оркестр, игравший на старинных духовых инструментах. Позади следовал небольшой кортеж открытых лимузинов с официальными лицами, прибывшими приветствовать гостей.

В это время экипажи уже выстроились рядом со своими кораблями. Форма была безукоризненно отутюжена, ботинки начищены до блеска, пуговицы сияли. Биррел, сопровождаемый Гарстангом и Брешником, прошел вдоль строя, приветствуя экипажи, а затем, четко отбивая шаг, направился к торжественной процессии землян. Он чувствовал непривычные запахи каких-то растений, лицо обдувал теплый, немного соленый воздух, глаза слепило маленькое, но горячее солнце. «Черт побери, да я на Земле!»

Понемногу его возбуждение стало стихать, и Биррел заметил, что космопорт, несмотря на солидные размеры, был изношенным и бедным. Металлобетон во многих местах растрескался, стоявшие невдалеке ангары и мастерские выглядели обветшалыми. В полумиле от Пятой стояли две дюжины крейсеров с эмблемами ОМ — небольшие корабли класса С-14, устаревшие еще лет двадцать назад.

Биррел с удивлением подумал: а ведь это все, чем располагает Совет ОМ...

Процессия землян остановилась. Оркестр, продолжая играть бравурные марши, отошел в сторону. Из переднего лимузина вылезли двое и пошли навстречу гостям с Лиры: худощавый пожилой мужчина в черной адмиральской форме и солидный властный человек, одетый в безукоризненный гражданский костюм.

Биррел отдал честь адмиралу, и тот ответил тем же с дружеской улыбкой.

— Прекрасная посадка, командор. Я адмирал Ланей, командующий флотом Объединенных Миров. Приветствую вас и Пятую Лиры на Земле!

Не без удивления Биррел понял, что старый адмирал вел себя так, будто корабли Лиры находились в его подчинении. Это было забавно. Вот уже столетие Объединенный космофлот не имел реального авторитета в Галактике. Его руководство никогда не отдавало приказов эскадрам пяти секторов, так же как Совет ОМ не мог влиять на действия губернаторов. И все же этот седой человек с загорелым морщинистым лицом и на удивление молодыми глазами делал вид, будто является прямым начальником Биррела.

Заметив растущую безнадежность во взгляде пожилого адмирала, Биррел смягчился. В конце концов, все это не имело никакого значения. Почему бы не подыграть старине Ланею, изо всех сил пытавшемуся играть роль важной птицы?

Командор подтянулся и вновь отсалютовал.

— Докладывает командор Биррел. Пятая эскадра Лиры прибыла в ваше распоряжение.

Благодарная улыбка промелькнула на лице Ланея.

— Вольно, командор, — сказал он мягко. — Позвольте вам представить мистера Джона Чартериса, Председателя Совета ОМ.

Чартерис дружески потряс руку Биррела, но его глаза оставались цепкими и оценивающими. Этот человек был явно из породы политиканов, которых Биррел терпеть не мог. Подождав, когда к ним подошли телерепортеры с ка-

мерами в руках, Чартерис сказал, глядя больше в объективы, чем на гостей:

— Мы рады приветствовать на Земле представителей сектора Лиры, одну из самых блестящих эскадр галактического флота. Надеюсь, их участие в предстоящем празднновании юбилея...

Чартерис произнес короткую пышную речь, из которой следовало, что секторы Галактики по-прежнему считают Землю своим центром и почитают Совет ОМ, как некогда в древности вассалы почитали своего короля. Биррел тоже сказал несколько теплых слов, с юмором заметив, что они не без труда разыскали Солнечную систему, которая отмечена ныне далеко не на всех звездных картах.

Затем началась долгая и утомительная процедура представления гостям нескольких десятков видных государственных деятелей Земли. Произносились речи, грохотал оркестр, в небе расцветали разноцветные огни фейерверков. Под конец, когда лицо Биррела уже болело от постоянных улыбок, а пальцы утомились от множества рукопожатий, адмирал Ланей прошелся вдоль рядов астронавтов Пятой, приветствуя их. На этом официальная часть встречи закончилась, и Брешник с облегчением отдал приказ экипажам космолетов разойтись.

Биррел вытер пот с лица — было жарко и душно. Ветер почти стих, а Солнце высоко поднялось к зениту, осыпая землю палящими лучами. Ланей понимающе посмотрел на Биррела.

— Командор, вы, должно быть, устали после долгого пути. Для вас подготовлена квартира на базе моего космофлота. Хотите, я отвезу вас?

— Нет, нет, Ланей, командор и его жена будут моими гостями! — запротестовал Чартерис. — Мои апартаменты достаточно просторны, да и расположены куда удобнее, в самом центре Нью-Йорка.

— С удовольствием, — согласился Биррел.

— Отлично! Моя супруга уже все подготовила... Познакомьтесь, командор, это мой секретарь Росс Маллинсон.

Маллинсон был высоким, довольно молодым мужчи-

ной с профессионально любезной улыбкой и вкрадчивыми манерами опытного дипломата, всегда контролирующего свои слова и чувства. Биррелу такие люди нравились еще меньше, чем политики, они казались ему насквозь фальшивыми.

Похоже, Маллинсон тоже был не в восторге от гостя, и, несмотря на дружеское рукопожатие, его улыбка явно была искусственной.

Вскоре к ним подошел Брешник, ведя под руку очаровательную Лиллин. Биррел познакомил ее с землянами и был польщен их на этот раз вполне искренним восхищением. Вегианка надела длинное платье земного покроя — видимо, не зря тратила время в полете.

И все же она настолько разительно отличалась от жен встречавших эскадру официальных лиц, что в сердце Биррела закрался холодок. Только сейчас он осознал, что ни у кого из землянок не может быть таких длинных раскосых глаз, вытянутого овала лица, маленького, почти округлого рта... Нация вегиан считалась самой экзотичной среди всех ветвей человеческой расы во Вселенной, и здесь, на древней Земле, эти отличия просто поражали.

«Я буду чужой там, на твоей Земле», — сказала ему перед отлетом жена и, похоже, оказалась права. Да, земляне-мужчины были сражены красотой вегианки, но в глазах их жен Биррел без труда прочел невысказанный протест: «Посмотрите, да ведь эта женщина и не человек вовсе!»

Маллинсон, порозовев, робко подошел к Лиллин и протянул ей руку, приглашая сесть в лимузин. Биррел с усмешкой выслушал его восторженные комплименты, а сам, извинившись, отвел в сторону Брешника.

— Начались мои мучения, Род. Никогда еще мне не приходилось играть роль разряженной дипломатической куклы, да, видимо, придется. На время командование Пятой передаю вам. Разрешите экипажам кораблей увольнение в город, но не увлекайтесь — не меньше одной трети должно все время находиться на своих рабочих местах. Я хочу, чтобы эскадра была в постоянной готовности уйти с Земли.

Брешник с удивлением взглянул на своего командира.

— Как прикажете, сэр. Только люди будут недовольны.

— Ничего, пусть поворчат. Техсоставу немедленно заняться текущим ремонтом. Используйте при необходимости оборудование космопорта, я договорюсь об этом.

Вице-командор хмыкнул.

— Представляю, что это за оборудование: молоток, отвертка и зубило. Джей, только посмотрите на славный флот ОМ — по таким развалюхам свалка давно плачет!

Биррел хохотнул, но ему было не до смеха. Он уселся в лимузин рядом с Чартерисом, и кавалькада машин неспешно поехала к воротам космопорта.

Здесь их ждала огромная толпа местных жителей, которые с цветами в руках пришли поглазеть на пришельцев с далекой Веги. Не без труда протиснувшись через узкий проход, созданный силами полицейских, процессия выехала на скоростное шоссе и помчалась в сторону Нью-Йорка.

Биррел полюбопытствовал, почему на Земле отдают явное предпочтение наземному транспорту, в то время как в небе довольно мало флиттеров. Чартерис стал объяснять, что Нью-Йорк — огромный город, и местные власти специально ограничили право пользования флиттерами, дабы избежать хаоса и несчастных случаев. В самом же Нью-Йорке воздушное движение вообще невозможно, поскольку город на треть состоит из небоскребов.

Командор вполуха слушал Председателя Совета, вежливо кивая головой, а сам с куда большим интересом разглядывал мелькающие мимо пейзажи.

На первый взгляд Земля не слишком отличалась от других обитаемых миров, на которых ему приходилось бывать. Многие из них могли похвастаться такой же пышной зеленью, голубым небом и белыми пушистыми облаками. Дома в небольших поселках были стандартного типа, построенные из разноцветного металлопластика. Садившееся на западе Солнце освещало их стены косыми розовыми лучами, и даже самые неказистые сооружения имели уютный и приятный вид.

Но вскоре Биррел стал смотреть только вперед. На зо-

лотистом фоне неба поднимались зубчатые контуры самого удивительного города.

Он поражал мощью десятков, сотен небоскребов, которые, словно сторожевые башни, следили за приближением пришельцев из другого мира. Нигде в Галактике не осталось таких титанических сооружений, везде преобладали двух- и трехэтажные здания, гораздо более удобные для жизни в гармонии с природой. Биррел понимал, что этот город очень стар и совсем не просто снести его небоскребы, чтобы построить современные дома. Что ж, может быть, это и неплохо, зато Нью-Йорк сохранил своеобразие, которым мог похвастаться далеко не каждый мегаполис на других планетах.

Когда кортеж машин, резко замедлив скорость, въехал на оживленные городские улицы, Биррел почувствовал себя не в своей тарелке.

Даже самые широкие проспекты казались ущельями, уставленными по обеим сторонам скалами из камня и стекла. От ярких огней реклам буквально кружилась голова. Зато апартаменты Чартериса оказались просторными и уютными.

Председатель Совета занимал весь верхний этаж многоэтажного дома, окруженного террасами с колоннадой. Отсюда открывался прекрасный вид на город и, в частности, на белоснежный небоскреб Совета ОМ.

Биррел с Лиллин вышли ненадолго на террасу, чтобы полюбоваться ночной панорамой, их проводил гостеприимный хозяин.

— Правда, здание Совета выглядит впечатляюще? — с гордостью спросил Чартерис. — Оно было построено полторы сотни лет назад на месте здания Организации Объединенных Наций. ООН выполнила свою роль, обеспечив в течение веков мир на этой планете. Символично, что наш Совет ОМ как бы перенял эстафету у этой организации и отвечает за процветание и спокойствие доброй половины Галактики.

Биррел пристально посмотрел на Чартериса, но не смог обнаружить на лице политика и следа самоиронии. Похоже, он верил в то, о чем говорил.

Затем в обширной гостиной состоялся обед в честь гостей с Лиры. На нем царствовала жена Чартериса — яркая, хоть уже и не первой молодости дама, которая удивительно умело поддерживала праздничную и в то же время деловую атмосферу этой встречи. Чувствовалось, что у нее был большой опыт в подобных делах.

Прозвучало много тостов в честь гостей и хозяев. Биррелу пришлось отвечать на бесчисленные вопросы о секторе Лиры; к его удивлению, даже члены Совета мало знали о том, что происходит на далеких звездах. Но в основном все разговоры вертелись вокруг предстоящего празднества. О политике старались даже не упоминать, хотя среди гостей были крупные государственные деятели из секторов Цефея и Льва. Каждый из них улучил момент, чтобы поговорить один на один с Биррелом за бокалом вина, однако беседы всегда касалась пустяков.

Командора скоро вся эта светская болтовня стала раздражать. Что-то делает сейчас Соллеремос, пока он бездарно теряет время на светском приеме? Фердиас, правда, обещал ставить его в известность о перемещении эскадр Ориона, но придет ли предупреждение вовремя?

Только глубокой ночью гости стали расходиться. Хозяйка дома отвела заметно уставшую Лиллин в гостевые комнаты, а Биррел вместе с Чартерисом и Маллинсоном вышли на террасу, чтобы пропустить по последней рюмочке.

Они сидели в креслах, потягивая вино и думая каждый о своем. Биррел смотрел на каменные утесы небоскребов, освещенных гирляндами ослепительных огней, и не мог поверить, что он находится на легендарной Земле.

Где-то на западе в звездном небе раздался раскат грома. По звуку Биррел определил, что на посадку шло торговое судно среднего класса.

— Командор, вы не знаете, Орион тоже собирается послать к нам эскадру или только обычную делегацию? — внезапно донесся вопрос Чартериса.

Тревога зазвенела колокольчиками в голове Биррела. Что крылось за этим вопросом? Может быть, Чартерис прослышал о чем-то? Или просто выуживает информацию?

Поразмыслив, Биррел осторожно ответил:

— Понятия не имею. Однако не сомневаюсь, что Соллеремос поставил вас в известность о своих планах.

Чартерис не сводил с него пытливых глаз, и Биррел почувствовал, что под добродушной внешностью скрывается решительный и волевой человек, с которым надо держаться настороже.

В разговор вмешался Маллинсон:

— Совет послал приглашение сектору Ориона, и оно было принято. Но мы до сих пор не знаем, какая делегация к нам прибудет. Наш космодром достаточно велик, тем не менее если все сектора пришлют по эскадре...

Они что-то знают, подумал Биррел, делая вид, что наслаждается вином. Вот только что? Быть может, силы Ориона уже находятся в пути к Земле, дабы тоже «принять участие в празднествах»? Об этом можно лишь гадать. Одно ясно — оба члена Совета относятся с равным подозрением и к Лире, и к Ориону. И приход вместе с Пятой транспортов с членами семей экипажей не рассеял их сомнений.

Биррел продолжал смаковать довольно терпкое, на его вкус, вино, ощущая на себе внимательные взгляды обоих землян. Но скоро бокал опустеет, и ему придется вновь отвечать на коварные вопросы. Это было тяжелой и непривычной работой. Нет, политические интриги не для него, он не искушен в таких делах и может запросто наломать дров, обратив настороженность землян в открытую враждебность. Поскорее бы увидеться с Кэршем! Этот малый чувствует себя в подобных ситуациях, как рыба в воде. Вот пусть и думает за них обоих.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

▼▼▼

Биррел решил, что не будет даже пытаться играть с Чартерисом и Маллинсоном в дипломатические игры. Оба землянина куда опытнее в таких вещах и были бы рады поймать его на какой-нибудь предательской ошибке.

Поднявшись с кресла, он зевнул и сказал устало:

— Прошу прощения, но я, пожалуй, пойду. У меня был трудный день.

Чартерис вежливо улыбнулся в ответ.

— Боюсь, командор, здесь, на Земле, вам будет не легче. Праздник такого масштаба — очень утомительная штука, можете мне поверить. Мы запланировали множество встреч и интересных поездок для вас и офицеров эскадры. А пока доброй ночи, мистер Биррел.

Попрощавшись с Чартерисом и Маллинсоном, он было пошел к выходу, однако затем вернулся, словно внезапно вспомнив нечто важное:

— Кстати, о поездках, — добродушно улыбаясь, произнес Биррел. — Невдалеке от Нью-Йорка находится дом моих предков. Я бы хотел в ближайшее время съездить туда с женой.

Чартерис понимающе кивнул.

— Я все организую, командор. Приятно слышать, что люди с Лиры испытывают сентиментальные чувства к старым родовым гнездам. Жаль только, что такое встречается редко.

Маллинсон поставил бокал на столик и негромко сказал, не глядя на гостя:

— Лучше меньше сантиментов, да больше лояльности по отношению к Объединенным Мирам.

Настало напряженное молчание. Биррел не нашелся, что ответить, и тогда Чартерис, безмятежно улыбнувшись, с укоризной заметил:

— Не стоит сегодня говорить о политике, Росс. Доброй ночи, командор.

Биррел, хлопнув дверью, злым шагом направился в комнату, отведенную для них с Лиллин. Жена уже спала или притворялась, что спит. Второе вероятнее — Лиллин весь вечер была холодна с ним и скорее всего просто стремилась избежать разговора.

Биррела это устраивало, ему хотелось остаться наедине со своими невеселыми мыслями. Да и наличие в спальне подслушивающего устройства нельзя было исключить. Вряд ли это мог подстроить сам Чартерис, но Маллинсон

никакого доверия у Биррела не вызывал. Вырвавшаяся в конце беседы у него фраза говорила о многом. Можно было не сомневаться, что подобное недоверие к жителям других звездных систем испытывают и многие другие земляне. Они десятилетиями привыкли считать, что Земля — центр Галактики, а все остальные миры — не более чем глухая провинция. Ныне все изменилось, и вряд ли это пришлось им по сердцу.

Лежа без сна в темной комнате, Биррел обдумывал план дальнейших действий. Теперь понятно, почему Фердиас выбрал для его встречи с Кэршем место за городом — здесь невозможно было уединиться. И эту встречу откладывать нельзя, слишком многое произошло после отлета Пятой с Веги. Придется сослаться на страстное желание посетить родовое гнездо и уехать из Нью-Йорка как можно скорее, может быть, даже завтра.

Но ничего у Биррела из этой затеи на следующий день не получилось. К десяти утра, сразу же после завтрака, в дверь к супругам постучался Маллинсон, вновь сияя безукоризненной улыбкой. О вчерашнем инциденте не было сказано ни слова, секретарь Совета был сама вежливость и предупредительность. Вместе с ним Биррелов навестила и жена Чартериса, которая тотчас же взяла Лиллин под опеку. Она предложила своей молодой подруге совершить экскурсию по самым известным и модным магазинам, на что Лиллин с охотой согласилась. Биррелу показалось, что жена попросту избегает его. Так или иначе, о поездке в Орвилл не было смысла и заикаться, и он с внутренним вздохом отдал себя в распоряжение энергичного молодого дипломата.

— Я покажу вам город, командор, — сказал Маллинсон, когда подали открытый лимузин с флажком ОМ. — Сначала, конечно, здание Совета. Уверяю вас, весьма любопытное зрелище.

Они поехали к центру города по переполненным улицам. Биррел смотрел по сторонам без особого интереса.

Утро выдалось яркое, солнечное, на полоске белесого неба, видневшегося между крышами небоскребов, не было ни единого облачка. Воздух был приятным для дыхания,

слегка солоноватым, но ему приходилось встречать мегаполисы и с более чистой атмосферой. Огромные безвкусные здания угнетали его, однако хуже всего были толпы, наводняющие тротуары, — тысячи, десятки тысяч шумных, суетливых людей, крикливо одетых, с дурацкими флажками и кепочками, на которых пестрели эмблемы юбилея двухсотлетия первого звездного перелета. Веселые улыбки на лицах Биррелу показались несколько искусственными и вызвали у него лишь чувство раздражения.

Здание Совета ОМ возвышалось посреди округлой площади, словно ступенчатая гора из стали и стекла. Его титанический вид настолько не соответствовал реальному весу Объединенных Миров в галактическом содружестве, что Биррел не смог сдержать усмешку. Маллинсон повел гостя к парадному входу, через который взад-вперед сновали сотни чиновников, и, вежливо пропустив его вперед, ввел в огромное фойе.

— Сейчас проходит сессия Совета, и мистер Чартерис, к сожалению, не может принять вас в своем кабинете. Но я думаю, вам будет любопытно взглянуть на зал заседаний из гостевой галереи, не так ли?

— Буду счастлив, — вежливо ответил Биррел, мысленно послав Маллинсона к дьяволу.

Они поднялись на одном из лифтов на десятый этаж и вышли в устланный коврами широкий коридор, который привел их к круговой галерее, опоясывающей сверху зал заседаний, Биррел готовил себя к грандиозному зрелищу и все же был ошеломлен.

Земляне строили этот зал как центр галактической дипломатии. Белый купол поднимался над полом на добрые полсотни метров. Под галереей располагалось несколько ярусов «бельэтажа», а еще ниже — ступенчатый «амфитеатр». Сам же «партер» состоял из нескольких тысяч кресел, из которых была занята самое большее пятая часть, поближе к трибуне. Каждая секция зала была предназначена для крупных звездных ассоциаций и обозначалась соответствующим флажком или вымпелом. Увы, подавляющее большинство из них проигнорировали приглашение Совета. Полностью была заполнена лишь сек-

ция Земли, которая включала в себя несколько близлежащих звездных систем, бедных и малонаселенных. Приехали гости из соседних систем, таких, как альфа Центавра. Вот и все.

Биррел почувствовал себя крайне неуютно, глядя на огромный и почти пустой зал. Он был предназначен для представителей всех пяти секторов Галактики и, наверное, лет сто назад был заполнен до отказа. Увы, это время давно прошло. История выбрала иной путь, оставив бывший центр Галактики далеко на задворках. И все же на бесчисленные ряды пустующих кресел смотреть почему-то было неприятно.

Чартерис сидел в кресле Председателя и терпеливо слушал, как пожилой делегат докладывал о каких-то нюансах в галактических законах, требующих корректировки. Биррел даже не стал вслушиваться в его речь — во всех секторах существовали свои законодательства.

— Впечатляющее зрелище, не правда ли? — хладнокровно спросил Маллинсон.

Биррел повернулся и в упор взглянул на молодого дипломата, на лице которого словно маска застыла вежливая улыбка.

— Похоже, вы обвиняете нас, представителей секторов, во всем этом?

— Да, — кивнул Маллинсон, продолжая улыбаться.

— Неужели я или экипажи моей эскадры могут отвечать за то, что неизбежно должно было случиться?

— Неизбежно? — переспросил Маллинсон. — Так ли это, командор? Положим, сектора разрастались слишком быстро, и в какой-то момент тысячами обитаемых миров действительно стало невозможно управлять с Земли. Но разве амбициозный поворот в политике всех пяти губернаторов был так уж неизбежен?

Биррел не знал, чем ответить на это обвинение, и только резко сказал:

— Я не занимаюсь политикой, это не мое дело. Но я хочу спросить: если вы так относитесь к секторам, зачем же пригласили их на это празднование?

— Поверьте, это не моя идея, — заверил его Маллинсон.

Они посмотрели друг на друга с уже нескрываемой неприязнью.

— Отлично, — тихо произнес Биррел, — наконец-то мы поняли друг друга. Я тоже не в восторге от своей миссии, можете поверить. Теперь, когда мы объяснились, я думаю, вам нет смысла разыгрывать из себя гостеприимного хозяина. Да и меня Нью-Йорк совершенно не интересует. Если не возражаете, я вернусь на космодром и проведаю свою эскадру.

— Машина в вашем распоряжении, — равнодушно ответил Маллинсон. — И вот еще что, Биррел. Я говорил сейчас только от своего имени. Многие члены Совета, в том числе и Чартерис, думают иначе. Они еще мечтают о днях, когда Совет вновь станет управлять Галактикой.

Биррел кивнул.

— Спасибо за искренность. Разумеется, этот разговор останется между нами.

Выйдя из здания, он почувствовал немалое облегчение. Похоже, дипломатическая миссия провалена, но какой он, к черту, дипломат? В конце концов, не он, а Фердиас и другие губернаторы завели Объединенные Миры в тупик.

Машина выехала из теснин города-гиганта и понеслась по скоростной трассе в сторону космодрома. Откинувшись на мягкую спинку кресла, Биррел смотрел на мелькающие по обеим сторонам вполне современные коттеджи. Неужели их обитатели думают, как Маллинсон? Похоже, что так.

Корабли Пятой были видны еще издалека, напоминая закованных в сталь воинов-титанов. Невдалеке от них теснились карлики — крейсеры флота ОМ, бочкообразные транспорты, овальные торговцы и конусообразные пассажирские лайнеры. Водитель лимузина, не скрывая благоговения, смотрел на эскадру Лиры, и Биррел слегка смягчился. Возможно, все-таки не все считали сектор Лиры своей провинцией.

Биррел попросил подвезти его к флагманскому кораблю и через несколько минут уже поднялся на капитанский

мостик «Старзонга». Читавший какой-то журнал Джо Гарстанг вскочил на ноги и отдал ему честь.

— Все в порядке, сэр.

Биррел кивнул.

— Есть для меня послание с Веги?

— Нет, сэр.

Этого можно было ожидать, но командор тем не менее почувствовал разочарование.

— Не хотите ли вы сами связаться с Фердиасом? — спросил Гарстанг. — Я могу дать указание офицеру связи...

— Нет, не стоит, — решительно отказался Биррел. — Не о чем пока рассказывать губернатору.

Он лукавил — ему было о чем рассказать Фердиасу. Ситуация на Земле оказалась куда сложнее, чем предполагал командор. Но ему не хотелось использовать без крайней необходимости шифросвязь — земляне вполне могли записать несколько таких посланий и найти к ним ключ. Губернатор также учитывал это, когда приказал ему следовать всем указания Кэрша.

— Как идут ремонтные работы?

— Неисправностей немного, — ответил Гарстанг. — Почти все они уже устранены.

— Люди довольны квартирами на базе флота ОМ?

— Еще бы! Всем приятно хоть несколько дней пожить вне своих кают. Но шестерым отдых не пошел на пользу. Я посадил их на гауптвахту.

— Что так?

Гарстанг замялся. Видно было, что ему не хотелось посвящать командора в неприятные подробности, но дисциплина взяла верх.

— Видите ли, сэр, прошлой ночью астронавты флота ОМ устроили для наших парней вечеринку. Ну, выпили в меру, поболтали о том о сем, поиграли в карты — все как полагается...

— И что же произошло? — сурово прервал его Биррел.

— Вино — штука коварная, даже если его пьешь в меру. Один из наших охмелел и стал хвастаться, что Пятая может прихлопнуть одной рукой весь флот ОМ и даже

не вспотеть. Землянам, понятно, это не понравилось. И началась потасовка — давненько не видел такой.

Биррел чертыхнулся, недовольно глядя на Гарстанга.

— Мы прилетели сюда с мирной миссией, а не для того, чтобы квасить друг другу носы! — раздраженно воскликнул он. — Только этих неприятностей Лире не хватает. Чтобы я больше не слышал ни о чем подобном, ясно?

— Я приму все меры, — облизнув пересохшие губы, пообещал Гарстанг. — Виновные получат по заслугам, да и остальным я устроил такую выволочку, что у них не скоро зачешутся кулаки.

— Будем надеяться, Джо, — сухо сказал Биррел, недобро глядя на капитана флагманского корабля. — Я доверяю эскадру вам с Брешником в свое отсутствие и не хотел бы в этом раскаиваться. Вы что-то желаете спросить, Джо?

— Да, сэр. Я могу хоть на несколько часов отлучиться в город?

Биррел пожевал губы, в сомнении глядя на капитана «Старзонга».

— Ну хорошо, на несколько часов можно. Оставьте за себя Веннера. А сейчас пойдемте со мной к Брешнику.

Гарстанг с облегчением вызвал своего заместителя, чтобы дать ему необходимые указания. Затем они спустились вниз и увидели, что лимузин с флажком Совета ОМ по-прежнему ждет около трапа. Биррел довольно усмехнулся и попросить водителя отвезти их к кораблю, на котором должен был находится вице-командор.

Каждый раз, когда автомобиль проезжал очередной крейсер, солнце гасло, словно попав в грозовое облако. Около пятого по счету от «Старзонга» корабля машина остановилась, как оказалось, ненадолго.

У пандуса Биррела встретил молодой офицер, адъютант Брешника.

— Прошу прощения, сэр, вице-командор получил приглашение осмотреть какую-то диковинку, — доложил он, вытянувшись в струну, — где-то в районе ангаров.

Биррел проследил за его рукой и увидел вдали полу-

круглые здания, около которых суетились люди, — видимо, ремонтные мастерские.

Лимузин помчал их с Гарстангом по старому, местами растрескавшемуся шоссе. Вскоре они нашли Брешника, который стоял около открытых ворот ангара с группой офицеров в черной форме флота ОМ.

Заметив начальника, Брешник подошел к лимузину с немного растерянной улыбкой.

— Посмотрите-ка на это чудо в перьях, Джей. В жизни не видел ничего более дурацкого.

Офицеры Пятой подошли к ангару и обменялись недоуменными взглядами. Внутри находился маленький кургузый корабль с нелепой шишкой на овальном носу. Он больше походил на макет, чем на космолет, но вокруг него копошились несколько десятков техников в черных комбинезонах.

— Что это за штука? — спросил Биррел.

— Это гордость Земли, звездолет «Пионер», — пояснил Брешник, ухмыляясь. — До последнего времени он находился в музее космоплавания и был привезен сюда для участия в праздновании.

— В каком смысле — «участия»? Разве эта груда металлолома может летать?

Брешник кивнул.

— По крайней мере, техники так говорят. В программу праздника входит показательный полет «Пионера». На малой высоте и на небольшое расстояние — но все же полет.

Гарстанг в сомнении покачал головой.

— Не думаю, что эта дырявая бочка сможет подняться с места. И кому это из местных чиновников пришла в голову такая замечательная идея?

Биррел был согласен с мнением капитана «Старзонга». Готовясь к полету на Землю, он основательно проштудировал историю звездных полетов. Его голова была забита сотнями имен, названиями кораблей, датами полетов — сведениями, вычитанными из книг. До сих пор он не полностью понимал, почему Земля так гордится своим

первенцем-звездолетом и чтит имена храбрецов, первыми сделавших шаг в большой космос.

Теперь он это начал понимать. Действительно; нужно было иметь огромное мужество, чтобы лететь на этом странном сооружении за пределы Солнечной системы.

Налюбовавшись вдоволь «чудом в перьях», офицеры Пятой вернулись к терпеливо ожидавшему их роскошному лимузину.

— Командор, надеюсь, вы вновь принимаете на себя командование эскадрой? — с надеждой спросил Брешник.

— Увы, нет, — с огорчением ответил Биррел. — Честное слово, я всем сердцем хотел бы этого, но гостеприимные хозяева не дают мне ни минуты покоя. У главы миссии есть свои обязанности, ничего не поделаешь. Простите, Род, вам придется оставаться здесь, на космодроме.

— Слушаюсь, сэр, — помрачнев, буркнул Брешник.

Биррел дружески потрепал его по плечу.

— Надеюсь, вам еще удастся полюбоваться на местные красоты. Я уже сыт ими по горло... Кстати, вы не слышали, здесь не ожидают прилета новых кораблей — я имею в виду больших кораблей?

Брешник пожал плечами.

— Понятия не имею. Знаю только то, что несколько десятков доков в другом конце взлетного поля были очищены от всяческой находящейся там мелюзги.

— Могут они принять эскадру?

— Какую эскадру?

Биррел помедлил с ответом.

— Откуда я знаю? — наконец сказал он. — На праздник приглашены представители всех секторов. Почему бы, скажем, сектору Льва или Цефеи не прислать сюда эскадру, как это сделала наша Лира?

— Вы имеете в виду эскадру Ориона? — в упор спросил Брешник.

Биррел выразительно промолчал.

— Все понятно, — помрачнев, произнес Брешник. — Только этого нам не хватало! Если рядом с Пятой сядут крейсеры Соллеремоса, будет масса неприятностей.

— Точно, — поддержал его встревоженный Гарс-

танг. — Не думаю, что мы сможем удержать наших парней от разборок с орионцами. Простой кулачной дракой здесь дело не обойдется...

Биррел поморщился, словно от зубной боли. Да, потасовкой типа «стенка на стенку» дело не кончится. У всех экипажей Пятой еще свежа память о психологической атаке двух эскадр Ориона, так что удержать их от справедливой расправы будет непросто. А потом конфликт покатится как снежный ком с горы, и кровавые волны от него пойдут по всей Галактике.

Он был готов к такому повороту событий и давно принял решение, что делать в подобной критической ситуации. Хорошего в этом было мало, но такова цена его громкой должности. Командорам не часто доставались розы дипломатических приемов и улыбки светских красавиц; куда чаще им вслед неслись тайные проклятия их собственных подчиненных. Биррелу к этому было не привыкать.

— Надо ожидать всего, — тихо сказал он, пристально глядя на своих офицеров. — С сегодняшнего дня все увольнения в город отменяются. Объявить по кораблям готовность номер один, но так, чтобы никто из землян об этом не пронюхал.

К его удивлению, оба командира Пятой и не пытались протестовать. Более того, Брешник, сдвинув брови, спросил:

— Вы уверены, Джей, что нам не стоит объявить боевую тревогу?

Биррел решительно возразил:

— Нет, ни к чему. Тогда придется объяснять экипажам, что и как, а это только еще больше накалит ситуацию. Нет, готовности номер один пока достаточно. Брешник, я полагаюсь на вас.

Повернувшись к погрустневшему Гарстангу, командор внезапно улыбнулся.

— Что повесили голову, Джо? Я обещал вас отвезти в Нью-Йорк и не собираюсь давать отбой. Садитесь в машину и готовьтесь — вы увидите весь блеск и нищету Земли разом!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

▼▼▼

И блеск Земли казался ослепляющим. С приходом ночи узкие каньоны старого города превратились в реки фосфоресцирующего света, толпы праздношатающихся людей, казалось, плыли в самых различных направлениях. Над ними сияли облака паров натрия, которые заменили древние осветительные лампы, но реклама на фасадах домов оставалась по традиции неоновой. Такого фейерверка разноцветных огней Биррел не видел ни в одном другом мире Галактики.

Ему не нравилось это пиршество света, он привык к иному: факелам далеких звездных скоплений, мерцанию туманностей, маякам сверхновых... Огни Галактики были чинными, неторопливыми, они никогда не бросались назойливо в глаза, стараясь ослепить, никогда не смешивались с гомоном многотысячной толпы. Тишина и покой царили в космосе. Здесь же, в Нью-Йорке, брали верх шум людских голосов и грохот бесчисленных машин, не стихающие даже ночью.

Биррел уже жалел, что согласился на эту ночную экскурсию, на которую гостей пригласил Маллинсон. Дипломат обещал показать Лиллин немало любопытного из земной жизни, и та согласилась с радостной улыбкой, искренность которой вызвала у Биррела большое сомнение. Зато Гарстанг был явно доволен, он изрядно нагрузился на званом ужине и горел желанием недурно провести время. В сопровождении двух землян, имен которых Биррел не запомнил, капитан неуклюже забрался на заднее сиденье лимузина и сразу захрапел. На его лице сияла безмятежная улыбка, не то что днем, когда они вдвоем выехали из космопорта, оставив Брешника на время командовать Пятой Лиры.

— Брешник — хороший офицер, — сказал тогда Гарстанг с недоброй усмешкой. — Он повинуется приказам и никогда не задает вопросов. Я полагаю, именно поэтому он и стал вице-командором.

— Возможно, — сухо ответил Биррел.

— Я отлично понимаю, почему никогда не займу эту должность, — продолжил Гарстанг, пытливо глядя на своего командира. — Я всегда задаю неприятные начальству вопросы. Например, мне хотелось бы узнать, почему мы должны привести эскадру в готовность номер один. Что, к дьяволу, произошло?

Биррел был готов взорваться и намылить командиру флагмана шею за излишнее любопытство, но ему в голову пришла более удачная идея:

— Вы разве не слышали, что говорилось об эскадрах Ориона? Они могут и на самом деле прилететь на празднование и сесть рядом с нами. Если наши парни и орионцы встретятся где-нибудь в городе, то потасовки не миновать, вы же сами об этом предупреждали. Пусть уж наши астронавты сидят у себя на кораблях и занимаются делом. Только скандалов нам не хватает!

— Скандалы? — деланно удивился Гарстанг. — Да, это было бы неприятно. К сожалению, командор, не все думают, что дело обстоит так просто.

— Вот как? — резко сказал Биррел, нахмурившись. — И кто же думает иначе?

— Например, астронавты флота ОМ, — спокойно ответил Гарстанг. — Среди них ходят самые дикие слухи. Например, о том, что эскадры Ориона могут прилететь на Землю с той же целью, что и мы.

— И с какой же целью прилетели мы? — мрачно спросил Биррел.

— Для того, чтобы захватить ее, — мягко пояснил Гарстанг.

Не выдержав, Биррел от души выругался.

— Да они просто олухи, эти земляне! — взорвался он. — Неужели мы привезли бы наших жен и детей?

— Есть мнение, что это просто прикрытие. Согласитесь, такие штучки вполне в духе нашего славного Фердиаса. Так или иначе, я рад, что остался старым холостяком, и сегодня намерен выпустить в городе пар. Как знать, быть может, это мой последний загул?

Биррел размышлял об этом разговоре, проезжая по ночным улицам Нью-Йорка.

Ситуация осложнялась даже больше, чем он предполагал. Одно дело, когда подозрения высказывают дипломаты, и совсем другое, когда они завладевают душами обывателей. Выходит, донесения Кэрша были точными, агенты Ориона действительно славно поработали на Земле. Надо как можно быстрее встретиться с этим человеком, он может многое объяснить и многое подсказать, решил Биррел. Но как это сделать, если Маллинсон буквально не дает ему свободно вздохнуть?

Наконец лимузин остановился, и Маллинсон повел гостей по заполненной толпами улице, давая насладиться атмосферой ночного Нью-Йорка. Прогулка получилась не из самых приятных. Давка была ужасная, людей было больше, чем днем. Воздух буквально кипел от гула голосов, шума машин и звуков музыки, лившейся на прохожих, казалось, изо всех окон. В небе то и дело прокатывался гром — на космодром садилось очередное торговое судно.

Выйдя на обширную площадь, гости с Веги оказались в самой гуще веселья. Музыка здесь звучала беспрерывно, сотни пар танцевали, не обращая внимания на тесноту.

Среди землян Биррел увидел астронавтов в черной форме флота ОМ. Изредка встречались офицеры с Ксипехуз и Льва. Земляне оборачивались, провожая восхищенными взглядами Лиллин, чья экзотическая красота производила на них сильное впечатление.

— Что-то я не замечаю здесь никого из ваших людей, командор, — как бы между прочим обронил Маллинсон, внимательно глядя по сторонам. — Я думал, они все будут сегодня в городе.

Биррел любезно улыбнулся.

— Мы решили провести кое-какие ремонтные работы, так что многие члены экипажей сегодня заняты.

— Понимаю, — кивнул Маллинсон. — Ремонт — это очень важно, командор.

Он обернулся к Лиллин и стал как ни в чем не бывало рассказывать ей о земных блюдах и винах.

«Напрасно стараешься, дружок, — с насмешкой поду-

мал Биррел. — Тебе ничего не удастся выведать о наших планах. Кстати, а почему нас сегодня не принял Чартерис? Чем он так занят?»

По предложению немного отрезвевшего Гарстанга они направились «слегка освежиться» в ближайший бар. Биррел поддержал предложение, назойливая музыка и толкотня стали ему надоедать. Все расселись за столиками в углу обширной комнаты, в которой было сравнительно немноголюдно, и с помощью Маллинсона стали заказывать закуски и вина. Гарстанг активно помогал хозяину, громогласно заявляя, что не грех прополоскать пересохшее горло.

Лиллин встречала смехом каждую шутку Маллинсона и казалась очень довольной. У Биррела же настроение было отвратительным. Отложив в сторону меню, он исподлобья осмотрелся и заметил в другом конце зала двух молодых офицеров в черной форме Объединенного флота. Один из них что-то сказал, дерзко глядя на него, и другой встретил эти слова хохотом.

Биррел покраснел от гнева и хотел было уже подняться со стула, как вдруг услышал в кармане своего кителя тонкий звон — кто-то вызвал его на порто.

— Извините, я сейчас приду, — сказал командор и не спеша направился в сторону туалета, ощущая спиной настороженный взгляд Маллинсона. Заперевшись в кабинке, он достал порто и, поднеся его к губам, тихо произнес: — Биррел слушает.

В порто зашуршало, защелкало, потом внезапно все стихло. Красная лампочка вызова погасла.

Биррел был озадачен. Только Брешник знал частоту, на которой работал передатчик. Сомнительно, чтобы вице-командор вызвал его шутки ради.

Командора охватила тревога. Он вспомнил, что его мог вызвать еще один человек — Кэрш. Но тогда почему он внезапно прервал связь?

Биррел набрал на панели переговорного устройства шифр Брешника и нажал кнопку «вызов». Через минуту послышался голос вице-командора:

— Брешник слушает, командор.

— Вы вызывали меня только что, Род?

— Нет, — удивленно ответил Брешник. — А что случилось?

— Ничего... Как дела с ремонтом?

— Почти все закончено.

— Отлично, — сказал Биррел и выключил порто.

Он вернулся в зал, еще более раздраженный, чем прежде. Проходя мимо двух земных астронавтов, которые все еще продолжали покатываться со смеха, Биррел не выдержал и резко обратился к сероглазому, симпатичному на вид блондину:

— Недавно вы сказали что-то забавное на мой счет. Повторите, мы посмеемся вместе.

Молодой офицер озадаченно взглянул на него:

— Не понял.

— Вы смотрели на меня и мою жену и что-то со смехом о нас говорили. Что именно?

В глазах землянина промелькнул испуг — Биррел выглядел сейчас грозно.

— Я не хочу говорить об этом, вегианин, — пробормотал он, отводя взгляд.

— Придется, — тихо произнес Биррел, сжимая кулаки.

Блондин посмотрел на своего не менее растерянного товарища, затем покраснел и с трудом выдавил:

— Как угодно, сэр. Я сказал приятелю: посмотри, этот вегианин ведет себя здесь так, словно вся Земля принадлежит ему.

Это было настолько неожиданно, что Биррел поначалу растерялся, а затем расхохотался. Что ж, будь он таким же неоперившимся юнцом, он сказал бы на месте этих парней приблизительно то же самое.

— Все верно, вы точно это заметили, приятель. Я ваш гость, и не больше. И как гость хочу угостить вас выпивкой.

Молодые офицеры с облегчением переглянулись.

— Спасибо, командор, — ответил блондин.

Биррел вызвал официанта и заказал бутылку вина, которую они и распили с офицерами-землянами. Затем он дружески пожал им руки и вернулся к своему столику, провожаемый удивленными взглядами молодых астронавтов.

— А вы умеете весело проводить время, командор, — заметил Маллинсон.

— Почему бы и нет? — усмехнулся Биррел, усевшись вновь рядом с женой.

Лиллин серьезно посмотрела на него. Казалось, она осознавала, какой груз сейчас лежит на плечах мужа. Хотя Биррел надеялся, что она все-таки этого не понимала.

Он выпил рюмку, еще одну и еще, почти не отставая от разошедшегося Гарстанга. К столику стали подходить друзья Маллинсона. С любопытством поглядывая на вегиан, они засыпали гостей вопросами. У Биррела не было желания отвечать, но Гарстанг, к его удивлению, был в форме и разливался соловьем, искусно обходя острые темы.

Столик слегка вздрогнул. Биррел насторожился, прислушиваясь. И ничего не услышал, кроме грохота музыки и шелеста ног немногих танцующих пар.

Не успел он налить очередную рюмку вина, как через раскрытую дверь в бар вкатился отдаленный грохот, мощный, басистый, который невозможно было спутать ни с чем. Шум быстро нарастал. Немедленно протрезвевший Гарстанг тревожно взглянул на своего командора. Вскоре грохот стал таким сильным, что посуда на столике зазвенела.

— Эс-двадцать, — коротко сказал Гарстанг, когда шум стих, удалившись в сторону космодрома.

Биррел мрачно кивнул. Ошибиться было невозможно — такой звук мог принадлежать лишь современному тяжелому крейсеру.

Маллинсон пытливо глядел на вегиан, забыв о своей роли гостеприимного и остроумного кавалера. Через несколько минут над городом прокатился еще один могучий раскат грома, затем еще один и еще... Побледневший Биррел считал про себя, терзаясь мыслью — неужели прилетели эскадры Соллеремоса? Но Маллинсон должен был знать! И все же землянин за весь вечер не заикнулся об этом, и даже сейчас на его лице ничего не читалось.

Словно поняв его тайные мысли, Маллинсон поднялся

и предложил Лиллин пойти потанцевать. Та неохотно согласилась, встревоженно поглядывая на мужа.

На космодром сел пятый крейсер, затем настала долгая пауза. Биррел начал успокаиваться. Пять крейсеров — это пустяки. Они могли просто сопровождать делегацию...

В небе раздался очередной удар грома. Шестой крейсер.

«Да, это эскадра Ориона, — подумал Биррел, — сомнений больше нет. Началось...»

Однако седьмого раската грома не последовало.

Вскоре к столу вернулись Маллинсон и Лиллин, разгоряченные быстрым танцем. Дипломат любезно усадил вегианку, затем сел сам и неторопливо допил бокал вина.

Биррел вопросительно смотрел на него, но землянин не спешил ответить.

— Что-то вы неважно выглядите, командор, — наконец сказал он, глядя на гостя с откровенной насмешкой. — Я понимаю, здесь очень душно... Кстати, вы слышали шум в небе? Это прибыла официальная делегация с Персея. Мистер Чартерис поехал встречать ее на космодром.

Биррел мысленно выругался. Маллинсон явно получил удовольствие, наблюдая его растерянность. Хватит, надоело играть в эти дурацкие игры! Пора встретиться с Кэршем, иначе ему еще долго придется блуждать в полной темноте.

— Ясно, — кивнул Биррел, вымученно улыбаясь. — Работа — прежде всего. До праздника осталось всего несколько дней, и у членов Совета наверняка множество неотложных дел. Просто неудобно с нашей стороны отрывать у вас с мистером Чартерисом драгоценное время. Вы не против, если мы с женой на денек-другой отправимся в небольшую поездку?

— Поездку? — недоуменно переспросил Маллинсон.

— Вы, наверное, помните, я как-то говорил, что намереваюсь посетить старый дом моих предков. Лиллин, дорогая, завтра утром мы выезжаем. Обещаю, ты чудесно проведешь время на природе.

Лиллин кивнула, хотя ее взгляд оставался настороженным. Такая поездка не могла прийтись ей по вкусу, но возражать мужу она не решилась.

— Ах да, вспомнил! — сердечно сказал Маллинсон. — Я предоставлю вам флиттер со своим личным пилотом.

— Я бы предпочел автомобиль, — мягко возразил Биррел. — Обожаю, знаете ли, сам вести машину и любоваться окрестностями.

К его удивлению, Маллинсон не стал возражать. Казалось, он был даже доволен тем, что Биррел на время уедет из города. Но почему?

«Кэрш мне все объяснит, — подумал Биррел. — Я заставлю его все объяснить!»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

▼▼▼

На следующее утро Биррел мчался по направлению к Орвиллу. Он уже почти жалел, что вчера так самонадеянно отказался от флиттера, предложенного Маллинсоном. Это казалось смешным, но командор могучей эскадры, облетевший пол-Галактики, растерялся на оживленной трассе.

Биррел давно уже не водил автомобиль, и никогда ему не приходилось нестись с такой скоростью по эстакадам среди тысяч других машин, дистанция между которыми не превышала нескольких метров. Перед отъездом водитель Маллинсона еще раз предложил свои услуги, а когда услышал решительный отказ, только пожал плечами и сказал: «Вообще-то все автомашины оборудованы ограничителями скорости и радиодальномерами, исключающими столкновения, но... Но у нас полно лихачей, которые попросту отключают подобные устройства. Так что будьте осторожнее, командор».

Биррел и старался быть предельно осторожным, но что было от этого толку, когда, казалось, никто другой не заботился о правилах дорожного движения. Он вздохнул с облегчением только тогда, когда свернул, следуя карте, на одну из боковых эстакад, где автомобилей явно поуменьшилось.

Лиллин с самого утра была молчаливой и хмурой и всю дорогу демонстративно глядела в окно, хотя любо-

ваться вокруг было решительно нечем. Биррел решил воспользоваться удобным случаем и объясниться:

— Милая, ты должна знать, почему я так рвусь навестить дом моих предков. Вчера мне не хотелось говорить об этом на глазах у Маллинсона...

— Ты не обязан мне ничего объяснять, — сухо ответила жена, не поворачивая головы. — В конце концов Земля — это твой мир, здесь жили твои предки...

— Опять ты талдычишь о своем! — взорвался Биррел, побагровев от гнева. — Сколько можно повторять одно и то же? Да мне плевать, что в одном из пригородных поселков некогда жил мой прадедушка! Ладно, скажу тебе правду. Я еду в Орвилл потому, что так приказал Фердиас. Я не хотел говорить тебе об этом, но нет уже сил играть во все эти дипломатические игры.

Лиллин обернулась. Лицо ее немного прояснилось.

— Вот как, приказ Фердиаса? Но почему... Ты должен там встретиться с кем-то, верно?

— Да.

— И мне не положено знать об этом?

Он кивнул. Лиллин впервые за день улыбнулась ему.

— Слава Богу, что дело обстоит именно так, а то я уже стала тревожиться. Ты ведь ничего мне не рассказываешь, Джей, и потому в голову лезут самые дурные мысли.

Биррел ласково погладил жену по плечу. Конечно, Лиллин нисколько не тревожили мысли об Орионе, ее чисто по-женски больше заботили личные переживания. Не пробудился ли часом в муже дух предков-землян, не оттолкнет ли это его от жены-вегианки? Нет, оказалось, что его действия были продиктованы какими-то политическими причинами. Хорошо, о таких пустяках можно не беспокоиться.

Следуя указаниям карты, Биррел свернул с боковой эстакады и выехал на наземную дорогу, ведущую к пригородам. Она была очень старой, местами потресканной и почти пустынной, так что он с удовольствием снизил скорость.

Мимо проплывали небольшие поселки, холмы, озера, окруженные рощами. Некоторые из деревьев были знако-

мы Биррелу, их семена некогда завезли с Земли первые переселенцы на другие миры, но большинство он увидел впервые. Это же относилось и к домам — почти все были типовыми, такие можно встретить на любой обитаемой планете, но изредка встречались и старые каменные здания, выглядевшие словно мрачные крепости. А однажды они с Лиллин не смогли удержаться от изумленных возгласов, когда увидели дом из чистого дерева.

Чем дальше они удалялись от Нью-Йорка, тем чаще встречались архаичные здания церквей, каменные изгороди, покрытые вьющимися растениями, обширные поля, заросшие какими-то злаками. Порой на них можно было увидеть трактора, точно такие же, как на Альюеларане или Сириусе. По-видимому, на Земле существовало развитое сельское хозяйство, и это Биррела ничуть не удивило — то же самое можно было сказать о большинстве обитаемых миров. Синтетическая пища недурна на вкус, но ей не сравниться с натуральными продуктами, потому профессия фермера оставалась одной из наиболее распространенных в Галактике.

Биррел вспомнил слова Чартериса, сказанные в первый вечер после прилета Пятой Лиры. «Вы найдете Землю и ее жителей очень старомодными, командор. Не удивляйтесь, это объясняется нашей глубокой эмоциональной связью с прошлым. Наша планета когда-то была центром Галактики, и хотя многие из секторов забыли об этом, земляне не могут примириться с переменами и из чувства протеста не желают ничего менять — ни дома, ни машины, ни образ жизни. Не спешите нас судить, а лучше постарайтесь понять — вы ведь тоже для нас не чужой».

Маленькая птица пролетела прямо перед машиной и скрылась в придорожных кустах.

— По-моему, это была малиновка, — сказал Биррел. — В школе некогда мы учили древнюю поэму о Робине Красногрудом, и я помню иллюстрацию с этой птицей.

— Наша вегианская птица-пламя куда красивее, — возразила Лиллин. — Но знаешь, Джей, мне здесь нравится, не то что в этом ужасном Нью-Йорке. Голубое небо,

золотистое солнце, много зелени, воды... Приятный мир. Не Вега-4, конечно, но он очень мил.

Они съехали с маленького холма и, миновав мост над рекой, оказались в Орвилле. Это был небольшой поселок с несколькими десятками домов, добрых две трети из которых составляли старые, изрядно обветшалые здания. Посреди круглой площади возвышалась позеленевшая от времени статуя какого-то воина. Рядом среди цветников на скамейках отдыхали старики, греясь на солнышке.

Биррел остановил машину около торговца, сидящего на ступеньках лавки, и стал расспрашивать о дороге к дому своего прадеда. Землянин путано объяснял ему, как проехать к старой ферме, а затем, поднявшись, с изумлением посмотрел им вслед. Ему нечасто приходилось видеть таких странных гостей в тихом, сонном поселке: мужчину в серебристо-синей форме космофлота Лиры и ослепительно красивую вегианку.

— Неужели отсюда началось завоевание Галактики? — недоуменно спросила Лиллин, глядя на пустынные улицы и дремлющие дома.

— Да, отсюда все началось, — сказал Биррел, почувствовав нечто вроде укола обиды за Орвилл. — Согласен, этот поселок выглядит очень бедно. Но именно Земля некогда отдала другим планетам множество своих лучших людей, денег и других ресурсов. Вспомни, как выглядела твоя родная Вега до прибытия первых звездных кораблей. И какой она стала теперь! Галактика в большом долгу перед такими поселками и деревушками и что-то не спешит эти долги отдавать.

Лиллин промолчала, недовольно поджав губы.

Вскоре они выехали из Орвилла на сельскую дорогу, которая вела в обширную долину, окруженную грядами холмов. Впереди появились первые фермы, разделенные небольшими рощами. Поля были тщательно ухожены, старые каменные дома утопали в зелени дубов и вязов, около обширных сараев стояли трактора и комбайны. Людей почти не было видно. Миновав шестую по счету ферму, Биррел свернул налево и, проехав пару сотен метров по грунтовой дороге, остановился.

Дом Биррелов напоминал небольшую мрачную крепость, сложенную из грубо обтесанных камней. Даже по сравнению с другими зданиями Орвилла он выглядел заброшенным и обветшалым.

Его окружали высокие деревья с пышными кронами — кажется, они назывались соснами. Лужайка перед фасадом заросла высокой пожухлой травой, среди которой едва была видна узкая дорожка, посыпанная песком. Налево от дома располагался фруктовый сад из узловатых деревьев, а направо возвышался большой дощатый амбар. Никаких признаков присутствия людей не было заметно.

— Ты уверен, что это то самое место? — недоуменно спросила Лиллин.

Биррел кивнул.

— Агент Фердиаса купил этот дом, чтобы мы могли встречаться без помех. Он должен ждать меня где-то здесь.

Супруги вышли из машины и направились в сторону дома. Поднявшись на открытую веранду, они подошли к массивной двери, сделанной, как ни странно, из дерева. Биррел нажал на кнопку звонка, затем подождал и еще раз позвонил. Никто не вышел им навстречу, и тогда Биррел решительно толкнул дверь. Она открылась с легким скрипом. Супруги вошли в дом.

Пройдя через темный коридор, они оказались в довольно просторном и необычном холле — стены были отделаны деревом, мебель была также деревянной, обтянутой кожей, бросалась в глаза едва ли не музейная архаичность. Вокруг было удивительно тихо.

— Посмотри, Джей, что это? — с удивлением спросила Лиллин. Она коснулась рукой странного кресла, на ножках которого были закреплены полукруглые дуги, и оно закачалось взад-вперед. — Это кресло похоже на детскую игрушку, но, по-моему, слишком велико для ребенка.

— Понятия не имею, что это такое, — отозвался Биррел. — И где человек Фердиаса, тоже.

Он громко позвал хозяина. Никто не отозвался. Тогда, отбросив церемонии, командор обошел все комнаты и даже заглянул на обширный чердак, но везде было пусто.

Биррел почувствовал растущую тревогу. Может быть, он сделал какую-нибудь ошибку в плане, столь тщательно продуманном Фердиасом? Где Кэрш, который должен прояснить ситуацию и дать новые указания от имени губернатора? А если агент куда-то исчез, то кто сообщит ему о действиях Ориона?

Ответов на эти вопросы он не нашел и в конце концов с растерянным видом вернулся в холл, где Лиллин с любопытством разглядывала необычную мебель.

— Надо подождать, — после некоторого размышления сказал Биррел. — Человек Фердиаса должен появиться. Он оставил дверь открытой, зная, что мы придем. Значит, он где-то неподалеку.

— Ты хочешь сказать, что нам придется здесь ночевать? — вздрогнула Лиллин. — Но еда... кровати...

— Пойдем посмотрим, — буркнул Биррел.

Они нашли в одной из комнат две старомодные кровати, на которых было постелено свежее, несмятое белье и лежали теплые шерстяные одеяла. Затем заглянули на кухню и обнаружили во вполне современном холодильнике различные полуфабрикаты в пластиковых оболочках.

— Похоже, Кэрш основательно подготовился к нашей встрече, — глухо сказал Биррел, разглядывая этикетку на запотевшей бутылке вина. — Только почему-то сам забыл прийти. Мне это чертовски не нравится.

Лиллин успокаивающе улыбнулась ему и принялась готовить обед, а командор вышел из дома и обошел двор. Травянистая лужайка незаметно перешла в давно заброшенные поля, заросшие кустарником и невысокими деревцами. В старом амбаре сохранились остатки полусгнившего сена, сараи и другие хозяйственные постройки были пусты.

Расстроенный Биррел вернулся в дом и помог Лиллин справиться с древней кухонной мойкой, которая решительно не хотела мыть посуду. Кухонная мебель ему особенно не понравилась, и даже солнечные лучи, проникающие сквозь запыленные окна, не делали ее привлекательной.

Заметив кислую гримасу на лице мужа, Лиллин улыбнулась.

— Здесь не так плохо, Джей, — сказала она. — В старине есть свое очарование, но эта грязь... Пойдем пообедаем на веранде, там по крайней мере воздух почище.

Они устроились за круглым столом и стали не спеша есть, поглядывая на залитую солнцем лужайку, полную незнакомых цветов.

Сельскую идиллию, впрочем, довольно скоро разрушили крылатые насекомые, которые стали назойливо виться вокруг стола, норовя усесться прямо в тарелки. Биррел едва успевал отмахиваться от них, тихо ругаясь, а Лиллин, глядя на него, покатывалась от смеха.

Пообедав, супруги устроились в креслах и стали молча наблюдать за угасающим днем. Солнце быстро спускалось к гряде далеких холмов, окрашивая западную часть неба в пурпурные тона. Рядом громоздились розовые бастионы облаков — таких громад Биррел не видел ни на одной планете.

Когда воздух напитался серыми сумерками, из высокой травы появилось маленькое грациозное животное, черное как смоль, пушистое, с зеленоватыми глазами. Оно замерло возле амбара и стало с любопытством глядеть на людей.

— Кто это? — тихо спросила Лиллин. — Неужели дикое существо?

Биррел порылся в памяти — животное было явно знакомо ему.

— Это кот, вот что это такое, — наконец сказал он. — На одном из моих кораблей одно время служил землянин. Так он однажды привез из отпуска с земли маленького котенка и держал его несколько лет на базе. Он называл зверька Томом.

Биррел взял кусочек ветчины и бросил его на ступеньки крыльца.

— Сюда, Том, кис-кис.

Кот осторожно двинулся вперед, не сводя с людей холодного взгляда. Схватив еду, он мигом исчез среди травы.

Пришел вечер, Кэрш так и не появился. Было ясно, что он сегодня не придет. А завтра? Биррел не сказал Маллинсону, сколько времени собирается пробыть в доме своего

прадеда, но надолго эскадру оставлять было нельзя. Кто знает, где сейчас находится флот Ориона, не движется ли он к Земле? Но и уезжать из Орвилла, не встретившись с агентом Фердиаса, было невозможно. Так что же делать?

Биррел безуспешно ломал голову над этой задачей с двумя неизвестными, когда Лиллин неожиданно пришла ему на помощь.

— Быть может, этот человек ждет тебя в поселке? — сказала она, сочувственно глядя на мужа. — Мы могли разминуться с ним по пути.

Биррел с готовностью ухватился за эту соломинку.

— Да, ты права, милая, нужно съездить в Орвилл! — воскликнул он и поднялся из кресла. — По крайней мере я смогу что-нибудь разузнать о Кэрше, не может быть, чтобы местные жители ничего о нем не знали. А ты останься в доме. Вдруг он еще придет?

— Хорошо, — сказала Лиллин, с сомнением оглядываясь по сторонам. Ее явно не радовала перспектива остаться глубоким вечером одной в пустом незнакомом доме.

— Тебе не будет страшно? Я оставлю на всякий случай шокер. Не беспокойся, я скоро вернусь, — сказал Биррел и, чмокнув жену в щеку, быстро сбежал по ступенькам. Сердце его сжималось от тревоги, но он не оглянулся, торопливо шагая к автомобилю.

Он обязан найти Кэрша, обязан!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Биррел ехал по темной пустынной дороге, направляясь к Орвиллу. Он даже не заметил, когда въехал в него — настолько вокруг оставалось тихо и безлюдно. Окна в большинстве домов были темными, и только уличные фонари рассеивали мрак безлунной ночи. Все магазины и лавки были закрыты, прохожие исчезли. Казалось, Орвилл уже спал в эту тихую летнюю ночь.

Проехав площадь с дремлющей статуей воина, Биррел свернул на первую же попавшуюся улочку и вскоре уви-

дел неоновую рекламу небольшого бара. Из широко раскрытой двери доносились голоса.

Приободрившись, Биррел остановил машину. Вряд ли лучший агент Фердиаса коротает здесь время, сидя за кружкой пива, но этот бар был единственным местом в поселке, где еще теплилась жизнь. Кроме того, Биррелу чертовски хотелось выпить, снять накопившееся напряжение.

Он вошел в серую от табачного дыма комнату и некоторое время простоял у двери, осматриваясь.

За столом сидели человек десять, неспешно беседуя и потягивая вино из высоких бокалов. Увидев незнакомца, они сразу же замолчали. Биррел пошел в сторону стойки бара, провожаемый удивленными взглядами. Бармен, худой суетливый человек с бесцветными глазами и коротко стриженным ежиком волос, встретил его любезной, но несколько настороженной улыбкой.

— Рад вас видеть, мистер. Чем могу служить?

Биррел скользнул взглядом по рядам бутылок с яркими этикетками. Названия вин ему ровным счетом ни о чем не говорили.

— Выберите сами, пожалуйста. Что-нибудь покрепче.

Бармен налил ему полбокала изумрудного ликера. Вкус Биррелу не понравился. Не отходя от стойки, он неспешно потягивал огненное вино и оглядывал сидящих в зале местных жителей. Кэрша, естественно, среди них не было.

Большинство посетителей напоминали фермеров или механиков — загорелые, добродушные, с грубо вытесанными лицами. Среди них выделялось двое юношей, перед которыми стояли кружки с пивом, и маленький старик с морщинистым лицом и светлыми глазками. Он беззастенчиво оглядывал неожиданного гостя с головы до ног и ухмылялся.

Биррел не увидел ни одного недружелюбного лица, но интерес к нему у сельчан быстро пропал, и они, отвернувшись, продолжали свои неспешные беседы. Пора уходить, тем более что Лиллин одна в темном доме.

Он допил ликер, поставил бокал и, щедро расплатившись, направился было к двери, когда старик неожиданно

встал из-за стола и, заметно прихрамывая на левую ногу, преградил ему путь.

— Прошу прощения, мистер, но не вы ли тот парень, который днем расспрашивал дорогу к дому старого Биррела?

Биррел кивнул.

— Да, я.

Старик продолжал стоять, словно ожидая объяснений. Случись подобное в городе, Биррел непременно бы вспылил и сказал что-нибудь типа: «А вам какое до этого дело?» Здесь, в сельской местности, нравы были другими, и каждый местный житель, по-видимому, считал своим исконным правом задавать любые вопросы незнакомцам, вторгшимся в их края. Уклонись сейчас Биррел от ответа, назавтра об этом будет говорить вся округа, а это ему совершенно ни к чему.

Добродушно улыбнувшись, он пояснил:

— Видите ли, моя фамилия тоже Биррел. Мой прадед был выходцем из этих мест. Я хотел взглянуть на наше старое родовое гнездо, только и всего. Простите, мистер, мне пора идти.

Биррел шагнул к двери, но из-за стола вышел коренастый мужчина и дружелюбно протянул ему руку.

— Выходит, вы наш земляк, мистер? Здорово! Рад с вами познакомиться. Меня зовут капитан Винсон.

— Командор Биррел. Очень приятно, однако мне пора...

— Куда спешить, приятель, ведь ночь только начинается! — прогудел Винсон и хлопнул гостя по плечу. — Присаживайтесь к нам, я угощу вас выпивкой. Не каждый день кто-то из них возвращается из дальних краев, верно, ребята? А ведь вы, Биррел, судя по вашей форме, прилетели с Лиры? Надо за это выпить как следует.

Биррел не мог отказаться от такого радушного приглашения. Он присел за столик Винсона, и пошло-поехало.

Винсон познакомил его со всеми завсегдатаями бара, и с каждым Биррелу пришлось выпить. Он услышал много приятных слов, и его сердце потеплело. Вскоре в бар пришли еще двое мужчин и тоже, естественно, захотели выпить за «отличного парня из Орвилла, который теперь

живет на Веге». Вслед за ними в зал вошел бородатый фермер, затем заявились двое пожилых рабочих с лесопилки...

Ему и раньше не раз приходилось видеть, как быстро земляне находят общий язык, встретившись где-нибудь на Бетельгейзе. Слово «земляк» было для них священным, и уже через пять минут совершенно незнакомые до этого люди вели себя словно закадычные друзья. На других планетах все было иначе. Биррелу никогда не нравилась эта подчеркнутая клановость землян, но сейчас он был растроган, что его приняли за своего. Больше ста лет прошло с тех пор, как его прадед оставил Солнечную систему, а к правнуку отнеслись, словно к давнему приятелю. Это к нему, Биррелу, который до вчерашнего дня никогда не видел Землю!

Пора было уходить. Кэрша в баре не оказалось, Лиллин ждала его, но каждый раз, когда он пытался подняться, в дверях появлялся очередной посетитель, и Винсон заплетающимся языком представлял: «Мистер Биррел, поглядите на этого олуха. Это Джим Ховик, он живет в полумиле на север от вашего старого гнезда и корчит из себя скотовода. Да он овцу от козы отличить не может! Эй, Джим, познакомься с нашим земляком с Веги!» «А этот долговязый старикан — сам Пит Парли, который помнит последних из Биррелов, живших в Орвилле». И так далее, в том же духе. Каким-то образом жители поселка прознали, что в баре сидит их земляк со звезд, и косяком валили поглазеть на такую достопримечательность. Не все эти люди были фермерами, а трое даже некогда совершали вояжи на ближайшие звезды по служебным делам, но Биррел был для них настоящей диковинкой.

Наконец он собрался с духом и, поблагодарив своих новых приятелей, побрел к двери. Ноги его заплетались, но настроение было отличное. У выхода он обернулся.

— Прошу прощения, друзья, мне надо ехать. Жена ждет, сами понимаете!

Нестройный хор голосов пожелал ему доброй ночи. Винсон напялил на голову шляпу и поспешил вслед за Биррелом.

— Если не возражаете, мистер, я поеду домой с вами. Это чуть не доезжая до вашей фермы.

Биррел не возражал, хотя мысленно послал назойливого фермера куда подальше. Через несколько минут они уже ехали по улицам ночного поселка, но он уже не спал, нет! Окна почти всех домов светились, из распахнутых форточек лились звуки музыки, люди сидели на лавочках и о чем-то оживленно беседовали. Увидев машину Биррела, они приветливо махали ей вслед.

Биррел помрачнел. Весь хмель выветрился из его головы при мысли о том, как славно он начал свою секретную миссию в Орвилле. Кэрша не нашел, зато теперь каждая собака в округе будет знать его имя!

Дом Винсона оказался четвертым по дороге. Выйдя из машины, фермер долго и прочувственно тряс Биррелу руку, глядя на него слезящимися глазами.

— Даже не верится, приятель, что вы прилетели с одной из этих далеких звезд! И только для того, чтобы взглянуть на нашу маленькую планетку...

— Галактика тоже не так велика, как кажется со стороны, — вежливо ответил Биррел.

Винсон кивнул.

— Это верно. Выходит, наша старушка Земля кое-что значит, раз на нее слетелось столько важных птиц вроде вас! Ну, пока, рад буду видеть вас у себя в гостях. Доброй ночи!

Когда Биррел поехал дальше, из-за темной стены небольшого леска поднялось серебристое сияние. Не сразу он понял, что это была местная луна.

Издалека она выглядела не очень приятной — уж слишком была пятнистой, но именно она вдохновила древних поэтов на создание нетленных шедевров, известных ныне всей Галактике. В школе Биррел учил много прекрасных стихотворений, посвященных крошечному спутнику Земли, и вот теперь впервые увидел луну — нет, Луну! — своими собственными глазами.

Теплый ветерок дул в лицо, и вскоре он почувствовал запах каких-то чудесных цветов. Быть может, это те самые

волшебные «розы», о которых ему приходилось столько читать? Или это аромат жасмина?

Биррел и сам удивился тому, как много знал о Земле, хотя в основном это были знания, вычитанные из книг. Ни на одной другой планете не росли розы, жасмин или сосны, но он знал о них и теперь увидел или вскоре еще увидит. Причем не возникало ощущения, что это что-то чужое; нет, ему казалось, что он просто вспоминает то, о чем по каким-то причинам забыл. И эта дорога, залитая серебристым светом, казалась ему также знакомой. А почему бы и нет — ведь когда-то по ней ходил его прадед!

Наконец впереди появился знакомый поворот. Машина, качнувшись, въехала на грунтовую дорогу. Вскоре из-за деревьев выглянул старый дом. Он был окутан тьмой, и только на веранде светились две лампы. Лиллин сидела в кресле, закрывшись теплым пледом. Биррел вздохнул с облегчением.

К его удивлению, жена не стала упрекать его за долгое отсутствие и, мягко говоря, не совсем трезвый вид. Казалось, она все поняла и без расспросов.

— Никто не приходил, — сказала она, ласково глядя на смущенного мужа. — Садись, ты же едва на ногах держишься

— Прости, милая, мои земляки оказались слишком гостеприимными людьми, — объяснил Биррел, осторожно опустившись в кресло. — Однако они и слыхом не слыхивали о Кэрше.

— Что же нам теперь делать?

Биррел пожал плечами.

— Остается только одно — ждать. Брешник как-нибудь справится с Пятой, а что касается моей официальной роли посланника Лиры, то я сыт ею по горло. Уж лучше мы отдохнем здесь.

Лиллин ничего не ответила и только потеплее закуталась в плед. Они сидели молча, глядя во тьму, и думали каждый о своем. Через некоторое время Биррел заметил, что над землей летят какие-то искры. Не сразу он понял, что это какие-то светящиеся насекомые.

— Что это? — спросила Лиллин. — Ты видишь, Джей?

— По-моему, светлячки, — не очень уверенно ответил он и внезапно подумал: «Откуда я знаю это слово? Не помню, чтобы я где-то раньше слышал его».

Он едва не вздрогнул, когда из темноты вновь вынырнул черный зверек и, пробежав по лестнице, внезапно прыгнул ему на колени.

— А это еще что?

Кот глядел на него круглыми зелеными глазами и мирно урчал.

— Он, должно быть, ручной, — заметила Лиллин, с улыбкой глядя на забавного зверька.

— Наверное, принадлежал последнему хозяину дома, — согласился Биррел и погладил коту спину. Тот наполовину закрыл глаза и замурлыкал. — Нравится, Том?

В ответ тот растянулся на его коленях и широко зевнул. Лиллин рассмеялась и сделала вид, что хочет щелкнуть его по носу.

С невероятной быстротой кот спрыгнул на пол, недовольно блеснул глазами и исчез среди травы на лужайке.

— Каков чертенок, а? — рассмеялся Биррел и только тогда увидел, как исказилось болью лицо жены.

— Лиллин, что случилось? Кот поцарапал тебя?

Она покачала головой, едва сдерживая слезы.

— Нет. Но он... он боится меня и ненавидит, — прошептала она. — Зверек почуял во мне чужую.

Биррел вздохнул с облегчением.

— Только и всего? Кот просто очень осторожен и, увидев, как незнакомая женщина тянется к нему рукой...

— Но он же не испугался тебя! — почти истерично воскликнула Лиллин, закрыв лицо руками. — Нет, он почувствовал, что я не такая, как остальные люди. Не такая!

Биррел ласково обнял жену за плечи, мысленно проклиная Тома. Надо было угостить его не ветчиной, а хорошим камешком...

Он взглянул вслед коту и насторожился. Кот был уже на небольшой полянке возле амбара, направляясь к растущим неподалеку кустарникам. Внезапно он остановился и, повернувшись, помчался прочь, словно чего-то испугавшись.

«А ведь Том отшатнулся от куста точно так же, как от Лиллин, — подумал Биррел. — Быть может, там, в тени, прячется еще один чужак?..»

Он прислушался, но никакого подозрительного шума не было. Его мускулы напряглись. Кэрш не мог ждать встречи с ним, сидя в кустах возле амбара. Если же там действительно кто-то скрывается, то это может быть только...

Биррел встал и, потянувшись, беззаботно сказал:

— Дорогая, ты просто устала. Пойдем в дом, нам пора ложиться спать. А я, пожалуй, еще пропущу рюмочку-другую на сон грядущий.

Они вошли в дом, и Биррел тщательно закрыл за собой дверь. От его благодушного вида не осталось и следа. Приложив палец к губам, командор бросился в спальню, таща за собой недоумевающую жену, и, открыв шкафы, сбросил на пол постельное белье.

— Оберни одеяла вокруг головы, быстро!

Лиллин была своенравной женщиной и не привыкла повиноваться без вопросов. Она открыла было рот, но Биррел решительно набросил на нее одеяло и, торопливо обматывая его вокруг головы, тихо сказал:

— Кто-то прячется во дворе. Они наверняка используют соник, чтобы захватить нас без шума. Надо хоть как-то закрыться. Возьми еще одеяло...

Он толкнул жену на пол и лихорадочно закутал свою голову сразу в два шерстяных одеяла. Затем тоже упал на пол и стал ждать.

Ничего не происходило. Биррел покрылся потом. Он подумал, что скажет ему жена, если ничего так и не случится. Том, не исключено, испугался какого-то другого животного; тогда ситуация сложилась нелепая и смехотворная.

И все же рисковать было нельзя.

Серия отрывистых, едва слышимых звуков заполнила комнату. Зазвенели стекла в окнах, загремела посуда в кухонном шкафу. Звуковой луч соника медленно двигался вдоль дома, подбираясь к спальне. Наконец он ударил по лежащим на полу людям. Лиллин издала болезненный крик и попыталась встать на ноги, но муж удержал ее

силой. Они оба почувствовали болезненное головокружение и сильную тошноту. В мозг каждого из них словно бы вонзились тысячи игл. Ультразвуковой луч соника действовал непосредственно на нервную систему человека и быстро приводил его в бессознательное состояние. Даже через многие слои плотной шерстяной ткани чувствовалось его парализующее действие.

Шок внезапно прошел. Биррел продолжал неподвижно лежать на полу, его рука удерживала Лиллин, не давая ей подняться. Жена корчилась от боли и всхлипывала, но он знал, что опасность еще не миновала. Он сам не раз использовал соник в критических ситуациях и отлично понимал, что последует дальше.

Через несколько минут последовал еще один удар, и дом вновь наполнился возмущенным звяканьем посуды. Лиллин обмякла под его рукой, а сам Биррел едва не заорал от боли. Затем ультразвуковой луч погас.

Издалека послышался лай собак. Конечно же, они были взбудоражены соником и теперь не скоро успокоятся. Но никто из живущих по соседству фермеров даже не подозревал, что на старой ферме Биррелов пришельцы со звезд сошлись в невидимой, смертельно опасной схватке.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

▼▼▼

После третьего, самого болезненного удара соника Биррел сел и стал стягивать с себя одеяла. Он весь дрожал, сердце заходилось от бешеных ударов, пересохший рот жадно ловил воздух.

Освободившись, Биррел помог сделать то же самое жене.

Лиллин выглядела ужасно, но сознания, к счастью, не потеряла. Биррел слабо улыбнулся, и она ответила ему тем же.

— Где шокер? — еле слышно спросил он.

— В холле на столе. Будь осторожен, милый.

Он кивнул и пополз в сторону холла. Шокер действи-

тельно лежал на массивном столе из резного дерева. Взяв его, Биррел спрятался в темном углу за шкафом и стал ждать.

Вскоре со стороны веранды послышались шаги. Кто-то уверенно поднимался по ступеням лестницы. Входная дверь со скрипом распахнулась, и незнакомец вошел в холл, держа в руке шокер.

Это был Таунцер. Он был одет по земной моде в короткую куртку и широкие брюки, заправленные в высокие кожаные башмаки. Вслед за ним появился незнакомый Биррелу немолодой мужчина, коренастый, седой, с грубо вылепленным лицом и маленькими настороженными глазками. На его плече висела пухлая сумка. В отличие от Таунцера незнакомец выглядел далеко не так уверенно и настороженно озирался по сторонам, словно ожидая засады.

Биррел не дал нежданным гостям времени привыкнуть ко мгле, царящей в холле. Он поднял шокер и нажал на спусковой крючок.

Таунцер каким-то звериным нюхом учуял опасность, хотя и смотрел в другую сторону. Он сделал отчаянный прыжок к двери, но Биррел тоже не был новичком и сумел срезать его первым же выстрелом.

Коренастый мужчина раскрыл рот от изумления и засунул руку в карман, однако вынуть оружие не успел — Биррел угостил его двумя парализующими выстрелами. Застонав, незнакомец рухнул на пол.

— Они... они умерли? — спросила Лиллин. Она появилась в проеме двери и с ужасом смотрела на неподвижные тела.

— Ты должна была остаться в спальне! — яростно воскликнул Биррел. — Я же приказал тебе не двигаться с места!

Лиллин нахмурилась. Она не привыкла, чтобы на нее кричали, и Биррел сдержал свой гнев.

— Мы не на границе сектора, — уже более спокойным тоном сказал он. — Ох, до чего бы я хотел, чтобы эта схватка произошла там, где можно особенно не церемониться с врагом! Увы, мы на Земле, и эти люди всего лишь без сознания.

— Кто они такие?

— Агенты Ориона. Тот, кто повыше, недавно ловко поймал меня в ловушку на одной из пограничных планет. Я тогда еле унес ноги, но этот тип пообещал со мной расквитаться. Как видишь, он не бросал слов на ветер. Жаль, что я ввязал тебя в это опасное дело.

— Какое дело? — спросила жена, пытливо глядя на него. — Ты же говорил, что мы прилетели сюда развлекаться на празднике.

— Вот мы и развлекаемся, — тихо ответил Биррел, сжимая ручку шокера. — Подожди здесь, я обойду дом на всякий случай.

Он вновь прошел все комнаты, но ничего подозрительного не обнаружил. На чердаке он нашел моток изолированной проволоки и, вернувшись в холл, связал руки сзади у обоих орионцев. Затем обыскал их карманы.

В кармане приземистого мужчины действительно оказался шокер. В объемистой сумке находился округлый прибор, напоминающий прожектор, со сложенным телескопическим треножником. Это был переносной вариант «детектора правды», который однажды Таунцер уже собирался использовать против командора.

Биррел протянул жене шокер.

— Следи за ними. Я скоро вернусь.

Выйдя во двор, он при свете карманного фонаря тщательно обыскал лужайку перед домом и в кустах около амбара обнаружил тяжелый соник, широкий раструб которого был наведен на дом.

Биррел постоял некоторое время, прислушиваясь, однако ничего не услышал, кроме монотонного стрекотания насекомых. Никого из людей видно не было. Очевидно, Таунцер и приземистый мужчина пришли вдвоем.

Но как они притащили тяжелый соник на своих плечах? Где-то неподалеку должен находиться флиттер или автомобиль. Странно, никакого шума ни он, ни Лиллин не слышали, значит, машина находится неблизко. В любом случае в такой темноте бесполезно рыскать по незнакомой местности.

Биррел вернулся в дом, мрачный и задумчивый.

— Они приходят в себя, — нервно сказала Лиллин.

Она сидела в кресле и раскачивалась взад-вперед на его дугообразных опорах, так что доски пола тихонько поскрипывали.

— Джей, я поняла, это кресло-качалка. Очень приятная вещь, у нас на Веге таких нет.

— А меня этот скрип только раздражает, — внезапно сказал Таунцер, открыв глаза.

Биррел понял, что агент давно пришел в себя, только не спешил это обнаружить, пока не изучил ситуацию.

— Что делать, Таунцер, видимо, ничего, кроме неприятностей, я принести вам не могу, — любезно сказал Биррел, усевшись на диване. — Давно пора это усвоить.

Таунцер с трудом сел, опираясь на связанные руки.

— Не могу понять, командор, как вы ухитрились уйти от удара соника, — глухо сказал он, спокойно глядя на Биррела.

— Меня предупредил один мой друг по имени Том, — пояснил Биррел, усмехаясь. Таунцер озадаченно взглянул на него, но промолчал. — А теперь, когда я удовлетво́рил ваше любопытство, Таунцер, мне тоже хочется кое-что узнать. Как вы меня выследили?

— Очень просто. Командир Пятой Лиры — заметная персона, даже в громадном Нью-Йорке. Мы следовали за вашей машиной до Орвилла, только и всего.

Биррел в сомнении покачал головой.

— Вряд ли вы говорите правду, Таунцер. Если бы дело обстояло так, вы давно уже напали бы на меня. И без труда могли бы захватить мою жену, которую я легкомысленно оставил на несколько часов одну. Нет, вы явно скрывались где-то неподалеку и пришли сюда к полуночи, рассчитывая, что я уже засну. Где-то рядом находится ваша база, но где? И как вы узнали про Орвилл?

Таунцер только усмехнулся в ответ.

Биррел задумался. Никто не знал о том, что эта старая ферма выбрана для его встречи с Кэршем, кроме Фердиаса и самого агента. Кэрш не пришел на свидание. Наверняка это агент пытался связаться с ним прошлой ночью, но что-то или кто-то ему помешал. И этот «кто-то» сидел

сейчас на полу в холле с довольно спокойным видом, как будто его руки и не были связаны, а шокер не был направлен в его голову.

Кэрш мертв, это ясно. Биррел почти не знал этого седого, молчаливого человека и тем более не был его другом. Да и вряд ли у секретного агента Фердиаса вообще были друзья — его профессия не располагала к откровениям. И все же жаль, что он нашел свою смерть здесь, за десятки парсеков от родного дома, от руки безжалостного убийцы.

Пальцы Биррела сами собой сжались на спусковом крючке шокера. Три выстрела подряд, и справедливость будет восстановлена. Око за око! Но он сдержался. Смерть Таунцера ничего ему не давала, кроме удовлетворения, а это было бы сейчас недопустимой роскошью. Таунцер должен много знать о планах Ориона, очень много...

Коренастый мужчина застонал, пошевелился и с явным трудом разлепил набрякшие веки. Он посмотрел на Биррела долгим, хищным взглядом, в котором читалась неприкрытая угроза. Этот человек был очень опасен, но сейчас фортуна от него отвернулась.

— Вы не имели права напасть на меня, — басисто сказал он и закашлялся. — Я... я гражданин Земли, а вы здесь чужак! Я буду жаловаться! Мой адвокат...

— Заткнись, Харпер, — процедил сквозь зубы Таунцер.

Землянин злобно взглянул на него, но промолчал.

Биррел внезапно спросил:

— Вы ведь поймали Кэрша прошлой ночью и убили его?

Таунцер и глазом не моргнул.

— Что, что мы сделали?

Но Харпер не умел так владеть собой, как орионец. На его лице на мгновение появилась жесткая улыбка, и Биррел заметил ее.

Сомнений не оставалось — Кэрш был мертв. Таунцер победил в очной схватке знаменитого агента Фердиаса. Наверняка он парализовал Кэрша соником, а затем с помощью «детектора» правды выудил все, что мог.

Впрочем, вряд ли ему удалось многое узнать. Кэрш

блестяще владел искусством самогипноза и, по словам Фердиаса, мог в любой ситуации быть немым, как могила. Увы, теперь он в буквальном смысле замолк навсегда.

Биррел понял, что попал в катастрофическое положение. Ситуация на Земле оказалась куда сложнее, чем он предполагал. Флот Ориона мог нагрянуть в любой момент, а Кэрш погиб. Кто объяснит ему теперь, как действовать? Закрытой связи с Фердиасом нет — до Веги было слишком далеко, а пользоваться обычными линиями связи, даже с помощью шифрограмм, крайне опасно. Земляне явно не доверяли ему, и обмен такими посланиями мог обострить и без того сложные их отношения.

Оставалось одно — действовать на свой страх и риск. Таунцер не случайно напал так нагло — видимо, ситуация резко обострилась, и скоро Земле станет не до пропавшего командора Пятой Лиры. Но на что рассчитывал агент?

— Как видите, мы поменялись ролями, — произнес наконец Биррел. — На Гинее вы хотели меня кое о чем расспросить, теперь настал мой черед проявить любопытство.

Таунцер нагло улыбнулся.

— У меня нет желания с вами болтать, Биррел, — сказал он, не обнаруживая и тени тревоги. — И вам из меня ничего не выжать.

— Посмотрим, — с угрозой сказал Биррел, поднимаясь с дивана. — Лиллин, ступай в соседнюю комнату, у нас с этим господином предстоит мужской разговор.

Жена с ужасом взглянула на него, будто видя в первый раз.

— И ты... ты способен на такое? — дрожащим голосом спросила она.

— Не беспокойтесь, миссис Биррел, ваш муж ничего нам не сделает, — с откровенной насмешкой сказал Таунцер. — Он хороший офицер и очень порядочный человек — такие пытать не умеют. Харпер ничего не знает, а я боли не боюсь. Так что сидите спокойно, все будет тихо и мирно.

— Напрасно вы так самоуверенны, Таунцер! — взорвался Биррел, пораженный безмятежностью агента. —

Я вас оставлю в покое только в одном случае — если вы расскажете мне, где находятся эскадры Ориона. И еще об одном — каковы планы Соллеремоса в отношении Земли?

Таунцер вздохнул.

— А вы злопамятны, Биррел, — с упреком сказал он. — Глядишь, сейчас вы начнете угрожать мне «детектором правды»... Только ничего у вас не выйдет, вы не умеете пользоваться этим прибором.

Биррел почувствовал, что почва уходит у него из-под ног. Таунцер был прав, кругом прав...

— Уговорили, я сначала потренируюсь на вашем помощнике, — после долгой паузы сказал он.

— И напрасно время потеряете. Харпер — обыкновенный грошовый наемник, каких полно на любой планете. Впрочем, можете использовать его в качестве боксерской груши, я не возражаю. Он парень крепкий, но и ваши мускулы вызывают уважение. Валяйте, Биррел, а мы с вашей супругой полюбуемся.

— Эй, Таунцер, что вы там болтаете? — побагровев, воскликнул Харпер. — Вам хорошо говорить, сидя в тихом уголке! Мистер Биррел, клянусь своей покойной мамашей, я действительно ничего не знаю. Миссис Биррел, урезоньте своего дражайшего супруга!

— Джей, неужели ты превратишься в дикаря? — со слезами на глазах воскликнула Лиллин. — Не смей бить этих людей!

Махнув в огорчении рукой, Биррел вновь уселся на диван, провожаемый насмешливым взглядом Таунцера. Почему этот человек так спокоен? Каковы его намерения? Может быть, он рассчитывал, что убийство командора деморализует Пятую и та не сможет отразить внезапную атаку эскадр Соллеремоса?

Поднявшись, Биррел пошел в соседнюю комнату и, достав из карман порто, связался с Брешником.

— Что-то надвигается, Род. От Фердиаса не было никаких сообщений?

— Нет, сэр. Должен ли я дать сигнал тревоги?

Биррел заколебался. Ему очень хотелось сказать «да».

Но если эскадра придет в боевую готовность, расчехлит орудия, откроет шахты с пусковыми установками ракет, то скрыть это от землян будет невозможно. Чартерис поймет это как доказательство того, что эскадра Лиры прибыла на Землю с недобрыми намерениями. Скандал будет грандиозным, а доказательств в его руках нет. Пока нет.

— Никакой «тревоги», — отрезал он. — Немедленно пошлите ко мне в Орвилл человека, умеющего работать с «детектором правды».

Тишина в порто показывала, как глубоко было изумление Брешника, но вице-командор мужественно удержался от расспросов.

— Наверное, среди техников найдется такой человек, — сказал он не очень уверенно. — Где находится этот Орвилл?

Биррел объяснил, как найти его дом, и закончил словами:

— Поддерживайте постоянную готовность эскадры к возможным боевым действиям, Род. Полностью полагаюсь на ваш опыт. Мне придется, по-видимому, еще некоторое время пробыть в Орвилле. Скажите Маллинсону, что мы с женой решили взять небольшой отпуск и наслаждаемся вовсю отдыхом на природе. Удачи, Брешник.

Он выключил порто, а затем вернулся в холл и сказал, обращаясь к жене:

— Милая, мне придется задержаться здесь еще некоторое время. Я бы хотел, чтобы ты возвратилась в Нью-Йорк.

— Нет! — гневно воскликнула Лиллин, перестав раскачиваться в кресле.

Биррел рассердился, однако на лице жены появилось хорошо знакомое ему выражение упрямства. Спорить сейчас было бесполезно.

— Хорошо, но ты создаешь для меня лишние проблемы, — хмуро сказал он. — Иди в спальню, я хочу поговорить с этими господами. Мирно поговорить.

Лиллин беспрекословно вышла из комнаты, довольная своей небольшой победой.

Таунцер сидел, привалившись к стене с прежним безмятежным выражением на лице, а вот Харпер выглядел растерянным.

— Держу пари, что вы только что вызвали техника, умеющего управлять «детектором правды», — заметил агент.

Биррел вздрогнул. Как Таунцер мог узнать?..

Впрочем, ничего странного в этом нет, агент Ориона сделал только логичное предположение и попал в точку. И все же ему стало не по себе от того, что, даже став пленником, Таунцер не потерял инициативы. Да, это был опытный, бывалый человек, с ним всегда надо держаться настороже.

— Спасибо, что вы напомнили мне о вашей хитрости, — угрюмо сказал он.

Улыбка на лице Таунцера чуть-чуть погасла — агент понял, что сделал глупость, без всякой необходимости насторожив противника. Биррел заметил это, и на его сердце немного полегчало.

Он взвалил Таунцера на плечо и понес в одну из спален, где стояли две незастеленные кровати со старомодными металлическими спинками. Без особых церемоний бросив на одну из них Таунцера, он тщательно привязал руки агента к каркасу кровати куском проволоки.

— Спасибо, командор, за заботу о моем комфорте... — начал было Таунцер и тут же тревожно замолчал.

Биррел молча привязал к кровати его ноги, а затем для надежности сделал несколько витков вокруг туловища. Таунцер оказался буквально прикованным к кровати.

— Надеюсь, вам так удобно, — угрожающим тоном сказал Биррел. — Если будет где-то жать, позовите, я охотно принесу вам кляп.

Ту же операцию Биррел проделал и с землянином. Харпер вырывался, как мог, но, получив пару увесистых оплеух, затих.

Впервые в глазах Таунцера промелькнул неприкрытый страх. Агент понял, что командор тоже может быть опасным человеком.

Затем Биррел вернулся в спальню к Лиллин.

— И как долго мы будем сидеть в этом доме? — недовольно спросила она.

— Возможно, еще несколько часов. Я попросил Брешника прислать ко мне человека, умеющего управляться с «детектором правды», но это не так просто сделать. Нам остается только набраться терпения и ждать.

Лиллин кивнула, хотя ее лицо оставалось хмурым.

— Пойди, милая, поспи, — сказал Биррел. — Если здесь тебе неуютно, поднимись на второй этаж, там тоже есть спальня.

Жена взяла с собой чистое белье с кровати и пошла к лестнице, даже не оглянувшись.

Биррел направился к пленникам. Харпер встретил его взглядом, полным ненависти; Таунцер, казалось, спал. Его спокойствие вызывало у Биррела неприятные предчувствия. Может быть, агент Соллеремоса рассчитывает на чью-то помощь?

До утра Биррел просидел в кресле, так и не сомкнув глаз. С первыми лучами солнца он сделал очередной обход по дому, заглядывая во все окна. Никого поблизости он не увидел. Несколько раз в небе проплывали флиттеры, а однажды со стороны дороги послышалось гудение автомобиля. И это было все.

Лиллин спустилась вниз часам к десяти утра. Вид у нее был усталым, под глазами лежали тени.

— Ты, наверное, совсем не спала, — сказал Биррел с упреком.

— Ничего, все хорошо, — бесцветным голосом произнесла жена и, не ответив на его поцелуй, пошла на кухню, чтобы приготовить завтрак.

Через час они вновь сидели на веранде. Черный кот словно бы поджидал их и немедленно выскочил с урчанием из травы.

— Пошел отсюда, маленький чертенок, — недовольно сказал Биррел.

— Нет, Том голоден, — запротестовала жена. — И потом, он спас нам жизнь. Ведь это он предупредил о засаде в кустах, разве не так?

Биррел кивнул и бросил на ступеньку остаток бутер-

брода. Лиллин оказалась более щедрой, угостив Тома жирным куском окорока. С довольным видом кот принялся за трапезу, но внезапно насторожился и смешно зашевелил ушами.

Чуть позже со стороны дороги послышался шум автомобиля. Кто-то ехал к старой ферме.

— Это техник? — спросила Лиллин, но Биррел в сомнении покачал головой.

— Нет, мои люди не могли приехать так быстро. Пойду посмотрю...

Засунув руку в карман, где лежал шокер, он неторопливо стал спускаться по лестнице, переступив через поглощенного едой кота.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

▼▼▼

Автомобиль остановился посреди лужайки, из него вышел незнакомый мужчина крепкого телосложения. Биррел снял шокер с предохранителя и медленно стал вынимать его из кармана. Но затем из машины не без труда выбралась полная женщина, и Биррел вздохнул с облегчением. Этот мужчина с грубо скроенным лицом и добродушным взглядом был ему знаком. Они пили вместе в баре вчера вечером. Как же его звали? Винто? Нет — Винсон. Фермер, живущий где-то по соседству.

— Кто это? — тихо спросила Лиллин, подойдя к мужу.

Биррел успокаивающе улыбнулся.

— Наши соседи фермеры. Иди, встреть их, а я скоро вернусь.

Он быстро поднялся по лестнице и побежал в комнату, где лежали пленники. Глаза Таунцера были открыты, и в них не было обычной насмешки. Харпер же вовсю продолжал храпеть.

Биррел вышел и тщательно запер дверь. Если проводить Винсонов в гостиную, то вряд ли они услышат крики пленников — если тем, конечно, вздумается позвать на помощь. Стены в этом доме сделаны на совесть и создавали

отличную звукоизоляцию. В крайнем случае можно будет объяснить, что его зовут подвыпившие друзья, и вместо вина угостить Таунцера и Харпера шокером. Но лучше обойтись без этого. После удара шокера пленники могли потерять сознание, и тогда никаким «детектором правды» их не возьмешь.

Когда он вышел на веранду, там уже стояли новые гости, дружелюбно беседуя с Лиллин.

— Немного рано для визита, командор, не правда ли? — басисто сказал Винсон, протянув руку. — Прошу прощения, мы сегодня днем уезжаем в город, а моя Эдит прямо-таки сгорает от любопытства. «Хочу увидеть этих Биррелов», — заявила она. Ну как ей откажешь? Надеюсь, вы не будете сердиться, Джей.

«Я не сержусь, — подумал Биррел, дружелюбно пожимая руки неожиданным гостям. — Я просто в ярости. Но что делать, сам виноват».

Лиллин, казалось, была смущена этим визитом и не знала, как держаться. Слишком свежими были малоприятные воспоминания о косых, неприязненных взглядах земных женщин, с которыми она встречалась в Нью-Йорке. Их любезность была слишком искусственной, и даже от улыбок жены Чартериса веяло холодом наигранности. Но миссис Винсон быстро завоевала сердце вегианки. Она смотрела на нее с таким искренним восхищением, что Лиллин невольно рассмеялась.

— Да вы настоящая красавица, миссис Биррел! — сказала толстушка, без тени зависти любуясь ее изящной фигурой. — Неужто вы на самом деле прилетели с мужем с Веги? Уму непостижимо. Я знаю нескольких жен астронавтов, но никто из них даже на Луне не бывал.

Биррел пригласил чету Винсонов в гостиную, Лиллин мигом накрыла на стол.

Винсон предложил тост: «За отличного парня Биррела, который теперь живет на звездах», — и атмосфера сразу же стала непринужденной. Следующий тост Винсона, посвященный Лиллин, был настолько замысловат, что вегианка расхохоталась, слегка покраснев.

У Биррела немного отлегло от сердца — кажется,

Лиллин начинали нравиться земляне. Сам же он не мог расслабиться ни на минуту, помня о двух «гостях», находящихся в другом конце дома.

А тут еще Винсон, покончив с комплиментами, оседлал своего любимого конька и стал разглагольствовать о фермерских проблемах. Выяснилось, что цены на трактора стали немыслимо высоки, а их автоматика ненадежна и то и дело выходит из строя. Погодный контроль вообще никуда не годится, а гербициды идут на пользу только сорнякам, от которых спасения нет.

За полчаса Биррел узнал о сельском хозяйстве больше, чем за всю жизнь, но это его нисколько не заинтересовало. Видимо, фермерские гены предков до него не дошли.

Он с тоской подумал: «Пока я сижу и слушаю болтовню этого славного малого, Орион и Лира могли уже вступить в войну...»

— Что вы сказали? — внезапно встрепенулся командор, краем уха уловив что-то важное в потоке слов, который обрушивал на него Винсон.

— Я говорил о том седом мистере, который месяц назад приезжал в этот дом. Он не больно-то хотел со мной разговаривать, да я все-таки подстерег его у дороги, загородив путь джипу своим трактором. Он сказал, что не собирается жить здесь и купил ферму для другого джентльмена. Я тогда ему не поверил — уж очень он нервничал. Выходит, он не соврал и купил дом для одного из славного рода Биррелов!

Биррел насторожился. Да, конечно, Кэрш мог сказать нечто подобное. Понятное дело, соседи решили теперь, что пришелец со звезд горит желанием заняться выращиванием кукурузы и разведением породистых свиноматок. Теперь их уже не разубедишь, да он и не собирался тратить на них свое время.

— Так вот что я хотел бы сказать о вашей ферме, — задушевно продолжил Винсон, положив тяжелую руку ему на плечо. — Поля в дрянном состоянии, там разве еще дубы не растут. Удобрений они лет десять не видели, хотя это дело поправимое. Техника у меня не новая, можно сказать, латаная-перелатаная, но с вашей целиной справит-

ся. Если хотите, я по весне пригоню сюда всю свою механическую орду, и мы с вами мигом приведем все в порядок. Перепашем землю, а потом...

— Весьма благодарен, мистер Винсон, вот только мы скоро улетаем на Вегу... — начал было Биррел, поймав насмешливый взгляд жены, но фермер не дал себя сбить.

— Конечно, конечно, вам же нужно перевезти сюда вещи, — сердечно сказал Винсон. — Я подожду. Ясное дело,что вы собираетесь поселиться здесь, иначе не стали бы покупать старую, запущенную ферму. Уверяю вас, это выгодное дельце! А теперь пойдемте, обойдем ваши владения и обмозгуем, как и что.

Биррел не знал, что и сказать. Губернатор Лиры, казалось, учел все в своих планах, но вот назойливого соседа-фермера в них не было. Конечно, если бы встреча с Кэршем состоялась, таких проблем не возникло бы. Таунцер разом смешал все карты.

Винсон неверно истолковал молчание командора и понимающе кивнул:

— Я не говорю,что этим надо заняться прямо сейчас. Тем более нам с женой пора ехать в город. Но, скажем, завтра я буду в вашем полном распоряжении. Пойдем, Эдит.

Фермер и его жена направились к двери. Биррел пошел их провожать, испытывая огромное облегчение.

— Мы будем рады, если вы с вашей очаровательной супругой приедете к нам как-нибудь отобедать перед отъездом, — сказал Винсон.

— О, да! — улыбнулась толстушка. — Вы теперь наши знаменитости, все будут рады познакомиться с вами поближе. Кое-кто уже поговаривает, что надо устроить праздник в вашу честь. Прощайте, милочка, я жду вас у себя дома. Найдется о чем поболтать, пока мужья будут заниматься своими фермерскими делами.

Когда машина уехала, Биррел вернулся в дом в полном замешательстве.

— Подумай только, они хотят чествовать нас на деревенской пирушке! Только этого сейчас не хватало.

Лиллин стояла у окна и задумчиво глядела на облака, медленно плывущие по голубому небу.

— А мне понравились эти милые, сердечные люди, — сказала она. — Жаль, что чуть раньше них нас навестили совсем другие гости. Я пойду наверх, немного отдохну.

Биррел кивнул и торопливо направился в другой конец дома. Таунцер спокойно лежал на кровати, глядя в потолок и о чем-то размышляя, а Харпер, тяжело сопя, все еще безуспешно пытался высвободиться.

— Что-то у вас расстроенный вид, командор, — приветливо улыбнулся агент Ориона. — Что, дела идут неважно? Это только цветочки, самое худшее для вас еще впереди.

Биррел сжал кулаки, едва сдерживаясь, чтобы не ударить по этому самодовольному лицу.

— Кто должен прийти, Таунцер, кого вы ожидаете?

— Не понимаю, о чем вы толкуете, командор: кто должен прийти сюда, когда? Харпер, ты кого-то звал в гости?

Улыбка Таунцера оставалась по-прежнему наглой, но в его глазах, казалось, пробежала тень тревоги. Это еще больше насторожило Биррела. Хлопнув дверью, он опять обошел все комнаты, а затем тщательно исследовал территорию вокруг дома. Никаких новых следов он не обнаружил. Было ясно, что Таунцер оставил свой автомобиль или флиттер где-то неподалеку, например в небольшом леске за полем, но стоит ли бродить по совершенно незнакомым местам, оставив жену наедине с бандитами? Да и Брешник мог скоро приехать... Что он копается так долго?

Настал жаркий полдень. На западе в небе появились кучевые облака. С соседнего поля доносился гул трактора. Черный кот выбрался из щели в стене амбара и улегся на ступеньках лестницы, словно хозяин.

Больше ничего не происходило.

Биррела изводило это бесконечное ожидание. Ему хотелось вызвать Брешника и узнать, в чем дело, но он не стал этого делать. Злоупотреблять открытой связью было нельзя, кто знает, может, люди Таунцера следят за домом и контролируют эфир.

Подул ветерок с севера, и небо быстро затянула серая пелена. Заметно похолодало, воздух стал влажным и насыщенным запахами зелени. Только грозы не хватало!

В непогоду здесь флиттеры не летают, значит, Брешник будет вынужден ехать в Орвилл на автомобиле. Это займет куда больше времени, да и нетрудно заплутаться в пригородной паутине дорог.

Словно подтверждая худшие ожидания, на горизонте вспыхнула молния. Через несколько секунд в долине прокатился глухой раскат грома.

Лиллин вышла на веранду, кутаясь в шаль.

— Это гроза идет, Джей? — встревоженно спросила она. — Или буря?

Биррел пожал плечами, глядя на кота. Том вел себя беспокойно. Выгнув спину, он яростно скребся когтями о ступеньку, а затем подскочил к двери и замяукал, глядя на своих новых хозяев.

— Смотри, Том встревожен, — проворчал Биррел. — Эй, пошел прочь!

Лиллин возмущенно взглянула на него и открыла дверь. Кот чинно вошел в дом, подняв хвост трубой и недовольно урча, — мол, слишком долго заставляли его ждать. За ним последовали и Биррелы — на веранде стало неуютно.

Ветер заметно усилился, раскачивая ветви деревьев. Внезапно дом сотрясся до самого фундамента от могучего удара грома. Зашумел дождь, барабаня по стеклам окон.

«Все, Брешник сегодня не приедет, — с раздражением подумал Биррел, но тут же ему показалось, что сквозь удары грома доносится знакомый стрекот. На всякий случай он вышел на веранду и увидел, как на лужайке садится флиттер. При следующей вспышке молнии он заметил, как из кабины выскочили двое людей и побежали к дому, закрывая головы от хлещущих струй дождя.

Биррел поднял шокер, готовый ко всему, однако вскоре вздохнул с облегчением.

На веранду поднялся Джо Гарстанг, а за ним последовал молодой офицер. На его груди сиял значок техника первого класса. Стряхнув с себя воду, они подошли к Биррелу.

— Всякие я видел бури в других мирах, командор, но такой что-то не припомню, — пожаловался Гарстанг, вы-

тирая платком мокрое лицо. — Нагрянула откуда ни возьмись, мы едва не сбились с пути.

— Капитан, почему вы оставили свой корабль? — негодующе прервал его Биррел. — Забыли мой приказ?

— Сэр, Брешник велел мне лететь в Орвилл. Он сказал, что вам необходима помощь. Познакомьтесь, это техник Рой Вахис. У него есть опыт работы с «детектором правды».

Молодой офицер вытянулся в струнку и отдал честь командору. Тот в ответ дружески протянул ему руку.

— Рад вас видеть, мистер Вахис. У меня есть для вас очень ответственная работа. Как дела в Пятой, Джо?

— Все нормально, корабли приведены в боевую готовность согласно вашему приказу, сэр. Но в космопорту творится что-то непонятное.

— Что вы имеете в виду? — насторожился Биррел.

— За последние сутки не прилетел ни один корабль, сэр. Зато крейсеры Объединенного флота один за одним покидают Землю. Брешник очень обеспокоен этим. Никаких официальных разъяснений ему получить не удалось, но он считает, что Совет принял решение эвакуировать флот в более безопасное место.

«Началось, — мрачно подумал Биррел. — Если Чартерис получил известие о приближении эскадр Ориона, то он должен поступить именно так. Тогда и Пятой нельзя ни одной лишней минуты оставаться в космопорту, где она практически беспомощна».

Гарстанг выжидающе смотрел на него, явно ожидая приказа готовить корабли к отлету.

Но Биррел не мог действовать вслепую, не мог! Фердиас обязан был предупредить Пятую о приближении флота Ориона, однако не сделал этого. Чартерис же явно не собирался делиться своей информацией. Необдуманный шаг со стороны Лиры мог привести к самым печальным последствиям. А если это всего лишь провокация? Нет, сначала надо как следует расспросить Таунцера: этот человек должен многое знать о планах Ориона.

Биррел пригласил офицеров в дом. Пока Лиллин го-

товила им кофе, он коротко рассказал об агенте Соллеремоса, а затем обратился к озадаченному Вахису:

— Пойдемте, я хочу побыстрее заняться этим человеком. Вначале взгляните на прибор. Надеюсь, он в порядке.

Они вошли в гостиную, где около окна стоял на треножнике «детектор правды». Кот тоже был здесь — забрался на кресло в дальнем углу и настороженно шевелил ушами, поглядывая на людей.

Вахис внимательно осмотрел прибор и затем сказал:

— Кажется, все в норме.

— Сколько времени вам потребуется, чтобы привести его в действие? — спросил Биррел.

— Пятнадцати минут хватит, — не очень уверенно ответил Вахис.

— Даю десять, — сурово сказал Биррел. — Нет, даже пять. И минуту, чтобы выпить чашку кофе.

Лиллин молча поставила на стол дымящиеся чашки, тарелки с бутербродами и поднялась наверх. Ей не хотелось присутствовать при допросе Таунцера.

Не успел Гарстанг покончить с первыми бутербродами, как со стороны веранды послышался протяжный звонок.

— Вы кого-то ожидаете еще, командор? — с удивлением спросил Гарстанг, наслаждаясь горячим кофе.

— Нет... О, боже, да это же мой сосед по ферме, Винсон! — простонал Биррел, вскакивая с кресла. — В жизни не встречал более настырного человека. Пойду спроважу его.

Проклиная все на свете, он зашагал к двери. Но его ожидал сюрприз. Перед ним стоял Маллинсон, стряхивая воду с мокрого плаща.

Не обращая внимания на растерянного Биррела, дипломат уверенно вошел в дом и застал двух офицеров Пятой, изучающих «детектор правды».

— Я вижу, вы свили в этом старом доме хорошенькое шпионское гнездышко, — сказал Маллинсон, оглядывая комнату. — Очень мило с вашей стороны, командор. Миссис Биррел, наверное, сейчас сидит у передатчика и готовит шифровку для Фердиаса?

Оправдываться было бесполезно. Биррел нащупал в кармане шокер, но дипломат сказал, не оборачиваясь:

— Не делайте резких движений, командор. Дом оцеплен солдатами. Боюсь, они намокли под дождем. Может быть, пригласим их войти?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

▼▼▼

Биррел медленно вынул руку из кармана. Он понял, что завяз в болоте по пояс, и силой здесь ничего не добьешься. Да и в чем он виноват, черт побери!

Командор начал было рассказывать о ночном нападении агентов Соллеремоса, но Маллинсон, казалось, его не слушал. Он обошел гостиную, с интересом разглядывая архаичную мебель.

— Старый родовой дом в Орвилле, — сказал он наконец. — Как естественно, что вам, командор, захотелось увидеть его! Сентиментальность — это замечательное свойство, Биррел, но я уже вам как-то говорил: лучше бы вы, жители других звезд, испытывали чуть больше уважения к Объединенным Мирам. Я с самого начала не верил вам ни на грош. Когда ваши офицеры направились в Орвилл, я последовал за ними. Нисколько не сомневаюсь, что вы прилетели на Землю, чтобы нанести ей предательский удар в спину.

— Никто из нас не собирается этого делать! — гневно возразил Биррел. — По крайней мере, никто из граждан сектора Лиры.

— Ах, да, я забыл, что Лира, как всегда, совершенно невинна, — с иронией сказал Маллинсон. Сняв плащ, он уселся в кресло, закинув ногу на ногу. — Это коварный Орион намеревается вторгнуться на Землю, а вы, естественно, хотите нас защитить. Именно поэтому вы и прислали на мирное празднование эскадру крейсеров, не так ли?

Биррел сдержал свой гнев. Лишние эмоции могли сейчас только навредить.

— Это не мои домыслы, — сказал он. — Мне удалось

захватить Таунцера, одного из самых опытных и искусных агентов Соллеремоса. Я как раз собирался с помощью моих офицеров допросить его. Уверяю вас, Маллинсон, как только я получил бы необходимые доказательства, то немедленно известил бы вас.

— Доказательства чего?

— Истинных планов Соллеремоса. Таунцер должен многое знать.

— Мы сами допросим его в департаменте безопасности, — после некоторого раздумья сказал Маллинсон. — Но сначала разберемся с Пятой Лиры.

Холодок пробежал по спине Биррела.

— Что вы имеете в виду? — глухо спросил он.

— Разоружим вашу эскадру и арестуем экипажи крейсеров, — хладнокровно сказал Маллинсон. — Мы узнали, что вы недавно отдали приказ привести корабли в боевую готовность. Теперь у нас нет ни малейших сомнений насчет ваших действительных намерений. Взлетное поле уже окружено танками и тяжелыми орудиями. Скоро Брешник получит приказ: всем астронавтам выйти с поднятыми руками и сдаться властям Земли. Если они не подчинятся, то Пятая Лиры будет уничтожена.

— Пустая болтовня, — процедил Биррел, багровея от гнева. — Вы не рискнете пойти на этот безумный шаг. Война между Лирой и Объединенными Мирами станет тогда неизбежной.

— И вы еще имеете наглость рассуждать об этом? — вскричал Маллинсон, с ненавистью глядя на командора. — Вы, приславшие на Землю вместо мирной делегации боевые звездолеты!

— Черт бы вас побрал, Маллинсон, о чем вы говорите? Неужели вы не поняли, что замыслил Орион? Его агенты успешно поработали на Земле, распуская самые грязные слухи, и вы на них клюнули! Фердиас хотел, чтобы Пятая стала гарантом безопасности Земли, а вы вместо того, чтобы сотрудничать с нами, разрушаете свой единственный надежный щит на радость Соллеремосу! И тогда...

Он не смог продолжать — перед его глазами вспыхнула кошмарная картина: космодром, охваченный пламенем,

обрушившимся с неба. Горящие, как свечки, крейсеры, размолотые в пыль транспорты с женщинами и детьми. И все из-за этого кретина Маллинсона!

Молодой дипломат, казалось, был несколько смущен его словами, но не более.

— У нас нет никаких доказательств того, что вы говорите правду, — упрямо сказал он. — Совет не имеет права рисковать Землей. Пятая Лиры должна быть разоружена, а там будет видно. В конце концов, у нас есть Объединенный флот. Он вышел сейчас на боевое дежурство и в случае угрозы...

— Будет размолот в пыль первым же залпом с эскадр Ориона, — продолжал Биррел, недобро сощурившись. — Бросьте нести чепуху, Маллинсон! Если вы истинный патриот Земли, то не лишите ее последней защиты. Подумайте: если бы мы хотели захватить вашу планету, то давно бы уже сделали это.

На лице Маллинсона появилась озабоченность, но отступать он не желал.

— Мы не остановимся ни перед чем, чтобы отстоять Землю, — хрипло сказал дипломат. — Уверен, что в случае нападения Ориона другие сектора окажут нам поддержку. Однако сначала мы должны обезопасить себя от удара в спину.

Он вскочил на ноги и пошел к двери.

— Повторяю, командор, вы и ваши люди арестованы. Не заставляйте нас применять насилие. А с агентом Ориона мы побеседуем в Нью-Йорке, так же, как и с вами.

Биррел бросился вслед и едва успел схватить его за руку:

— Послушайте, Маллинсон! Забудьте хоть на минуту о своих предубеждениях. Ну поймите же: если то, что я рассказал — правда, то вы, поехав с пленниками в Нью-Йорк, потеряете драгоценное время. Через несколько часов может быть слишком поздно чем-то помочь Земле!

Дипломат остановился на пороге, озадаченный этими словами.

— И что же вы предлагаете, командор?

— Надо немедленно допросить Таунцера. У нас есть

«детектор правды» и человек, который может его использовать. Неужели вы не захотите узнать прямо сейчас о планах Соллеремоса?

Маллинсон нахмурился, впервые на его лице появилось выражение нерешительности.

— Дьявол, что вы теряете? — воскликнул Биррел.

После долгой паузы Маллинсон неохотно кивнул головой.

— Хорошо, я, пожалуй, готов допросить здесь людей, которых вы называете агентами Соллеремоса. Но «детектором правды» будет оперировать мой человек.

Он открыл входную дверь и громко позвал кого-то. Гроза уже ушла на восток, еле слышно перекатываясь вдали, но облака все еще затягивали небо. Шел моросящий дождь.

На веранду поднялся крепкого телосложения мужчина в мокром плаще. Выслушав указания Маллинсона, он молча направился к двум автомобилям, стоявшим под деревьями невдалеке от амбара.

Маллинсон вернулся в гостиную.

— Покажите мне их, — процедил дипломат, не глядя на Биррела.

Таунцер встретил посетителей настороженным взглядом. Он мигом оценил ситуацию и не преминул ею воспользоваться:

— Слава Богу, здесь наконец-то появился нормальный человек! Я видел вашу фотографию в газете. Вы — мистер Маллинсон, секретарь Совета ОМ. Помогите, прошу вас! Этот командор с Лиры, должно быть, совсем спятил: напал на нас с другом, когда мы мирно прогуливались по окрестностям, сказал...

Дипломат прервал его:

— Мистер Биррел утверждает, что вы оба — агенты Ориона.

— Что мы шпионы? — На лице Таунцера появилось глубокое изумление. — В жизни не слышал такой чуши. Можете проверить мои документы, я простой турист...

Харнер не дал договорить.

— Вы не имеете права так поступать со мной! Я — зем-

лянин, гражданин Объединенных Миров. Маллинсон, вы обязаны защитить меня от произвола этого безумного пришельца!

Биррел помрачнел. Ему показалось, что под таким напором Маллинсон может дрогнуть. Однако молодой дипломат оказался весьма твердым человеком.

— Посмотрим, — хладнокровно ответил он, усаживаясь на стул. — Если вы оба невиновны, то немедленно будете отпущены на свободу. Но сначала я хотел бы убедиться в этом.

В комнату вошел невысокий землянин, неся в руках «детектор правды», и молча стал устанавливать его возле кроватей с пленниками.

— Сначала этого, — кивнул Маллинсон в сторону Таунцера.

— Я протестую! — завопил орионец, впервые теряя самообладание. — Этот прибор нельзя применять вопреки желанию испытуемого! Такое насилие над правами человека запрещено всеми кодексами законов в Галактике!

— Многое в Галактике делается в обход всех законов, — сухо ответил Маллинсон. — Давай, Кейн.

Землянин направил раструб «детектора правды» на голову побледневшего агента и включил прибор. В комнате разлилось тихое жужжание.

Таунцер был крепко привязан к кровати, но головой двигать мог. Он так закрутил шеей, что менее опытный оператор растерялся бы. Однако Кейн даже глазом не моргнул. Легкими касаниями рук он заставил раструб прибора следовать за движениями Таунцера.

Лицо орионца болезненно исказилось, глаза помутнели, из полуоткрытого рта раздался хрип. Вскоре Таунцер замер, глядя застывшим взглядом на «детектор правды», как кролик смотрит на змею.

— Сэр, испытуемый находится под контролем, — доложил Кейн.

— Таунцер, вы слышите меня? — спросил Маллинсон, не скрывая своего волнения.

— Да, — едва шевеля губами, ответил агент без всякого выражения.

— Планирует ли Соллеремос захватить Землю и включить в свой сектор?

Таунцер не ответил. Видимо, он так же, как и покойный Кэрш, владел методами самогипноза и заблокировал часть своего мозга, которая содержала наиболее важную информацию. Но Маллинсон был настойчив, а Кейн оказался мастером своего дела. Искусно оперируя ручками управления прибора, он постепенно увеличивал мощность сигнала, не допуская в то же время перегрузок мозга испытуемого, которые смогли привести к коллапсу.

Биррел, затаив дыхание, наблюдал за этой беззвучной борьбой. Он знал, как тяжело пробить гипнобарьер, тем более такого великолепного агента, как Таунцер. Но землянам это удалось после почти получаса упорных попыток.

— Да, — наконец еле слышно ответил агент Ориона. — Да.

— Когда было принято это решение?

— Больше года назад.

— Флот Ориона сейчас движется к Земле?

— Да.

— Почему именно теперь?

— Соллеремос опасается, что если он не сделает этого, то губернатор Лиры сделает это первым, — бесстрастно ответил Таунцер.

Настала долгая пауза. Маллинсон повернулся и в упор посмотрел на Биррела покрасневшими от ярости глазами. Командор Пятой в ответ на это возмущенно воскликнул:

— Таунцер лжет! Вы не знаете, насколько опасен этот человек. Он мог даже специально спровоцировать эту ситуацию, чтобы выложить вам этот коварный ответ. Я слышал, что методами гипноза можно защититься даже от «детектора правды» и вложить в голову человека ложную информацию, которая...

— Чушь, — не выдержав, — прервал его Кейн и поморщился. — Давно доказано, что ошибка таких исследований составляет не больше одной сотой процента.

Маллинсон смерил Биррела презрительным взглядом и продолжил допрос:

— Как собирается действовать Соллеремос в ближайшее время?

— Губернатор намерен завладеть Землей прямой атакой своих космических сил. Флот ОМ в расчет не принимается. Пятая Лиры не сможет эффективно действовать в отсутствие своего командира.

— Отсутствие командира... — задумчиво повторил Маллинсон. — Вот почему вы оказались здесь?

— Да.

Маллинсон слегка наклонился вперед, задавая следующий вопрос:

— Каков план атаки Ориона? С какого направления нам следует ожидать нападения?

— Не знаю.

Биррел воскликнул:

— Он лжет! Я говорил, контроль над ним неполный. Таунцер должен знать...

Кейн упрямо возразил:

— Мистер, я умею управляться с этим прибором. Испытуемый находится под полным контролем.

— Но... — начал было Биррел.

Маллинсон отмахнулся от него.

— Позвольте мне, командор, самому вести допрос. Уж будьте так любезны.

Он вновь обратился к Таунцеру:

— Вы были посланы на Землю с разведывательными целями и говорите, что не знаете ничего о плане атаки на нее. Как такое могло случиться?

— Соллеремос посчитал, что я должен знать об этом как можно меньше. Есть риск, что меня могут захватить службы безопасности Земли, хотя я считаю это невозможным. Земляне слишком доверчивы и тупоголовы.

Биррел хохотнул, глядя на побледневшего от гнева дипломата.

— Чему веселитесь, командор? — процедил тот сквозь зубы.

— Веселюсь? Нет, я просто подумал, что Таунцер на самом деле умный человек. Бесполезно его допрашивать о чисто военных вопросах, это не его дело. Но он собирался

убить меня и оставить тем самым Пятую без командира. Как ему передать сведения об этом на флот Ориона? Спросите его.

Маллинсон, поразмыслив, повторил вопрос Биррела.

— У меня нет прямой связи с командованием флота, — по-прежнему бесцветным голосом ответил Таунцер. — Но скоро за мной должен прилететь скаут — тот, что привез меня на Землю. Когда мы выйдем за пределы Солнечной системы, я...

— Скаут? Не может быть! — перебил его Маллинсон. — Как он мог скрыться от радара околоземных станций наблюдения?

— Очень просто. Скаут прячется за астероидом Гермес. Это... Это... — Таунцер запнулся и, сильно побледнев, замолк.

— Сэр, я не могу гарантировать ответы испытуемого, если вы будете прерывать его на полуслове! — запротестовал Кейн.

— Извините, Рой, — поморщившись, ответил дипломат. Подождав минуту, он продолжил допрос: — Ну, как вы собирались выйти на связь с флотом Ориона?

Таунцер повторил свои недавние слова, а затем продолжил:

— Когда мы выйдем за пределы Солнечной системы, я присоединюсь к оперативной группе.

«Так вот чего ожидал Таунцер», — подумал Биррел. Он не выдержал и сам задал следующий вопрос:

— Как скаут сможет найти это место?

— Он будет следовать за сопроводительным лучом. На моем флиттере есть радиомаяк. Я... я был... я включил его ночью...

— Где находится флиттер? — насторожился Маллинсон.

— Он... он... под деревьями... рядом с поляной... мы едва затащили его... его туда...

Монотонный голос Таунцера стала затихать. На его лице разлилась смертельная бледность.

— Таунцер, почему вы молчите?

— Сэр, испытуемый потерял сознание, — хмуро сказал Кейн, отключая прибор. — Он устал, и к тому же вы

сами испортили дело, прервав его ответ на полуслове. Теперь его можно будет повторно допрашивать не раньше чем через несколько часов.

— Ничего, мы узнали вполне достаточно, — ответил Биррел, не дав дипломату и рта раскрыть. — Таунцер ничего больше нам не расскажет об эскадрах Ориона, но офицеры скаута наверняка знают о местонахождении флота. Если мы сумеем их захватить, то «детектор правды» выжмет из них все.

— «Мы»? — недовольно сказал Маллинсон. — Вот это славно! Забудьте это «мы». Вам не удастся сбить Совет с толку, переключив наше внимание на Орион. Пятая Лиры будет разоружена, а при сопротивлении — уничтожена. Ясно?

Ярость охватила Биррела.

— Вы... вы чертов глупец... — прошипел он, сжимая кулаки. — Ваша проклятая тупоголовость может стоить войны...

Гарстанг едва успел схватить его за руку, укоризненно глядя на командора. Биррел опомнился.

— Прошу прощения, — хрипло сказал он, весь дрожа от возбуждения. — Пожалуйста, послушайте меня еще минуту. Если я сумею вам доказать, что все наши действия были направлены только на защиту Земли, вы позволите нам уйти?

— Мы только напрасно теряем время, — отрезал Маллинсон. — Слова — это только слова.

Тогда Биррел выложил свой козырной туз:

— А если я соглашусь на испытание «детектором правды», то вы поверите мне?

Маллинсон удивленно взглянул на него.

— Вы добровольно соглашаетесь на это?

— Я не знаю, как вас убедить в своей правоте, — с горечью в голосе ответил Биррел.

Дипломат задумался, с сомнением глядя на него.

— Хорошо, — согласился он после некоторого колебания. — Садитесь в кресло. Кейн, займись командором.

Биррел сел в кресло, словно на бочку с порохом.

При мысли о том, что скоро совершенно чужие люди

начнут беззастенчиво шарить в его мозге, по его коже пробежали мурашки. Это был рискованный шаг. Он знал много секретов Лиры. Вдруг Маллинсон захочет воспользоваться случаем, чтобы выудить из него военные тайны? К тому же за те часы, когда он будет выключен из жизни, может произойти многое. Но что оставалось делать? Биррел мысленно проклял Маллинсона и всех остальных членов Совета.

Невидимый луч «детектора правды» обрушился на него. Как будто сильный ураган ворвался в мозг и унес все мысли и сомнения. Он видел окружающее словно через красный туман, но почти ничего не сознавал. Кажется, в комнате появилась Лиллин и бросилась, крича, на Маллинсона, но Гарстанг удержал ее. Больше ничего он не помнил. Ветер, один только ветер...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

▼▼▼

В этом мире не было ни мыслей, ни ощущений, ни тревог. Полное ничто, и только тоненькая ниточка сознания еще связывала его с реальной жизнью. Время остановилось, пространство сжалось в крошечную точку.

Почему ничего не происходит? Пусть придет что-то в это небытие, пусть даже боль...

И боль пришла, затопив мозг. Чувства стали пробуждаться, откуда-то донесся тихий стон. Это был его стон! Значит, он вновь жив, жив, жив!

— Джей, ты меня слышишь? — кто-то сказал, обращаясь к нему.

Голос был знаком... Память постепенно вернулась к Биррелу. Он с усилием приоткрыл глаза и пробормотал:

— Слышу... О, моя бедная голова...

Он лежал на диване в гостиной. За окном сгустились сумерки. Лиллин стояла рядом. Ее лицо было искажено гримасой отчаяния. Биррел никогда не видел жену такой заплаканной. Кто-то наклонился к нему и осторожно потряс за плечи. Это был Гарстанг.

Кейн суетился вокруг прибора, с виноватым видом поглядывая на Биррела.

— Сэр, я говорил, чтобы мистер Гарстанг оставил вас в покое еще хотя бы на час. Быстрое пробуждение грозит сильной головной болью, и вы...

— Вставайте, Джей, нам надо уносить отсюда ноги, — прервал его Гарстанг.

Биррел с ненавистью посмотрел на капитана — ему так хотелось продолжать лежать, не шевеля даже пальцем. Малейшее движение приносило сильную боль, разве Джо не понимает этого?

Затем до него дошло — Кейн предлагал ему валяться на диване еще целый час. Час! Нет, он не имеет права лежать так долго, словно бесчувственное бревно.

Напрягшись, Биррел попытался встать. Гарстанг помог ему. Не выдержав мучений мужа, Лиллин выбежала из комнаты, громко всхлипывая. Вслед за ней ушел мрачный Кейн, явно недовольный тем, что ему пришлось делать.

Маллинсон расхаживал вдоль комнаты, закусив губу и о чем-то размышляя.

Биррел вопросительно посмотрел на него.

— Ну что, вы пошарили в моем мозге?

— Да.

— Тогда вы убедились в правоте моих слов. Мы не собираемся захватить Землю, наша цель — спасти ее от эскадр Ориона.

Маллинсон кивнул.

— Да, сейчас вы действуете именно так.

— Сейчас? Что вы имеете в виду?

— То, что Фердиас может отдать вам совсем другие приказы, когда ему окончательно станут ясны намерения Ориона. Я доверяю ему ничуть не больше, чем Соллеремосу.

— Господи, до чего же вы упрямы! — простонал Биррел. — И на основании подобных догадок вы собираетесь разоружить мою эскадру? После всего того, что вы от меня услышали?

Маллинсон поджал губы.

— Да, вы говорили, что собирались отразить атаку Ориона, если тот осмелится напасть на Землю, — неохотно признал дипломат. — Это самое приятное, что я до сих пор слышал от вас. Но это не решает всех наших проблем.

— У вас совсем не останется проблем после того, как ваш флот встретится лицом к лицу с эскадрами Ориона, — заверил его Биррел. — И вы отлично это знаете.

Лицо Маллинсона вытянулось. После долгой паузы он глухо сказал:

— У меня нет полномочий принимать такие решения. Надо посоветоваться с Чартерисом после возвращения в Нью-Йорк.

Биррел вздрогнул.

— О каком Нью-Йорке вы говорите? — возмутился он. — Мы должны остаться здесь! Разве вы забыли, что скаут орионцев может прилететь в любой момент, чтобы забрать Таунцера?

Маллинсон добродушно усмехнулся.

— Я сам позабочусь об этом, Биррел. По возвращении в город я свяжусь с адмиралом Ланеем. Он вышлет навстречу скауту один... нет, даже два крейсера и перехватит его на подходе к Земле.

До сей поры молчавший Гарстанг не выдержал и громко выругался.

— Вы позаботились о них, Маллинсон, — закончил он, с ненавистью глядя на дипломата. — Не сомневаюсь в этом, ведь вы уже показали, как умеете поступать с гостями Земли.

— Чего вы оба хотите от меня? — ощетинился Маллинсон. — Наши корабли перехватят скаут, возьмут в плен его экипаж, и тогда мы допросим...

Биррел прервал его, стараясь на этот раз говорить спокойным тоном:

— Маллинсон, вы, бесспорно, знаете о хитростях дипломатии куда больше, чем все парни моей эскадры вместе взятые. Но в астронавтике вы ничего не смыслите, иначе не родили бы такой шикарный план.

— Чем же он плох?

— А тем, что в космосе невозможно незаметно подо-

браться к противнику. Сила здесь мало что значит. Радары скаута обнаружат два ваших крейсера еще легче, чем один, и за тысячи миль до встречи орионцы будут знать, что за ними охотятся.

— И что же они будут делать?

— Бороться всеми возможными средствами. Если капитан скаута на самом деле знает что-то о плане Соллеремоса, то он ни за что не сдастся в плен. Если скаут не разобьют пушки крейсеров, то капитан взорвет его сам.

Маллинсон задумался. На его лице отразилась борьба. Молодой дипломат был крайне упрям и самолюбив, но логика Биррела его явно смутила. Наконец он сказал, не поднимая глаз:

— Что ж, вам лучше известна психология астронавтов, командор. Положим, я ошибся. Что вы предлагаете?

— Подождать, когда скаут приблизится к Земле. За это время мы найдем флиттер Таунцера — он спрятан где-то неподалеку. Мы с Гарстангом перестроим его сопроводительный луч так, чтобы скаут сел в окрестностях Орвилла. Тогда мы сможем захватить орионцев без особых хлопот. С вами приехало много людей?

— Шестеро, — ответил Маллинсон. — Я могу вызвать больше, но время сейчас позднее...

Биррел взглянул в окно — сумерки уже перешли в темноту.

— Боюсь, действительно поздно, — согласился он. — Ладно, десять человек против пятнадцати или шестнадцати — тоже не так плохо. Главное для нас — действовать слаженно и неожиданно для противника.

— Пойду поговорю со своими людьми, — хмуро сказал Маллинсон и, поднявшись, вышел из комнаты. За ним последовал Кейн.

— Командор, можете сами встать? — заботливо спросил Гарстанг.

— Попробую, — пробормотал Биррел. — О-о черт, как же все болит!

Услышав стоны мужа, Лиллин ворвалась в комнату, не скрывая слез отчаяния. Вместе с Гарстангом она помогла Биррелу встать на ноги, поддерживая его под руку.

Поначалу он не мог и шагу ступить самостоятельно, но, сделав несколько кругов вдоль стен комнаты, почувствовал, как силы постепенно возвращаются к нему.

— Пойдем на веранду, — хрипло сказал он. — Мне нужен свежий воздух.

Было уже совсем темно. Сильный западный ветер изрядно растрепал пелену облаков, сквозь разрывы которых проглядывали дрожащие звезды.

Биррел постоял некоторое время на пороге, жадно вдыхая влажный прохладный воздух. Среди звезд он заметил голубую искорку Веги. Что бы подумал сейчас Фердиас, если бы узнал, какая каша здесь заварилась.

Внизу, на лужайке, о чем-то оживленно разговаривали Маллинсон и его люди. Через минуту дипломат бодро поднялся по лестнице.

— Мы готовы начать поиски флиттера, — сказал он. — Биррел, у вас есть еще шокеры или какое-нибудь другое оружие? Жаль... Миссис Биррел, а вам бы стоило уехать отсюда в более спокойное место.

Биррел в сомнении посмотрел в сторону полей, за которыми едва можно было разглядеть темную стену леса.

— Постойте, Маллинсон, не стоит пороть горячку, — сказал он. — Я уже достаточно побродил по окрестностям, знаю — ночью мы здесь ни черта не найдем. Все, что мы выудили из Таунцера — это то, что флиттер спрятан где-то рядом с лесной поляной под деревьями. Я понятия не имею, где в местном лесу находятся поляны. Нам нужен проводник. Таунцер нам в этом деле не помощник, но с Харпером вполне можно договориться.

— Ничего не получится, — погрустнел Маллинсон. — Пока вы лежали без сознания, я отослал этих двух агентов в Нью-Йорк. Откуда я знал,что вы сумеете уговорить меня остаться?

Биррел хотел было выругаться всласть и сказать, что он думает о молодом дипломате, но сдержался.

— Все равно без проводника нам не обойтись. Недалеко отсюда находится ферма моего знакомого по имени Винсон. Он должен отлично знать окрестности.

Опираясь на руку жены, командор спустился по лестнице и пошел к машине.

— Лиллин, ты поедешь с нами, — строго сказал он. — Останешься в доме Винсонов, пока опасность не пройдет.

Всего лишь несколько раз за их совместную жизнь он говорил с ней в подобном тоне, и никогда это ему не сходило с рук. Лиллин гневно взглянула на него, открыла было рот... но смолчала. Биррел вздохнул с облегчением. Он был рад, что супруга не закатила ему сцену. Впрочем, Лиллин могла сделать это позднее, при более удобном случае.

Маллинсон, рискуя, быстро вел машину по темной поселковой дороге. По обеим сторонам над волнистой линией деревьев сияли звезды. От облаков уже не осталось и следа. Погода на Земле была непредсказуемой, но ситуация в политических джунглях менялась еще быстрее.

«Что нас ждет этой ночью, — с тревогой подумал Биррел. — Попадется ли скаут в ловушку или сумеет уйти?»

— Поворачивай налево, — сказал он, увидев чуть в стороне от дороги большой каменный дом.

Его окна были темными, но когда машина, скрипя тормозами, остановилась возле веранды, дверь распахнулась. Кутаясь в плащ, Винсон спустился по лестнице, с удивлением глядя на нежданных гостей.

— Ба, да это командор Биррел! — воскликнул он, увидев среди вышедших из машины знакомое лицо. — И вы, миссис, тоже приехали? Прекрасно! Заходите, друзья, будем очень рады...

Биррел крепко пожал руку гостеприимному фермеру.

— Простите за неожиданное вторжение, сосед, но у нас появились кое-какие проблемы. Вы не будете возражать, если Лиллин останется на ночь в вашем доме?

— Моя Эдит будет только рада, — удивленно сказал Винсон.

— Прекрасно. А к вам, Винсон, у меня не очень обычная просьба...

Из дома вышла хозяйка дома, держа в руке фонарь. Увидев Лиллин, она радостно вскрикнула. Винсон объяс-

нил ей, что миссис Биррел останется в доме на ночь, после этого обе женщины ушли.

Перед дверью Лиллин остановилась и, обернувшись, сказала:

— Будь осторожен, милый. Очень осторожен!

Биррел кивнул, провожая жену взглядом.

— Так чем могу служить, командор? — спросил нетерпеливо фермер.

— Сначала познакомьтесь с мистером Маллинсоном, — сказал Биррел, кивнув в сторону молодого мужчины. — Это секретарь Совета ОМ.

Винсон потерял дар речи, энергично потряс протянутую Маллинсоном руку.

— Вы, конечно же, знаете лесок, что расположен сразу же за моими полями? — спросил Биррел.

— Как свои пять пальцев, — заверил его Винсон несколько удивленным тоном. — На десять миль в округе мне знакома каждая травинка. А в чем дело?

Биррел коротко рассказал о флиттере агентов Ориона, стараясь не вдаваться в лишние подробности. Винсон слушал, кивая, и мрачнел на глазах. Не дослушав до конца, он неожиданно вбежал по ступенькам веранды и забарабанил в дверь. Вскоре из дома вышла встревоженная жена.

— Что стряслось? — спросила она. — Мы с миссис Биррел уже...

Винсон бесцеремонно прервал ее.

— Эдит, эти господа утверждают, что скоро начнется война между Землей и Орионом. И первая битва состоится в Орвилле этой же ночью!

Миссис Винсон охнула и схватилась рукой за сердце.

— Не тревожьтесь, миссис, ваш муж сильно сгущает краски! — воскликнул Биррел, мысленно проклиная простодушного фермера. — Никакой войны нет, и неизвестно, будет ли она вообще. Мы попросили мистера Винсона проводить нас в лес и кое-что показать, только и всего. Уверяю вас, ему ничто не угрожает. Мистер Винсон сразу же вернется домой, я обещаю.

Фермер едва не подпрыгнул от возмущения.

— Дьявол, они собираются отправить меня домой, словно сопливого мальчишку! Послушайте, мистер Биррел, и зарубите себе на носу: этот мир в такой же степени мой, как и ваш. Если пришельцы со звезд собираются начать войну, то я отсиживаться в подвале не намерен. Пойду возьму свой охотничий шокер. Подождите минуту...

Он исчез в доме, и за ним поспешила его растерянная супруга. В доме одно за другим зажглись несколько окон.

Маллинсон с иронией взглянул на командора.

— Вы слышали, что сказал фермер? «Этот мир в такой же степени мой, как и ваш»! Забавно, не правда ли?

Биррел пожал плечами.

— Это для вас я чужак, Маллинсон, а для простых жителей Орвилла я вроде блудного сына, вернувшегося на порог родного дома. Вам, политикам, не мешало бы иметь толику их здравого смысла.

Вскоре Винсон вернулся, неся на плече видавший виды шокер, больше похожий на винтовку. Фермер был одет в теплый плащ и резиновые сапоги. От возбуждения он не мог вымолвить ни слова, но, когда машина выехала на поселковую дорогу, его словно прорвало:

— Я знаю три-четыре поляны в этом лесу, где мог бы запросто сесть флиттер. Однако возле одной из них нет больших деревьев, машину там не спрячешь. Остальные я вам покажу.

Возле дома их ждали Гарстанг, Вахис и люди Маллинсона. Фермер крепко потряс всем руки, затем приглашающе махнул рукой:

— Пошли, парни, чего стоим. Только глядите себе под ноги, на полях мистера Биррела и трактор себе колесо запросто переломать может.

— Подождите, — остановил его Биррел. — Надо забрать тяжелый соник, который я отобрал у Таунцера.

— Мы захватили его с собой, мистер, — сказал один из людей Маллинсона.

— Отлично! Что ж, тогда пошли.

Биррел чувствовал себя более уверенно, чем час назад. Люди Маллинсона были, без сомнения, агентами секрет-

ной службы — высокие, плотно сложенные парни, готовые к любым переделкам.

Винсон уверенно зашагал по едва заметной тропинке через поле, направляясь в сторону леса. Высокая трава была влажной от росы, так что Биррел быстро почувствовал, что промок чуть ли не до пояса.

Дальше — хуже. Вошли в заросли колючего кустарника, который Винсон назвал ежевикой. Маллинсон запретил включать фонари, они были и не очень-то нужны — высветлившееся звездами небо достаточно хорошо освещало все вокруг.

Вскоре со стороны леса послышался приглушенный лай.

— Лисица, — спокойно сказал Винсон, поправляя шокер на плече. — Давно хочу до нее добраться, да все руки не доходят. Сколько она у меня кур перетаскала, паршивка! Так, теперь сворачиваем направо, в заросли сумаха.

Кусты цеплялись за ступни, заросли дурмана царапали ноги до колен, ветви небольших деревьев больно хлестали по лицу. В темноте было нелегко ориентироваться даже Винсону. Несколько раз он останавливался, чтобы уточнить дорогу, и каждый раз Биррела поражала внезапно наступавшая тишина.

«Я давно ожидал войны с Орионом, — думал он, — но всегда считал, что она начнется где-то в пограничной области, в каком-нибудь могучем звездном скоплении или обширной туманности». А она, похоже, начнется здесь, на старой планете, в ночном лесу. И его поведет в бой добродушный фермер, ни разу даже не видевший близко звездолета.

Дорога была нелегкой, но хуже всего были крошечные насекомые, которые тысячами преследовали отряд, издавая воинственный писк. Кружась над головами людей, мошкара осыпала их лица и руки болезненными укусами, похожими на уколы игл.

— Проклятое комарье, — простонал Маллинсон, отчаянно потирая шею.

Винсон остановился. Стена леса уже была рядом.

— Мы почти уже пришли, — тихо сказал фермер,

крутя головой по сторонам. — Погодите минутку, дайте оглядеться. Не часто приходится посещать эти места ночью... Так, одна поляна должна быть метрах в ста отсюда.

Он повел отряд через заросли жесткой травы. Под ногами захлюпало. «Этак мы забредем в болото», — подумал Биррел, но Винсон вскоре уверенно вывел их на опушку леса. Пройдя между невысокими деревьями, они вышли на округлую поляну, кое-где заросшую кустарником. Осмотр ее не занял много времени.

— Ничего, — сказал Винсон глухо. — Ручаюсь, флиттер здесь не садился — трава совершенно не примята. Ладно, пойдем дальше.

Они продрались через густой кустарник, перешли через речку и поднялись по пологому склону.

— Подождите, — сказал Винсон, насторожившись.

— Что-нибудь нашли? — спросил Маллинсон.

— Сумах и молочай поломаны. Здесь кто-то проходил не далее как прошлой ночью. Подождите, я сам посмотрю, что и как.

Ждать пришлось довольно долго. Люди стояли молча, отмахиваясь от полчищ комаров. К Биррелу вернулась недавняя головная боль, только увеличивающая его раздражение. Когда Гарстанг, отбиваясь от злобных насекомых, позволил себе тихо выругаться, Биррел готов был заорать на него: как, мол, он смел нарушить тишину! Но тут послышались тяжелые шаги и треск раздвигаемых кустов.

— Нашел! — сказал Винсон восторженным шепотом. — Флиттер стоит здесь, под деревьями!

Маллинсон вздохнул с облегчением.

— Ведите к нему, — приказал он.

Действительно, рядом с обширной поляной, в тени деревьев, были смутно видны контуры флиттера.

— Кей, где ты? — спросил Маллинсон. — Погляди, есть ли во флиттере радиомаяк.

Техник, который так умело управлялся с «детектором правды», поднял фонарь и, откинув прозрачный колпак кабины, осторожно полез внутрь. Через несколько минут изнутри машины донесся его голос:

— Да, радиомаяк есть. Он работает на частоте местно-

го телевещания. Хитро придумано, черт побери! Такой луч ни один прибор на наших спутниках не засечет... Но сейчас он автоматически выключен.

— Включи его, — приказал Маллинсон.

Через несколько минут Кей выбрался из кабины.

— Все сделано, сэр, — отрапортовал он.

Маллинсон кивнул.

— Биррел, вы здесь?

— Да.

— Как вы считаете, скаут рискнет совершить посадку? Или он должен был получить от Таунцера какие-то особые сигналы?

— Вряд ли. Агент сказал бы нам об этом.

— Тогда надо рассредоточиться вокруг поляны. Не исключено, что скаут прилетит именно этой ночью. Винсон, расставьте людей так, чтобы их не было видно со стороны. А вы, Гарстанг, берите соник и спрячьтесь за флиттером. Не включайте оружие, пока противник не подойдет близко.

Гарстанг презрительно хмыкнул — мол, учи ученого — и, взвалив на плечи соник, тяжело зашагал к машине. А Биррел, достав из кармана шокер, устроился за опрокинутым пнем.

На поляне вновь воцарилась тишина.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

▼▼▼

Незадолго перед наступлением нового дня на поляну почти беззвучно опустился небольшой космолет с эмблемой Ориона на борту. Вряд ли кто-нибудь из окрестных жителей увидел быструю тень, мелькнувшую среди звезд, но фермерские собаки отозвались на ее появление дружным лаем. Скаут сел посреди поляны и выключил двигатель. Вскоре в округе вновь воцарилась тишина, нарушаемая только звоном цикад.

Биррел вышел из своего убежища и пошел не прячась через высокую траву. В такой темноте его вполне можно

было принять за Таунцера. На всякий случай он включил карманный фонарик и стал им размахивать: мол, не беспокойтесь, свой идет. На сердце у него скребли кошки, каждую минуту он ожидал выстрела. Не исключено, что Таунцер должен был дать какой-то определенный сигнал, прежде чем подойти к скауту. Только какой? До сих пор ему, Биррелу, удавалось брать верх в этой многоходовой игре с Орионом; когда-то баланс мог сместиться в сторону проигрыша.

Последние шаги дались ему с огромным усилием, но смертоносного выстрела не последовало. Вместо этого послышался хорошо знакомый звук открываемого люка.

В лицо Биррелу ударил луч голубого света. Не тратя время на спуск трапа, на землю выпрыгнул высокий мужчина в военной форме. «Наверняка командир скаута, — лихорадочно подумал Биррел, — вряд ли он мог поручить кому-то другому встретиться с такой важной птицей, как Таунцер». Еще один член экипажа стоял возле люка, наблюдая за своим командиром.

Биррел поспешил навстречу орионцу, стараясь все время держаться в тени и пытаясь имитировать голос Таунцера:

— Почему вы опоздали? Вы должны были прилететь еще прошлой ночью! — обрушился он сразу же на капитана. — Не включайте прожектора, мы немедленно взлетаем!

— Но вы же раньше говорили... — растерянно ответил капитан.

Биррел не дал ему закончить мысль — выхватив шокер, он выстрелил в упор. Капитан скаута упал, даже не охнув. Не теряя времени, Биррел ринулся к люку, скользя по росистой траве. Второй член экипажа высунул голову наружу, пытаясь разглядеть, куда же исчез его командир. После второго выстрела он застыл на месте с искаженным от боли лицом. Биррел отшвырнул орионца в сторону и прыгнул внутрь.

На этом его удаче пришел конец. В коридоре около люка стоял третий член экипажа, глядя в иллюминатор. Он все видел и уже поднимал свой шокер. Биррел торопливо выстрелил и промахнулся. Ответный выстрел был точнее. Вся правая часть тела командора внезапно онемела.

Биррел пошатнулся и едва не упал, однако успел опереться левой рукой о металлическую стену. Вторым выстрелом он уложил орионца, но было уже поздно. За стеной раздались встревоженные голоса. Дьявол, где Гарстанг и все остальные? Почему они не спешат ему на помощь?

Впрочем, со стороны леса уже доносился топот ног. Земляне не успели добежать до люка, когда со стороны кормы послышался тревожный вой сирены. Биррел застонал от отчаяния. Если скаут успеет взлететь, то все погибло! Надо немедленно бежать к кабине пилота, но как это сделать, если правая часть тела не слушается? Он был сейчас способен только на одно — держаться за стену, чтобы, не дай Бог, не упасть на лежащего ничком астронавта.

К счастью, экипаж скаута замешкался, и первыми в коридор ворвались Гарстанг и Винсон. Они сразу же установили на турели тяжелый соник. Гарстанг действовал собранно и четко, ему не впервые было оказываться в критической ситуации, а вот фермер излишне суетился и не столько помогал, сколько мешал своему товарищу.

«Держите коридор под прицелом!» — хотел было крикнуть Биррел, но вместо этого только невнятно захрипел — голосовые связки тоже оказались частично парализованными. Однако Гарстанг и сам понимал, что стрелять в сторону отсеков корабля бесполезно — металлические стены служили хорошим экраном для парализующего луча.

— Командор, вы ранены? — воскликнул Винсон, заметив болезненную гримасу на лице Биррела.

Гарстангу же было не до сантиментов. Увидев, что коридор пока еще пуст, он принял решение пойти в атаку.

— Винсон, вперед! — заорал капитан.

Они дружно ухватились за ручки соника и побежали в конец коридора, едва не сбив с ног командора. Остановившись около двери, ведущей в салон, Гарстанг одним ударом ноги распахнул ее и начал «поливать» отсек корабля парализующими лучами. Биррел не мог разглядеть, скольких орионцев им удалось вывести из строя. Вряд ли весь экипаж находился в салоне... И тут же распахнулась соседняя дверь и в коридор выскочили двое солдат с бластерами в руках. Гарстанг с удивительной для его массивной фи-

гуры ловкостью сумел повернуть раструб соника. Не успев выстрелить, оба орионца упали.

— Стреляйте по другим каютам! — с усилием крикнул Биррел. — В корабле могут быть еще люди!

— Эта штука чертовски тяжела, — процедил сквозь зубы Гарстанг и потащил соник к соседней двери, одновременно разворачивая устройство. Винсон, похоже, толком не понял, что же делает его товарищ, и потому больше мешал ему. Биррел чертыхнулся и попробовал прийти на помощь Гарстангу, но его ослабевшие ноги внезапно подкосились, и он сполз на пол. К счастью, в этот момент в распахнутом люке появилось лицо одного из людей Маллинсона — это был Кейн. Он сразу же понял, что надо делать. Побежав по коридору, землянин оттолкнул растерявшегося Винсона и схватился за свободную ручку соника. Вдвоем с Гарстангом они стали методично «поливать» парализующими лучами каюту. Тотчас до Биррела донесся грохот падающих вещей и дикие крики. Из двери выскочил высокий офицер с погонами лейтенанта, держась руками за голову. Лицо его было искажено от страшной боли. Винсон выхватил из кармана шокер, хотя выстрелить не успел — офицер упал, даже не вскрикнув.

Сидевший на полу Биррел ощущал спиной, как дрожит металлическая переборка, попав под луч соника. Шум в отсеке корабля постепенно стих.

— Достаточно, — сказал Биррел, с трудом шевеля языком. — Винсон, помогите мне встать.

И только тогда в космолет вошел Маллинсон. По его бледному лицу было видно, что он впервые участвовал в бою и вовсе не стремился пасть смертью храбрых. Увидев, что орионцы лежат без движения на полу, он заметно приободрился и уверенным шагом пошел по коридору. На Биррела он даже не взглянул.

Винсон помог командору подняться. Лицо фермера светилось от восторга.

— Неужели мы сделали это? — прошептал он. — Захватили целый корабль?

— Пойдем быстрее, — раздраженно ответил Биррел, буквально повиснув на плече фермера.

Общими усилиями они добрались до радиорубки, где

стоял, задумавшись, Маллинсон. Рядом с передатчиком лежали двое офицеров, осыпанные осколками осветительных ламп.

— Они наверняка пытались послать сигнал о помощи, — сказал дипломат, взглянув на Биррела. — Вопрос только в том, удалось ли им это.

В радиорубку вбежал улыбающийся Кейн.

— Мистер Маллинсон, корабль в наших руках! — воскликнул он. — Все орионцы, кроме двоих, лежат без сознания, да и те двое едва могут пошевелиться. Мы продолжаем поиски...

— Взгляни на передатчик, — прервал его Маллинсон. — Успели они послать сигнал тревоги или нет?

Кей сразу же посерьезнел. Он подошел к пульту и внимательно изучил показания многочисленных приборов.

— Нет, сэр, — сказал наконец техник. — Передатчик даже не включен.

Лицо Маллинсона посветлело.

— Ну и что мы теперь будем делать, командор? — спросил он.

— Для начала надо связать пленников, пока они не пришли в себя, — пробормотал Биррел и поморщился. — Черт, до чего болит нога. Винсон, помогите мне сесть в кресло... Спасибо. А вам, Маллинсон, я советую сходить в каюту командира и взглянуть на вахтенный журнал. Сомневаюсь, что там найдется что-то ценное, но проверить не мешает.

Дипломат ушел с недовольным видом — ему не очень-то понравилось, что Биррел стал распоряжаться на корабле. В двери он едва не столкнулся с возбужденным Гарстангом.

— Как дела, командор? — спросил тот.

Биррел со страдальческой улыбкой на лице чуть-чуть приподнял правую руку, которая стала потихоньку его слушаться.

— Как видишь, жив, — сказал хрипло он. — Хотя я получил вполне достаточно, чтобы отправиться на тот свет. Джо, ради Бога, помассируйте мне правый бок.

Гарстанг старательно стал разминать онемевшие мышцы командора, и через несколько минут тот очухался настолько, что смог самостоятельно встать.

— Вам еще повезло, сэр, — сказал Гарстанг. — У этих парней с Ориона шокеры были настроены на смертоносный уровень. Они не собирались шутить.

— Пойдем на воздух, Джо, — сказал Биррел, тяжело дыша. — Меня уже тошнит от этого корабля.

С помощью Гарстанга и Винсона он спустился на землю. Невдалеке лежал, как бесчувственное бревно, капитан скаута, и двое людей Маллинсона с шокерами в руках охраняли его, мужественно выпятив подбородки. Биррел оглядел темную поляну, залитую светом звезд, и подумал: «Опять обошлось. Снова я вышел сухим из воды. В такой переплет я не попадал давно — сначала Таунцер, затем Маллинсон, и вот теперь эти парни со скаута. Многовато приключений для главы официальной делегации Лиры, которому полагается все время проводить на банкетах с бокалом в руке...»

Биррел достал из кармана порто и включил его. После окончания разговора он еще раз глубоко вдохнул прохладный воздух, насыщенный запахами трав, и нехотя пошел назад к скауту.

Маллинсон встретил его около люка, попыхивая сигаретой.

— Ничего я не нашел интересного в бумагах капитана. Но сам он должен знать немало. Мы отвезем его в Нью-Йорк и, когда придет в себя, допросим.

— Я поеду вместе с вами, — сказал Биррел. — Только что я отдал приказ своему заместителю готовиться к взлету.

Маллинсон с проклятием выплюнул дымящуюся сигарету.

— Черт, вы не имеете права сделать это без разрешения Совета! С какой стати мы должны доверять Лире больше, чем Ориону? Да, я убедился, что вы ничего не знаете об агрессивных планах Фердиаса, но это не значит, что их нет.

— Плевать я хотел на ваш Совет! — не выдержав, взорвался Биррел. — Я не желаю, чтобы из-за вашего ослиного упрямства Пятую поймали в ловушку. Что бы вы ни говорили, наши скауты взлетят через час, а крейсера — через два!

Маллинсон помрачнел.

— Я уже предупреждал вас, командор, если ваши корабли попытаются подняться с Земли, то заговорят наши орудия. Я надеюсь, их язык будет понят и без перевода.

— Они взлетят в любом случае, — уверенно ответил Биррел. — Зарубите это себе на носу, Маллинсон. Лучшее, что вы можете сделать, — немедленно лететь к Чартерису и разъяснить ему эту простую истину. У Совета есть еще шанс дать приказ отойти своим батареям.

Дипломат покраснел от гнева.

— Неужели вы вздумаете сопротивляться? — пробормотал он. — Здесь, рядом с большим городом? Вы понимаете, к каким жертвам среди мирного населения это может привести?

— Если вы не отмените своего дурацкого решения, то так и будет, — безжалостным тоном ответил командор. — Пятая будет драться прямо в космопорту. Вы можете уничтожить наши корабли, но вам это дорого обойдется. Не говоря уже о том, что почти наверняка вскоре придут эскадры Ориона и разорвут вас на куски. Я могу в этом случае пожелать им только приятного аппетита!

— Вы еще смеете ставить нам условия! — взвился Маллинсон.

— Первым выставили ультиматум вы, — отрезал Биррел. — И я отвечаю вам той же монетой. Поймите одну вещь, глупец: Пятая вам не по зубам! Да и много ли чести для землян разбить своего единственного союзника?

Что-то в его словах наконец пробило броню недоверчивого упрямства дипломата. Маллинсон с затравленным видом посмотрел на Биррела и угрюмо кивнул:

— Хорошо. Я доложу Чартерису.

Он выпрыгнул из люка на землю и, не оглядываясь, пошел к флиттеру. Биррел тем временем подошел к изрядно растерявшемуся фермеру и спросил:

— Мистер Винсон, вы разрешите моей жене еще немного побыть у вас? Сами видите, ситуация непростая, а оставлять ее одну не хочется.

— Мы будем только рады, — сказал Винсон. Фермера явно раздирали противоречивые чувства. — Командор, я что-то не понял...

Вскоре Маллинсон вернулся. На его непроницаемом лице ничего нельзя было прочесть.

— Эй, Кейн! — крикнул он. — Собирай людей. Надо прикатить флиттер на поляну, чтобы на нем можно было взлететь. — Повернувшись к Биррелу, дипломат нехотя сказал: — Я рассказал Чартерису обо всем, что здесь произошло. Это озадачило его. Через час будет срочно собрано заседание Совета. Если решат, что Пятая Лиры представляет для Земли большую угрозу, чем эскадры Ориона, то ваши корабли будут уничтожены прямо на поле.

Подошедший к ним Гарстанг хрипло произнес:

— Черта с два! Кишка тонка у вас, землян, чтобы справиться с Пятой!

Маллинсон не обратил на него внимания.

— Я вызвал флиттеры сюда, на поляну. Вы полетите с нами в Нью-Йорк, командор.

Глядя на непреклонное лицо молодого дипломата, который явно не хотел с ним дальше разговаривать, Биррел засомневался — может быть, стоит вызвать Брешника и отменить приказ о взлете? Эти земляне, похоже, довольно упрямые парни и могли доставить Пятой массу неприятностей.

Но он даже не прикоснулся к порто. Где-то там, в глубине космоса, к Земле сейчас мчались эскадры Ориона. Пятая должна была встретить их на рубежах Солнечной системы, даже если для этого ей придется уходить с боем.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

▼▼▼

Ни одного выстрела на космодроме не прозвучало. Первыми взлетели скауты, через час один за другим поднялись с ревом крейсеры, а огромные орудия, окружавшие поле, молчали. За орбитой Марса корабли построились в боевой порядок и направились к границам Солнечной системы.

Эскадра остановилась рядом с газовым гигантом, который земляне называли Сатурном, и стали ожидать приказов своего командора.

Сам же Биррел в это время находился почти неотлучно в здании Совета ОМ. Его голова раскалывалась от бесчисленных разговоров с местными чиновниками, которых приходилось убеждать, упрашивать, а порой и запугивать. Правая нога по-прежнему плохо слушалась, но он, скрипя зубами, продолжал свою одиссею по гигантскому бюрократическому муравейнику, пытаясь сдвинуть дело с мертвой точки. Держался на тонизирующих таблетках. Но хуже всего было то, что все его усилия пропадали втуне. Тупоголовость чиновников оказалась фантастической, и это могло стоить Земле большой крови.

После долгих попыток ему удалось-таки выйти на высший уровень. В кабинете Чартериса собрались люди, от решения которых зависело много. Биррел сидел на одной стороне длинного стола, земляне — на другой. На их лицах читалось недоверие. Биррел еще мог понять Чартериса и Маллинсона, но адмирала Ланея и офицеров его штаба он оправдать не мог. Политикам было нетрудно рассуждать, сидя в своих уютных кабинетах, но военные-то были людьми ответственными, они обязаны прежде всего думать не о своих амбициях, а о безопасности планеты!

— ...повторяю еще раз, командор, — с каменным выражением на лице произнес Чартерис. — Пятая Лиры будет действовать только под командованием Объединенных Миров или вообще не вступит в бой.

— Да поймите же, вопрос здесь не в том, кто главнее — я или адмирал Ланей, — усталым голосом ответил Биррел. — Это вопрос стратегии.

— Вот мы и будем определять стратегию, — хмуро ответил Чартерис.

Биррел отодвинул свое кресло и вышел из-за стола. Не обращая ни на кого внимания, он стал массировать онемевший правый бок. Командор с трудом сдерживался, чтобы не высказать этим людям все, что он о них думает.

Чтобы хоть как-то сохранить самообладание, он подошел к окну и стал смотреть на город, задернутый серой пеленой дождя. Нет, сейчас нельзя наломать дров, это может обойтись слишком дорого миллионам людей во всех секторах Галактики.

Было около трех часов ночи, и, несмотря на непогоду, улицы сияли разноцветными огнями и бурлили от толп людей. Никто из землян и их многочисленных гостей даже не подозревал, во что может вылиться этот многодневный праздник. Все информационные средства пока молчали о создавшейся тревожной ситуации.

И хорошо. Земляне могли не поверить в то, что им кто-то угрожает. Они слишком привыкли думать о своем мире как начале всех начал и не способны примириться с мыслью о независимости секторов. Конечно же, им и в голову не приходило, что кто-то из правнуков Земли может напасть на планету своих предков. Отсюда и упрямство, и нелепая амбициозность высших должностных лиц Земли. Стоит ли на них сердиться?..

Успокоив себя подобными рассуждениями, Биррел подошел к большой объемной карте Солнечной системы и ее окрестностей. Огоньки звезд висели прямо в воздухе, так что он мог идти через созвездия, ощущая себя гигантом. Рядом с его лицом проходила линия красного цвета, берущая начало от Скорпиона и идущая в направлении Солнца. Она появилась на карте после того, как заговорил капитан скаута под действием «детектора правды». Большой компьютер Совета вычислил по его туманным показаниям ожидаемый курс двух эскадр Ориона, которые должны были напасть на Землю.

— Орионцы делают большой круг, чтобы напасть на Землю с направления, противоположного Ориону, — задумчиво сказал Биррел. — Они рассчитывают застать нас врасплох, со стороны, где мы должны ожидать их меньше всего...

Адмирал Ланей раздраженно перебил:

— Командор, я уже не раз говорил: мы готовы достойно встретить врага. От вашей помощи мы не откажемся, но при условии, что вы временно — повторяю, временно, войдете в состав Объединенного флота. Не понимаю, что здесь обидного для Пятой. Вы только гости в Солнечной системе, а мы здесь хозяева.

Биррел холодно посмотрел на старого адмирала.

— Сэр, лично я был бы рад сражаться под вашим ко-

мандованием. Но факты — упрямая вещь. Флот Объединенных Миров, несмотря на свою славную историю, не может противостоять эскадрам Ориона. Чудес не бывает, адмирал. Более того, даже если ваш флот и Пятая встретят противника лицом к лицу на подходах к Солнечной системе, то мы проиграем. У нас есть только один шанс — напасть на врага неожиданно! А вы предлагаете лобовую атаку и называете это стратегией.

Начальник штаба ОМ, сухощавый старик с седыми усами, презрительно хмыкнул.

— Неожиданность — в эпоху радаров дальнего действия? Да вы просто смеетесь, молодой человек. Все ваши «неожиданные» маневры противник увидит за миллионы миль до встречи. Я уже не говорю о разведывательных скаутах Ориона, которые словно мыши будут совать свои любопытные носы во все щели. Уничтожать их бесполезно, спрятаться от их радаров — невозможно.

— Все получится, если флот ОМ будет следовать плану, разработанному моим штабом, — уверенным голосом произнес Биррел, решив, что настала пора выкладывать на стол главный козырь.

— Вот как — *вашим* штабом? — усмехнулся Чартерис. — Хорошо, мы готовы вас выслушать, командор.

Биррел указал рукой на полосу крошечных огоньков, лежащую между орбитами Марса и Юпитера.

— В Солнечной системе есть замечательное укрытие — пояс астероидов. Насколько я знаю, внутри его имеются вполне безопасные маршруты?

— Да, — кивнул Ланей. — На астероидах находятся шахты и исследовательские станции, к которым часто приходят грузовые корабли.

— Отлично. Ваш флот, адмирал, должен занять позиции рядом с поясом астероидов. Когда противник подойдет близко, ваши корабли должны войти в пояс, заманив туда крейсеры Ориона.

— Чушь, — поморщился Ланей. — Вы думаете, орионцы так наивны? Они ни за что не сунут головы в ловушку, зная, что где-то неподалеку находится ваша эскадра.

— Они не узнают этого, — спокойно ответил Бир-

рел. — Более того, они увидят на экранах своих радаров, как Пятая в походном строю направляется в сторону Ориона, словно ожидая атаки именно с этого направления.

— Но...

— Но, конечно, это будет не Пятая Лиры, — быстро сказал Биррел. — К Ориону направятся торговые суда, транспорты, баржи — словом, все крупные корабли, которые вы сможете собрать за короткое время. Они будут только имитировать Пятую. Дальние радары не определят подмену. Что касается разведчиков Ориона, то половина наших скаутов будет сопровождать лжеэскадру и сумеет защитить ее от любопытных взглядов. Что скажете, адмирал?

Ланей задумчиво пожевал губами.

— Такой вариант не исключен, — сказал он после долгой паузы. — Но я не вижу в этом никакого смысла. Где вы собираетесь спрятать настоящую Пятую? Если она будет находиться далеко от Солнечной системы, то не успеет прийти нам на помощь. У нас же ей спрятаться негде — радары обнаружат ее где угодно, даже на дне океана.

— Но не на дне солнечного океана, — сказал Биррел.

Как он и ожидал, его слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Земляне изумленно уставились на него.

— Вы хотите сказать, командор, что собираетесь сесть на Солнце? — недоверчиво спросил Чартерис.

— Нет, конечно. Вполне достаточно будет войти в его протуберанцы, — пояснил Биррел, наслаждаясь растерянностью землян. — Наши крейсеры имеют повышенную теплозащиту — такой нет даже у орионцев. Самый подходящий момент использовать это преимущество. Никакие радары не смогут обнаружить корабли в океане плазмы.

Чартерис вопрошающе взглянул на Ланея. Тот пожал плечами.

— Ничего не слыхал о такой чудесной теплозащите, — признался старый адмирал. — Но вряд ли Биррел стал бы морочить нам головы — ведь нырять в протуберанец придется ему, а не нам. Ну и как вы собираетесь действовать дальше, командор?

— Все очень просто. Вы заманите основную часть флота Ориона в пояс астероидов, а потом мы совершим

марш-бросок на предельной для внутрисистемных перелетов скорости. Конечно, определенный риск в этом есть — ведь ваша система полна всяческого космического мусора. Но в случае успеха орионцы окажутся между двух огней. Это уравняет наши шансы на победу.

Чартерис пытливо смотрел на Ланея. На лице старого адмирала было написано сомнение.

— Если Пятая Лиры запоздает, то нам конец, — признался он после долгого молчания. — И все же попробовать стоит.

— Попробовать? — недовольно пробурчал Чартерис. — Скажите прямо, вы готовы предложить это как официальный план наших совместных действий?

На этот раз Ланей не стал колебаться.

— Да, — твердо ответил он.

— Что ж, хорошо, — после паузы произнес Чартерис.

Биррел вздохнул свободнее, однако председатель Совета сурово взглянул на командора.

— Это не меняет наших взаимоотношений, командор. Руководить операцией по-прежнему будет Совет ОМ, а от его имени — адмирал Ланей. Вы временно находитесь в его прямом подчинении.

Биррел мысленно послал Чартериса в преисподнюю, но... согласился. Он сделал все, чтобы вправить мозги этим упрямцам. Земляне приняли его план, на большее рассчитывать бесполезно.

Вдруг внезапно Ланей, насупившись, произнес:

— Нет, мистер Чартерис.

— Что «нет»? — опешил Председатель Совета.

— Я отказываюсь возглавлять всю операцию, — пояснил Ланей, не поднимая глаз. — Это невозможно. Пятая Лиры долгое время будет находиться на значительном расстоянии от моего флота. Я попросту не могу ими эффективно командовать. Кроме того, нельзя в такой сложной ситуации заранее просчитать все ходы. Биррелу все равно придется действовать практически самостоятельно.

Чартерис помрачнел.

— Вы убеждены, адмирал?

— Абсолютно.

Чартерис неохотно поднялся.

— Прошу прощения, господа, вам придется подождать. В зале заседаний меня ждут члены Совета. Я должен получить у них одобрение нашего плана.

Он торопливо вышел. Биррел с благодарностью взглянул на адмирала, но глаза того были как никогда холодны.

— Не беспокойтесь, командор, Совет все одобрит, — презрительно усмехнулся Ланей. — Потратив, разумеется, не один час болтовни. Каждый из этих политиканов постарается выступить и за, и против, чтобы потом в любом случае оказаться правым. Я полагаю, господа, нам нет смысла терять здесь время. У нас полно неотложных дел.

Некоторое время спустя Биррел вместе с Гарстангом уже выезжали из города на лимузине с флажком Совета ОМ. Сейчас, под утро, город наконец заснул. Улицы потемнели, прохожих почти не было видно, за исключением влюбленных парочек. Автомобиль мчался по темным ущельям между скалами-небоскребами по направлению к реке, а вслед неслось звучное эхо.

Гарстанг дремал, привалившись к спинке сиденья; Биррел не мог даже сомкнуть глаз. Он не хотел верить, что давно ожидаемая война между Лирой и Орионом все-таки началась. Отсюда, с Земли, оба огромных сектора Галактики выглядели лишь невзрачными скоплениями дрожащих искр света. Что им делить? Звезды? Планеты? Оба сектора имели сотни необитаемых миров, вполне пригодных для жизни людей, и тысячи планет, на которые еще не ступала нога разведчиков космоса. Ни о перенаселении, ни об ограниченности ресурсов и речи не могло идти, и тем не менее бронированные армады вскоре ринутся навстречу друг другу. Погибнут тысячи людей, но это будет только началом, первой искрой, которая вскоре воспламенит пол-Галактики.

И только ли властолюбивый Соллеремос будет виноват в этом? Кто знает, если бы он, Биррел, проявил характер и отказался подчиниться приказу Фердиаса, не полетел бы к Земле вместо мирной делегации, то... То тогда

полетел кто-то другой. Тот же славный парень Брешник не колеблясь бы взял под козырек.

Биррел чувствовал себя предельно усталым и разбитым. Тонизирующие таблетки кончились, да и вряд ли они могли бы ему помочь сейчас. О сне даже речи не могло идти. Флагманский корабль ждал их с Гарстангом, а там, за орбитой Сатурна, барражировала Пятая, ожидая его распоряжений.

Вдали появились темные купола ангаров, среди которых одиноким великаном возвышалась башня «Старзонга». Машина беспрепятственно въехала на территорию космодрома, возле которого еще недавно стояли сотни тяжелых орудий, и помчалась по пустынному взлетному полю. В западной его части, предназначенной для посадки гражданских кораблей, царило непривычное оживление. Около торговых судов, транспортов и космобарж суетилось множество людей, то и дело подъезжали грузовики и автоцистерны с горючим. Лжеэскадра готовилась к старту.

Биррел легко взбежал по пандусу, не скрывая довольной улыбки. От его недавнего недомогания не осталось и следа. «Черт побери, все идет не так плохо», — думал он, торопливо шагая по коридорам звездолета.

На командном мостике его встретил Фрэнк Наллет, второй заместитель командора Пятой.

— Сэр, «Старзонг» готов, — отрапортовал он. — Только что со мной связывался мистер Брешник. Он доложил, что Пятая расположилась в боевом порядке невдалеке от Сатурна и ждет ваших распоряжений. Прикажете сделать марш-бросок к границе этой системы?

Биррел покачал головой.

— Как раз наоборот. Пятой придется вернуться. Совет принял план, разработанный нашим штабом.

— Вы имеете в виду идею нырнуть в хромосферу Солнца? — с оживлением спросил Наллет. — Замечательно!

— Свяжитесь с Брешником и отдайте ему приказ от моего имени немедленно возвращаться, — велел Биррел. — Пусть Пятая выйдет на орбиту Земли, и, когда лжеэскадра стартует к Ориону, мы полетим к Солнцу. А пока я пойду вздремну. Разбудите меня, когда придет сообще-

ние из штаба ОМ, — им нужно время, чтобы приготовить свои посудины к полету.

Спустившись в каюту, Биррел не раздеваясь лег на кровать и моментально уснул.

На рассвете Лиллин вышла из дома Винсонов и пошла по влажной тропинке в сторону луга. Было прохладно, неяркое солнце нехотя поднималось за грядами холмов, окаймляющих долину. Легкие облачка плыли на запад. Однажды между ними деловито прожужжал флиттер, но это было все. Поеживаясь, Лиллин обхватила себя за голые плечи и стала терпеливо ждать.

Наконец из-за горизонта послышался глухой раскат грома, за ним еще один и еще... В небе стали вспыхивать огненные факелы — это уходили в небо корабли, которым предстояло изображать Пятую Лиры. Слегка шевеля губами, вегианка считала: десять... пятнадцать... тридцать...

Не прошло и получаса, как лжеэскадра покинула Землю, направившись в сторону Ориона. Но Лиллин не уходила, ожидая совсем иного раската грома. И он пришел, сотрясая небо. Среди облаков вспыхнул ослепительный огненный столб. Лиллин инстинктивно сжала правую ладонь, в которой хранилась записка, переданная ей вчера вечером Винсоном. В ней было всего три слова: «Жди меня, милая». Всего три слова, которые разом покончили с ее прежней спокойной жизнью. Да только ли ее одной? Сегодня телевидение и газеты наконец-то скажут правду, и вся Галактика встанет на дыбы.

Когда огненный вихрь погас, Лиллин еще раз взглянула на мирно дремлющую долину и медленно пошла к дому.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

▼▼▼

Космос пылал, подожженный неистовым излучением Солнца. На тысячи миль вокруг простиралась бурная река взбесившихся атомов, подстегиваемых вихрями чу-

довищных электромагнитных полей. Во все стороны летели тысячемильные брызги фиолетового кальция и желтого натрия. Ничто живое, казалось, не могло просуществовать в этом адском котле и мгновения.

Но над огненным океаном висела серебристая стая звездолетов. Ее сотрясали буруны магнитных полей, пронзали потоки безжалостной радиации, обжигало звездное сияние, фантастический жар проникал даже через мощные защитные поля крейсеров, раскаляя металлические переборки. Пятая Лиры отчаянно боролась, чтобы сохранить свой строй. Ее радары прогибались под гравитационными ударами, корабли расходились, отброшенные друг от друга электромагнитными вихрями, но затем вновь сближались, используя всю мощь своих атомных двигателей.

Флагманскому кораблю было чуть легче. Он находился на самом кончике гигантского протуберанца, лишь слегка прикрытый плазменным щитом. Его радар дальнего действия функционировал, тогда как все остальные корабли эскадры были слепы и глухи. «Старзонг» был единственной ниточкой, связывающей Пятую Лиры с окружающим миром, но эту ниточку можно было обнаружить, если корабли Ориона направят свои радары прямо в сторону Солнца. Оставалось надеяться, что враги не догадаются сделать это...

Биррел сидел в радиорубке «Старзонга» и старательно жевал сандвич. Ему вовсе не хотелось есть, более того, его желудок бурно протестовал против пищи. Воздух вокруг был раскаленным, насыщенным малоаппетитными запахами термопластмассы и разогретых металлов, так что трудно было не то что есть, но даже дышать. Нервное напряжение тоже не способствовало аппетиту. Однако командор не имел права обнаруживать перед подчиненными хотя бы тень своего возбуждения, напротив, он должен был в любой обстановке вести себя так, будто все в полном порядке. Биррелу казалось, что его наигранное хладнокровие передается всем окружающим. По крайней мере, лица Гарстанга и Веннера, склонившиеся над экраном радара, были довольно спокойными. Но вот экран в очеред-

ной раз мигнул и погас, и Гарстанг разразился отборной руганью.

— Мы снова ослепли, командор!

— Терпение, Джо, терпение, — пробурчал Биррел, с отвращением проглатывая очередной кусок. — Все идет нормально. Мы сидим по уши в плазме — чего вы хотите?

Экран вновь засветился, но на тусклом белесом фоне ничего нельзя было разглядеть. Это означало, что внешние сенсоры отреагировали на вспышку солнечной активности и временно отключили радар. Корабль содрогнулся раз, другой, а затем задрожал до боли в зубах.

— Относитесь к этим маленьким неприятностям философски, Джо, — нарочито небрежным тоном произнес Биррел, все-таки дожевав проклятый сандвич. — Нашим парням там, в глубине протуберанца, приходится куда хуже.

«До чего я устал разыгрывать из себя спокойного, уверенного в своей правоте космического волка, — с раздражением подумал Биррел, заставляя себя приняться за очередной сандвич. — Наверное, во всей эскадре не найдешь сейчас более нервного и растерянного человека. Ведь это я придумал безумный план нырнуть в хромосферу Солнца. Если бы я рисковал только своей жизнью! Увы, на карту сейчас поставлены миллионы жизней...»

Только доев сандвич, Биррел позволил себе встать и подойти к экранам радара. Они вновь заработали, но что-то толком разглядеть на них было нельзя. На одном высвечивался сектор, расположенный в направлениях зенита и запада по отношению к плоскости эклиптики. На нем был виден рой искр, медленно двигающийся от Солнца в сторону Бетельгейзе. Даже для искушенного взгляда это выглядело эскадрой крейсеров, сопровождавшейся россыпью скаутов. Биррелу хотелось надеяться, что орионцы будут введены этой лжеэскадрой в заблуждение. Если же они пошлют на всякий случай своих разведчиков и кто-то из них сумеет подойти к Пятой Лиры поближе, то... То для десятков сугубо гражданских судов этот полет будет последним.

На соседнем экране был виден край обширного поля астероидов. Рядом с ним барражировали пять крейсеров

Объединенного флота, игравших роль приманки. Основная часть кораблей адмирала Ланея находилась внутри потока каменных глыб, так, чтобы их невозможно было обнаружить даже с близкого расстояния.

Третий экран, высвечивающий направление на Плеяды, выглядел как обычно — только бархатная чернота космоса и звезды. И ничего больше.

— Почему они не идут, командор? — раздраженно спросил Гарстанг. — Неужто этот чертов командир скаута ошибся? Или план атаки в последний момент изменили?

Экраны вновь дружно засветились белым огнем. «Старзонг» качнулся так, что все находившиеся в радиорубке едва удержались на ногах. Вихрь солнечного магнетизма захлестнул корабль, и радары опять были автоматически отключены. Система стабилизации парировала возмущение, и через несколько минут дрожание корпуса прекратилось.

Только тогда Биррел смог ответить Гарстангу:

— Не беспокойтесь, Джо, мы скоро узнаем, надул нас командир скаута или нет.

Гарстанг взглянул на него мутными глазами.

— Вы замечательно рассуждаете, командор. Только не забудьте — наших парней на остальных кораблях трясет посильнее, чем нас. Не могут же они вечно сидеть в этой адской печке! У меня уже начинают мозги плавиться, как же себя должны чувствовать остальные?

Биррел промолчал. Это было единственное уязвимое место в его плане. Никто не знал точно, когда появятся эскадры Ориона. Если командир скаута ошибся хоть на несколько часов, то все мучения окажутся напрасными.

Время шло, но на экране с далекими огнями Скорпиона ничего не изменялось. Дышать становилось все труднее и труднее. Биррел чувствовал, как его сердце начинает заходиться от бешеных ударов. Глаза застилал пот, во рту пересохло. Остальные чувствовали себя не лучше. «Черт побери, больше часа мы не продержимся, — с тоской подумал Биррел. — А что же происходит на других кораблях?..»

— Вот они! — неожиданно заорал Веннер, указывая рукой на экран.

Со стороны Скорпиона выплыл рой искр. Пока он был слишком далеко и ничем не отличался от обычного метеорного потока. Но уже через несколько минут можно было твердо сказать, что две эскадры в боевом порядке двигались в сторону Солнечной системы. Серебристый клинок был нацелен прямо на Землю.

На другом экране стало видно, как пять кораблей Объединенных Миров развернулись и двинулись навстречу непрошеным гостям.

«Старзонг» в очередной раз сильно тряхнуло, и экраны погасли на несколько минут. Гарстанг и Веннер вопросительно смотрели на Биррела, ожидая команды. Командор молчал. При мысли, что вот-вот начнется первая галактическая война, его, несмотря на жару, пробрал озноб.

Когда экраны вновь вспыхнули, пять кораблей ОМ уже вышли на линию огня. Несколько орионских крейсеров отделились от общей колонны и помчались навстречу немногочисленным защитникам Земли. Силы были явно не равны, но корабли ОМ, казалось, и не думали вступать в бой. Развернувшись, они бросились назад, в сторону пояса астероидов. Не дойдя до него несколько тысяч миль, они совершили головокружительные виражи и вновь вышли на линию огня. Последовал дружный залп, и корабли ОМ ринулись к поясу астероидов.

Один из преследовавших их орионских крейсеров вдруг ярко вспыхнул и исчез с экрана.

— Отлично сработано! — восторженно воскликнул Гарстанг. И тут, как по команде, все экраны радаров погасли.

Биррел вытер пот, обильно струившийся по лицу. Что ж, маневр адмирала Ланея частично удался, но только частично. К поясу астероидов удалось отвлечь сравнительно немного кораблей Ориона, остальные же почти в два раза превосходили численностью Пятую. Сейчас Земля лежала совершенно беззащитной на пути захватчи-

ков. Там, в маленьком поселке Орвилл, Лиллин наверняка с тревогой смотрит в небо. И вместе с ней миллиарды землян, которые, сами того не зная, вверили ему, Биррелу, свои жизни.

— Командор, не пора ли... — начал было Гарстанг, однако Биррел молча покачал головой, не отрывая глаз от экрана.

Пятерке крейсеров ОМ все-таки не удалось в полном составе скрыться в поясе астероидов.

В нескольких сотнях миль от сверкающей россыпи один из них вспыхнул и исчез навсегда. Остальные успели нырнуть в россыпь сияющих искр. Корабли орионцев через несколько минут последовали за ними.

— Сейчас начнется, — прошептал Гарстанг. — Вот сейчас...

В ловушку попали восемь орионских крейсеров. Они быстро поняли, что оказались в опасном лабиринте, путь через который им был неизвестен, тогда как корабли ОМ чувствовали себя здесь как рыба в воде. Каким-то чудом крейсеры пришельцев сумели развернуться и выйти из хаоса огромных каменных глыб, но путь им преградили почти два десятка кораблей землян. Завязалась отчаянная схватка. Орионцы компенсировали свою меньшую численность мощью оружия, и все же чаша весов качнулась в другую сторону.

Когда клубящийся вихрь распался, стало ясно, что с экрана исчезли пять кораблей пришельцев и всего два — Объединенных Миров.

— Это разозлит врага, — прошептал Биррел и с силой сжал кулаки. — Теперь они у нас на крючке.

Они смотрели не отрываясь на серебристый рой, продолжавший свой путь к Земле. Изменит ли он курс, поверит ли, что единственный щит Земли находится рядом, возле пояса астероидов, а эскадра Лиры уходит в совсем другом направлении?

Биррел едва не закричал от радости, когда обе эскадры Ориона внезапно перестроили свои ряды. Сверкающая колонна в течение нескольких секунд превратилась в конус, нацеленный на флот ОМ. Впереди острия конуса роились скауты, словно гончие, готовые начать травлю зверя.

Гарстанг умоляюще посмотрел на командора, но тот только молча покачал головой. Рано, еще рано...

Он выждал, когда облако скаутов приблизилось к флоту ОМ на расстояние, в пять раз превышающее дистанцию стрельбы, и кивнул Гарстангу:

— Пора, Джо.

Капитан тотчас бросился к передатчику:

— Командор Биррел приказывает...

Корабли Пятой через несколько минут присоединились к своему флагману. Выйдя из протуберанца, они перестроились в маршевую колонну и по крутой дуге взмыли над плоскостью эклиптики, нацелившись в пояс астероидов.

Это был опасный маневр для кораблей, опаленных плазменным огнем, но двигатели выдержали. Выдержали и люди.

Фантастический суперброс через половину Солнечной системы позволил Пятой оказаться рядом с поясом астероидов почти одновременно с потерявшими бдительность эскадрами Ориона. Агрессоры очутились между двух огней. Никогда еще в истории такие силы не вступали в открытый бой, до сих пор столкновения происходили лишь между одиночными кораблями, да еще в пограничных областях, вдали от посторонних глаз.

Сейчас же армады двинулись навстречу друг другу, готовясь без колебания уничтожить противника.

Галактическая война началась. И завязался первый бой...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

▼▼▼

Биррелу казалось, что бой в поясе астероидов продолжался целую вечность.

Экраны «Старзонга» показывали темный космос, пронизанный потоками астероидов — редких громад, напоминающих маленькие луны, и бесчисленных глыб, похожих на рой взбешенных ос. Среди них бесшумно неслись серебристые искры кораблей Пятой, молниеносно уворачи-

ваясь от каменных монстров и уничтожая лучами лазеров обломки помельче.

На одном из экранов бокового обзора на мгновение вспыхнула и погасла звездочка — какой-то корабль исчез в пламени атомного взрыва.

— Командор, еще один крейсер противника уничтожен, — через несколько секунд раздался в коммуникаторе хриплый голос Брешника. — Наш тридцать седьмой получил серьезные повреждения двигательной установки и вынужден выйти из боя.

Гарстанг выругался сквозь зубы.

— Дьявол, куда подевались эти бравые вояки из флота ОМ? Мы совсем заплутались в этих каменных джунглях. Невозможно драться, когда приходится наносить удары почти наугад. Еще удивительно, как мы не перебили друг друга!

— Старину Ланея здорово потрепали, — ответил Биррел. — Нам придется сдерживать орионцев, пока земляне не перестроят свои ряды. Они скоро подойдут, потерпи, Джо. Битва только началась.

Битва? То, что проходило сейчас в поясе астероидов, меньше всего напоминало боевые действия, к которым Биррел долгие годы готовил свою эскадру. Ни о какой стратегии говорить здесь не приходилось, и даже тактические действия по перестройке рядов, по выходу на наиболее эффективные огневые позиции были в этих условиях бессмысленными.

А начался бой очень эффектно. Совершив головокружительный прыжок над плоскостью эклиптики, Пятая, словно лезвие топора, вонзилась в смертоносный клин кораблей Ориона и рассекла его пополам. Лазерные орудия поработали на славу — три крейсера противника были уничтожены прежде, чем орионцы поняли, что происходит.

Перерезав боевые порядки Ориона, Пятая стремительно развернулась, перестроившись в небольшие, далеко отстоящие друг от друга колонны, и вонзилась в «брюхо» врага, подобно остро отточенным стрелам. Одновременно корабли ОМ вынырнули из пояса астероидов и молотом

расплющили острие клина. Казалось, судьба битвы должна решиться в считанные минуты...

Но орионцы были опытными, прекрасно подготовленными воинами. Даже после огромных потерь — а эскадры Соллеремоса лишились почти трети своих кораблей — флот Ориона оставался более сильным, чем Пятая и корабли ОМ вместе взятые. Командир Ориона поступил мудро, обрушив всю мощь своего огня на более слабого противника — флот ОМ. За считанные мгновения земляне потеряли четыре своих крейсера и вынуждены были беспорядочно отступить к поясу астероидов.

Это позволило орионцам перестроить свои ряды и двинуться навстречу Пятой в лобовой атаке, которая обычно давала преимущество тому, кто имел больше кораблей.

Биррел попытался развернуть свои корабли в широко раскрытый конус, который, как бы «охватывая» клин противника, мог смягчить силу удара.

Но было слишком поздно. У Пятой оставался единственный выход — как можно шире раздвинуть колонны и сосредоточить огонь по флангам орионцев. И все же потери оказались значительными.

Неизвестно, чем бы кончилась эта схватка, если бы в пылу боя оба флота не подошли к краю пояса астероидов. Здесь, в окружении каменных глыб, противники почти потеряли друг друга и вынуждены были больше думать о собственной безопасности, чем о победе. А Ланей по-прежнему оставался в глубине потока и не спешил на помощь.

Взглянув на движущиеся среди глыб искры, Биррел сказал в коммуникатор:

— Внимание командирам эскадрилий. Сблизить корабли. Повторяю: немедленно сблизить корабли.

Через несколько секунд искры немного сблизились. Внезапно пол под ногами Биррела провалился — это флагманский корабль совершил маневр поворота, уходя от столкновений с крупной каменной глыбой.

— Сэр, двадцать второй в левой колонне поврежден, — с горечью доложил Веннер.

На экране почти ничего не изменилось, только исчезла

одна из серебристых искр. Но перед мысленным взором Биррела возникла ужасающая картина — огромный крейсер с сотнями членов экипажа сгорал в бушующем атомном пламени.

Командор перевел взгляд на другой экран, на котором отображалось происходящее в передней полусфере. На нем можно было смутно различить корабли противника. Что-то изменилось в их рядах...

— Джо, взгляни-ка: орионцы перестраиваются, чтобы нанести удар по нашему правому флангу, — сказал он.

Гарстанг вопрошающе посмотрел на него, но Биррел не спешил отдавать приказы. Маневр орионцев мог оказаться и ложным. Если усилить сейчас правый фланг, то эскадры противника в полной мере используют свое численное преимущество и нападут на левый фланг и на центр. Если же ничего не предпринимать, то правый фланг окажется под угрозой уничтожения.

«К дьяволу, что там копается старик Ланей?» — с тоской подумал Биррел. У землян было достаточно времени, чтобы перегруппировать свои силы.

Медлить больше было нельзя, и Биррел глухо сказал в коммуникатор:

— Внимание, третья и пятая эскадрильи. Перемещайтесь в сторону...

Веннер неожиданно выхватил у него из рук микрофон.

— Черт побери! — заорал в ярости командор. — Да как вы смеете...

— Прошу прощения, сэр, — запинаясь, сказал Веннер. — Посмотрите, появились корабли землян!

Действительно, на нижнем экране из плотного потока астероидов выплыл сноп сияющих искр. Пренебрегая опасностью, они шли наперерез правой колонне флота Ориона. Биррел понял — старый адмирал был готов пожертвовать своими кораблями, спасая Пятую от гибели.

На правом фланге Ориона произошли быстрые перемещения — корабли Соллеремоса готовились встретить нового противника. Но их залп запоздал, крейсеры землян первыми нанесли разящие удары. Два крейсера Орио-

на вспыхнули, и флот ОМ нырнул в образовавшуюся брешь.

Это была самоубийственная атака — слишком неравны были силы противников. Но даже булавочный укол бывает неприятным. Орионцы на минуту потеряли голову и, забыв о флоте Лиры, в бешенстве обрушили огонь на землян. В мгновение ока строй кораблей Ланея был развеян.

Биррел отлично понял, что земляне ценой своих жизней дали ему шанс. И его надо было использовать.

— Немедленно перестроиться в клин! — закричал он.

Серебристые искры на экране пришли в движение.

Каждый корабль отлично знал свой маневр, они множество раз отрабатывали его во время учений. Колонны распались, и через несколько секунд острие клина вонзилось в армаду Ориона.

Командование противника не успело предпринять ответные меры. Могучий флот оказался рассеченным на две части. Левый фланг, относительно слабый, был серьезно потрепан кораблями Лиры, а правому волей-неволей пришлось сдвинуться в более плотные слои пояса астероидов. Здесь на него набросились остатки флота землян — словно обозленные волки повисли на тяжелых, неповоротливых медведях.

— Командор, посмотрите на этих земляшек! — в восторге закричал Гарстанг. — Мой Бог, как славно они дерутся!

Действительно, ситуация внезапно изменилась, и не в пользу Ориона. Здесь, в поясе астероидов, тяжелые крейсеры потеряли свое преимущество. Они были куда менее маневренными, чем легкие корабли землян, и им приходилось сосредоточить свое внимание на потоке несущихся на них каменных обломков. Земляне то и дело выныривали из-за астероидов, наносили разящие точные удары и вновь скрывались за очередной каменной громадой.

Все радарные экраны засверкали от атомных вспышек, которые даже затеняли свет звезд. Обе стороны несли большие потери.

Битва рассыпалась на десятки яростных единоборств. Гарстангу пришлось работать в поте лица. Две схватки

«Старзонг» успешно выиграл, но третий крейсер орионцев скрылся среди крупных астероидов еще до того, как орудия «Старзонга» успели сделать первый залп.

— Не нравится мне это, — пробормотал Гарстанг, напряженно вглядываясь в экраны. — В этом угольном мешке даже собственного носа разглядеть нельзя. Я уже не говорю о том, что в любую минуту в тебя может врезаться небольшая луна...

Он запнулся. Один из крупных астероидов, летящий неподалеку от «Старзонга», внезапно вспыхнул как свеча и исчез. Выстрел крейсера орионцев пришелся на ложную цель. Флагманский корабль ответил залпом изо всех орудий левого борта и сокрушил им немало глыб.

Битва между эскадрами Ориона и Лиры шла с переменным успехом, а вот флот ОМ сумел всласть отыграться на захватчиках. Старые, архаичные корабли, как разозленные осы, роились вокруг тяжелых неповоротливых гигантов с Ориона и наносили один разящий удар за другим. Крейсеры Соллеремоса, пытаясь уйти от противника, порой предпринимали отчаянные маневры, но по крайней мере для двоих из них это окончилось плачевно — встречные астероиды превратили их в пыль.

— Орионцам надо бежать, пока они еще целы, — насмешливо заметил Биррел.

И враг бежал. На экранах будто бы ничего не изменилось, но Веннер внезапно крикнул:

— Командор, они поворачивают к зениту! Смотрите, они уходят!

Действительно, корабли Ориона в панике стали выходить из пояса, уже не пытаясь сохранять видимость организованных действий.

— Командирам эскадрилий! — приказал Биррел. — Преследуйте врага, не давайте ему перестроиться!

Флот Ориона, теряя крейсер за крейсером, все же смог построиться в колонну. Но он сделал это, уходя на все возрастающей скорости не только из пояса астероидов, но и вообще из Солнечной системы. Пятая Лиры и остатки флота ОМ бросились ему вслед. Пройдя орбиту странной планеты, опоясанной большим кольцом — Биррел никак

не мог вспомнить ее название, — они рискнули увеличить скорость до маршевой, используемой только при межзвездных перелетах. Тем не менее дистанция до незадачливых агрессоров все возрастала. Пятую сдерживали тихоходные крейсеры ОМ, и с этим ничего нельзя было поделать.

— Командор Биррел, вы слышите меня? — в коммуникаторе послышался голос адмирала Ланея. — Как вы полагаете, они уходят из Солнечной системы?

— Думаю, да, — ответил Биррел. — По расчетам компьютеров, они уже вышли на предельный режим своих двигателей. Они просто не в состоянии сейчас совершить маневр разворота.

— Но враг по-прежнему превосходит нас в численности!

— Верно. Вот только орионцы не могут быть уверены, что мы где-нибудь не прячем резерв, который может однозначно решить исход боя в нашу пользу. Однажды мы уже обманули их лжеэскадрой. Да и потери они понесли ощутимые. Но им не удастся скрыться! Адмирал, надо выходить на режим аварийного разгона, иначе их не догнать!

— Нет, — решительно возразил Ланей. — У меня приказ вести боевые действия только в пределах системы. Я должен связаться с Чартерисом и получить его «добро». Включите видеосвязь, Биррел.

Биррел разразился таким изощренным проклятием, что даже Гарстанг посмотрел на него с завистью. Дьявол, до чего тупоголовы эти земляне! Разве можно не использовать такой замечательный шанс! Конечно, Пятая могла сама броситься в погоню, но она понесла немалые потери и одна не справилась бы с противником.

— Джо, почему эти политиканы всегда путаются у нас под ногами? — простонал Биррел.

Через несколько минут на экране коммуникатора появилось лицо адмирала Ланея и чуть позже — Чартериса. Председатель Совета выглядел дурно, под его покрасневшими глазами висели мешки, губы посерели, щеки тряс-

лись. Было ясно, что последние часы были не лучшими в его жизни. Но голос его звучал твердо и непреклонно:

— Поздравляю вас, командор, вы великолепно провели операцию. Однако вести боевые действия за пределами Солнечной системы я разрешить не могу. Следуйте за орионцами до той поры, пока не станет окончательно ясно, что они возвращаются в свой сектор.

— Выходит, мы позволим им уйти? — дрожа от ярости, спросил Биррел.

Чартерис сурово кивнул.

— Мы должны это сделать, командор. Когда пушки умолкают, начинают говорить политики. И для Земли крайне важно, что они скажут о битве в поясе астероидов, да и для всей Галактики тоже. Я уже подготовил заявление Совета ОМ. В нем говорится о том, что некая неопознанная флотилия, предположительно из неисследованной области Галактики, совершила дерзкое нападение на Солнечную систему, но была отброшена Объединенным флотом Земли и Лиры.

— Бога ради, что вы делаете? — закричал Биррел, теряя самообладание. — Вы же умышленно даете Соллеремосу шанс выкрутиться!

— Совершенно верно, — усмехнувшись, подтвердил Чартерис.

— Но почему?!

— Мы выиграли битву, командор, благодаря вашей славной эскадре. Но мы не желаем ни выигрывать, ни тем более проигрывать в галактической войне. Ее просто не должно быть, мистер Биррел. Не должно!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

▼▼▼

Все сорок восемь часов, в течение которых Объединенный флот наблюдал за отступающими силами Ориона, Биррел не находил себе места. Подчиненные, включая даже Гарстанга, старались не попадаться разъяренному

командору на глаз. Время от времени он навещал радиорубку и с отвращением перелистывал поступившие сообщения.

Политики действительно заговорили, да еще как! В Нью-Йорк, в Совет ОМ шли телеграмма за телеграммой: Сектора один за другим выражали свое восхищение действиями Объединенного флота, возмущались наглым нападением «неизвестного агрессора» и предлагали свою помощь в случае повторной атаки пришельцев из глубин Галактики.

— «Неизвестные агрессоры»! — кричал Биррел, в бешенстве раздирая информационные ленты. — Чушь! Все в Галактике прекрасно знают, откуда они явились. Читать противно эту галиматью!

Одним из первых в адрес Совета пришло послание... от Соллеремоса. Губернатор, оказывается, был потрясен дерзкими действиями таинственных пришельцев. Сектор Ориона использует все свои возможности, чтобы установить, кто посмел напасть на мирную планету. В случае повторной агрессии Соллеремос готов немедленно послать на помощь Земле все свои эскадры. И прочее... прочее... прочее...

Биррела трясло от гнева, когда он читал это сообщение. Но Гарстанг отнесся к нему по-философски.

— Кто знает, может быть, все и к лучшему, — спокойно заметил капитан. — Мы оставили Соллеремосу путь к почетному отступлению, и тот мудро им воспользовался. Иначе весь мир мог бы полететь вверх тормашками.

Биррел смерил его презрительным взглядом.

— Так вы думаете, что Чартерис был прав, остановив нас в шаге от полной победы?

— Полной? Помилуйте, Джей, это стало бы только началом вселенской резни. Галактика еще не знала ни одной глобальной войны, и слава Богу. Ради спокойствия тысяч обитаемых миров можно примириться даже с тем, что этот мерзавец Соллеремос унес свои немытые ноги.

Биррел был готов разорвать друга на куски за эти слова, но... но он понимал, что старина Джо был прав. Только согласится ли с этим Фердиас? Да, Пятая выпол-

нила приказ и не дала Соллеремосу захватить Землю. Тем не менее Биррел упустил уникальный шанс серьезно ослабить силы Ориона, уничтожив две лучшие его эскадры. Вряд ли Фердиас будет от этого в восторге...

Биррела не покидала тревога. Даже после того как Пятая по разрешению Совета направилась назад, на Землю, он не находил себе места. Но когда эскадра Лиры вслед за флотом ОМ совершила посадку в нью-йоркском космопорту, ее ожидал сюрприз.

Приближалось время заката. Крейсеры Пятой стояли, словно воины-титаны, покрытые многочисленными шрамами. Это были не следы вражеских снарядов — от попадания атомных зарядов корабль давно бы превратился в пыль. Глубокие рубцы оставили пыль и обломки астероидов, которых не смогли вовремя уничтожить лазерные пушки.

Выйдя на пандус «Старзонга», Биррел мрачно осмотрел иссеченный, покрытый вмятинами корпус корабля. «Черт побери, — подумал он, — еще одна такая победа, и я останусь без эскадры».

Командор крепко пожал руку подошедшему Брешнику.

— Все было отлично. Оставьте на кораблях только дежурный состав, а остальные пускай возвращаются в свои гостиницы. Людям надо отдохнуть. Постройте экипажи.

Через несколько минут усталые, хмурые астронавты строевым шагом направились в сторону ворот космопорта. К радости победы примешивалась горечь воспоминаний о погибших товарищах. Пятая потеряла почти четверть своих крейсеров и половину скаутов.

Но колонна не успела дойти до выхода из космопорта. Навстречу ей ринулась толпа людей в черных формах флота ОМ. Вопя от восторга, земляне стали обнимать своих товарищей по бою, подбрасывать их в воздух, хлопать по плечам. Восторженные крики, словно раскаты весеннего грома, звучным эхом прокатились между опаленными солнечным огнем кораблями Пятой.

— Это еще что такое? — недовольно сказал Биррел, наблюдавший со стороны за радостной кучей малой. — Я не давал приказ «вольно».

— Бросьте, командор, сейчас можно забыть на время о дисциплине, — улыбнулся во весь рот Гарстанг. — Эти парни еще несколько дней назад дрались плечо к плечу с ними, разве вы забыли?

От хваленой дисциплины Пятой вскоре не осталось и следа. Астронавты с Лиры потеряли свою чопорность и надменность. Да, земляне летали на старых, примитивных посудинах, но они славно дрались и ценой огромных жертв, сумели спасти Пятую от неминуемой гибели. Вскоре на космодроме не осталось ни одного мрачного лица — за исключением Биррела.

— Отлично же мои парни подчиняются приказам, — проворчал он. — Мало я их муштровал, мало!

Однако в его голосе не было осуждения. Вскоре к командному составу Пятой подошли четверо офицеров в черной форме флота ОМ. Впереди шел адмирал Ланей. Его лицо было, как всегда, суровым, но в глазах плясали чертики.

Он дружески пожал руку Биррелу.

— Примите мои искренние поздравления, командор, — сказал он сердечно. — Пятая была великолепна!

— Благодарю, адмирал, — ответил Биррел. — Пятая действительно справилась со своей задачей, но должен признать, что ваши умелые действия *немного* упростили дело.

Оба расхохотались и, отбросив все церемонии, по-дружески обнялись. Побеседовать им помешал Веннер. Он примчался словно вихрь со стороны флагманского корабля и, отдав честь, выпалил:

— Прошу прощения, командор, вам необходимо срочно прибыть на «Старзонг».

Сердце Биррела екнуло. Он отлично понимал, что его могли позвать назад лишь по одной-единственной причине. Пришло долгожданное послание от Фердиаса. Продолжая по инерции улыбаться, Биррел обратился к Ланею:

— Прошу прощения, адмирал, я должен идти. Надеюсь, мы сегодня еще побеседуем с вами тет-а-тет.

Ланей кивнул.

— Я понимаю, командор, у нас с вами есть неотложные дела даже в минуту триумфа. — Он посмотрел на бу-

шующую черно-голубую толпу и задумчиво сказал: — Может быть, нам все-таки стоит для порядка сказать своим парням «вольно»?

Когда Биррел торопливым шагом вошел в радиорубку, его ждали два послания от губернатора Лиры — одно открытое, а второе — в закрытом коде, известном на Пятой одному лишь ее командору.

Первое послание было таким, какое он и ожидал: «Хорошая работа, командор! Весь сектор Лиры и я лично гордятся подвигом вашей славной эскадры. Фердиас».

Биррел демонстративно оставил эту бумагу на столе, а шифровку унес к себе в комнату. Тщательно заперев дверь, он достал из сейфа таблицу шифра и занялся кропотливой работой. Пальцы его невольно дрожали.

Он прекрасно знал Фердиаса — губернатор мог одной рукой похлопывать вас дружески по плечу, а другой — всадить кинжал прямо в сердце. Второе послание могло оказаться совсем иным. Например: «Настоящим приказом вы отстраняетесь от командования эскадрой. Обязанности командора Пятой временно возлагаются на Брешника». Или что-нибудь в этом роде...

Он вздохнул, прочитав первую же расшифрованную фразу. Его худшие опасения, казалось, начинали сбываться.

«Кто сказал, что вы не дипломат, Джей? Никогда не думал, что вы сумеете так ловко выполнить и одновременно не выполнить мой приказ».

Вторая фраза оказалась совершенно неожиданной и окончательно сбила Биррела с толку:

«Передайте временно командование Брешнику. Поезжайте отдыхать в Орвилл и ждите там моих дальнейших указаний».

«Черт побери, — растерянно подумал Биррел, — что мне делать в Орвилле?» Не означало ли это конец его карьеры? Но почему?.. Разве не он победил в первой битве с превосходящими силами Ориона? Неужели ему предстоит «отставка по состоянию здоровья»?

Все это было вполне вероятно. Непонятно лишь, при чем здесь Орвилл?

При других обстоятельствах этот приказ Фердиаса можно было оценить как желание дать командору Пятой небольшой отдых после отлично выполненной работы. Разве ему, Биррелу, не хотелось бы пожить недельку наедине с Лиллин, побродить по лугам, позагорать на берегу лесной речки? Конечно, хотелось.

Но с Орвиллом у него были связаны свежие и не очень приятные воспоминания. Таинственное исчезновение Кэрша, ночное нападение агентов Ориона, не очень дружественная встреча с Маллинсоном, схватка с орионским скаутом... Право же, для отдыха на Земле можно найти и другое местечко.

Что хотел сказать этим Фердиас? Казалось бы, Орвилл в прошлом: Кэрш мертв, Таунцер в руках спецслужб Земли, и угроза с Ориона вроде был отведена. Да, большая политическая игра между секторам за власть в Галактике продолжается, но Орвилл в ней уже ничего не мог значить. Глупо полагать, что Фердиас вновь использует это засвеченное местечко для встречи его, Биррела, с другим агентом. Разве что губернатор захочет убрать своенравного командора чужими руками...

«Чушь, я стал слишком мнителен, — устало подумал Биррел. — Фердиас доволен моими действиями и дает мне отдохнуть в доме предков, на лоне природы... Только вот почему Фердиаса заботит, где именно я должен проводить свой отпуск? Подобные мелочи губернатора никогда не интересовали. Его предложение звучит как приказ, и в этом чувствуется что-то угрожающее. Но что?»

Внезапно он вспомнил слова Таунцера, произнесенные под действием лучей «детектора правды»: «Если Соллеремос не сделает этого, то Фердиас захватит Землю первым».

Почему ему так запали в память эти слова? Мало ли что мог наговорить убийца... Фердиас же ясно сказал: он не собирается нападать на Землю.

Да, Фердиас сказал это. Но разве губернатор не мог держать в голове нечто совершенно иное? Разве он не послал Пятую на Землю, ни словом не обмолвившись о своих действительных планах?

«К дьяволу все... Я просто устал. Нужно выспаться как следует».

Но Биррелу не удалось это сделать. В каюту постучал Веннер и доложил:

— Простите, сэр, вас хочет видеть господин Маллинсон.

— Только его сейчас и не хватало! — в сердцах воскликнул командор. — Ладно, пусть войдет.

Разговор оказался коротким.

Секретарь Совета выглядел так, словно у него болели все зубы разом. С трудом выдавив из себя подобие улыбки, он первым протянул руку Биррелу:

— Примите мои извинения, командор. Мои подозрения, к счастью, не оправдались. Вы великолепно провели бой с «неизвестным агрессором».

— Рад слышать такую высокую оценку моим скромным усилиям, — сухо ответил Биррел. — Чему обязан вашим визитом?

Оказалось, что Чартерис жаждет видеть командующего Пятой Лиры, чтобы лично выразить ему благодарность от имени Земли и всех Объединенных Миров. Отказаться было невозможно, и Биррел, проклиная про себя все на свете, поплелся вслед за Маллинсоном к автомобилю.

По дороге в Нью-Йорк они говорили мало. Секретарь Совета не очень-то был расположен к тому, чтобы расточать комплименты своему недавнему пленнику, и Биррел его не осуждал. В конце концов, почему земляне должны доверять Лире больше, чем Льву или Ксипехузам? Да, мы сражались бок о бок в поясе астероидов, но это еще ничего не значит. Земляне не могли знать, что на уме у Фердиаса, и он, Биррел, тоже не знал.

Нью-Йорк был переполнен ликующими толпами. Люди, съехавшиеся в город для празднования юбилея первого звездного перелета, теперь бурно отмечали победу Объединенного флота над «таинственными пришельцами». Лимузин Маллинсона с флажком ОМ с трудом прокладывал дорогу через запруженные людьми улицы.

— Этой ночью Нью-Йорк принадлежит вам, коман-

дор, — сказал Маллинсон. — Теперь ваших людей здесь примут не как почетных гостей, а как кровных братьев.

Биррел в ответ пробурчал:

— Надеюсь, моих парней не перепоят сегодня в стельку. Я и раньше не очень-то любил праздники, а теперь и вовсе терпеть их не могу.

Маллинсон хохотнул:

— Могу поручиться только за то, что земляне не дадут вашим астронавтам умереть от жажды.

Около парадного входа здания Совета ОМ бурлило такое веселье, что Маллинсон предпочел провести гостя через одну из незаметных боковых дверей. Чартерис ждал их в своем кабинете, стоя у окна. Его лицо выглядело непривычно старым и утомленным, но глаза сияли от радости.

— Отлично, отлично, командор! — воскликнул он, увидев Биррела. Пылко пожав гостю руку, он добавил: — В первый раз в жизни я не нахожу слов, чтобы выразить мои чувства. От всей души благодарю вас — что я еще могу добавить?

Биррел впервые увидел Председателя Совета таким взволнованным. Перед ним стоял не опытный, всегда владеющий собой дипломат, а обычный пожилой человек, много переживший за последние дни.

— Садитесь, мистер Биррел, — гостеприимно сказал Чартерис, улыбаясь. — Я понимаю, как вы устали. К счастью, до начала празднования еще осталось несколько дней, чтобы вы и ваша эскадра могли отдохнуть и произвести необходимый ремонт. Кстати, я сегодня получил послание от Фердиаса.

Биррел вздрогнул.

— Вот как?

— Очень теплое послание, — сказал Чартерис. — Я, знаете ли, не самый сентиментальный человек, однако, прочтя его, был растроган до глубины души. У меня даже появилось ощущение, что когда-нибудь сектора захотят вернуться в Объединенные Миры и мы вновь заживем большой и дружной семьей. Как вы полагаете?

Напряжение Биррела спало, но не совсем. Он подумал, что вскоре действительно произойдут большие пере-

мены, однако вряд ли они будут такими идиллическими, как полагал Чартерис.

Председатель Совета неверно истолковал его молчание и поднялся с кресла:

— Простите, командор, что я отнимаю время у усталого человека своей болтовней. Не буду вас больше задерживать. Когда нам удастся собрать всех членов Совета, мы попросим вас еще раз почтить нас своим присутствием. Кстати, где вы намереваетесь провести отдых? У нас на побережье есть великолепные курорты...

Биррел покачал головой.

— Спасибо, но я хотел бы вернуться в Орвилл, на ферму моих предков. Там осталась моя жена, и вообще сельская природа мне по душе.

Чартерис поднял брови:

— Вот как? Вам действительно нравится эта ферма? — Его глаза заблестели. — Отлично! В таком случае мы выкупим эту ферму и подарим вам в знак своей благодарности.

Биррел начал было протестовать, но Чартерис дружески похлопал его по плечу.

— Не возражайте, командор. Конечно, этот подарок слишком скромен, учитывая то, что вы сделали для Земли, но он кое-что для вас может значить.

— Спасибо, мистер Чартерис, — растерянно произнес Биррел, а сам подумал: «Черт побери, да здесь все вознамерились сделать из меня фермера! Впрочем, не исключено, что и Фердиасу пришла в голову эта милая идея...»

Самому Фердиасу, конечно, одной старой фермы было бы мало. Он бы захотел получить всю Землю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

▼▼▼

На следующее утро, когда Биррел и Лиллин завтракали, сидя на веранде, к ним заявился в гости Винсон. Сосед пришел пешком через поля, и его брюки до колен были мокрыми от росы. Вид у фермера был таким, будто

он потерял окончательно терпение и готов пахать земли Биррела хоть голыми руками.

Живо взбежав по лестнице на веранду, Винсон неуклюже поцеловал руку Лиллин и по-свойски обнял Биррела, похлопывая его по спине.

— Наслышался о ваших подвигах в поясе астероидов, Джей! — воскликнул он. — Здорово вы дали прикурить этим бандитам с Ориона!

Биррел пригласил его сесть и налил две рюмки крепкого земного бренди.

— Выпьем за ваше здоровье, мистер Винсон, — сказал он, улыбаясь. — А также за здоровье вашей чудесной жены. Она так трогательно ухаживала за моей Лиллин, что мы и не знаем, как вас благодарить.

— Э, бросьте, Джей, — протянул Винсон, с удовольствием опрокинув рюмочку и с вожделением взглянув на почти полную бутылку. — Все это пустяки по сравнению с тем, как вы дрались в космосе с захватчиками.

— Думаю, вы были бы разочарованы, если бы увидели, как «дрался» я, — сказал Биррел, усмехнувшись. — Я даже от экранов ни разу не отошел, а моим личным оружием служил голос и электронные мозги компьютеров. Вы, мистер Винсон, вели себя куда эффектнее во время той ночной схватки с экипажем скаута, помните?

Фермер покраснел от удовольствия — он и сам считал, что внес решающий вклад в победу на лесной поляне. И почти все его соседи на десять миль в округе, которым он по секрету рассказал о схватке с орионцами, были с ним согласны.

Заметив черного кота, который с независимым видом развалился на стуле рядом с Лиллин, фермер сказал:

— Вижу, вы подобрали этого сорванца. И правильно сделали, хороший кот нужен в каждом фермерском доме.

Биррел в сомнении посмотрел на Тома, который даже и ухом не повел при виде гостя. Зверек явно чувствовал себя здесь хозяином.

— Не понимаю, чем может быть полезен этот маленький чертенок, — заметил командор.

Лиллин засмеялась и погладила Тома по спине. Тот

недовольно повел пышными усами, давая понять, что только терпит эти ласки, не более того.

— А ведь кот признал вас, миссис Биррел, — хохотнул Винсон. — Я вижу, это стоило вам нескольких фунтов ветчины. Уж больно округлились у этого разбойника бока за последние дни! Кстати, Джей, — ведь вы позволите мне называть вас так по-соседски, верно? — не пора ли нам обойти ваши поля? Надо продумать план осенних работ. Я уже прикинул, как соберу урожай, пригоню всю свою технику и перепашу вашу целину разок-другой. Удобрения тоже не помешает внести, хотя земля долго отдыхала и способна на чудеса. Уверяю вас, Джей, вы соберете такой урожай кукурузы, что все наши фермеры ахнут!

Биррел успел совершенно забыть об обещаниях Винсона. Теперь, когда угроза стала очевидной, он поспешно попытался увильнуть:

— Благодарю, сосед. Боюсь, ваша помощь мне не понадобится. Мы с супругой должны в скором времени вернуться на Лиру, так что времени на сельхозработы у меня просто не будет.

— О, не беспокойтесь, я сделаю все сам! — воскликнул Винсон, глядя на командора влюбленными глазами. — Мои машины сейчас наполовину простаивают, я хоть сейчас могу послать пару роботов, чтобы они очистили ваши поля от сорняков. Уверяю вас, когда вы вернетесь, все ваши угодья будут иметь вполне приличный вид.

Биррел сдался. Этот простодушный человек так хотел сделать ему приятное, что отказывать было неловко.

— Буду очень благодарен вам, — наконец сказал он со вздохом. — Пойдемте, посмотрим на мои плантации, раз уж вам так не терпится. Лиллин, дорогая, ты согласишься немного поскучать в одиночестве?

Вегианка только улыбнулась в ответ. Был яркий солнечный день, легкие облачка скользили по небу, сильный ветер нес влагу и прохладу. Винсон бодро шагал чуть впереди и говорил почти без умолку. План работ у него был давно продуман до деталей. Амбар требует основательного ремонта, особенно его крыша, заявил он. Фрук-

товые деревья запущены до предела, часть из них одичала и должна быть вырублена, а остальные нуждаются в основательной обрезке. Теплицы надо...

Биррел делал вид, что внимательно слушает, хотя его мысли сейчас были далеки от проблем переналадки роботов-тракторов на осенний цикл работ, ошибок погодного контроля и прочих фермерских забот. Его сейчас волновало совсем другое: как скоро от Фердиаса поступят новые указания. Было ясно, почему губернатор не захотел на этот раз воспользоваться шифрограммой. Конечно, два послания подряд могли дать возможность службам безопасности ОМ проникнуть в тайну шифра. Если распоряжения Фердиаса касались судьбы Земли, то риск был неуместен.

Реплика Винсона вернула его к действительности. Они шли по краю одного из полей, густо заросшему кустами шиповника и молодыми деревцами.

— Прежде всего надо избавиться от этого сора, — сказал Винсон. — Я запрограммирую робот-бульдозер, и он живо выкорчует эти чертовы кусты.

На некоторых кустах Биррел заметил мелкие темно-красные ягоды. Он сорвал несколько и понюхал.

— Эти ягоды съедобны?

— Конечно, — с удивлением ответил Винсон. — Дикий шиповник очень полезен, хотя и мелковат. В сыром виде его почти не едят, но сушеный дает прекрасный отвар, богатый витаминами. Неужели вы никогда не пробовали шиповника?

Биррел покачал головой и попробовал на вкус одну из ягод. Она оказалась несладкой, довольно терпкой, но по-своему приятной. Казалось, в ней сконцентрировалось тепло солнца.

На западе поля старой фермы примыкали к лесу, в котором не так давно состоялась схватка с экипажем орионского скаута. Днем он выглядел совершенно иным — уютным, ухоженным, с тщательно прореженным подлеском и аккуратными дорожками, усыпанными хвоей. Небольшая речка струилась среди мшистых валунов. Кое-где на ее пути были устроены запруды, и речка в этих местах раз-

ливалась довольно широкими омутами. По берегам густо росли веерообразные растения — по словам Винсона, папоротник.

Затем соседи вернулись к дому.

— Спасибо, Винсон, я узнал массу полезного, — сказал утомленно Биррел. — Значит, по осени надо перевернуть плугами дерн, чтобы за зиму он перепрел? Очень интересно... А это еще что?

Он остановился, увидев рядом с домом старомодную машину. Дверца ее распахнулась, и из машины вышла симпатичная женщина средних лет в скромном, мышиного цвета платье, так не соответствующем ее цветущему лицу и прекрасной фигуре. Она тут же стала помогать выйти очень пожилой женщине со сморщенным, словно печеное яблоко, лицом, париком соломенного цвета и большими очками в роговой оправе. Биррел невольно вздрогнул.

— О, Боже, — простонал Винсон. — Это же заявилась старуха Савьер! Она, конечно, довольно добродушная особа, но заговорит вас до смерти, Джей. Прошу прощения, я уношу ноги. Я слушал эту миссис слишком много раз. Увидимся позже, сосед!

Фермер поспешно шмыгнул за амбар. Биррел испытал могучее желание сделать то же самое, но положение хозяина обязывало. Изобразив радушную улыбку, он поплелся навстречу гостям. Тем временем старуха пронзительным голосом руководила разгрузкой автомобиля. Женщина в сером, тяжело дыша, достала с заднего сиденья несколько узлов с большими книгами, которым на вид было лет сто. Увидев Биррела, она застенчиво улыбнулась.

— Прошу прощения, мистер Биррел, за наш внезапный визит. Я — Нетта Савьер, ваша соседка. Мама очень хотела вас увидеть перед тем, как вы снова улетите на звезды. Надеюсь, мы не побеспокоили вас?

— Нетта, замолчи, — сказала старуха, с задумчивым видом разглядывая командора. — Ну конечно, вы — истинный Биррел. У вас типичный для вашей породы уродливый подбородок.

— Вы мне льстите, — улыбнулся командор. — Пойдемте в дом, миссис Савьер, мы с женой всегда рады гостям.

Опираясь на его руку, старуха торжественно поднялась по ступеням на веранду. За ними шла несчастная женщина, согнувшись под тяжестью связок с книгами.

Лиллин встретила гостей приветливой улыбкой.

— Очень приятно... — начала было она, однако старуха только махнула рукой.

— Так вы его жена? — спросила она, бесцеремонно разглядывая вегианку с головы до ног. — Что ж, красива, красива, да только как-то не по-нашему... Выходит, газеты не врут, что на других звездах тоже живут люди. Надеюсь, милочка, муж не поколачивает вас с пьяных глаз, как делал его предок Николас Биррел.

— Мамочка, что ты говоришь... — с несчастным видом вздохнула Нетта Савьер, но старуха не обратила на нее внимания.

— Николас? — удивленно повторил Биррел. — Это еще кто такой?

— Николас Биррел, брат вашего прадеда, молодой человек, — отрезала старуха. — Все в Орвилле говорили, что он бьет свою жену. Я тогда была совсем ребенком и все же отлично помню, как его все осуждали. Почему бы вам не пригласить меня в дом, а? Здесь, на веранде, слишком прохладно.

Биррел распахнул дверь и провел миссис Савьер в гостиную, а затем помог ее дочери принести туда же толстые книги. Расположившись в кресле, старуха решительно отказалась от предложенного Лиллин кофе.

— Я сюда не за этим приехала, милочка, — сурово отрезала она. — Биррел, а вы чего стоите? Распакуйте эти альбомы и разложите их на столе. Из-за них я и приехала.

Биррел с озадаченным видом выполнил приказ властной старухи.

— Мама с детства собирает фотографии своих соседей и хочет, чтобы вы на них взглянули, — объяснила Нетта Савьер, поймав его удивленный взгляд.

— Рад слышать, — с натянутой улыбкой сказал Биррел. — Вы ведь моя родственница, не правда ли, миссис?

— Ничуть не бывало, — отрезала старуха, оценивающе глядя на него. — Во мне нет ни капли крови Биррелов.

Но мать моего мужа была в девичестве Биррел, и от нее мне перешли кое-какие семейные фотографии. Нынешней молодежи они вовсе не интересны, а для вас, Джей Биррел, здесь найдется кое-что любопытное. — Она повернулась к Лиллин и добавила сочувственно: — Я понимаю, голубушка, сколько хлопот вам должен доставлять этот Биррел. Я-то знаю, какое это беспокойное племя! Мой Савьер был копией своей матушки. Попил он из меня крови, позвольте доложить!

— Ну, не так уж мой Джей и плох, — улыбаясь ответила Лиллин, но старуха уже не слушала ее. Она впилась своими белесыми глазками, упрятанными под толстые линзы очков, в хозяина дома.

— Так я и думала — у вас типичный угрюмый взгляд Биррелов. Они все, даже женщины, глядели словно волки на божий свет, хотя зла в них было немного. Да вы сами посмотрите...

Старуха раскрыла один из альбомов и стала не спеша его перелистывать, указывая скрюченным пальцем на выцветшие от времени фотографии и едко комментируя их.

Биррел и Лиллин сидели по обе стороны от нее и, вытягивая шеи, пытались что-то разглядеть на старых черно-белых фотографиях. Миссис Савьер знала все и про всех, так что Биррел вскоре мысленно проклинал ее на чем свет стоит. Зато Лиллин, казалось, получала истинное удовольствие от этой дурацкой ситуации, в которую угодил ее муж.

— ... а вот и нечестивец Николас, — сказала старуха, перевернув очередную страницу. — Я смутно его помню, но не сомневаюсь, что он бил свою жену. Люди зря говорить не станут. А вот и его отец Джо Биррел... нет, кажется, Джеймс...

Мелькали десятки, сотни фотографий, и Биррел уже начал дремать, как вдруг вздрогнул от очередного комментария миссис Савьер:

— ...тот самый Клив Биррел, который улетел отсюда на Сириус или куда-то еще, уже не помню.

Биррел нагнулся, чтобы лучше разглядеть своего прадеда. На фотографии он увидел приятного юношу с доб-

родушным лицом и глубоко посаженными, немного мрачными глазами. У его ног стоял саквояж, который как семейная реликвия ныне хранился в доме Биррела на Веге.

— Вы очень похожи на него, молодой человек, — почти осуждающим тоном сказала старуха.

Биррел не заметил у прадеда ни малейшего сходства с собой, но спорить не стал. Зато Лиллин, к его раздражению, кивнула в знак согласия:

— Да, есть что-то похожее в выражении лица...

— А я о чем говорю! — торжествующе воскликнула миссис Савьер. — Такой же уродливый, тяжелый, как у боксера, подбородок.

Просмотр семейных фотографий продолжался еще почти час. Гости со звезд узнали массу любопытных сведений о своих соседях, и соседях своих соседей, и даже о тех жителях Орвилла, кто уехал из этих краев полвека назад. Наконец старуха неожиданно захлопнула очередной фолиант и заявила: у нее больше нет времени для таких глупых пустяков, она должна ехать домой.

Биррел с облегчением проводил старую женщину и ее молчаливую дочь до машины.

— Я оставлю у вас мои альбомы на некоторое время, Джей Биррел, — сказала миссис Савьер напоследок. — Но затем я вновь заберу их. Не для того я столько лет их берегла, чтобы они улетели на звезды! А ведь вы улетите на звезды, Джей Биррел, что бы там ни болтал этот пустомеля Винсон.

Когда автомобиль выехал на поселковую дорогу, Биррел повернулся и пошел к дому, заложив руки за спину.

— Отлично, — бормотал он. — Теперь мне покоя не видать. Люди со всей округи будут приходить, чтобы подарить мне камень, о который некогда споткнулся мой прадед...

Лиллин, услышав стенания мужа, покачала головой.

— Ошибаешься, Джей, — сказала она успокаивающе. — Пока ты дрался с орионцами, я немного узнала этих людей. Они по-своему деликатны и не будут нам мешать,

хотя от всей души хотели бы устроить в твою честь праздник на всю долину.

Ее прогноз оправдался. До конца дня больше никто их не беспокоил.

Биррелу это тоже не понравилось. Вернулись все прежние тревоги. Его будущее окутывал туман, и расслабиться было невозможно. Малейший шум раздражал командора, но и сонное спокойствие, разлитое в окрестностях старой фермы, тоже действовало угнетающе.

Под вечер он не выдержал и связался с Брешником.

— Сэр, ничего нового нет, — доложил заместитель. — Идет работа по исправлению повреждений, и довольно быстро. — Он подробно остановился на ходе ремонтных работ, а затем добавил с раздражением: — К сожалению, у нас полно хлопот с личным составом. Нью-Йорк празднует победу и днем, и ночью, и наши парни тоже гудят вовсю. Дисциплина совсем расшаталась, я не знаю, что делать.

— Я ожидал этого, — сказал угрюмо Биррел. — У Гарстанга, должно быть, особенно много хлопот.

Брешник фыркнул.

— Еще бы. Не далее как прошлой ночью я сам помогал ему раздеваться, когда его принесли в каюту.

Биррел нахмурился.

— Передайте всему командному составу: немедленно прекратить этот бардак! Есть еще новости?

— С Веги получено сообщение, что командование флота решило частично возместить наши потери в боевой технике. К Земле сейчас должны приближаться четыре скаута из Второй эскадры.

— Сообщите немедленно, как только они прибудут, — сказал Биррел и отключил порто.

«Все ясно, — думал он, бесцельно бродя вокруг дома. — На одном из скаутов летит человек с посланием Фердиаса, которое губернатор не рискнул передавать даже секретной шифрограммой. Но что в этом послании?..»

Ночью Биррел почти не спал. Следующим вечером ему позвонил неугомонный Винсон. Он попросил Бирре-

ла навестить его. «У меня все готово, сосед, — с гордостью доложил фермер. — План работ по восстановлению вашего хозяйства продуман до деталей. Надо обсудить только кое-какие мелочи. Если сможете, приезжайте с вашей очаровательной супругой, моя Эдит будет очень рада».

Лиллин ехать отказалась, она себя неважно чувствовала, да и на кухне накопилось дел.

Вечер был тихим, ласковым, и Биррел, к своему удивлению, решил пойти к Винсонам пешком. Солнце уже склонялось к волнистым холмам, висевшие на востоке многоэтажные облака окрасились в оранжевый цвет. Небо было непривычного лимонного цвета. Очертания каждого дома, каждого дерева там, на горизонте, стали четкими, словно вычерченные рейсфедером.

Солнечный свет постепенно менял свою окраску, и Биррел остановился посреди поля, завороженный удивительным великолепием земного заката. Кусты шиповника вокруг казались обрызганными красными каплями крови. Со стороны лесной речки потянулись белесые слои низко стелющегося тумана. Над вершинами сосен медленно кружили две хищные птицы, выглядывая добычу.

Все вокруг казалось Биррелу чужим и одновременно хорошо знакомым. Что-то пробуждалось в его душе, какие-то давно молчащие струны тронул этот феерический закат. «И все-таки Винсон прав, я землянин в душе. С каждым днем я прикипаю сердцем все сильнее к этим деревенским местам. Да, мои корни были давным-давно обрезаны, но здесь, в Орвилле, они ожили. Это мой мир, каким бы архаичным и провинциальным он ни казался. Конечно, фермером я никогда не стану, но...»

— Эй, Биррел! — раздался чей-то знакомый голос. — Что-то вы засмотрелись на эти поля, старых друзей узнавать не хотите.

Он повернулся и увидел, как по направлению к нему идет человек, слегка припадавший на правую ногу. И хотя солнечные лучи слепили его, Биррел узнал гостя.

Нахмурившись, он пошел навстречу Фердиасу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

▼▼▼

Косые багряные лучи не давали Биррелу как следует разглядеть лицо губернатора Лиры. Но глаза Фердиаса казались веселыми.

— Прекрасное местечко этот Орвилл, — сказал губернатор, обняв Биррела. — Я глазам не поверил, когда нашел вашу гордую красавицу Лиллин, подметавшую пол на кухне под мурлыканье какого-то черного зверька. Никогда бы не подумал, что вегианке аристократических кровей может понравиться жить в таком захолустье, а вот ей понравилось. Да и вы, Джей, смотритесь посреди этих полей словно завзятый фермер.

Фердиас огляделся. Его золотистые цепкие глаза, казалось, впитывали каждую деталь пейзажа.

— Так вот на что похожа Земля вдали от города и космопорта, — задумчиво произнес он. — Любопытно, любопытно. Видите этих двух птиц? Ястребы! Об этом мне рассказал деревенский парнишка, у которого мы уточняли дорогу. На Веге нет таких птиц, Джей.

— Я так понимаю, ваш визит на Землю носит неофициальный характер? — осторожно спросил Биррел.

Фердиас покивал головой, не отрывая глаз от темной стороны леса.

— Вы правильно понимаете, Джей. Мой визит не только неофициальный, но и в высшей степени секретный. Эти подозрительные чинуши из Совета ОМ могли поднять тревогу, если бы я заявился сюда открыто. Я прибыл на Землю на одном из разведывательных скаутов и попросил Гарстанга сразу же привезти меня в Орвилл. Сюрприз для вас, верно?

— Конечно, — сказал Биррел. — Я думал, что вы никогда не покидаете Вегу-4.

— Да, я стараюсь, чтобы так думали все в Галактике. Для политика моего уровня совсем неплохо прослыть завзятым домоседом. Признаюсь вам, Джей, я чертовски люблю путешествовать и инкогнито побывал во многих

мирах, и не только в секторе Лиры. Вот и сейчас почти никто в столице даже не подозревает, что я нахожусь на Земле. На подобные случаи у меня всегда есть под рукой парочка двойников... Впрочем, это все неинтересные для вас детали. Я хочу еще раз поблагодарить вас за победу в поясе астероидов. Дела идут совсем неплохо, командор!

— Они шли бы еще лучше, если бы мы догнали остатки эскадр Ориона, — с горечью ответил Биррел.

Он рассказал Фердиасу обо всем, что произошло после бесславного бегства противника. Губернатор внимательно выслушал его, а затем покачал головой:

— Чартерис ошибся. Нам не избежать войны. Соллеремос через некоторое время непременно попробует вновь атаковать Землю. А может быть, это сделает кто-то другой. Такова цена безнаказанности.

— Политика, опять политика, — вздохнул безнадежно Биррел. — Я чертовски устал от всего этого, Фердиас. К счастью, Пятая уже завершает ремонтные работы и на днях сможет отбыть домой.

Фердиас долго молчал, задумчиво глядя на багровое предзакатное небо. Сумерки быстро сгущались. Подул прохладный ветерок, насыщенный густыми запахами зелени.

— Нет, Джей, — наконец сказал он. — Пятая не полетит к Веге — по крайней мере, в ближайшее время.

Как ни странно, Биррела эти слова ничуть не удивили. Он подсознательно ожидал этого с тех пор, как услышал о приближающихся к Земле скаутах. Взглянув на фермерские дома, в которых уже засветились окна, он подумал: «Жаль, соседи, что все так оборачивается. Вы не заслужили этого».

— Впрочем, транспорты с небольшой охраной надо отослать назад сразу же после окончания праздника, — хладнокровно продолжал Фердиас. — Но Пятая останется здесь, пока мы не убедимся, что Соллеремос не предпримет вновь попытку захватить Землю.

Биррел недоверчиво спросил:

— Губернатор, вы на самом деле считаете, что Орион

попытается сделать это? После такого сокрушительного поражения, с потрепанными в бою эскадрами...

Фердиас резко прервал его:

— Попробует, можете не сомневаться. Не сегодня, так завтра. Не Соллеремос, так пройдоха Гианей, или скареда Стров, или кто-то другой из губернаторов. Если мы сейчас безответственно уйдем с Земли, то оставим ее практически беззащитной. Вы же сами знаете, что от ее флота остались лишь жалкие лохмотья. Мы не сможем гарантировать Объединенным Мирам безопасность.

— Но Совет может не согласиться...

— Согласится, Биррел. Я собираюсь заключить с ними оборонительный союз. Это ничуть не ущемит ни права Земли, ни самостоятельности ее действий.

— Да они швырнут вам договор в лицо, губернатор!

— Кишка тонка, — сухо сказал Фердиас. — Они видели, на что способна Пятая. В крайнем случае, у меня найдутся еще четыре эскадры.

Биррел почувствовал, как почва уходит у него из-под ног.

— Простите, губернатор, я мало разбираюсь в политике, но все же рискну возразить вам! Я знаю этих людей, они никогда не согласятся на такой «союз». Земляне будут бороться за свою независимость!

— Чушь, полная чушь, — презрительно поморщился Фердиас. — Что вы несете, Джей? Не будет никакой борьбы. Конечно, чиновники из Совета ОМ поначалу поднимут крик, но я смогу с ними договориться. Если надо, не побрезгую даже взяткой, говорю вам откровенно. Ради мира в Галактике я готов пойти на все! Многое мне не надо. Земля должна будет со временем предоставить постоянную базу вашей эскадре, только и всего. Ну и, конечно, наша внешняя политика отныне будет скоординирована. Вот и все. Ни один другой сектор не мог бы предложить Земле лучшие условия. Теперь, когда эта планета получила жестокий урок, чиновники Совета будут куда уступчивее, чем вам кажется. Кстати, не пора ли возвращаться? Что-то я продрог.

Они пошли по узкой тропинке среди высокой травы,

над которой уже сгущался туман. Кусты шиповника окатывали их брызгами холодной росы, но Фердиас, казалось, даже не замечал этого. Он был весь во власти своих планов.

— Командор, как долго Пятая может продержаться здесь на собственных запасах?

— Где это — здесь? — мрачно спросил Биррел. — На Земле?

— Нет, пока нет. Не будем торопить события. Если Пятая останется на космодроме, кое-кто может воспринять это как попытку военного шантажа. Пока будут договариваться дипломаты, ваша эскадра должна отойти за пределы Солнечной системы. Но недалеко.

— Если Пятая остановится в парсеке или двух от Земли, то три или четыре недели мы продержимся, — задумчиво ответил Биррел. — Иначе без дозаправки в космосе нам до Веги не долететь.

— Три или четыре недели... Что ж, этого может и хватить для заключения союза, — сказал Фердиас. — А в случае необходимости вы сможете растянуть этот срок хотя бы до двух месяцев?

Биррел раздраженно возразил, мысленно проклиная всех политиканов на свете:

— Разумеется, кислорода, воды и еды нам хватит и на больший срок, губернатор. Однако наши энергоресурсы почти исчерпаны. Если вновь придется вступить в бой, то...

— Об этом не беспокойтесь, о боевых действиях и речи идти не может! — нетерпеливо прервал его Фердиас. — Ладно, остановимся на четырех неделях. Если все пойдет нормально, то вы через некоторое время вернетесь на Землю, уже на собственную базу, и земляне сами снабдят вас всем необходимым. Я договорюсь об этом. О, да мы уже пришли.

На лужайке возле дома их встретил Гарстанг. Он с несчастным видом дежурил около автомобиля, поеживаясь от вечернего ветра. Увидев губернатора, капитан отдал честь с неожиданной для его массивной фигуры ловкостью.

— Вольно, вольно, — добродушно сказал губернатор. — Что это вы здесь скучаете, Джо? Шли бы в дом,

помогли бы очаровательной миссис Биррел накрыть на стол. Мы с командором вдоволь налюбовались местными красотами, и теперь у нас разгулялся аппетит. У вас есть земные вина, Джей?..

В гостиной они застали Лиллин, которая сервировала стол к ужину. Фердиас почтительно поцеловал ей руку и рассыпался в комплиментах, которые он закончил довольно неожиданно:

— ...А вам пошел на пользу воздух Земли, Лиллин. Надеюсь, вы еще вдоволь им подышите.

Вегианка изумленно взглянула на мужа, но тот только крякнул с досадой и пошел на кухню за бутылкой земного бренди.

Когда он вернулся, губернатор с задумчивым видом ходил по комнате, разглядывая старинную мебель и картины.

— Приятная обстановка, Джей, не правда ли? — сказал он, слегка касаясь кончиками пальцев резной дверцы книжного шкафа. — В этом доме все дышит прошедшими веками. Пожалуй, жизнь в Галактике слишком стандартизировалась, все планеты стали на одно лицо. А Земля осталась сама собой и ничуть не стыдится своего архаизма. Нам просто жизненно необходим этот союз, Джей!

Ужин прошел очень весело. Губернатор был в отличном настроении и буквально сыпал остротами. Казалось, он решил во что бы то ни стало добиться руки и сердца Лиллин, и та, польщенная вниманием Фердиаса, сияла от удовольствия. Но губернатор, как всегда, был непредсказуем.

Посреди очень забавной истории из времен своей юности он внезапно посуровел и совершенно другим голосом закончил:

— ...Впрочем, все это пустяки. Мы уже, наверное, утомили миссис Биррел своей болтовней. Да и время позднее. Гарстанг, проверьте, не увели ли аборигены наш автомобиль.

Лиллин, пожелав гостям приятной ночи, стала подниматься наверх. Посреди лестницы она обернулась, и в ее глазах Биррел прочел тревогу.

— Итак, о наших планах, — как ни в чем не бывало продолжил губернатор, глядя прищурившись на бокал с вином. — Празднование этого дурацкого юбилея начнется послезавтра и продлится три дня. Пятая улетит сразу же после его окончания вместе с транспортами, а я, пожалуй, все-таки прибуду на Землю с официальным визитом. Я выступлю на Совете ОМ с предложением создать оборонительный союз. В двух парсеках от Солнечной системы вы, Биррел, выделите для сопровождения транспортов два крейсера и несколько скаутов, а сами будете барражировать в космосе до получения дальнейших моих распоряжений...

Поначалу Биррел внимательно слушал, стараясь по привычке не упускать ни одной детали, но затем почувствовал, что в его душе происходит нечто непонятное. Что-то родилось там, в глубине его подсознания, и с неистовой силой рвалось наружу, сметая все на своем пути. Наконец он почувствовал, что его губы задвигались как бы сами по себе, произнося нечто совершенно немыслимое:

— Прошу прощения, губернатор, я не могу выполнить ваш приказ.

Никогда прежде ему не приходилось видеть на лице Фердиаса такого изумления.

— Что? Я не понял, Джей, повторите, — медленно сказал губернатор.

Биррел осторожно поставил недопитый бокал вина на стол и глухо продолжил:

— Я никогда не буду участвовать в ваших планах по захвату Земли, Фердиас.

Губернатор Лиры с проклятием вскочил на ноги. Его лицо побелело от гнева, губы мелко тряслись. Он не привык к возражениям. Более того, давным-давно он сумел добиться того, что даже самоубийцы ему не осмеливались перечить.

— Что с вами, Джей? — ледяным голосом спросил он. — Перегрелись на земном солнце? Кто говорит о захвате Земли? Я же не раз вам объяснял...

— Да, вы мне не раз объясняли свою политику по отношению к этой планете, — осмелился перебить его Бир-

рел. — И каждый раз немного иначе. «Мне не нужна Земля, я хочу только того, чтобы ее не захватил Соллеремос», — говорили вы. А сами, по сути дела, спровоцировали нападение эскадр Ориона, послав на Землю Пятую Лиры. Вы знали, что Соллеремос держит на границе Объединенных Миров две эскадры, и отлично понимали, что я в состоянии с ними справиться — конечно, при помощи флота адмирала Ланея. Вы все рассчитали до деталей, Фердиас! Теперь в глазах Галактики вы — спаситель Земли, а Соллеремос — агрессор, хотя прямо об этом не говорится. Флот Земли почти разгромлен, потому Совет должен стать уступчивее и согласиться на ваш замечательный «оборонительный союз». Но что за союз может быть у титана с карликом? Скоро вы добьетесь того, что большинство в Совете будут составлять ваши люди, а остальных сумеете купить. Да, это будет мирный, бескровный захват Земли, но все равно захват! Я не желаю в нем участвовать.

— Чушь, Биррел, полнейшая чушь! — воскликнул Фердиас, трясясь от гнева. — А если бы даже это было бы правдой, то кто мог бы бросить в меня камень? Земля стала яблоком раздора между секторами, рано или поздно кто-то все равно захватит ее силой, и тогда галактической войны не избежать. Я же спасаю Вселенную, проделав то же самое мирным путем! Все жители звезд должны целовать мне руки, а вы объявляете меня едва ли не пиратом. И я знаю, почему вы это делаете, Джей.

— Почему же? — едва шевеля пересохшими губами, спросил Биррел.

— Потому что единственными, кто проиграл бы в случае выполнения моего плана, были бы земляне. Получив безопасность и стабильность, они частично утратили бы прежнюю архаичную самостоятельность. Небольшая потеря, но для этих нищих гордецов некоторое ущемление их прав действительно может быть неприятным. И вы, Биррел, в штыки восприняли мой план именно потому, что сами по крови землянин!

— О, дьявол... — пробормотал командор, изумленно

глядя на взбешенного Фердиаса. — О чем вы толкуете? Если вам кажется, что именно из-за своего прадеда я...

— Бросьте, Джей, бросьте. Кого вы хотите обмануть? С вами все ясно.

Биррел хотел было возразить и не смог. Предположение Фердиаса было нелепым, смешным, но... разве Земля для него была чужой, как прежде?

Дни, проведенные в Орвилле, многое изменили в его взглядах на мир. Ни на одной из сотен планет он не встречал такого замечательного неба, таких пышных облаков и такого красочного заката. А тихий лес, ручей, струящийся между мшистыми валунами, ястребы, планирующие под кронами осин? А простые, добродушные жители Орвилла?.. Даже пострел Том стал для него своим. На этой планете он впервые обрел свой дом.

И теперь все это он должен принести в жертву амбициям Фердиаса?

— Не понимаю, о чем вы говорите, милорд, — наконец сказал Биррел, твердо глядя в раскаленные глаза губернатора. — Но я никогда не стану запугивать орудиями Пятой ни Землю, ни ее славный космофлот.

Фердиас долго молчал, изучающе глядя на своего взбунтовавшегося командора, затем почти спокойным тоном произнес:

— Все ясно. С этого момента вы отстраняетесь от командования Пятой. Ваше место займет Брешник.

Бомба взорвалась, но Биррел, к своему изумлению, никаких особенных эмоций не почувствовал. Когда-то это должно было произойти.

— Брешник — хороший офицер, — кивнул Биррел. — Он будет повиноваться любым вашим приказам. Но подчинится ли ему Пятая, если вы прикажете начать боевые действия против Земли?

Губернатор Лиры нахмурился и, вновь усевшись за стол, нервно забарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— Опять вы несете чушь, — нервным голосом произнес он после долгой паузы. — Не все мои астронавты так

сентиментальны, как вы. Они выполнят любые мои приказы, можете не сомневаться.

— Вы так уверены, милорд? Почему бы вам не спросить, скажем, Гарстанга. Хотите, я позову его?

Губернатор нехотя кивнул. Биррел подошел к двери и подозвал капитана «Старзонга», который мерил шагами веранду. Выслушав вопрос Фердиаса, Гарстанг окаменел.

— Милорд... — пробормотал он, жалко улыбаясь. — О чем вы говорите... Да мне и в голову такое прийти не могло! Выступить против Земли...

— Не валяйте дурака, Гарстанг, — сурово сказал Фердиас. — Не такой вы простак, каким пытаетесь казаться. Думаете, я не знаю, какие разговоры вы вели с офицерами еще во время полета на Землю? Отвечайте прямо, иначе я разорву вас на куски, черт побери!

Гарстанг затрясся. Собрав всю свою волю, он с трудом выдавил:

— Не могу, конечно, ручаться, милорд, однако... Мы дрались с землянами плечо к плечу... Они сделали куда больше, чем было в их силах, больше того, они спасли Пятую от гибели... Я уже не говорю о том, как радушно наших парней встречали горожане... Конечно, приказ есть приказ...

— Что вы мычите, Гарстанг, говорите прямо! — прорычал губернатор, с силой ударив кулаком по столу.

— Милорд, что вы от меня хотите? — простонал Гарстанг. — Я не могу отвечать за всю эскадру, мне никто не поручал этого! Но я осмелюсь заметить, что немало астронавтов имеют корни на этой планете, и они испытывают к ней...

— Капитан, я хочу услышать прямой ответ: выполнит Пятая мой приказ выступить против Земли или нет?

Лицо Гарстанга заблестело от пота. Он выглядел как никогда жалко и все же нашел в себе мужество ответить:

— Клянусь Господом, я не знаю, милорд! Очень может быть, что и нет.

Фердиас мрачно кивнул, налил себе полный бокал и не спеша выпил. Его еще недавно пылающее от гнева лицо теперь казалось оледеневшим.

— Что ж, похоже, я ошибся в своих расчетах, — сказал он словно самому себе. — Я учел то, что Земля важна в галактической политике, но не учел, что она может оказаться важной и для рядовых людей. Да, об этом я не подумал.

Он замолчал, глубоко задумавшись. Биррел с Гарстангом обменялись тревожными взглядами. Оба понимали, что их судьба висит на волоске. Поймет ли губернатор, что они немного блефовали? Они отлично знали, что на Пятой служат разные люди. Найдется немало и таких, которые готовы будут без колебаний сжечь Землю атомным огнем, даже не поморщившись.

Наконец Фердиас поднялся с кресла. Его лицо было непроницаемым.

— Забудьте все, о чем я говорил, господа. Как и намечалось прежде, Пятая примет участие в празднике и сразу же вернется на Вегу. А там видно будет. Игра еще не закончена, нет...

Он зашагал было к двери, даже не взглянув на обоих офицеров, но Биррел решительно преградил ему путь.

— Простите, милорд, если я разгневал вас, — грустно промолвил командор. — Вы же знаете, я не дипломат, а обычный вояка, у меня все, что на уме, то и на языке. Я сегодня же передам дела Брешнику.

Фердиас пронзительно посмотрел на него, словно пытаясь проникнуть в душу своего бывшего друга.

— Джей, вы служили мне долгие годы верой и правдой, и я не могу этого забыть, — сказал он тихо. — Жаль, что вы проявили непростительное малодушие, жаль... Я не хочу, чтобы на вас тенью легло увольнение из космофлота. Так и быть, вы вернетесь на Вегу командором, а затем сразу же подадите просьбу об отставке по состоянию здоровья. Вы заслужили уход с почестями.

Сердце Биррела сжалось от боли.

Долгие годы они были друзьями с Фердиасом. Этот человек был безжалостным в гневе и никогда прежде не мог переступить через свою гордыню. Даже самые близкие ему люди, попав в опалу, не могли рассчитывать хоть на толику его великодушия. И все же губернатор Лиры

сейчас поступился ради него, Биррела, своими принципами. Почему бы и ему не наступить себе на сердце и не склонить голову перед человеком, которого он почитал больше всех на свете?

Он уже было хотел протянуть Фердиасу руку, но лицо того внезапно вновь исказилось от гнева.

— К дьяволу все это, — процедил он сквозь зубы и, выскочив из гостиной, быстрым шагом направился к автомобилю. Гарстант молча последовал за ним, даже не попрощавшись со своим командиром.

Вернее, со своим без пяти минут бывшим командиром. Биррел стоял посреди гостиной, ошеломленно покачивая головой. Он никак не мог до конца осознать то, что только что произошло. За какие-то считанные минуты рухнула вся его карьера. Он остался один — без друзей, без своей эскадры, без Веги. Возможно, он потерял даже Лиллин.

И все же командор не чувствовал себя побежденным. Он посмотрел на старую комнату, на потемневшую от времени мебель, на ветки деревьев, колеблющиеся за окном. Что сделало с ним это место? Как он мог допустить такую глупость?

Лиллин медленно спустилась по винтовой лестнице, сочувственно глядя на мужа.

— Ты все слышала? — глухо спросил Биррел.

— Да.

Он подумал о вилле Лиллин на берегу моря, о ее многочисленных родственниках и друзьях, к которым она была так привязала, и с тревогой спросил:

— И что ты думаешь обо всем этом?

— Что я могу сказать? — усмехнулась жена и, подойдя к нему, положила ему на плечи руки. — Ты сделал самую большую глупость в своей жизни и одновременно самый мужественный и благородный поступок.

— Но я разом потерял все, что имел...

— Если бы ты поступил иначе, то потерял бы меня, — спокойно сказала Лиллин. — И не смотри на меня таким жалким взглядом. Все равно через несколько лет ты был бы вынужден уйти в отставку. Неужели тебя устроило бы тихое местечко в каком-нибудь министерстве? Так что жалеть особенно не о чем. — Она задумчиво осмотрела гос-

тинную. — Я думаю, нам понравится здесь. Когда мы вернемся сюда — окончательно вернемся, — то сможем кое-что переделать по своему вкусу. Я не против старинной мебели, Джей, но только не на кухне! Да и обстановку спален надо сменить. Словом, дел у меня будет много.

— А что буду делать я? — мрачно спросил Биррел.

— Вряд ли из тебя получится фермер, — рассмеялась жена, взъерошив ему волосы и с любовью заглядывая в глаза. — Ты слишком ленив для такого кропотливого дела. Но флот ОМ будет, без сомнения, рад заполучить такого специалиста.

Биррел растерянно кивнул. Конечно же, Лиллин права, тысячу раз права, и все же...

— Я не могу оторвать тебя от твоего мира, милая! — воскликнул он. — Ты будешь тосковать по родине и ревновать меня к Земле. Ты не будешь счастлива здесь, в нескольких парсеках от Веги!

Жена только улыбнулась в ответ.

— Да, мне придется нелегко, особенно поначалу, — призналась она. — Но ведь ты поможешь мне, верно? А что касается Веги... Признайся, Джей, ты не был там полностью счастлив. Планета моих предков так и не стала родной для тебя. Но здесь, на Земле, ты наконец обрел свой дом, а я уж постараюсь, чтобы он стал и моим тоже.

— Дьявол, почему ну буквально все решают мою судьбу, даже не спросив моего мнения? — простонал Биррел, поглаживая жену по плечам. — Кто сказал, что я хочу провести остаток моей жизни именно здесь?

— А разве это не так, Джей? — тихо промолвила Лиллин, серьезно глядя на него, и Биррел не смог ответить «нет».

Он вновь взглянул в сторону окна, за которым бушевали на сильном ветру ветви деревьев, и выдавил в ответ только:

— Не знаю, милая. Посмотрим.

И грянул праздник.

Три дня над Нью-Йорком небо цвело от фейерверков, на улицах играли духовые оркестры, толпы людей со всей

Галактики веселились и днем, и ночью. На космодроме бурлило людское море — всем, особенно детям, хотелось побывать на борту крейсеров Пятой Лиры, которая недавно спасла их мир.

Апофеозом праздника был полет первого звездолета. Прославленный ветеран вопреки скептикам все-таки сумел подняться в космос. С натугой облетев вокруг планеты, старый корабль каким-то чудом ухитрился сесть на космодром целым и невредимым.

На следующий вечер Винсон с женой вышли в поле, но не для того, чтобы по своему обыкновению полюбоваться закатом.

Было прохладно, западный ветер гнал рваные облака по быстро темнеющему небу. В разрывах между ними уже кое-где вспыхивали дрожащие звезды. Наконец ветер принес издали первый раскат грома, который ждали Винсоны. За ним последовал второй, третий... Пятая Лира улетала с Земли.

— Пойдем, милый, мне грустно смотреть, как улетают на эти ужасные звезды наши соседи Биррелы, — сказала миссис Винсон. — Особенно мне жаль бедную Лиллин. Ну скажи, что такой хрупкой и слабой женщине делать в космосе? Ума не приложу, почему она не захотела остаться.

Винсон хохотнул и добродушно хлопнул свою супругу по пышному заду.

— Не беспокойся, Эдит, прилетит твоя подруга назад, и очень скоро. Не случайно же они взяли с собой этого черного разбойника Тома. Кот будет страшно рад, когда его хозяева окончательно вернутся домой. В космосе небось за цыплятами к соседям не полазаешь.

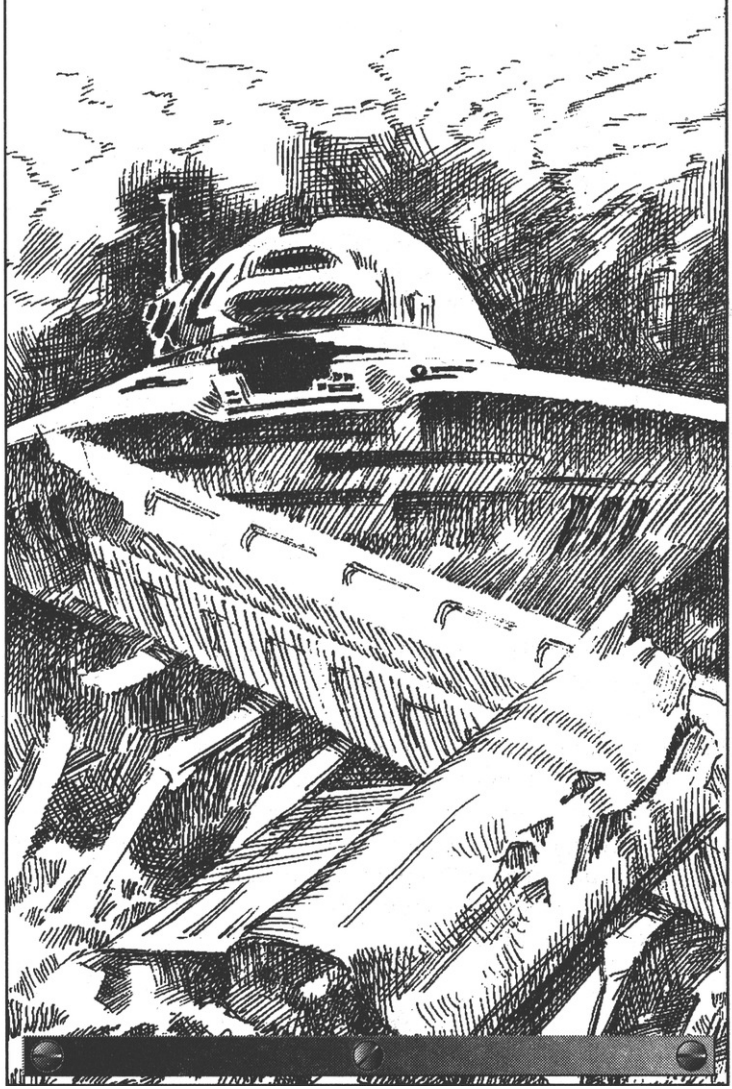
Дождавшись последнего удара грома, чета Винсонов неторопливо вернулась домой. Поднимаясь по лестнице на веранду, фермер обернулся и посмотрел на дом Биррелов, едва различимый среди деревьев на другом конце поля. Окна в доме были темными.

Пока еще темными.

▼▼▼

РАЗРУШИТЕЛЬ СОЛНЦ

РОМАН

▼▼▼

ГЛАВА ПЕРВАЯ

▼▼▼

Вы — самый обычный нормальный, ничем не выделяющийся человек. Живете обычной жизнью в обычном мире. И вдруг за один день, за несколько часов одного дня вокруг вас все рушится, расползается, как промокашка под дождем, и вы обнаруживаете, что шагнули из привычного бытия в бездонные черные глубины Вселенной, не имеющей ни начала, ни конца, ни одной знакомой истины — соломинки, за которую можно было бы ухватиться.

Это и произошло с Нейлом Беннингом, коммивояжером нью-йоркского издательства. Ему исполнился тридцать один год, он был здоров, недурен собой и доволен своей работой. Как и все нормальные люди, Нейл ел три раза в день, беспокоился из-за налогов и временами подумывал о женитьбе. Но это было до его поездки в Гринвилль.

Все вышло совершенно случайно. Коммерческое путешествие по Западному побережью, осознание того, что поезд всего в сотне миль от места, где прошло его детство, и внезапное сентиментальное решение. Три часа спустя сияющим весенним днем Нейл Беннинг вышел из вагона в маленьком городке штата Небраска.

Он взглянул на голубую равнину неба с пятнышками облаков, перевел взгляд на широкую сонную Центральную улицу и улыбнулся. Ничего не изменилось. Такие городки, как Гринвилль, неподвластны времени.

Возле вокзала стояло лишь одно такси. Водитель, скуластый молодой человек с неописуемой кепкой на затылке, положил багаж Нейла в машину и спросил:

— В отель «Эксельсиор», мистер? Это лучший.

— Отвезите туда багаж. Я хочу прогуляться, — ответил Беннинг.

Молодой человек посмотрел на него.

— В любом случае платите пятьдесят центов. Прогулка у вас выйдет длинная.

Беннинг заплатил водителю.

— И все-таки я пройдусь.

— Дело ваше, мистер, — пожал плечами водитель, и машина отъехала.

Нейл зашагал по улице, а свежий ветер, рвавшийся в город со стороны прерий, трепал полы его пальто.

Бакалейная лавка, офис лесозаготовительной компании, магазинчик железо-скобяных изделий старого Хортона, парикмахерская Билла Паркса. Тяжеловесный параллелепипед мэрии. На молочной закусочной появилась новая реклама — колоссальное изображение конусообразного стаканчика мороженого, а Хайвей-гараж стал больше, добавился участок, заполненный сельскохозяйственной техникой.

Беннинг шел медленно, растягивая время, встречные смотрели на него с открытым дружелюбным любопытством жителей Среднего Запада, и сам он вглядывался в их лица, но ни одного знакомого не встретил. Да, десять лет отсутствия — это немало. Однако должен же встретиться хоть один старожил, должен же хоть кто-то поприветствовать его в родном городе! Ведь десять лет — это не так уж и много.

Он повернул направо у здания старого банка и пошел по Хоулин-стрит, минуя два больших, редко застроенных квартала. Дом-то в любом случае должен по-прежнему стоять?! Дома не было.

Беннинг остановился, огляделся по сторонам. Все верно. То же самое место, и дома по обеим сторонам улицы точно такие, какими он запомнил их, но там, где должен был стоять дом его дяди, не было ничего, кроме заросшего сорняками пустыря. Казалось, здесь и не бывало ничего другого. Нейл Беннинг огорчился — дом, в котором ты вырос, становится частью тебя самого, это центр

мира твоего детства. Слишком много воспоминаний связано с ним, чтобы можно было легко смириться с потерей. Но, кроме огорчения, он почувствовал и недоумение, смешанное со странным беспокойством.

«Грегги должны знать, — думал он, направляясь к соседнему дому и поднимаясь по ступенькам крыльца. — Если только они все еще живут здесь».

На стук из-за угла, с заднего дворика, вышел незнакомый старик — розовощекий, веселый маленький гном, державший в руках садовую мотыгу. Он был не прочь поговорить, но, похоже, совершенно не понимал вопросов Беннинга. Продолжая покачивать головой, он наконец сказал:

— Ты ошибся улицей, парень. Здесь поблизости никогда не жил никакой Джесс Беннинг.

— Это было десять лет назад, — объяснил Беннинг. — Наверное, до вашего приезда сюда...

Старик перестал улыбаться.

— Послушай, я — Мартин Уоллес. Я живу в этом доме сорок два года — спроси кого хочешь. И я слыхом не слыхивал о каком-то Беннинге. К тому же на этом пустыре никогда не было дома. Я-то уж знаю, этот участок принадлежит мне.

Холодок неподдельного страха коснулся Беннинга.

— Но я жил в доме, который там стоял! Я провел в нем свои мальчишеские годы, он принадлежал моему дяде. Вас тогда здесь не было, а тут жили Грегги, у них была дочь с двумя косичками соломенного цвета — «поросячьими хвостиками» — на голове и мальчик по имени Сом. Я играл...

— Слушай, — прервал его старик. Вся его дружелюбность исчезла, теперь он выглядел наполовину рассерженным, наполовину встревоженным. — Если это шутка, то она не смешная, а если ты не шутишь, значит, ты или пьяный, или сумасшедший. Убирайся!

Беннинг глядел на старика и не двигался.

— Как же так, вот и яблоня на краю вашего участка, — сказал он, — я упал с нее, когда мне было восемь лет, и сломал запястье. Такие вещи не забываются.

Старик выронил мотыгу и попятился в дом.

— Если ты не уберешься отсюда через две секунды, я вызову полицию, — с этими словами он захлопнул дверь и запер ее изнутри.

Беннинг свирепо смотрел на дверь и злился на себя. Смутное беспокойство, охватившее его ранее, теперь стало острее и холодными иголочками страха стало вонзаться в него все глубже.

— Этот старик-маразматик просто свихнулся, — пробормотал он наконец и снова посмотрел на пустырь, потом на большой кирпичный дом через улицу и решительно направился к нему. Он помнил, что дом был очень хорошим, под стать людям, жившим в нем. Там жили Льюисы, и у них тоже была дочь, с которой он ходил на танцы, ездил на пикники, работал на сенокосе. Если они по-прежнему живут здесь, то должны знать, что же случилось.

— Льюисы? — переспросила крупная краснолицая женщина, отворившая дверь на звонок. — Нет, Льюисы здесь не живут.

— Десять лет назад! — с отчаянием произнес Нейл. — Здесь тогда жили они, а там, где теперь пустырь, — Беннинги.

Женщина удивленно посмотрела на него.

— Я сама тут живу шестнадцать лет, а до этого жила в том сером доме — вон, третий отсюда. Я в нем родилась, но никогда не слышала ни про Льюисов, ни про Беннингов. А на пустыре никогда не было дома.

Она больше ничего не сказала. Молчал и Беннинг. Тогда женщина пожала плечами и закрыла дверь. Нейл еще некоторое время смотрел на эту дверь, готовый грохнуть в нее кулаками, разнести в щепки, схватить краснолицую хозяйку и потребовать объяснений, что это значит — ложь, безумие или что-нибудь еще. Потом он подумал, что нелепо выходить из себя. Должно же быть объяснение, должна же быть причина всему этому! «Может, дело в дядюшкином участке, может, они боятся, что я имею на него какие-то права? Возможно, поэтому мне и лгали, пытаясь убедить в том, что я ошибся».

Но есть место, где он сможет все точно выяснить. Там не соврут.

Беннинг быстро пошел обратно к Центральной улице и по ней к мэрии.

Там он объяснил служащей, чего хочет, и стал ждать, пока она просмотрит записи. Девушка не слишком торопилась, и Нейл нервно закурил. Его лоб был в испарине, а руки слегка дрожали. Девушка вернулась с узкой полоской бумаги. Казалось, она была раздражена.

— Дома рядом с номером триста тридцать четвертым никогда не было по Хоулин-стрит, — сказала она. — Вот выписка о владении...

Беннинг выхватил из ее рук бумажную полоску. Там говорилось, что в 1912 году Мартин У. Уоллес приобрел дом и участок номер 346 по Хоулин-стрит вместе с прилегающим пустырем у Уолтера Бергстендера, сделка тогда же и была юридически оформлена. Пустырь так никогда и не застраивался.

Нейл перестал потеть. Теперь его бил озноб.

— Послушайте, — обратился он к девушке. — Посмотрите, пожалуйста, эти имена в архиве. — Он нацарапал на бумажке имена. — В списках умерших. Джесс Беннинг и Иллей Роберта Беннинг. — Рядом с каждым именем он указал год рождения и год смерти.

Девушка взяла листок и, резко повернувшись, вышла. Она долго отсутствовала, а когда вернулась, выглядела не просто раздраженной, а очень рассерженной.

— Вы что, смеетесь? — спросила она. — Только время отнимаете! Ни об одном из этих людей нет сведений.

Девушка швырнула листок перед Беннингом и отвернулась.

Дверца в барьере была рядом. Нейл толкнул ее и прошел внутрь.

— Посмотрите снова, — умоляюще попросил он. — Пожалуйста... Они должны быть там.

— Вам сюда нельзя, — пятясь от него, сказала девушка. — Что вы себе позволяете? Я же ответила вам, что там нет...

Беннинг схватил ее за руку.

— Тогда покажите мне книги. Я буду искать сам.

Девушка с криком вырвалась. Нейл не пытался ее удержать, и она выбежала в холл, вопя:

— Мистер Харкнес! Мистер Харкнес!

Беннинг, стоявший в архиве, беспомощно глядел на высокие стеллажи, забитые тяжелыми книгами. Не понимая значения маркировки на них, он решил свалить все книги с полок и искать в них доказательства, которые должны быть там, доказательства, что он не безумец и не лжец. Но с чего начать?

Начать он не успел. Послышались тяжелые шаги, и на его плечо легла рука, принадлежавшая невозмутимому крупному мужчине, сжимавшему в зубах сигарету. Вынув сигарету изо рта, он спросил:

— Эй, парень, ты что здесь вытворяешь?

Беннинг сердито начал:

— Слушайте, кто бы вы ни были...

— Харкнес, — прервал его невозмутимый мужчина. — Меня зовут Рой Харкнес, и я — шериф округа. Вам лучше пройти со мной.

Несколько часов спустя Беннинг сидел в офисе шерифа и рассказывал свою историю в третий раз.

— Это заговор, — устало сказал он. — Не понимаю, почему, но вы все в нем участвуете.

Ни шериф, ни его помощники, ни фоторепортер из городской газеты не засмеялись открыто. Но Нейл видел усмешки, которые они не слишком скрывали.

— Итак, — начал шериф, — вы обвиняете всех жителей Гринвилля в том, что они договорились и умышленно фальсифицировали записи в архиве. Это нешуточное заявление. И какая же у нас была для этого причина?

Беннинг почувствовал тошноту. Он знал, что находится в здравом рассудке, но тем не менее мир внезапно показался ему порождением несвязных бессмысленных снов.

— Не представляю причины. Почему? Почему вы все хотите лишить меня прошлого? — Он потряс головой. — Не понимаю. Но я знаю, что этот старый маразматик Уоллес лгал. Может быть, за всем этим стоит именно он.

— Только здесь еще одно, — произнес шериф. — Дело

в том, что я знаю старика всю свою жизнь. И могу совершенно определенно сказать, что он владеет этим пустырем вот уже сорок два года и что там никогда не было сооружения крупнее куриной клетки.

— Выходит, я вру? Но зачем мне это?

Шериф пожал плечами.

— Может, вы разработали какой-то план для вымогательства. Может, вам по какой-то причине нужна известность. А может быть, вы просто тронутый.

Кипевший от ярости Беннинг вскочил на ноги.

— Значит, так, — подтасовать все факты и объявить меня сумасшедшим! Ну что ж, посмотрим! — И он кинулся к двери.

Шериф подал знак, и фотограф получил прекрасную возможность запечатлеть, как помощник шерифа схватил Нейла и сноровисто затащил его сначала в отделение для предварительного задержания, а потом в камеру.

— Псих, — сказал репортер, глядя на Беннинга через прутья решетки. — Ты и сам не можешь придумать ничего правдоподобного, верно?

В каком-то оцепенении, неспособный поверить в случившееся, Нейл смотрел на людей по ту сторону решетки.

Наконец он хрипло выдавил из себя:

— Обман.

— Здесь нет обмана, сынок, — сказал шериф. — Вы явились сюда и наделали шума, вы обвинили многих людей в заговоре против вас, что ж — пусть так. Но теперь вам придется остаться здесь, пока мы не проверим, кто вы такой.

Он повернулся к помощнику.

— Телеграфируйте этому нью-йоркскому издателю, у которого, по его словам, он работает. Дайте общее описание — рост шесть футов, волосы черные, ну и так далее, как всегда в таких случаях.

Шериф вышел, а за ним и остальные. Беннинг остался один в камере.

Он сел и сжал голову руками. Яркий солнечный свет лился сквозь зарешеченное окно, но Нейлу все вокруг казалось мрачнее, чем в самую темную полночь.

Если бы только у него не появилась мысль посетить родной город...

Но она появилась. И вот перед ним стоит вопрос: кто же лжет? А если не лжет, кто сошел с ума? И он не может ответить.

Когда стемнело, ему принесли ужин. Беннинг спросил, нет ли возможности освободиться под залог, но не получил определенного ответа, шериф не приходил. Нейл потребовал адвоката, но ему ответили, чтобы он не беспокоился. Он снова сел и продолжал ждать. И беспокоиться.

Не имея других занятий, Нейл перебирал в памяти годы своей жизни, начиная с самых первых воспоминаний. Они никуда не делись. Конечно, были провалы и смутные, неопределенные воспоминания, но они есть у каждого. Кто запомнит все будничные дни своей жизни, в которые ничего не случилось? Его зовут Нейл Беннинг, и он провел большую часть жизни в Гринвилле, в доме, о котором теперь говорят, что он никогда не существовал.

Утром появился Харкнес.

— Я получил ответ из Нью-Йорка, — сказал он. — Здесь с вами все ясно. — Он внимательно рассматривал Беннинга через решетку. — Знаете, вы выглядите вполне приличным молодым человеком. Почему бы вам не рассказать, что все-таки это значит?

— Если бы я сам знал... — хмуро отозвался Беннинг.

Харкнес вздохнул.

— Да, вы действительно не можете придумать ничего правдоподобного. Боюсь, что нам придется задержать вас до психиатрической экспертизы.

— До чего?

— Послушайте, я перерыл весь город и весь городской архив. Здесь никогда не жили никакие Беннинги. Не было никогда и Греггов. А единственные Льюисы, которых я смог найти, живут на ферме в двадцати милях от города и никогда не слышали о вас. — Шериф развел руками. — Что же я должен думать?

Беннинг повернулся к нему спиной.

— Вы лжете, — сказал он. — Убирайтесь.

— О'кей. — Харкнес сунул что-то сквозь прутья. —

В любом случае это должно вас заинтересовать. — И он вышел в коридор.

Прошло некоторое время, прежде чем Нейл решил поднять брошенное Харкнесом. Это была местная газетенка за вчерашний день, вечерний выпуск. Там видное место занимал веселенький рассказ о чокнутом нью-йоркце, обвиняющем маленький городок в краже его прошлого. История была так забавна, что Беннинг знал — можно быть уверенным, что ее перепечатают и другие газеты. Перечитав рассказ три раза, он подумал, что скоро ему действительно понадобится психиатр, а может быть, и смирительная рубашка.

Перед самым заходом солнца к камере подошел шериф и сказал:

— К вам посетитель.

Беннинг вскочил на ноги. Кто-то вспомнил и докажет, что все, рассказанное им, правда!

Но человека, вошедшего в коридор, он не знал. Это был смуглый, крепко сложенный, массивный мужчина средних лет; хорошо скроенный по фигуре костюм сидел на нем как-то неудачно, и, казалось, он чувствует себя в нем неловко. Мужчина шагнул через порог камеры, двигаясь удивительно легко для обладателя такого телосложения. Его очень темные глаза напряженно всматривались в Нейла.

Хмурое, почти прямоугольное лицо мужчины, казалось, застыло, но сама фигура, весь его облик неуловимо менялись по мере того, как он изучал Беннинга. У него был вид угрюмого человека, ожидавшего чего-то долгие годы и теперь наконец увидевшего то, что он так долго ждал.

— Валькар, — тихо сказал он, обращаясь скорее к себе, чем к Нейлу. Его голос звучал резко, словно медная труба. — Кайл Валькар. Прошло много времени, но я нашел тебя.

Беннинг удивленно смотрел на незнакомца.

— Как вы назвали меня? Кто вы? Я никогда раньше не встречал вас.

— Не встречал меня? Но ты меня знаешь. Я — Рольф, а ты — Валькар. И горькие годы миновали.

Совершенно неожиданно он протянул руки через решетку и, взяв правую ладонь Беннинга, положил ее на свой склоненный лоб жестом глубокого почтения.

ГЛАВА ВТОРАЯ

▼▼▼

Несколько секунд Беннинг, застыв от изумления, смотрел на незнакомца. Потом он вырвал руку.

— Что вы делаете? — спросил он, отскочив в сторону. — В чем дело? Я не знаю вас. И я не тот — как там вы меня назвали? Меня зовут Нейл Беннинг.

Незнакомец улыбнулся. На его смуглом мрачном лице, словно высеченном из камня, появилось выражение, испугавшее Беннинга больше, чем если бы это было проявление явной враждебности. Его лицо выражало такую любовь, какую мог бы испытать отец к сыну или старший брат к младшему. Глубокую любовь, странно смешанную с почтением.

— Нейл Беннинг, — снова заговорил человек, назвавший себя Рольфом. — Да, рассказ о Нейле Беннинге и привел меня сюда. Ты сейчас маленькая сенсация — человек, у которого украли прошлое. — Он тихо засмеялся. — Жаль, что они не знают правды.

У Беннинга появилась дикая надежда.

— Вы знаете правду? Скажите мне — скажите им, — зачем это сделано?

— Я могу сказать тебе, — Рольф подчеркнул местоимение, — но не здесь и не теперь. Потерпи несколько часов. Я вызволю тебя сегодня вечером.

— Если вы сможете добиться моего освобождения под залог, я буду благодарен. Но я не понимаю, почему вы делаете это? — Беннинг испытующе посмотрел на Рольфа. — Может быть, я смогу вспомнить вас. Вы знали меня ребенком?

— Да, — ответил Рольф, — я знал тебя и ребенком, и

взрослым мужчиной. Но ты не сможешь меня вспомнить. — Выражение мрачного гнева появилось на его лице, и с дикой яростью он воскликнул: — Твари! Из всех зол, что они смогли причинить тебе, лишение памяти... — Он прервал себя. — Нет, они могли сделать и худшее. Они могли убить тебя.

Беннинг от изумления раскрыл рот. Лица людей вихрем закружились в его мыслях — старый Уоллес, Харкнес, краснолицая женщина...

— Кто мог убить меня?

Рольф произнес очень тихо два имени. Это были очень странные имена.

— Терения. Джоммо. — Рольф внимательно наблюдал за Беннингом.

Внезапно Нейл понял и отскочил от двери.

— Вы, — сказал он, радуясь тому, что их разделяет решетка, — вы безумны, как шляпник из сказки Кэрролла.

Рольф усмехнулся.

— Естественно, что ты думаешь так, так же думает о тебе и местный шериф. Не слишком на него обижайся, Кайл, он не виноват. Видишь ли, в одном он прав — Нейл Беннинг не существует. — Он склонил голову в удивительно гордом поклоне и повернулся. — Ты будешь свободен сегодня вечером. Верь мне, даже если ты не понимаешь.

Он вышел прежде, чем Беннинг успел подумать о том, что надо бы позвать на помощь.

После ухода незнакомца Беннинг, совершенно подавленный, опустился на скамью. Несколько минут у него существовала надежда, что этот смуглый гигант знает правду и сможет помочь ему. Тем больнее было убедиться в собственной ошибке.

«Пожалуй, — саркастически подумал он, — теперь все лунатики страны будут набиваться мне в братья».

Вечером ничего не было слышно о том, чтобы кто-нибудь собирался внести за него залог. Впрочем, Нейл на это и не рассчитывал.

После ужина, к которому он едва притронулся, Беннинг вытянулся на койке. Он устал, настроение было ужасное. Теперь Нейл мрачно думал о всей этой дьявольской

подтасовке и о том, с каким удовольствием он возбудит дело против виновных в его аресте. Наконец Нейл забылся беспокойным сном.

Его разбудило металлическое лязганье открывающейся двери камеры. Уже наступила ночь, и только коридор был освещен. В дверях, улыбаясь, стоял темнолицый гигант.

— Идем, — сказал он. — Путь свободен.

— Как вы сюда попали? И где взяли ключи? — спросил Беннинг и посмотрел через плечо мужчины в конец коридора. Помощник шерифа лежал, навалившись на стол и уткнувшись головой в стопку бумаг. Одна рука безжизненно свисала вниз.

Охваченный внезапным ужасом, Нейл закричал:

— Боже, что вы делаете?! Зачем я вам нужен? — Он бросился к двери, пытаясь вытолкать незнакомца и закрыть ее снова. — Убирайтесь, я не хочу связываться с вами! — Беннинг начал звать на помощь.

С сожалением на лице Рольф разжал левую ладонь, на которой лежал маленький яйцеобразный предмет с линзой на конце.

— Прости меня, Кайл, — сказал он, — но на объяснения нет времени.

Линза засветилась тусклым мерцающим светом. Беннинг не ощутил боли, лишь легкий толчок, и начал растворяться во мраке и покое, подобном смерти. Он даже не почувствовал, как Рольф подхватил его, удерживая от падения.

Пришел в себя Нейл в автомобиле. Он полулежал на сиденье, рядом сидел и смотрел на него Рольф. Автомобиль мчался по дороге. Фигура водителя едва виднелась в тусклом свете приборного щитка, снаружи царила чернильная ночная тьма, которую не только не рассеивал, а наоборот, казалось, еще больше сгущал свет далеких звезд.

На заднем сиденье тоже было темно, и Беннинг лежал не шевелясь. Нейл подумал, что, возможно, Рольф не заметил, как он очнулся, и решил, что если нападет внезапно, то сумеет справиться с этим гигантом.

— Мне бы не хотелось делать это снова, Кайл, — сказал вдруг Рольф. — Не вынуждай меня.

Беннинг заколебался. Со своего места ему было видно, что Рольф держит в руке тот же слегка отсвечивающий в темноте предмет. Вспомнив, Нейл решил подождать, пока появится другая возможность, но почувствовал при этом разочарование: с каким удовольствием он стиснул бы руки на горле Рольфа.

— Вы убили помощника шерифа, а может быть, и других, — сказал он. — Вы не только безумец, но и убийца.

С раздражающим терпением Рольф спросил:

— Ты ведь не умер?

— Да, но...

— Никто из этих людей не умер. Они не имеют отношения к нашим делам, и было бы бесчестно убивать их.

Рольф усмехнулся:

— Терения удивилась бы, услышав от меня такое. Она считает меня бездушным.

Беннинг сел прямо.

— Кто такая эта Терения? Что это за дела, в которые вы меня впутываете? Куда вы меня везете — и вообще, черт возьми, что все это значит? — Он почти кричал, дрожа от страха и ярости.

Беннинг не больше обычного боялся физической боли и смерти, но на нем сказывалось нервное напряжение последних дней. Трудно оставаться невозмутимым, когда тебя везут с бешеной скоростью по ночной прерии похититель-лунатик и его сообщник.

— Пожалуй, — заговорил Рольф, — ты не поверишь, если я скажу, что я твой друг, твой самый давний и лучший друг и что тебе нечего бояться.

— Нет, не поверю.

— Так я и думал, — вздохнул Рольф. — И боюсь, что ответы на твои вопросы едва ли помогут. Проклятый Джоммо поработал над тобой слишком хорошо — он сделал даже больше, чем я считал возможным.

Беннинг вцепился в край сиденья, пытаясь взять себя в руки.

— А кто такой Джоммо?

— Правая рука Терении. А Терения — верховная и единственная правительница Новой Империи... А ты — Кайл Валькар, а я Рольф, который вытирал тебе нос, когда ты был... — Рольф прервал себя и выругался на языке, совершенно незнакомом Беннингу. — Что толку?

— Новая Империя, — повторил Беннинг. — Ясно. Мания величия. Вы еще не сказали, что это за приспособление у вас.

— Парализатор, — произнес Рольф так, как ребенку говорят «погремушка». Не сводя глаз с Беннинга, он заговорил с водителем на том же непонятном языке. Скоро вновь воцарилось молчание. Дорога стала хуже. Автомобиль замедлил ход, но недостаточно для планов Беннинга. Прошло некоторое время, прежде чем Нейл понял, что теперь дороги не было вовсе. Он снова прикинул расстояние между собой и Рольфом. Беннинг сомневался в действенности непонятного яйцеобразного предмета. Парализатор, как же! Скорее всего в камере его ударили сзади чем-нибудь вроде ружейного приклада или кастета. Сообщник-водитель легко мог войти внутрь и встать за спиной Нейла, готовый оглушить его по знаку Рольфа.

Впереди, примерно в миле от них, мелькнула яркая вспышка света, машину качнул сильный порыв ветра.

Водитель что-то сказал, Рольф ответил. В его голосе звучало облегчение.

Беннинг чутко улавливал движение машины и, когда она помчалась по прямой, резко бросился на смуглого великана.

Нейл ошибался насчет парализатора. Он действовал.

Но на этот раз Беннинг не полностью потерял сознание. Очевидно, степень воздействия можно было регулировать, и Рольф не хотел, чтобы Нейл совсем лишился чувств. Беннинг по-прежнему мог видеть, слышать и двигаться, хотя и не совсем обычно. Все, что он видел и слышал, было словно кадрами кинофильма, никак не связанного с ним.

Нейл видел, как пустынная и черная под звездным небом прерия убегает под колесами автомобиля, потом почувствовал, что они едут все медленнее и медленнее. На-

конец машина остановилась, и Нейл услышал голос Рольфа, мягко уговаривающего его выйти. Беннинг ухватился за его руку, словно ребенок за руку отца, и позволил вести себя. Сознание не контролировало его тело, и оно двигалось словно чужое.

Снаружи дул холодный порывистый ветер. Внезапно вспыхнул свет, настолько яркий, что в нем растворился блеск звезд. В этом свете стал виден автомобиль и трава прерии. Стали видны водитель, Рольф, он сам и длинные черные тени, отбрасываемые их фигурами. А дальше Нейл увидел металлическую стену, блестевшую как зеркало и выпукло возносившуюся футов на сто вверх.

В стене были отверстия. Окна-иллюминаторы, дверилюки или как они там назывались в этом непонятном сооружении. В памяти почему-то сами собой сложились слова: «космический корабль».

Из него вышли одетые в странные одежды и о чем-то переговаривавшиеся люди. Они шли вперед, и Рольф, водитель и Нейл Беннинг двинулись им навстречу. Вскоре обе группы встретились на ярко освещенном участке. Незнакомцы о чем-то заговорили с Рольфом, он им ответил, а потом Беннинг смутно понял, что все смотрят на него и что на их лицах написано почти суеверное благоговение.

Он слышал, как они повторяют одно слово: «Валькар!» Как бы ни были притуплены его чувства, все же легкая дрожь прошла по телу Беннинга при звуке голосов, повторяющих это слово тоном, в котором явно смешались почтение и ярость, отчаяние и надежда.

Рольф подвел его к открытому люку и тихо сказал:

— Ты спрашивал, куда я тебя везу. Поднимись на борт, Кайл, я везу тебя домой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

▼▼▼

Комната, в которую его поместили, оказалась больше и намного роскошнее вчерашней тюремной камеры, но тем не менее это тоже была тюрьма. Нейл обнаружил это, как

только полностью очнулся — кажется, он снова на некоторое время терял сознание, но не был вполне в этом уверен. Так или иначе, он поднялся и обследовал двери. Одна вела в довольно странное помещение, оборудованное под ванную, другая была заперта. И крепко. Окон не было. Металлическая стена казалась цельной и гладкой. Сверху комната освещалась каким-то невидимым источником света.

Несколько минут Беннинг беспокойно расхаживал по комнате, разглядывая обстановку и пытаясь размышлять. Он вспомнил ночную гонку по прерии — свет и огромное металлическое с серебристым отливом сооружение. Корабль?! Бред, конечно. Какая-то гипнотическая иллюзия, внушенная темнолицым человеком, называющим себя Рольфом. Черт возьми, кто же этот Рольф и почему именно он, Беннинг, стал жертвой его мании?

Корабль посреди прерии. Люди в странных одеждах, приветствующие его как... что за имя там было?

Да, как Валькара. Наверняка сон. Правда, яркий, но все-таки сон.

Или все же это было наяву?

Нет, все это не сон. Нет окон. Нет ощущения движения. Нет звуков — впрочем, если прислушиваться, один можно различить. Впрочем, даже не звук, а едва заметную вибрацию, словно где-то билось огромное сердце. Незнакомые запахи в комнате.

Внезапно все чувства Беннинга ненормально обострились, и он понял, что все в комнате ему незнакомо. Краски, ткани, формы — все, начиная со своеобразного водопровода и кончая постелью, которую он только что оставил.

Даже его собственное тело казалось незнакомым — его вес изменился. Беннинг начал колотить в дверь и кричать.

Рольф появился почти сразу. С ним был водитель, и оба они держали в руках парализаторы. Экс-водитель поклонился Нейлу и остался стоять в нескольких шагах позади Рольфа, так что Беннинг не мог напасть на обоих сразу или обойти их. Теперь на них были такие же одежды, как и на людях, вышедших из корабля, — нечто вроде туники, а на ногах — облегающие гамаши. Одежда выгля-

дела удобной, функциональной, если угодно, — и совершенно нереальной.

Рольф вошел в комнату, оставив напарника снаружи. Беннинг успел увидеть узкий коридор с такими же металлическими стенами, как и в конце комнаты, прежде чем Рольф закрыл за собой дверь. Сухо щелкнул замок.

— Где мы? — спросил Беннинг.

— К настоящему моменту, — ответил Рольф, — мы преодолели довольно значительную часть пути от Солнца к Антаресу. Не думаю, что точные координаты имеют значение для тебя.

— Я этому не верю, — сказал Беннинг. Он и в самом деле не верил. Но в то же время Нейл подсознательно чувствовал, что это правда. Сознание этого было ужасно, и мысли его метались, словно кролик в ловушке.

Рольф подошел к стене напротив двери.

— Кайл, — сказал он, — ты должен поверить мне. И моя и твоя жизни зависят от этого.

Он нажал скрытую кнопку, и часть стены скользнула в сторону, открывая иллюминатор.

— Это окно не настоящее, — продолжал Рольф, — это видеоэкран, на котором очень сложное и умное устройство репродуцирует картину, которую невооруженный глаз не в состоянии разглядеть.

Беннинг посмотрел в иллюминатор. За ним открывалась ошеломляющая смесь мрака и света. Мрак казался бездонной пустотой, в которую с воплем падал его корчившийся мозг, затерявшийся в равнодушной бесконечной бездне. Но свет...

Миллионы миллионов солнц. Исчезли контуры созвездий, их очертания потерялись в сияющем океане звезд. Свет грохотал в голове Беннинга громовыми раскатами, он падал в глубины блеска и тьмы, он...

Беннинг сжал ладонями голову и отвернулся. Он упал на постель и остался лежать, содрогаясь всем телом. Рольф закрыл иллюминатор.

— Теперь ты мне веришь?

Беннинг что-то простонал.

— Хорошо. Ты поверил в звездный корабль. Тогда

чисто логически ты должен поверить и в существование цивилизации, способной строить такие корабли, и в культуру, для которой звездные корабли обычны и необходимы.

Беннинг, чувствующий себя больным и разбитым, сел на постели, цепляясь за ее успокаивающую неподвижную поверхность. Он понимал, что это бесполезно, но все же выдвинул свой последний аргумент:

— Мы не движемся... Если бы мы двигались быстрее света — а это само по себе невозможно, уж настолько-то я разбираюсь в физике! — то ощущалось бы ускорение.

— Это не механическое движение, — ответил Рольф, становясь так, чтобы ему было видно лицо Беннинга. — Тут нечто вроде силового поля, и, являясь частью этого поля, мы, собственно, остаемся в покое. Поэтому и нет ощущения движения. А что до невозможности... — Он усмехнулся. — Пока я искал тебя на Земле, я забавлялся, замечая первые трещины в теории, провозглашавшей скорость света предельной величиной. В своих исследованиях физики замечали частицы, движущиеся быстрее света, их объяснения — лишь отговорки, попытки уйти в сторону от существа вопроса.

Беннинг недоверчиво воскликнул:

— Но звездная цивилизация, чьи корабли посещают Землю, и тем не менее никто на Земле не знает об этом — такое невозможно!

— Просто, — сухо сказал Рольф, — в тебе говорит земной эгоизм. Земля — окраинный мир, отсталый во многих отношениях. С политической точки зрения — сплошной кавардак. Сотни враждующих народов, норовящих перерезать друг другу глотку. Новая Империя избегает открытого контакта с такими мирами — слишком много хлопот, а толку почти никакого.

— Ладно, — согласился Беннинг, поднимая руки, — сдаюсь. Я признаю, что существуют звездные корабли, межзвездная цивилизация, целая — как вы сказали? — Новая Империя. Но я-то тут при чем?

Рольф подошел к стене напротив двери.

— Кайл, — проговорил он, — ты должен поверить

мне. И ты — часть всего этого. Очень важная, я бы даже сказал, самая важная.

— Вы ошибаетесь, — устало произнес Беннинг. — Говорю вам: меня зовут Нейл Беннинг, я родился в Гринвилле, штат Небраска.

Он умолк, услыхав смех Рольфа.

— Ты провел веселенькие два дня, пытаясь доказать это. Нет, тебя зовут Кайл Валькар. И родился ты в Катууне, древнем городе императоров, на четвертой планете Антареса.

— Но мои воспоминания, вся моя жизнь на Земле!

— Ложная память, — ответил Рольф. — Ученые Новой Империи — искусные психотехники, а Джоммо — лучший из них. Когда Землю выбрали в качестве места твоей ссылки и тебя, пленного, привезли туда уже со стертой памятью, Джоммо составил историю твоей жизни, синтезировав ее из воспоминаний аборигенов. Потом он тщательно имплантировал синтетическую память в твой мозг, и когда тебя отпустили, у тебя уже было новое имя, новый язык, новая память и жизнь! Кайл Валькар исчез навсегда, остался землянин Нейл Беннинг, не представляющий угрозы для кого бы то ни было.

— Угрозы? — протянул Беннинг.

— О, да! — Глаза Рольфа внезапно сверкнули диким огнем. — Ты — Валькар, последний из Валькаров. А Валькары всегда были угрозой для узурпаторов Новой Империи. — Он начал нервно ходить, словно не в силах сдержать охватившее его возбуждение. Беннинг безразлично наблюдал за ним. Он пережил слишком много потрясений, одно за другим, и теперь его уже ничто не удивляло.

— Новой Империи, — повторил Рольф. Он произнес прилагательное так, как произносят ругательство. — У власти эта кошка Терения, и искусство Джоммо держит ее наверху. Да, последний Валькар — угроза для них.

— Но почему?

Рольф загремел:

— Потому что Валькары были повелителями Старой Империи — Звездной Империи, правившей половиной га-

лактики, девяносто тысяч лет назад. Потому что не все звездные миры забыли своих повелителей.

Беннинг изумленно взглянул на Рольфа и начал тихо смеяться. Сон стал слишком нелепым, слишком безумным. Мозг отказывался воспринимать такое.

— Итак, я не земной Нейл Беннинг, а звездный Кайл Валькар?

— Да.

— И я император?

— Нет, Кайл, еще нет. Но в прошлый раз ты едва не стал им. Если нам будет сопутствовать удача, ты будешь императором.

«Какая нелепость», — подумал Нейл и решительно заявил:

— Я — Беннинг. Я это знаю. Возможно, я похож на вашего Кайла Валькара. Потому, наверное, вы меня и захватили. Дайте мне возможность увидеть остальных.

Глаза Рольфа сузились.

— Зачем?

— Я собираюсь рассказать, какой обман вы затеяли.

— Ничего ты не расскажешь, — смуглый гигант говорил сквозь зубы. — Они считают, что ты Кайл Валькар. Ну, в этом они правы. Но они также считают, что память вернулась к тебе, и в этом они ошибаются.

— Тогда вы признаете, что обманываете их?

— Только в этом Кайл. Они не отважились бы на это предприятие, зная, что к тебе еще не вернулась память! Они не знают, что ты не можешь привести их к Молоту!

— К Молоту?

— Я расскажу тебе об этом позже. А сейчас вбей себе в голову — если люди на корабле узнают, что память к тебе не вернулась, они выйдут из игры. Ты снова попадешь к Джоммо. Но на этот раз тебя не отправят в изгнание — тебя убьют.

Все услышанное от Рольфа было слишком серьезно. Беннинг попытался осмыслить это, а потом сказал:

— Я не могу говорить на вашем языке.

— Да, Джоммо проделал с тобой дьявольски чистую работу.

— Тогда как я смогу выдавать себя за этого Валькара?

— Ты в плохой форме, Кайл, — уклончиво ответил Рольф. — Возвращение памяти привело тебя в шоковое состояние. Ты нуждаешься в покое, и некоторое время тебе нельзя выходить из каюты. Но здесь с тобой буду я.

Несколько мгновений Беннинг не мог понять, потом уловил суть.

— Вы имеете в виду, что я узнаю язык от вас?

— Не узнаешь. Нет. ВСПОМНИШЬ!

— Хорошо, — после секундного раздумья сказал Беннинг. — Если это все, что я должен сделать...

Говоря эти слова, он повернулся и, внезапно прыгнув, оказался на широкой спине Рольфа, стискивая руками шею великана.

— Извини, Кайл, — задыхаясь, выговорил Рольф, и в следующую секунду его литые мускулы взорвались, подобно мгновенно распрямившимся тугим пружинам, и Беннинг обнаружил, что летит к стене. От удара у него перехватило дыхание, и он рухнул на пол.

Рольф открыл дверь. Прежде чем выйти, он обернулся и сурово сказал:

— За это в древнем городе императоров с меня бы заживо содрали кожу. Но ты меня вынудил. А теперь остынь. — И он вышел.

Оставшись один, Беннинг долго сидел у металлической стены, уставившись прямо перед собой. Он чувствовал, что рассудок мутится, пытаясь вырваться из тисков окружающей действительности.

«Я — Нейл Беннинг, и я сплю, а все, что я вижу, — только сон...»

Он с размаху ударил по стене кулаком. Боль в костяшках была достаточно убедительной, и на них показалась кровь. Нет, это не помогало.

«Ладно, пусть этот корабль реален. Звездный корабль, идущий к Антаресу. Реален Рольф, реальна и эта Новая Империя, о существовании которой Земля и не подозревает. Но все-таки я — Нейл Беннинг.

Не Кайл Валькар — о, нет! Если я только позволю себе поверить в то, что был совершенно другим челове-

ком, человеком со звезд, с прошлым, которого не могу вспомнить, тогда мое собственное «я» заколеблется и исчезнет, как дым, и Нейл Беннинг, не став Валькаром, станет никем...

Существует Империя. Существуют звездные корабли. Земля не знает о Звездной Империи, но о Земле знают, знают земные обычаи... языки, изученные во время тайных посещений. Появление корабля Рольфа — именно такое тайное посещение. Они прилетели, захватили Нейла Беннинга, а теперь летят обратно. Все это делается с какой-то определенной целью...

Для какой-то грандиозной звездной интриги понадобился человек, которого можно выдать за Кайла Валькара, потомка древних звездных императоров. И я, Нейл Беннинг, благодаря своему внешнему сходству с Кайлом Валькаром подошел на эту роль. Я стал пешкой в этой игре, а для того, чтобы эта пешка сыграла как можно лучше, Рольф пытается доказать, что я и есть Кайл Валькар!»

Беннинг тщетно пытался придумать какой-нибудь план. Это было трудно, голова все еще кружилась от удара о стену, от увиденной им картины Вселенной, от понимания того, что он и в самом деле находится на космическом корабле. Но он должен даже и в этом невероятном положении драться за себя.

«Сначала — как можно больше узнать, — подумал Нейл. — Прежде чем что-нибудь предпринять, надо узнать, куда они доставят меня, что собираются со мной делать. Мне нужно знание...»

Вернулся Рольф. Он принес новую одежду, подобную его собственной, диковинную, но удобную. Белая туника была изготовлена из великолепной материи, драгоценные камни образовывали на груди стилизованный рисунок — яркое пламенеющее Солнце. Беннинг переоделся без возражений. Его мысли сосредоточились на одном — надо узнать как можно больше и как можно скорее.

— Теперь ты похож на Валькара, — довольно проворчал Рольф. — Ты должен и говорить, как он. Ну, время пока есть.

Рольф начал обучение, называя каждый предмет в

кают на своем языке. Затем Беннинг выучил слова, означавшие «звезда», «император», «Вселенная».

— Рольф!

— Да?

— Это самая Старая Империя, которой правили Валькары... Вы говорили, что это было девяносто тысяч лет назад?

— Да. Прошло много времени. Но Старую Империю помнят во всех звездных мирах, за исключением нескольких, впавших в совершенную дикость, как, например, Земля.

Беннинг вздрогнул.

— Земля? Она была частью Старой Империи?

— Да. Как и половина галактики, — хмуро ответил Рольф. — Когда произошла катастрофа, когда пала Старая Империя, контакты с отдаленными окраинами мира совершенно прекратились. Неудивительно, что потомки колонистов скоро превратились в настоящих дикарей, чуть ли не в обезьян. Так было и на Земле.

Отрывочные факты, рассказанные Рольфом в этот и следующие визиты, начали складываться для Беннинга в туманную картину, в невообразимую космическую историю.

Старая Империя! Империя Валькаров! Они правили из Катууна на Антаресе, их звездные корабли бороздили просторы галактики, и мириады миров платили им дань. Но в Старой Империи роптали против власти галактических лордов, и не однажды захлебывались неудачные восстания. И, наконец, сами Валькары ускорили кризис.

Прошел слух, что в дальней, недоступной части галактики Валькары создают таинственное ужасное оружие, которое в будущем повергнет в трепет всех бунтарей. Никто не знал ни его силы, ни как оно действует. Но молва называла его Молотом Валькаров и утверждала, что с его помощью Валькары, если того пожелают, могут уничтожить все народы в галактике.

Эти слухи послужили детонатором космической революции. Народы звездных миров не могли допустить, чтобы Валькары получили такую власть над их жизнью и смертью. Разгорелось восстание, а потом гражданская война, которая разрушила межзвездную цивилизацию и уничто-

жила Старую Империю. Множество далеких систем и миров, в которые не приходили больше звездные корабли, скатились в долгую ночь варварства.

Однако нескольким звездным системам удалось сохранить свою цивилизацию. Уцелевшие космические корабли этих миров, центром которых была система Ригеля, бороздили Вселенную, стремясь вновь соединить осколки распадавшейся единой цивилизации. Это и стало началом Новой Империи, провозгласившей отказ от помпезности, гордыни и воинственности Старой Империи и наступление новой эры сотрудничества всех планет.

Рольф яростно сплюнул:

— Эта ханжеская болтовня Новой Империи о дружелюбии и мире покорила многих. Но кое-кто все же помнит древних императоров — Валькаров, которым звезды были как подставки для ног!

— А эта штука, из-за которой началось восстание, — спросил Беннинг, — то, что вы назвали Молотом Валькаров? Что с ним случилось?

Рольф серьезно посмотрел на него.

— Он был потерян все эти долгие века. Только Валькары знают, где Молот и что это такое. Тайна передавалась от отца к сыну даже после того, как пала Старая Империя. Ты — единственный, кто ее знает.

Беннинг изумленно взглянул на Рольфа.

— Так вот почему Кайл Валькар — такая важная фигура!

— Именно так! — сурово ответил Рольф. — Ты рассказал мне, только мне, что Молот находится на одной из планет, затерянных в звездном скоплении Лебедя. Ты сказал, что, имея карты девяностотысячелетней давности, сможешь найти эту планету. — Переведя дыхание, гигант угрюмо продолжил: — И ты почти добился успеха, Кайл. Ты нашел нужные звездные карты в архивах на Ригеле и отправился в скопление Лебедя. Но Терения и Джоммо догнали тебя, схватили, стерли память и изгнали на далекую варварскую планету. И теперь никто не знает тайны, где спрятан Молот.

Для Беннинга все это звучало дико и неправдоподобно. Он так и сказал и добавил:

— Почему же они для пущей надежности не убили человека, знающего такой секрет?

— Джоммо так бы и сделал, и с радостью, — саркастически ответил Рольф, — но Терения не решилась. Женщина, даже такая, как Терения, не может править Империей.

— И ты пытаешься ниспровергнуть Новую Империю? — решил прозондировать почву Беннинг. — С той горсткой людей, что на этом корабле?

— Будут и другие, Кайл. Мы отправили им послание, и они соберутся у Катууна. Немного, но достаточно, чтобы сокрушить Империю, если у нас будет Молот.

— Но его у нас нет! А я не знаю, как его найти!

— Да, Кайл, но, возможно, скоро будешь знать!

Когда Беннинг попытался выведать побольше, Рольф проворчал:

— Позже, а пока прежде всего ты должен выучить язык. Я рассказал, что вернул тебе память перед тем, как мы покинули Землю. И что ты заболел от такого шока.

— Человек, который вел автомобиль, знает другое, — напомнил Беннинг.

— Ивар? Он не опасен, это мой человек, но другие не знают. Они мечтают увидеть тебя. Ты должен показаться перед ними скоро как Кайл Валькар.

Язык давался Беннингу легко. Слишком легко. И это несмотря на его невообразимую сложность, выдававшую в каждом слове многотысячелетний возраст. Тем не менее Беннинг схватывал его на лету. Он в совершенстве воспроизводил произношение Рольфа. Создавалось впечатление, что его язык и губы сами находят нужное положение для произношения звука, словно знания были уже в его мозгу, дремлющие и лишь ожидающие пробуждения.

Беннинг старался гнать такие мысли. Это могло означать, что Рольф прав, что люди в Гринвилле говорили правду, что Нейл Беннинг никогда не существовал. Он не мог, он не должен верить в это! Как может человек потерять свое «я»? Нет, здесь какой-то трюк. Это лишь тщательно разработанный план, в котором он — пешка.

Рольф как-то сумел загипнотизировать людей в городке, вот и все.

На корабле для Беннинга не существовало ни дня, ни ночи. Он ел, спал, обучался. Наконец Рольф сказал:

— Они ждут.

— Кто?

— Мои люди, твои люди, Кайл. Теперь ты можешь говорить достаточно хорошо. Выходи отсюда, я им сказал, что ты выздоровел.

Беннинг почувствовал озноб. Он страшился этой минуты. Пока он оставался в этой маленькой камере, то еще мог не думать о своем положении. А сейчас он должен стать Валькаром.

«Вперед! — сказал он себе. — Выясни, что кроется за всей ложью Рольфа до того, как что-то предпринять».

Дверь открылась. Рольф встал в стороне, пропуская его вперед. Беннинг вышел в коридор.

— Сюда, — прозвучал в его ушах голос Рольфа. — Направо. Подними голову. Веди себя, как подобает императору.

Коридор вел в офицерскую кают-компанию. Полдюжины мужчин поднялись на ноги, когда Рольф объявил:

— Валькар!

Они глядели на Беннинга голодными, отчаянными глазами. Он знал, что должен сказать им, но прежде чем успел произнести хоть слово, человек с лицом, напоминающим волчью морду, шагнул вперед. Он медленно проговорил, обращаясь к Беннингу:

— Ты не Валькар.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

▼▼▼

Тишина, последовавшая за этими словами, длилась, казалось, вечно. И в этой тишине Беннинг, смотревший в смуглое волчье лицо, чувствовал, как его сердце сжимают ледяные тиски свершившегося... Ну вот и все. Его раску-

сили. Что же теперь? Беннинг вспомнил предостережение Рольфа — плен, Джоммо, смерть...

В отчаянии он подумал, что, если сумеет наболтать что-нибудь высокопарное, то, может, удастся выкрутиться, но язык отказывался повиноваться. Однако прежде чем Нейл смог произнести хоть слово, волчьелицый поднял бокал с вином и крикнул:

— Но ты будешь им! Мы сражались за тебя раньше и будем сражаться за тебя снова! И на этот раз мы увидим тебя на троне, принадлежащем владыкам Старой Империи по праву.

— Слава Валькару!

— Слава Валькару!

Приветственные крики гремели в металлических стенах. Напряжение покинуло Беннинга, но зоркие сильные офицеры ошибочно истолковали появившееся на его лице выражение, и вновь раздались восторженные приветствия. Из потайных уголков сознания Нейла неожиданно поднялось чувство гордости. Казалось, что не может и быть иначе, что эти люди по праву и чести приветствуют его как своего вождя. Беннинг выпрямился. Он обвел взглядом офицеров и сказал:

— Валькары никогда не испытывали недостатка в верных людях... — Нейл запнулся. Прошло несколько секунд. Он увидел, как на лице Рольфа выражение удовлетворения быстро сменяется тревогой, и заставил себя улыбнуться. Рольф втянул его в эту авантюру, так пусть помучится, пусть попотеет, пусть преданно и верно послужит Валькару. Глаза Рольфа сузились, но он вложил в руку Беннинга бокал. — Господа! Я обещаю вам Старую Империю и свободу звездам!

Гром новых приветственных криков едва не оглушил его. Беннинг повернулся к Рольфу и шепнул по-английски:

— Коротко, но эффектно, не правда ли? — И осушил бокал.

Рольф рассмеялся. Он смеялся искренне, и Беннинг почувствовал, что вместо того, чтобы досадить Рольфу, он сделал для него нечто приятное.

Обращаясь к офицерам, Рольф сказал:

— Все старания Джоммо оказались напрасными. Несмотря ни на что Валькар остался Валькаром. Я знаю, я давал ему первые уроки. Он по-прежнему Валькар.

Рольф одного за другим представлял Беннингу офицеров. Скрана, Линтольф, Кирст, Фельдер, Бурри, Тавн. Они производили впечатление твердых, преданных, целеустремленных людей. Беннинг подумал, что ему недолго удалось бы прожить, узнай они, что он не Валькар, а всего лишь Нейл Беннинг из штата Небраска. Он боялся их, и страх обострил его ум, помогал находить нужные слова и держаться властно. Беннинга изумило, как легко ему давалось быть гордым и властным.

Он начал подумывать о том, что пора бы и удалиться, но тут в кают-компанию вошел молодой ординарец. Он так вытянулся, что Беннинг чуть ли не услышал, как у юноши лопаются жилы от напряжения.

— Капитан Бехрент шлет свои приветствия, — сказал ординарец, — и спрашивает, не окажет ли Валькар ему честь, посетив рубку? Мы сейчас будем входить в облако...

Резкий свисток, вырвавшийся из вмонтированного высоко в стене громкоговорителя, заглушил последние слова. Голос, раздавшийся после свистка, приказал всем офицерам занять свои места.

Офицеры начали расходиться, смеясь и говоря:

— Такое путешествие всегда рискованно, но на этот раз через облако пройдем легко, раз у пульта управления будет Валькар.

— ...будем входить в облако, — повторил ординарец, — и капитан уступает...

Свистки из репродуктора, монотонно повторяющиеся приказы, толкотня спешащих к выходу офицеров вновь не дали ему договорить. Наконец он махнул рукой и, с обожанием глядя на Беннинга, сказал просто:

— Сэр, все мы будем чувствовать себя в большей безопасности, если сейчас вы поведете наш корабль.

О, Господи, подумал Беннинг в отчаянии и взглянул на Рольфа. Тот улыбнулся, когда ординарец шагнул назад, сказав:

— О да, ты один из величайших космических пилотов.

Для того, чтобы стать повелителем звезд, ты должен быть хозяином космоса, и тебя обучали этому, как и всех Валькаров, с раннего детства.

— Но я не могу... — пробормотал Беннинг.

Ординарец придерживал открытую дверь, и времени на разговоры не оставалось. Нейл вышел вслед за Рольфом. Он чувствовал себя беспомощным, пойманным в ловушку.

Вместе они вошли в рубку.

И здесь впервые, подавляя остатки его «я», на него навалилась правда происходящего. Раньше, в каюте, им был брошен всего лишь беглый взгляд в этот невероятный мир, раскинувшийся за окном-иллюминатором, и рассудок принял то, что отвергал весь его прежний опыт. Сейчас это стало ужасающей реальностью, в которой люди жили и работали.

Невысокое большое помещение было буквально забито приборами, за показаниями которых наблюдали корабельные техники. В центре помещения сидел офицер, склонившийся к большому экрану, через который непрерывным потоком бежал ручеек цифр и символов. Перед офицером стоял предмет, похожий на клавиатуру органа, и Беннинг догадался, что это и есть сердце и мозг корабля, пульт управления. Нейл надеялся, что этот мужчина хорошо умеет «играть» на «органе». Он очень рассчитывал на это, потому что картина межзвездного пространства, которая проецировалась на две боковые и переднюю стены рубки, внушала тревогу даже такому зеленому новичку, как он.

К ним подошел мужчина с бульдожьим лицом и коротко подстриженными седыми волосами и отдал честь Беннингу. На нем была темная туника со знаками его ранга на груди, и, судя по виду, навряд ли он привык доверять кому бы то ни было управление своим кораблем. Тем не менее в его голосе не прозвучало ни тени иронии или недовольства, когда он сказал Беннингу:

— Я капитан Бехрент, сэр, рубка в вашем распоряжении.

Нейл покачал головой. Он по-прежнему смотрел на видеоэкран. Корабль мчался под острым углом к облаку,

протянувшемуся через все пространство. Оно темнело, застилая звезды, но все же сквозь него просвечивали мерцающие точки света, танцующие искры, и Беннинг понял, что это, должно быть, одно из тех облаков космической пыли, о которых он читал в популярных статьях по астрономии, а блестящие точки — обломки планет, отражающие свет всех звезд галактики. Тут его осенило — они направляются туда!

Капитан глядел на него. Офицеры за пультом и техники у приборных панелей тоже бросали на него быстрые взгляды. Беннинга начало подташнивать, ему стало страшно.

Слова пришли сами. Почти весело он обратился к Бехренту:

— Мужчине его корабль так же близок, как и собственная жена. Я не хочу оспаривать у вас кого бы то ни было из них. — Беннинг сделал вид, что изучает положение приборов, цифры на экране, пульт, словно ему давно все знакомо. — И пусть даже я сяду за пульт, — продолжал он, — все равно я не сделаю больше, чем вы уже делаете. — Он шагнул назад, делая неопределенный снисходительный жест, который можно было истолковать как угодно.

Беннинг надеялся, что дрожь в его руках не слишком заметна.

— Вне сомнения, — добавил он, — капитан Бехрент не нуждается в моих инструкциях.

Краска гордости залила лицо Бехрента. Глаза его ярко сверкнули.

— По крайней мере, — сказал он, — окажите мне честь, останьтесь.

— Только как зритель. Благодарю вас. — Беннинг сел на узкий диван, идущий вдоль стены под видеоэкраном, а Рольф встал рядом. Нейл заметил кривую усмешку на губах Рольфа и возненавидел его еще больше. Потом он перевел взгляд на видеоэкран, и ему отчаянно захотелось спрятаться в своей каюте, где можно закрыть иллюминатор. Но потом он подумал: нет, уж лучше остаться здесь, где по крайней мере можно увидеть, как все происходит.

Они приближались к темному облаку, в котором были видны блестевшие отраженным светом обломки миров.

Рольф тихо сказал ему по-английски:

— Это единственный способ ускользнуть из сети имперских радаров. Они наблюдают за космическими путями довольно тщательно, а нам не слишком хочется объяснять свои дела.

Черная волна облака, казавшаяся твердой стеной мрака, нависла над ними. Беннинг крепко стиснул челюсти, сдерживая вопль.

Корабль врезался в стену.

Удара не последовало. Естественно. Ведь это была всего лишь пыль с рассеянными в ней обломками скал. Очень разреженная пыль, вовсе не похожая на пыль, поднятую в воздух ураганом.

Потемнело. Небо, до того сверкавшее звездными россыпями, словно задернули шторой. Беннинг, напряженно всматривающийся в видеоэкран, внезапно увидел слабое мерцание — скала размером с небольшой дом, кувыркаясь, неслась на них. Он вскрикнул, но на пульте шевельнулась рука офицера, и обломок пролетел мимо, точнее, корабль пролетел мимо обломка. Ни малейшего признака инерции — ее погасило силовое поле.

— Что тот мальчик говорил правду, ты знаешь, — спокойно сказал Рольф. — Ты здесь лучший пилот.

— О, нет, — прошептал Беннинг, — только не я.

Нейл вцепился в подлокотники потными руками. Казалось, что в течение долгих часов он наблюдал, как корабль, уклоняясь от обломков, пылевых сгустков, петляя, чуть не ощупью шел сквозь облако, проносясь мимо одинаково смертельных при столкновении — были ли они меньше пули или больше Луны — обломков. Но ни один из них не столкнулся с кораблем, и страх Беннинга сменился благоговейным трепетом: если капитан Бехрент может вести здесь корабль и тем не менее преклоняется перед Валькаром, как перед космическим пилотом, то действительно Валькар мог совершить нечто необыкновенное.

Наконец они вышли из облака на «тропу» — чистую полосу между двумя протянувшимися щупальцами космического мусора. Подошел Бехрент и остановился перед Беннингом. Улыбаясь, он сказал:

— Мы прошли, сэр.

— Хорошо сделано, — ответил Беннинг. Эти слова слабо отражали то, что он думал. Нейл готов был простереться перед этим невероятным капитаном и обнять его колени.

— Пожалуй, вам следует отдохнуть, — сказал Рольф.

Когда они вернулись в каюту, Рольф взглянул на Беннинга и коротко кивнул.

— Ты совершишь это. Я боялся, что Джоммо вместе с памятью уничтожил и твой дух, но теперь вижу, что это ему не удалось.

— Ты ужасно рисковал, — сказал Беннинг, — тебе надо было хоть немного подготовить меня...

— Я не в состоянии подготовить тебя ко всему, Кайл. Нет, я должен был выяснить, остались ли у тебя прежняя выдержка и ум. Ты доказал это. — Собираясь выйти, он повернулся к двери с полупечальной улыбкой.

— Теперь тебе надо выспаться, Кайл. Мы подойдем к Антаресу через тринадцать часов, а тебе следует быть там отдохнувшим.

— Почему? — спросил Беннинг с внезапным предчувствием опасности.

Голос Рольфа звучал напряженно.

— Одно испытание, Кайл. Я собираюсь доказать тебе самому и всем остальным, что ты — Валькар.

Он ушел, а Беннинг забылся тревожным сном.

Через несколько часов Нейл вновь стоял с Рольфом в рубке, наблюдая за своей первой посадкой, полный страха перед ожидавшей его неизвестностью. Вид Антареса подавлял его — огромное красное солнце, рядом с которым совершенно затерялся его спутник, звездный карлик. В этом угрюмом зловещем сиянии, заполнившем четверть неба, казалось, что корабль плывет в море крови. Лица и руки людей в рубке были словно вымазаны красным, и Беннинг внутренне содрогнулся. Он мечтал побыстрее приземлиться в Катууне.

Нейл захотел этого еще больше, когда наконец увидел планету, летящую к ним через мрачный свет — тусклый

призрачный мир, выглядевший так, словно люди оставили его давным-давно.

— Когда-то это был могущественный мир, — как будто прочитав его мысли, тихо заговорил Рольф. — Сердце и мозг Старой Империи, которая правила половиной галактики, тронный мир Валькаров. Он может стать таким снова.

Беннинг взглянул на Рольфа.

— Если вы найдете Молот и используете его против Новой Империи, не так ли?

— Так, Кайл. Это то, что ты должен сделать.

— Я?! — воскликнул Беннинг. — Ты безумец. Я не ваш Валькар! Даже если бы я и был им, как я, лишенный памяти, найду Молот?

— Тебя лишил памяти Джоммо, — свирепо сказал Рольф, — он сможет и вернуть ее.

Ошеломленный Беннинг умолк. Только сейчас он начал понимать размах и смелость планов Рольфа.

Корабль мчался к планете. Он коснулся атмосферы и погрузился в кровавый, еще более густой и плотный туман. Нейл почувствовал удушье.

Начали проявляться детали планеты. Горные хребты, черные леса, сплошь покрывавшие континенты, угрюмые океаны, цепочки озер. Рольф говорил, что сейчас Катуун почти совсем пустынен, но человеку с Земли трудно представить картину целого мира, совершенно лишенного городов, звуков, людей. Глядя вниз, пока корабль спускался по огромной спирали, он нашел этот мир невыразимо суровым и печальным. Это ощущение возросло еще более, когда Нейл увидел руины, белые кости городов по берегам морей, озер и океанов, обширные проплешины в лесах, где деревьям мешали мостовые и могильники поваленных камней. Одно такое огромное бесплодное пятно — он знал это инстинктивно — когда-то было космическим портом, полным кораблей с бесчисленных звезд. Впереди выросла горная цепь, вздымающая к небу острые пики. Корабль снижался, теряя скорость. И наконец без всякого толчка или сотрясения замер на плато, тянувшемся у под-

ножия гор и служившем естественной посадочной площадкой.

Казалось, все ждали от Беннинга, что он первым выйдет наружу, в свой мир. И он, сопровождаемый Рольфом, так и сделал. Нейл шел медленно, и снова ему все казалось сном. Небо, прохладный свежий ветер, несущий странные запахи, почва под ногами — все кричало о том, что он здесь чужой, и он не мог избавиться от этого ощущения.

Офицеры вышли вслед за ним, и капитан Бехрент нетерпеливо посмотрел на небо.

— Других еще нет, — сказал он.

— Скоро будут, — отозвался Рольф. — Им надо найти свои тайные пути. На это требуется время. — Он повернулся к Беннингу.

— Отсюда, — сказал он по-английски, — мы пойдем одни.

Нейл посмотрел вниз. Широкая, разрушенная временем дорога вела в долину. Там было озеро, а на его берегу — город. Лес вырос вновь где только можно — чащи чужих деревьев, увитых неземными лианами, заросшие кустарником. Но он все же не мог спрятать огромный город. По-прежнему возвышались колонны ворот, а за ними виднелись проспекты и площади, дворцы с развалившимися крышами, мощные арки и стены — безмолвные в красном свете на берегу спокойного, печального озера.

Нейл и Рольф молча шли по дороге. Когда они спустились с возвышенности, ветер стих, и только звук шагов нарушал тишину. Антарес тяжело нависал над горизонтом, «на западе», как определил для себя Беннинг. Ему, привыкшему к маленькому яркому солнцу, Антарес казался огромным тусклым шаром, лишь загромождавшим небо.

В долине было теплее. Нейл ощущал запахи леса, но и только. Ничего, ни одного признака, говорящего о присутствии человека. Город теперь был гораздо ближе. Однако по-прежнему ни звука, ни движения не привлекло внимания Беннинга.

— Судя по твоим словам, — заговорил наконец удру-

ченный давящей тишиной Нейл, — я считал, что по-прежнему здесь кто-то живет.

— Идем через ворота, — только и ответил Рольф.

Беннинг повернулся и посмотрел на него.

— Ты чего-то боишься.

— Возможно.

— Чего? Почему мы идем одни? — Он внезапно протянул руку и схватил Рольфа за воротник туники, едва не задушив. — Зачем ты ведешь меня туда?

Лицо Рольфа стало совершенно белым. Он не поднял руку, не напряг мускулы, чтобы освободиться от хватки Нейла и только сказал голосом чуть громче шепота:

— Ты подписываешь мой смертный приговор. Ради Бога, дай мне возможность идти. — Он не договорил. Его взгляд уперся во что-то за спиной Беннинга. — Будь осторожен во всем, что станешь делать, Кайл, иначе мы оба пропали.

ГЛАВА ПЯТАЯ

▼▼▼

Искренняя убежденность, прозвучавшая в голосе Рольфа, заставила Беннинга поверить, что это не трюк. Он ослабил хватку, чувствуя, как по спине бегут мурашки от осознания того, что сзади кто-то есть.

Очень медленно Нейл повернул голову.

Рольф сказал:

— Стой спокойно. Прошло десять лет с тех пор, как они видели тебя в последний раз. Дай им время и ни в коем случае не беги.

Беннинг и не думал бежать. Оцепеневший, он неподвижно стоял и смотрел на странные создания, выходящие из городских ворот. Существа двигались очень тихо, и пока он общался с Рольфом, за их спинами образовалась целая толпа, делая бесполезной любую попытку к бегству. Они не походили на людей, но и к животным их нельзя было отнести тоже. Эти создания вообще не походили ни на что, что Беннингу приходилось видеть в кош-

марах или наяву. Но по тому, как существа передвигались, они выглядели быстрыми и сильными. Похоже, убить человека им не стоило никаких особых усилий.

— Это Арраки, твои телохранители и слуги, верные псы Валькаров, — прошептал Рольф. — Заговори с ними.

Беннинг во все глаза смотрел на них. Ростом со взрослого человека, формой тела они напоминали гигантских пауков. Несколько ног, узловатые безволосые горбатые тела, а на гладкой сероватой коже ярким цветом выделялся прихотливый узор — не то естественный, не то татуировка. Пожалуй, это было даже красиво. Почти во всем можно найти красоту, стоит только ее показать. Почти во всем...

— Что мне сказать?

— Напомни, что они твои!

Маленькие круглые головы и лица — детские лица с округлыми подбородками, небольшими носами и огромными, тоже круглыми, глазами. Что было во взглядах этих устремленных на него глаз? Существа зашевелились и подняли свои тонкие руки. Беннинг мельком заметил, что руки заканчивались безжалостными когтями. Один из них, стоявший впереди, очевидно, предводитель, заговорил неожиданно мелодичным, свистящим голосом:

— Только Валькар может войти в эти ворота, вы — умрете.

И Беннинг ответил:

— Смотри внимательно, вождь, или твоя память так коротка?

Что было в этих взглядах? Мудрость? Жестокость? Мысли иных существ, которые человек не в состоянии понять?

Молчание. И лишь огромные белые монолиты — остатки ворот — вздымали вверх разрушенные верхушки. На монолитах местами сохранилась резьба, изображающая таких же стражей-пауков, что окружали их теперь.

Существа с сухим клацаньем зашевелились, множество рук тянулось к Беннингу. Он понимал, что когти на этих руках могут разорвать его на множество маленьких Нейлов с невероятной быстротой. Сопротивление или бег-

ство было бессмысленно. Оставалось одно — продолжать вести эту отчаянно опасную игру. Беннинг заставил себя приветственно раскрыть объятия.

— Мои верные слуги! — сказал он.

Тот, кто заговорил с ним, их вождь, пронзительно вскрикнул. Остальные подхватили этот клич, он эхом отразился от каменных стен города, лежавшего за их спинами, и сейчас Беннинг совершенно ясно увидел, что за чувство было в этих устремленных на него взглядах круглых детских глаз. Любовь. И их вид вдруг перестал казаться таким отвратительным и чуждым. Вождь схватил руку Беннинга и прижал ее к своему прохладному лбу. Прикосновение к гладкой серой коже не вызвало в Беннинге никакой брезгливости. Но, с другой стороны, именно это испугало его.

— Кто он такой? — спросил он Рольфа по-английски.

Рольф облегченно рассмеялся.

— Это вождь Арраки, Сомсей. Он качал твою колыбель и катал маленького Кайла на спине. Ты боишься его?

— Нет, — упрямо сказал Беннинг, — нет, я не верю. Я не могу поверить в это.

Рольф недоверчиво посмотрел на него.

— Ты хочешь сказать, что даже сейчас сомневаешься, но ведь они узнали тебя! Слушай, Кайл, десятки тысяч лет назад Валькары переселили сюда народ Арраки с далеких окраин галактики, из мира умирающей звезды. С тех пор они верой и правдой служат Валькарам и только им. То, что в эту минуту ты все еще жив, доказывает, кто ты есть на самом деле.

Сомсей бросил на Рольфа косой взгляд и шепнул Беннингу:

— Я знаю этого, зовущегося Рольфом. Будет ли на то твоя воля, чтобы он жил, господин?

— На то будет моя воля, — ответил Беннинг.

Глубокое сомнение проникло в его душу. Эти существа, легкость, с которой он освоил язык, инстинктивное знание, как вести себя, приходившее временами из подсознания, загадка Гринвилля — так, может, все правда? Может, он настоящий Валькар, повелитель этого города,

повелитель павшей Империи, которая некогда правила мириадами звезд?

Но нет! Человек должен верить в подлинность своего «я», иначе он погиб. Настоящим был Нейл Беннинг, настоящей была его жизнь. Пусть Арраки не люди, но их так же, как и людей, могло одурачить внешнее сходство. Просто Рольф удачно выбрал двойника, вот и все.

Он высказал эти соображения по-английски, но Рольф покачал головой.

— Упрямство всегда было твоим главным недостатком, — сказал он. — Спроси хоть у Сомсея. — Перейдя на свой язык, он продолжил: — Арраки проводят тебя домой, Кайл. Я возвращаюсь. Остальные скоро прибудут, и я должен встречать их на плато. Когда соберутся все, я приведу сюда капитанов.

Он отсалютовал Арраки и пошел обратно по разрушенной дороге. Беннинг недолго смотрел ему вслед и, отвернувшись, тут же забыл о Рольфе. Все его страхи исчезли, и он страстно захотел осмотреть город.

— Ты пойдешь сейчас домой, господин? — негромко спросил Сомсей.

— Да, — ответил Беннинг. — Я пойду домой.

Он прошел через ворота, сопровождаемый Сомсеем, который шел по правую руку. Их окружала шумящая, обожающая толпа, и Беннинг почти физически ощущал это обожание. Он подумал, что древние Валькары хорошо выбрали себе телохранителей — верных и преданных. Насколько — это он выяснит позже.

Этот звездный Вавилон был огромен. Во времена его расцвета здесь, должно быть, голова шла кругом от сверкающих красок, шума, блеска сокровищ бесчисленных миров. Перед мысленным взором Беннинга проплывали бесчисленные картины: посольства, идущие вниз по этой, теперь разрушенной, дороге, принцев Цефея, королей Бетельгейзе, вождей наполовину варварских племен с диких миров созвездия Геркулеса, спешащих преклонить колени в городе подлинных властителей Вселенной, в городе Валькаров. А сейчас только тишина и красные сумерки наполняли улицы и развалины дворцов.

— Город снова оживет, — убежденно, без тени сомнения прошептал Сомсей. — Теперь ты дома.

И так же убежденно Беннинг ответил: «Да!»

От ворот в центр города тянулся широкий проспект. Нейл шел впереди, ступая по вдавленным плиткам, а ноги его свиты клацали и шаркали по камням. В конце проспекта, у самого озера возвышался дворец из белого мрамора, подавляя своими размерами и мощью. Беннинг шел к нему. Проспект расширился и превратился в огромную площадь, по границам которой когда-то стояли статуи гигантских размеров. Грустная улыбка тронула губы Нейла. Многие статуи рухнули на плиты площади, да и оставшиеся стоять изувечила жестокая рука времени. Но когда они все возвышались здесь — целые и невредимые мощные фигуры, устремленные к звездам, держащие солнце в своих могучих руках, — их вид должен был внушать трепет, доказывать посольствам иных миров их ничтожество перед непреодолимой мощью Империи, так что тронного зала они достигали, подготовленные должным образом.

Теперь руки статуй, держащие звезды, сломались, а глаза, обращенные к идущим, были запорошены пылью веков и слепы.

— Господин, — обратился Сомсей к Беннингу, поднимавшемуся по дворцовой лестнице, — за время твоего отсутствия внутренняя галерея обрушилась, мы пойдем тут.

Он повел Беннинга к меньшей боковой двери, за ней оказались развалины и обломки. Большие каменные блоки попадали, обрушился и главный свод, над головой было теперь открытое небо. Но внутренние арки по-прежнему стояли, сохранились кое-где и стены галерей, украшенные удивительной резьбой. Главный зал, подумал Беннинг, мог бы вместить не менее десяти тысяч человек. В дальнем конце зала в тусклом кроваво-красном свете он разглядел трон. И изумился, ощутив, как от вида этого запустения в нем поднимается горячий гнев.

Сомсей быстро шел впереди, и Беннинг следовал за ним, пробираясь между каменными завалами. Они прошли разрушенную галерею и оказались в низкой пристройке, выходящей на озеро. Беннинг догадался, что

здесь располагались личные апартаменты Валькаров. Эта пристройка довольно хорошо сохранилась, как если бы чьи-то постоянные усилия поддерживали ее в пригодном для обитания состоянии. Когда он вошел внутрь, то увидел, что всюду чисто, все заботливо прибрано, обстановка на месте, детали металлических орнаментов сверкали первозданным блеском.

— Мы сохранили все как было, — сказал Сомсей. — Арраки знали, что придет день и ты вернешься.

Беннинг медленно брел через пустынные комнаты. Здесь сильнее, чем где-либо еще в городе, он ощутил груз столетий непрерывного правления, гордости и традиций, неизгладимый отпечаток человеческих индивидуальностей мужчин и женщин, создавших все это. Ощущение усилилось при виде безделушек, портретов, антикварных вещиц и всевозможных коллекций, собранных в других мирах. Их вид, заброшенных и забытых всеми, за исключением охраняющих их Арраки, наводил грусть...

Из высокого окна одной из комнат открывался вид на озеро. Обстановка, теперь слегка запущенная, была богатой, но без излишеств: книги, карты — обычные и звездные, модели кораблей и многое другое.

Массивный стол и рядом с ним старое кресло. Беннинг опустился в кресло, и изношенная обивка приняла его тело со знакомым удобством. Через дверь в правой стене он увидел в другой комнате высокое ложе, на пурпурном пологе был изображен символ Солнца. На левой стене между книжными полками висел портрет человека в полный рост, его портрет...

Ужас охватил Беннинга. Он почувствовал, как Нейл Беннинг начинает исчезать, словно снимает маску, скрывающую чужое лицо. Нейл вскочил и отвернулся от портрета, слишком удобного для него кресла, императорского ложа с пологом и вышел на террасу за окном, где смог дышать свободней и думать яснее. Он с трудом удерживал в себе Нейла Беннинга.

Сомсей последовал за ним.

Нейл смотрел на темнеющее в красных сумерках озеро, и Сомсей заговорил:

— Ты пришел домой, как когда-то твой отец, и Арраки возликовали, ибо многие поколения наши повелители не были с нами и мы были так одиноки.

«Одиноки?» Странный пафос этих слов тронул сердце Беннинга. Эти полулюди-полупауки, пронесшие преданность Валькарам через все мертвые тысячелетия, миновавшие со дня падения Империи, ждавшие в своем разрушенном мире, ждавшие и надеявшиеся, жили только любовью к своим повелителям. И наконец Валькар возвращается. Рольф рассказал ему, как отец Кайла вернулся в древний тронный мир, который другие в страхе избегали, чтобы его сын вырос, помня о былом величии Валькаров.

— Господин, — продолжал своим свистящим шепотом Сомсей, — в ночь твоего рождения твой отец положил младенца в мои руки и сказал: «Поручаю его тебе, Сомсей. Будь его тенью, его правой рукой, его щитом».

— Так оно и было, Сомсей.

— Да. После смерти твоих родителей я заботился о тебе, я ненавидел даже Рольфа, потому что он мог учить тебя человеческим искусствам, а я нет. Но сейчас, господин, ты другой.

Беннинг взглянул на него.

— Другой?

— Да, господин. Твое тело то же самое. Но разум, мысли, чувства изменились.

Нейл смотрел в темные странные глаза, нечеловечески мудрые, любящие глаза. И дрожь пробежала по его телу. Но тут сверху раздался звук. Беннинг взглянул на небо и увидел сверкающую искорку, пересекавшую огромный диск Антареса и снижавшуюся к западу. Искорка, растущая на глазах, превратилась в корабль и скрылась за дворцом. Нейл догадался, что один из обещанных Рольфом кораблей опустился на плато.

Ему стало холодно, очень холодно, словно сумрачное озеро дышало морозом.

— Сомсей, ты не должен говорить другим, что мой разум изменился, — прошептал он. — Если это узнают, меня ждет смерть.

Еще один корабль промчался к плато, и еще один. Быстро темнело.

— Они не узнают, — сказал Сомсей.

Беннингу по-прежнему было холодно. Эти Арраки, не обладают ли они какими-либо парапсихологическими особенностями? И, может, благодаря им Сомсей ощущает, что он не Валькар?

Вскоре в темнеющую комнату быстрыми шагами вошел еще один Арраки. Он был меньше и светлее Сомсея, с более тусклым узором на коже.

— Это Киш, мой сын, — сказал Сомсей, — он молод, но подает надежды. После моей смерти он будет служить Валькарам.

— Господин, — сказал Киш и поклонился. — Человек по имени Рольф и другие идут сюда. Должны ли стражи позволить им войти?

— Пусть войдут, — ответил Беннинг, — веди их сюда.

— Не сюда, — возразил Сомсей. — Здесь неподобающее место. Валькар принимает слуг, сидя на троне.

Киш умчался прочь, а Сомсей повел Нейла через темные комнаты и развалины. Беннинг радовался, что у него есть проводник, иначе он бы непрестанно спотыкался о рухнувшие каменные плиты. Когда они подошли к главному залу, туда уже входили Арраки с факелами.

Неровный багровый свет факелов почти не освещал мрачные руины, но через большой пролом в стене две желтые луны лили слабый призрачный свет, и в этом обманчивом свете Нейл последовал за Сомсеем к черному трону. На нем совершенно не было резьбы — и это отсутствие украшающего орнамента говорило о гордости повелителей Империи, слишком большой, чтобы ее подчеркивать. Беннинг уселся на трон, и среди Арраки раздался свистящий восторженный шепот.

Пожалуй, легко, подумал Беннинг, сидя здесь, на троне, вообразить себя императором. Он смотрел через разрушенный вход на широкий проспект с колоссальными статуями по сторонам и видел факелы других Арраки, освещавших дорогу Рольфу, ведущему капитанов. Легко было вообразить, что это идут владыки и послы далеких

звезд, аристократы и финансисты могущественной галактической империи, несущие дань иных миров своему повелителю...

Повелителю? Повелитель теней этого мертвого города в разрушенном, затерянном мире. Его подданные — лишь Арраки, собаки Валькаров, оставшиеся преданными, хотя за это время родились и умерли целые цивилизации. Его величие — только жалкое притворство, такой же фантом, как и давно умершая Старая Империя...

Руки Беннинга стиснули каменные подлокотники. Он слишком много думал так, как, по его мнению, думал бы Валькар.

«Ты-то не император из рода императоров, — свирепо сказал он себе. — Ты просто человечишко в лапах Рольфа, которого он собирается использовать в своих интересах, если ты это позволишь».

В огромный зал вошли Рольф и по крайней мере еще человек двадцать, сопровождаемых факелоносцами. Прилетевшие искоса поглядывали на Арраки. Страх перед стражами по-прежнему жил в них, и нетрудно было догадаться, почему эта древняя столица Старой Империи так редко посещается.

При свете факелов Нейл смог разглядеть лица вошедших. За исключением капитана Бехрента и нескольких офицеров с его корабля все остальные были ему незнакомы и представляли собой довольно пеструю компанию. Некоторые выглядели честными вояками, солдатами, служащими делу, в которое верили. Другие имели вид отъявленных негодяев, готовых ради выгоды продать кого угодно и что угодно. Все они остановились шагах в десяти и устремили вверх взгляды на черный трон, где сидел Беннинг, а рядом с ним укрылся в тени Сомсей.

— Привет Валькару! — воскликнул Бехрент, и остальные нестройно подхватили приветствие.

Рольф шагнул к трону. Он тихо сказал по-английски:

— Позволь мне руководить ими. Думаю, мне удастся добиться их согласия.

— Согласия на что? — спросил Беннинг сердитым шепотом.

— На рейд к Ригелю, — спокойно ответил Рольф. — Нам это необходимо, Кайл. Там Джоммо, и только он может вернуть тебе память. А когда ты все вспомнишь, мы получим Молот.

Нейла ошеломила невероятная дерзость задуманного Рольфом. С горсткой людей совершить налет на Ригель, столицу Новой Империи, — да это же совершенное безумие!

А потом в его мозгу вспыхнула новая мысль — раз Рольф предложил такой план, значит, он все-таки... Впрочем, возможно, что Рольф ведет более тонкую игру, чем он, Нейл, думал.

Рольф церемонно поклонился Беннингу и повернулся, чтобы представить капитанов.

— Берегись! — внезапно прошептал Сомсей. — Среди них — предательство и смерть.

Нейл вздрогнул. Он вспомнил странные парапсихологические способности Арраки и почувствовал, как по его напрягшемуся телу прошел холодок.

Рольф выпрямился, и его голос загремел в огромном зале:

— Я рассказал им о твоем замысле, Кайл! И уверен, что каждый присутствующий здесь капитан последует за тобой!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

▼▼▼

Слова Рольфа вызвали рев одобрения, и один из этих странных капитанов, высокий смуглый мужчина, шагнул вперед и преклонил колено перед троном с улыбкой на лице, настолько явно выдававшей порочность ее владельца, что это прямо-таки очаровало Беннинга.

— Я последую за любым, кто поведет меня похитить императрицу! И Джоммо сам по себе немалая задача, но Терения! Если ты справишься с этим, Валькар, ты сможешь легко сесть на трон!

Лишь благодаря настороженности, разбуженной в нем

шепотом Сомсея, Нейлу удалось скрыть свое изумление при этих словах. Одно дело — совершить налет на столицу, захватить Джоммо и заставить его что-то сделать, но совсем другое — поднять руку на суверена. А из темных уголков сознания выплыла другая мысль: «Терения — вот ответ! Получить ее — значит получить звезды!» Беннинг решил, что какие бы ни были у Рольфа недостатки, в отсутствии смелости его упрекнуть нельзя.

Смуглый человек у подножия трона поднялся.

— Я — Хорин, и я командую легким крейсером «Звездный поток», команда — сто человек. Дай мне руку, Валькар.

Нейл взглянул на Сомсея:

— Этот?

Арраки покачал головой. Взгляд его странных блестящих глаз был устремлен на капитанов.

Беннинг наклонился и сказал Хорину:

— Положим, я захватил власть в Империи. Что ты потребуешь за свою помощь?

Хорин расхохотался.

— Во всяком случае, не благодарность. Я следую за тобой не по зову сердца, а по зову золота. Это понятно?

— Достаточно честно, — ответил Нейл и пожал протянутую руку.

Хорин отступил обратно, и Беннинг обратился к Рольфу:

— Ты не говорил им о деталях плана?

Рольф отрицательно покачал головой.

— Это отложено до окончательного совещания, которое состоится после того, как они свяжут себя обязательствами.

— Мудро, — как можно более циничным тоном одобрил Нейл.

Рольф взглянул на него.

— Я мудр, Кайл. И немного времени понадобится, чтобы ты убедился, насколько я мудр.

Подошел другой капитан, и Рольф спокойно продолжал:

— Ты должен помнить капитана Вартиса, который и прежде сражался за тебя.

— Конечно, я его помню, — солгал Беннинг. — Добро пожаловать, Вартис. — И он протянул руку.

Вартис был одним из честно выглядевших капитанов, — этакий старый солдат, верный до последнего дыхания, — и Нейл вспомнил из Земной истории о добром принце Чарли и понадеялся, что его собственная участь будет иметь лучший исход, потому что сейчас это была его авантюра, нравилась она ему или нет. И победа — единственный способ выкарабкаться из нее живым. Так что он обязан победить, если это в человеческих или сверхчеловеческих силах. Совесть не слишком мучила его. Терения, Джоммо, Новая Империя — в конце концов, для Беннинга это всего лишь слова.

Ему начинало нравиться это восседание на троне. Капитаны подходили один за другим и пожимали его руку. Некоторые выглядели негодяями, другие честными людьми, и каждый раз Нейл бросал взгляд на Сомсея, который наблюдал за подходившими и как будто к чему-то прислушивался. Наконец осталось только четверо. Беннинг вглядывался в их лица — трое, судя по виду, могли продать родную мать, и Нейл решил, что предатель один из них. Четвертый, рассудительный на вид человек с открытым лицом, в опрятной форменной тунике, уже преклонил колено, и Рольф говорил:

— Зурдис прикрывал твое отступление у...

Внезапно Сомсей, с пронзительным криком, от которого кровь застыла в жилах, прыгнул вперед и его когтистые пальцы сомкнулись на горле Зурдиса.

В зале раздались восклицания ужаса, и люди подались в стороны. Арраки в темных нишах тоже зашевелились и двинулись вперед. Беннинг встал.

— Спокойно! И вы, мои верные стражи, стойте!

Воцарилась напряженная, как тетива лука, тишина. Нейл слышал за спиной тяжелое дыхание Рольфа, а внизу, у подножия трона, застыл коленопреклоненный Зурдис.

Сомсей улыбнулся:

— Господин, вот он!

— Пусть он встанет, — приказал Беннинг.

Сомсей неохотно убрал руки. Там, где когти проколо-

ли грубую загорелую кожу капитана, выступили капельки крови.

— Так, — сказал Нейл, — значит, один из моих людей, честных капитанов, предал меня.

Зурдис не ответил и лишь посмотрел на Сомсея, на далекую дверь и снова на Беннинга.

— Рассказывай, — приказал Нейл, — рассказывай и побыстрее, Зурдис.

— Это клевета! — воскликнул тот. — Пусть эта тварь уберется! Какое у нее право...

— Сомсей, — мягко сказал Беннинг.

Арраки протянул руки, и Зурдис с воплем снова упал на колени.

— Ладно, — заговорил он. — Ладно, я вам все расскажу. Да, я продал тебя, почему и нет? Что я могу получить здесь, кроме ран и изгнания? Когда я получил от Рольфа известие об этой встрече, я обо всем известил Джоммо. И теперь над Катууном летает крейсер, ожидающий моего сигнала! Я должен был разузнать твои планы, твои силы, кто с тобой и, кроме того, в самом ли деле вернулся истинный Валькар или ты самозванец, марионетка, нити которой в руках Рольфа.

— И что же? — спросил Нейл. Его сердце внезапно забилось быстрее.

Лицо Зурдиса, совершенно бескровное и свирепое, исказилось пародией на улыбку.

— Ты Валькар, все верно. И, полагаю, ты доставишь удовольствие своим грязным Арраки поиграть со мной живым. Но это мало что даст тебе. На крейсере хотели бы, конечно, услышать мой доклад, но если его не будет, они все равно спустятся сюда. Это тяжелый крейсер класса «А». Не думаю, что вам удастся его уничтожить.

Среди капитанов раздались возгласы, в которых изумление смешивалось со страхом. Беннинг услышал, как Рольф ругается сквозь зубы. Один из капитанов крикнул:

— Надо попытаться по-тихому убраться, пока на крейсере ждут его рапорт!

Началось общее движение к двери. Нейл понимал, что если они уйдут, за его жизнь нельзя будет отдать и лома-

ного гроша. Ради спасения своей шкуры он должен в совершенстве играть роль Валькара. Беннинг закричал, останавливая капитанов:

— Погодите! Вы что, хотите, чтобы за вами охотились по всему космосу?! Слушайте, у меня есть идея. — Он повернулся к Рольфу. — Забудь старый план, у меня есть другой. Слушайте внимательно, вы, идиоты, называющие себя капитанами! Мы хотели проникнуть в самое сердце Империи. Мы хотели добраться до самого трона и стащить с него императрицу. Что может быть лучше, нежели проделать все это на их собственном корабле?

Понемногу они начали понимать идею Нейла. Чем больше они ее обдумывали, тем больше им нравилась ее неожиданность и смелость. Рольф недоверчиво смотрел на Беннинга, и внезапно в его глазах появилась надежда.

— Они ждут донесения, — продолжал Нейл, — и они его получат! — Он спустился вниз и, проходя мимо Зурдиса, указал на него. — Тащи его, Сомсей! Живого! Ты и другие Арраки, следуйте за мной, и я объясню, как вы сможете услужить Валькару. — Беннинг повернул голову и вызывающе ухмыльнулся в лицо Рольфу, все еще стоящему на ступенях трона. — Ты идешь?

Из груди Рольфа вырвался ликующий смех.

— Я последую за тобой, как тень, господин, — сказал он. Впервые он назвал Нейла так.

Хорин, смуглолицый капитан «Звездного потока», пронзительно заорал:

— Мы — твои охотничьи псы, Валькар! Веди нас, если тебе угодно затравить крейсер!

Остальные одобрительно закричали, поддерживая Хорина, и, следуя за Беннингом, вышли на ночные улицы, сопровождаемые факельщиками — Арраки. Только сейчас у Нейла, глядевшего на руины и поваленные колоссальные статуи, залитые тусклым светом бледных лун, слышавшего шаги и возгласы готовившихся к предстоящей схватке капитанов, невольно мелькнула мысль: «Это безумный сон, и когда-нибудь я обязательно проснусь. Но пока...»

Он повернулся к Рольфу и спросил по-английски:

— У тебя был план?

— О да! И тщательно разработанный, который, возможно, и удался бы, но мы бы потеряли много кораблей.

— Рольф!

— Да?

— Что ты им рассказывал, чтобы втянуть в такое?

— Полуправду. Я сказал, что у Джоммо ключ к секрету Молота, который он украл у тебя, и нам необходимо вернуть этот ключ. Думаю, нет нужды объяснять им, что ключ — твоя память, уже вернувшаяся к тебе, по их мнению.

— Гмм... Рольф!

— Что еще?

— Больше не отдавай распоряжений за меня.

— Теперь не буду, — спокойно сказал Рольф. — Пожалуй, я могу довериться твоим способностям.

А пока, подумал Беннинг, самозванец я или нет, я должен играть роль Валькара, если хочу спасти от смерти Нейла Беннинга.

Они прошли главные ворота города. За воротами Нейл остановился и оглянулся. В дальнем конце проспекта, в свете многих факелов, вырисовывался силуэт огромного дворца, и их пламя казалось мрачным издевательским напоминанием о жизни в этом мертвом заброшенном мире. Беннинг отвернулся и заговорил, отдавая приказы Арраки и капитанам. Один за другим люди и нелюди исчезали в руинах и окружавших их зарослях. Наконец рядом с Нейлом остались лишь Рольф, Бехрент, Хорон и двое Арраки — Сомсей и Киш, державшие Зурдиса.

Они пошли вверх к плато по разрушенной дороге. Пока они поднимались, Беннинг инструктировал Зурдиса, который очень внимательно его слушал, стараясь не обольщаться и глуша в себе зародившуюся робкую надежду на спасение.

— Возможно, люди Зурдиса попытаются отбить его, — сказал Рольф, и Нейл кивнул.

— Бехрент и Хорин справятся с этим. Кроме того, нас поддержат и все другие команды. Немногим нравятся предатели, — сказал он.

— Я действовал один, — угрюмо произнес Зурдис. — К чему делить добычу? Все мои люди верны Валькару.

— Посмотрим, — сказал Беннинг и повернулся к Бехренту. — Но ты это проверь!

На плато Нейл, сопровождаемый Рольфом, Зурдисом и двумя Арраки, прошел прямо в радиорубку своего корабля. Дремавший офицер связи испуганно вскочил и замер, вытянувшись в струну. Не обратив на него внимания, Нейл посадил Зурдиса к передатчику. За спиной предателя встал Сомсей и прижал когти к его горлу.

— Сомсей услышит твои мысли до того, как ты произнесешь их вслух, — сказал Беннинг. — Если ты задумаешь измену, то умрешь, не успев сказать ни слова. — Он сделал повелительный жест. — Начинай.

На правительственном крейсере уже подтвердили получение вызова. Немедленно, очень ровным голосом, Зурдис заговорил:

— Здесь Зурдис. Слушайте, Рольф привез не Валькара, и половина капитанов поняли это. Сейчас они спорят в Тронном зале Дворца. Они дезорганизованы, и охрана не выставлена. Арраки там тоже нет, и если вы сядете вблизи городских ворот, то сможете без труда захватить всех.

— Хорошо. Ты уверен, — ответил голос, — ты уверен, что этот человек не Валькар?

— Уверен.

— Я немедленно сообщу Джоммо — это успокоит его. Но, пожалуй, мне слегка досадно. Для меня было бы большой честью захватить настоящего Валькара. Ладно, Рольф и все заговорщики — тоже неплохо. Мы сядем через двадцать минут. Ты держись в стороне.

В приемнике раздался щелчок. Зурдис посмотрел на Беннинга, и тот обратился к Сомсею:

— Что в его мыслях?

— Господин, — ответил тот, — он думает, как бы ему ускользнуть и предупредить команду крейсера. Он думает о многом, чего не может скрыть, и нет среди этих мыслей хороших.

— Убрать, — резко приказал Беннинг.

Арраки утащили Зурдиса, а Нейл круто повернулся к Рольфу.

— Я не желаю убийств без необходимости, когда появится крейсер! Запомни это!

Они вышли из рубки, и Рольф вручил ему оружие. Парализатор не годился для такого горячего дела — у него был слишком ограничен радиус действия. Оружие, взятое у Рольфа, напоминало кургузый пистолет и стреляло разрывными пулями. Беннинг был вполне уверен, что сможет стрелять из такого оружия, хотя Рольф не объяснил, как это делается.

Когда они вышли из корабля, люди уже построились и ждали. Киш и Сомсей заняли свои места за спиной Нейла. Они вернулись одни.

— Прекрасно, — одобрительно произнес Беннинг. — Быстро сделано.

Отряд в призрачно лунном свете углублялся в темную чашу долины, когда Нейл вдруг крикнул:

— Скройтесь! Они спускаются!

Не успели люди скрыться в густых зарослях, как над их головами пронесся быстро снижающийся огромный черный призрак. На миг Беннинга охватила паника — ему показалось, что огромная масса спускается прямо на них, грозя раздавить и его самого, и его людей. Потом он понял, что это только оптическая иллюзия — крейсер, ломая деревья, спустился в зарослях несколькими ярдами дальше, как Нейл и планировал, как раз между двумя его отрядами. Порыв ветра обрушился на лес, хлестнули ветки над головами, и перед их лицами закружились листья и прутья. Потом воцарилась тишина, и Беннинг во главе отряда снова двинулся вперед.

Люди из крейсера в полном вооружении уже вышли наружу и построились, но, не ожидая здесь ничего опасного, больше были озабочены тем, как в темноте через завалы добраться до цели. И когда внезапно появившиеся отряды Беннинга ударили по ним, они оказались словно между молотом и наковальней. Из крейсера выскакивали новые люди, и началась стрельба, пули взрывались как маленькие звезды, и многие остались лежать мертвыми

среди деревьев. Вспыхнули прожектора крейсера, превратив ландшафт в путаный узор ослепительного света и черных теней. Осветилась фантасмагорическая картина смешавшихся в дикой схватке людей и Арраки. Сомсей издал долгий завывающий вопль, и все больше Арраки появлялись на этот зов. Они мчались, как дети, которых позвали играть, и их странные глаза ярко сверкали.

С Беннингом во главе они ворвались в открытый люк крейсера, в шлюзовую камеру и дальше в коридоры, гоня перед собой перепуганных людей, топча их своими быстрыми ногами, выметая их, как метлой. Нескольких Арраки убили, нескольких ранили. Но теперь Нейл знал, что его предположения оказались правильными, его слуги — полулюди-полупауки — были сильнейшим оружием против людей, которые слышали о них только в легендах и старых рассказах, которые принимали скорее за сказки. Внезапное появление из мрака народа Сомсея, их вид и вопли — этого оказалось вполне достаточно, чтобы деморализовать всех, кроме самых храбрых; но и храбрейшие не устояли перед непреодолимым натиском. Арраки, повинуясь приказу Беннинга, избегали убивать, если в этом не было необходимости, но вымели они корабль чисто, и Сомсей с Кишем ворвались в радиорубку прежде, чем офицер связи понял, что происходит.

Нейл вернулся к люку. Он тяжело дышал, пустяковая рана слегка кровоточила, а голова кружилась от такого яростного возбуждения, что об этом качестве своего характера он и не подозревал в прежние дни на Земле. Подошел тоже с трудом переводящий дыхание Рольф, и Беннинг сказал:

— Здесь все сделано.

Рольф, вытиравший кровь, сочившуюся из уголка рта, усмехнулся:

— И здесь тоже. Мы как раз заканчиваем.

Нейл засмеялся. Он протянул руку Рольфу, и, смеясь, они обменялись рукопожатием.

Арраки начали выгонять людей из крейсера, присоединяя их к тем, которые были захвачены среди деревьев.

Пленники выглядели сбитыми с толку и возмущенными, как будто они до сих пор еще не поняли, что же произошло.

— И что теперь? — спросил Беннинг.

— Теперь, — ответил Рольф, — перед нами Ригель и Джоммо. И ты снова станешь Кайлом Валькаром, а в твоей руке будет Молот.

Беннинг поднял взгляд к небу, где далекая, ничего не подозревающая планета — сердце Империи — шла извечным путем вокруг своего светила.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

▼▼▼

Тяжелый крейсер «Солнечное пламя» через звездные бездны мчался к Ригелю.

Внешне он оставался тем же, что и был всегда, одним из самых быстрых и мощных космических кораблей, со знаками Империи, блестевшими на борту, с полной командой, одетой в имперскую форму и вооруженной имперским оружием. На самом деле это было всего лишь уловкой.

— Вот руководство, — сказал Рольф. — Сигналы, коды и прочее. Немного везения и...

Тщательно составив послание, Беннинг отправил его почтой мгновенной гиперпространственной связи.

ВОЗВРАЩАЮСЬ С ЗАГОВОРЩИКАМИ, ПОЧТИТЕЛЬНО ПРОШУ ПОЛНОЙ СЕКРЕТНОСТИ. ЖДУ ИНСТРУКЦИЙ.

Он подписался именем капитана «Солнечного пламени», который остался на Катууне под охраной Арраки. Ответ пришел быстро.

СЛЕДУЙТЕ ПРЯМО К ЗИМНЕМУ ДВОРЦУ.

И подпись — Терения.

Рольф зло усмехнулся.

— Зимний дворец — лучше и не придумаешь! Это там они, по их мнению, уничтожили Валькара. Что ж, им придется увидеть его снова! Нам везет. К тому же дворец в

отдаленном, тихом месте и имеет собственную посадочную площадку.

— И очень прочные темницы, — заметил Хорин, — не забывай об этом.

— Тебе лучше остаться на корабле, — сказал Беннинг. — Если увидят твое честнейшее лицо, то все мы окажется под замком. — И он рассмеялся. Его возбуждение росло с каждым парсеком, пройденным крейсером. Сама авантюра казалась достаточно сумасшедшей, чтобы привести в возбуждение любого человека, но существовало еще что-то — предчувствие и имя — Терения. Нейл не знал, почему оно так действовало на него, но так было. Ему вдруг захотелось увидеть ее, услышать ее голос, узнать, как она выглядит и движется.

— Дерзость побеждает, — тихо проговорил Рольф. — Она будет там, ничего не подозревающая, горящая желанием воочию убедиться, настоящий ли ты Валькар. И с ней будет Джоммо. Даже если бы ему, как главе Совета, это не было бы обязательно, он все равно бы пришел. У него есть свои причины. Он страстно хочет убедиться в том, что Зурдис сказал правду. — Рука Рольфа сделала хватательные движения. — И у нас будут оба.

Напоминание о Джоммо заставило Беннинга вздрогнуть. Он не желал встречи с ним. Джоммо мог вынести окончательный приговор — реален или нет Нейл Беннинг, а Нейл этого не хотел. Он яростно убеждал себя, что нечего бояться, потому что он — настоящий Нейл Беннинг и никто не сумеет отнять его «я». Но страх оставался.

Хорин улыбнулся, как человек, подумавший о чем-то приятном, и сказал:

— Когда они окажутся в наших руках, у нас будет секрет Молота. А с Молотом и Валькаром, который знает, как владеть им... — И он жестом показал, что тогда можно овладеть всей Вселенной.

Молот? Беннинг тоже думал о нем. Он осмотрел орудия крейсера, орудия, стреляющие атомными снарядами, мчащимися гораздо быстрее света и наводящимися на цель гиперпространственными радарами. Даже это обычное оружие имперского крейсера казалось ему ужасным.

Так насколько ужаснее был таинственный Молот, которого боялась целая галактика?

Крейсер мчался вперед, приближаясь к сверкающей звезде. На корабле росло напряжение. Бехрент, который служил когда-то в имперском флоте, тратил все свое время на обучение офицеров и команды умению управлять орудиями корабля, зло ругая их за ошибки и свирепо напоминая, что их жизни зависят от их сообразительности. Беннинг мало спал, просиживая бесконечные часы с Рольфом, Хорином и другими капитанами. Часто он бывал и в рубке. И всегда за его спиной стояли Сомсей и Киш.

Арраки отказались остаться в Катууне.

— Господин, — говорил Сомсей, — однажды ты ушел без меня, годы ожидания тянулись так долго.

Крейсер вошел во внешний пояс патрулей, охранявших столицу Новой Империи. Снова и снова их вызывали, следуя обычному порядку, и каждый такой вызов мог оказаться гибельным, возбуди подозрение малейшая деталь. Но каждый раз, когда они называли себя, корабль получал право на проход. Уже сиял голубоватым светом Ригель, и корабль, сбрасывая скорость с таким расчетом, чтобы подойти к месту посадки вечером, мчался к третьей планете системы.

— Нам нужна темнота, — заметил Рольф. — Это даст нам определенные преимущества.

После того как они прошли внутреннее кольцо патрулей, Беннинг отправил послание:

«СОЛНЕЧНОЕ ПЛАМЯ» СЛЕДУЕТ К МЕСТУ НАЗНАЧЕНИЯ. СИГНАЛ ОДИН!

Ответ не заставил себя ждать:

ПРОХОДИТЕ, «СОЛНЕЧНОЕ ПЛАМЯ». ВСЕМ ДРУГИМ КОРАБЛЯМ ОЖИДАТЬ КОНТРОЛЯ.

Крейсер вошел в тень громадной планеты, и Ригель исчез из виду.

Нервное возбуждение Беннинга достигло предела и исчезло, оставив его в эти решающие часы странно невозмутимым и спокойным. Нейл Беннинг или Кайл Валькар — он должен пройти через все и выяснить, кто же он на самом деле!

Голоса офицеров звучали приглушенно. Внизу люди, все вооруженные, были наготове.

— Дежурные офицеры и команда остаются на борту, — сказал Беннинг, — готовые к немедленному взлету. Повторяю: к немедленному, в любую секунду по сигналу.

Он повернулся к Рольфу, Хорину и другим заговорщикам, Линтольфу и Тавну, игравшим роль офицеров охраны.

— Я дал вам все необходимые распоряжения, остается их выполнить, когда мы выйдем. Да сопутствует нам удача!

— Приготовьтесь к посадке, — сказал металлический голос из репродуктора.

Беннинг смотрел на экран. Они быстро снижались. Внизу раскинулся огромный город, сверкавший разноцветными огнями и занимавший, казалось, половину континента. В стороне от города среди окружающей тьмы виднелось еще одно пятно света.

— Зимний дворец, — Рольф указал вниз, и сердце Нейла бешено застучало. ТЕРЕНИЯ! Он негромко сказал:

— Вы должны быть наготове. Всем проверить оружие и хорошенько его спрятать. Пользуйтесь парализаторами, старайтесь не убивать без нужды. И помните: Терения и Джоммо нам нужны живые и невредимые. — Обращаясь к Арраки, он продолжал: — Вас не должны заметить сразу. Оставайтесь, в тени, пока я не позову.

Тавн и Линтольф возглавляли отряд усиленной «имперской охраны», необходимой для таких важных пленников, как Валькар и заговорщики. Беннинг накинул на голову капюшон и ждал. Его сердце билось учащенно, дыхание было затруднено.

Корабль коснулся поверхности.

Быстро, под звуки четких команд и ритмичный топот ног, охрана вышла из корабля и выстроилась в виде квадрата, в центре которого находились «пленники». К ним присоединилась дворцовая стража, и все двинулись через открытое посадочное поле к воротам Зимнего дворца. Беннинг с удовлетворением отметил, что других кораблей нет на поле, которое, очевидно, освободили для их боль-

шого крейсера, так что явных препятствий для бегства, в случае неудачи, не было.

Их двойной эскорт быстро проследовал через открытый участок прямо к белому портику, где открывался вход во дворец — великолепное здание, окруженное деревьями и фонтанами. Нейл оглядывался по сторонам, чувствуя снова нарастающее возбуждение.

Здесь десять лет назад пленного Валькара дьявольская наука Джоммо лишила памяти. Сейчас, спустя эти годы, сюда пришел другой человек, Нейл Беннинг с далекой планеты Земля. Он не мог быть тем Валькаром, но все же...

Хотя ночь и была теплой, дрожь пробежала по его телу.

— Лаборатория Джоммо, — наклонившись к Беннингу, шепнул Рольф, — в западном крыле, вон там.

— Прекратить болтовню, — приказал Линтольф, а Хорин грубо выругался.

Они вошли в широкий белый портик. Перед тем как войти, Нейл бросил взгляд через плечо, и ему показалось, что он заметил две тени, скользившие между деревьями.

За портиком находился большой зал, строгую красоту которого подчеркивали облицовка стен из светлого камня и пол из полированного мрамора, черного глубокого цвета, словно горное озеро зимой. Через равные промежутки в стенах виднелись высокие двери, а у одной из стен безупречным изгибом извивалась вверх роскошная лестница. В зале их ожидал мужчина, а на середине лестницы стояла женщина, смотревшая вниз на пленников и охрану.

Беннинг увидел сначала его — мужчину, «ее охрану», и внезапная острая ненависть вспыхнула в нем. Лицо Нейла по-прежнему закрывал капюшон, и он смотрел из-под него на Джоммо, удивляясь тому, что тот так молод и вовсе не похож на бородатого, сгорбленного годами и знаниями ученого. Этот человек был высок и мускулист, с широкоскулым лицом, ему больше подошел бы меч, чем пробирка.

Только глаза Джоммо говорили, что он на самом деле и государственный муж, и ученый. Глядя в эти серые,

пристально смотревшие глаза, Беннинг понял, что столкнулся с мощным интеллектом, вполне возможно, далеко превосходящим даже интеллект «мифического» для него Валькара, не говоря уже о его собственном.

Эта мысль была как вызов, и что-то внутри Нейла шепнуло: «Посмотрим!»

Охрана отсалютовала, клацая оружием и грохоча ботинками по мраморному полу. Беннинг перевел взгляд на женщину и мгновенно забыл о Джоммо, забыл об охране, о плане, вообще о том, зачем он здесь. Он забыл обо всем, кроме Терении.

Нейл рванулся вперед так внезапно, что едва не прорвал цепь дворцовой стражи, прежде чем они его удержали. Капюшон, скрывавший его лицо, свалился, и он услышал короткий вскрик Джоммо. Терения шагнула вниз по лестнице, и с ее уст сорвалось имя — «Кайл!».

«Его имя? Нет, не может быть! И почему — Кайл, а не Валькар?!» — мысли Беннинга заметались.

Невероятно прекрасная и гордая императрица, казалось, пылала костром негодования, свет которого окрасил румянцем ее белую кожу и заставил глаза метать искры. И все же, даже в эту минуту смятения собственных мыслей, Нейл почувствовал, что в голосе Терении, назвавшей его по имени, кроме гнева, прозвучало что-то еще...

Терения спустилась вниз и пошла по залу именно так, как и представлял себе Беннинг, свободно и грациозно. Нейл шагнул ей навстречу, столкнулся со стражей, и ощутил нарастающие гнев и ненависть. И удивительно ненависть его была смешана с совершенно другим чувством.

Но ведь он Нейл Беннинг. И что могла значить для него неведомая Терения с какого-то там Ригеля. Его, Нейла, «я», отчаянно цеплялось за свое прошлое, в то же время уже понимая, что все рушится.

— Глупец, — сказала она, подойдя ближе. — Я подарила тебе жизнь, почему ты не захотел довольствоваться ею?

Ее красота действовала на него завораживающе, но все же он нашел в себе силы и мягко спросил:

— Найдется ли человек, который смог бы в моем положении удовлетвориться этим?

Терения смотрела на него, и Беннинг подумал, что если бы у нее в руках был кинжал, она немедленно заколола бы его.

— На этот раз, — сказала она, — я не могу спасти тебя. И на этот раз я не хочу спасать тебя, даже если бы и могла.

Подошел Джоммо, встал рядом с Терением, и Нейл вдруг вспомнил рассказы Рольфа — достаточно, чтобы представить сложившиеся между ними троими отношения. Он рассмеялся.

— Но в тот раз ты меня спасла, маленькая императрица, хотя и не должна была. И ты ждала меня все эти годы, я знаю. Да и он тоже. Не так ли, Джоммо? Несмотря на все твои уговоры взять тебя в супруги, за эти долгие десять лет ты так и не смог наложить свои лапы на нее или на ее трон.

Даже не глядя в полные холодной ненависти глаза Джоммо, он понял, что удар попал в цель. Но все же не совсем точно — что-то было в этом человеке, выделяющее его среди прочих искателей богатства и власти. И Беннинг понял, что это. Честность. Джоммо был искренен. Не троном он хотел владеть, а Терением.

В следующую секунду Нейл бросился вперед и вцепился в горло Джоммо. Он сделал это так быстро и с такой яростью, что стража не успела помешать. Люди Беннинга тоже набросились на охрану. Нейл закричал, и дикий крик, подхваченный заговорщиками, отразился от сводов зала: «Валькар! Валькар!» Дворцовая стража, «пленники» и люди с крейсера смешались в дикой схватке. Беннинг увидел на лице Джоммо выражение изумления, впрочем, тут же исчезнувшее. Джоммо быстро разобрался, в чем дело, и закричал:

— Беги, Терения! Им нужна ты, мы задержим их — зови подмогу!

Нейл сдавил его горло, и Джоммо больше ничего не успел сказать.

Терения повернулась и, словно лань, помчалась к

лестнице. Румянец пропал, ее лицо побледнело, но она не боялась. Императрица бежала вверх по ступеням, громко призывая охрану. В стенных нишах, расположенных через равные интервалы вдоль ступеней, стояли небольшие тяжелые каменные вазы. Терения на бегу сбросила вниз одну, потом другую. Беннинг расхохотался. Ее волосы цвета пламени выбились из-под удерживающей их тонкой сетки и теперь метались по плечам. Нейл хотел ее. Он хотел поймать ее сам, поскорее, до того, как она успеет скрыться в верхних коридорах и собрать охрану. Но сначала он должен покончить с Джоммо.

У Джоммо не было оружия, но он был силен и понимал, что ему нельзя допустить, чтобы Беннинг воспользовался своим. Сейчас они боролись за парализатор, который Нейл пытался вытащить из-под туники, и боролись на равных, особенно после того, как Беннинг выронил свое оружие. Вокруг них кипела битва, дробясь на отдельные группы сражающихся, и Нейл видел, что эти группы отрезают его от лестницы. Снаружи донесся шквал криков и выстрелов, означавших, что главные силы Беннинга с крейсера захватили площадку и ворвались во дворец. Все шло хорошо, лучше, чем он даже мог надеяться, но им необходимо было заполучить Терению. Без нее рушился весь план, а она могла скрыться в любую минуту. Слишком много времени потребовалось бы, чтобы обыскать весь дворец, и кто знает, сколько здесь потайных ходов, ведущих наружу? Обычно монархи заботятся о том, чтобы всегда была возможность ускользнуть.

Но сильные руки противника держали его, и Джоммо свирепо рычал прямо в его ухо:

— Ты безумец, Валькар! Тебе ее не догнать!

Беннинг внезапно резко рванулся, и ему удалось освободить одну руку. Он сильно ударил Джоммо. У того из уголка рта показалась кровь и ноги подкосились, но все же Джоммо устоял. Терения уже достигла верхней площадки.

— Ты проиграл, — выдохнул Джоммо.

Взбешенный Нейл снова ударил его. На этот раз Джоммо зашатался и упал. Но он потянул за собой и Бен-

нинга, а упав, вцепился в его горло. Они покатились по полу под ногами сражающихся. Слепая ярость охватила Нейла, наружу вырвалось что-то настолько примитивное, чего он в себе никогда и не подозревал. Его руки сомкнулись на шее Джоммо, они боролись насмерть на мраморном полу, пока Рольфу и Хорину не удалось их растащить.

Сейчас зал был полон людьми Беннинга. Дворцовая стража сложила оружие. Нейл вздохнул, и вздох болезненно отозвался в груди. Он посмотрел на лестницу — Терения исчезла.

— Нам необходимо найти ее, — сказал Рольф. — И быстро.

— Арраки помогут, — отозвался Беннинг. И хрипло позвал. Снова, обернувшись к Рольфу, он продолжал: — Собери несколько человек и возьми Джоммо. Он может нам пригодиться, — и Нейл побежал вверх по лестнице. Там его догнали Арраки. — Ищите ее! — приказал он, — ищите! — И они, как две большие гончие, бросились вперед по следу императрицы.

В верхних коридорах царила тишина. Обычно здесь находились стражи, слуги и вообще бесчисленные безымянные люди, всегда обитающие во дворцах. Сейчас не было никого. Однако Нейл бежал, напряженно вслушиваясь в эту тишину, а Киш и Сомсей, бегущие гораздо быстрее его, многоногими тенями метались во все ответвляющиеся проходы.

— Не здесь, — резко бросал Сомсей на бегу. — Не здесь, не здесь, не... да! Здесь!

Дверь. Закрытая, как все остальные. Беннинг рванулся к ней, и Киш едва успел схватить его.

— Они ждут, — сказал он. — Внутри.

Нейл вынул пистолет, от души надеясь, что не придется воспользоваться им. В ближнем конце коридора он заметил окно и выглянул наружу. Внизу все было спокойно. Крейсер мирно стоял на посадочной площадке. Футах в двадцати от Беннинга в стене было другое окно. Он подумал, что окно может вести в ту комнату, и указал на него Сомсею.

— Сможешь добраться туда?

Арраки засмеялся своим удивительным мягким смехом.

— Сосчитай трижды до десяти, господин, прежде чем ломать дверь. Киш!

Оба Арраки, темные паукообразные фигуры, скользнули во мрак по широкому карнизу. Нейл слышал доносившееся снаружи сухое дробное клацанье когтей по камню. Он начал считать. Как раз подбежали Рольф и Хорин, державшие Джоммо, и с ними еще шесть-семь человек. Беннинг встал перед дверью.

— У нас здесь Джоммо! — крикнул он. — Так что не вздумайте стрелять, если не хотите его смерти!

— Нет, — завопил Джоммо. — Стреляйте!

Рольф ударил его в зубы. Беннинг наклонился ближе к двери.

— Вы слышали? В ваших руках его жизнь, так же, как и собственные. — Ему показалось, что он услышал голос Терении, отдающей какой-то приказ. Тридцать. Сейчас.

Он пнул дверь, попав пяткой прямо по замку, и невольно сжался, ожидая ураганного огня. Но не последовало ни одного выстрела. Зато он услышал пронзительный визг сначала одной, потом нескольких женщин. Перед дверью в шеренгу стояло с полдюжины стражников, вооруженных, но держащих оружие опущенным. Киш и Сомсей ворвались через окно, и охрана была ошеломлена воплями мужчин и визгом женщин, пытавшихся скрыться от Арраки. Терении среди них не было.

За группой перемешавшихся слуг и стражников виднелась дверь, ведущая во внутренние покои. Беннинг ударами и пинками расчищал к ней дорогу, но Арраки были ближе и достигли ее первыми. Они широко распахнули высокие белые створки, и стало видно внутреннее убранство комнаты: широкое белое ложе, занавешенное пологом из желтого шелка, толстые ковры на полу, красивая изысканная мебель и белые стены с высокими панелями, отделанными желтой парчой под цвет полога. Одна из панелей еще двигалась, закрывая недавно существовавший проход.

Ни один человек не успел бы достичь этой суживаю-

щейся щели до того, как она закроется, но Арраки не были людьми. И пока Нейл с трудом пробивался в комнату, они вновь открыли панель и скрылись в проходе, тянувшемся за ней. Беннинг слышал, как они бежали, а потом раздался крик ужаса, сдавленный и приглушенный узкими стенами коридора.

Сомсей вернулся в комнату, держа в руках обмякшее тело Терении. Он выглядел огорченным.

— Прошу прощения, господин, — сказал он. — Мы не причинили ей вреда. Но с вашими женщинами такое часто случается.

Нейл улыбнулся.

— Она скоро придет в себя, — сказал он и протянул руки. — Прекрасная работа, Сомсей. Где Киш?

— Пошел разведать потайной ход, — ответил Сомсей, осторожно передавая Терению Беннингу. — Он почувствует, если там есть что-то опасное.

Нейл кивнул, на его руках лежала Терения. Он ощущал тепло ее тела, слышал биение сердца, на лице темнели густые ресницы опущенных век. Огненные волосы оттеняли белоснежную шею и тяжелой массой опускались с рук Беннинга. И неожиданно он почувствовал, что всегда хотел только одного — стоять так и держать Терению на руках.

Суровый голос Рольфа раздался за его спиной:

— Идем, Кайл, нам еще многое надо сделать.

Вернулся тяжело дышащий Киш.

— Ничего, — сказал он. — Там все спокойно, господин.

— Нам понадобятся Арраки, Кайл, — снова заговорил Рольф.

Беннинг вздрогнул, и холодок пробежал по его спине. Наступил момент, прихода которого он так боялся.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

▼▼▼

Лаборатория, в которой они находились, не походила ни на одну из виденных Нейлом прежде. Машины и оборудование были упрятаны под щиты и кожухи, и остава-

лось только догадываться об их назначении и сложности. В этой длинной высокой комнате было чисто и тихо.

Беннинг понимал, что только выдающийся ученый мог занять такое высокое положение в этой огромной Империи звезд.

Сейчас Рольф быстро и резко говорил что-то этому человеку. Джоммо слушал с каменным лицом. Рольф отослал Хорина проверить, как обстоят дела с пленниками, но оба Арраки стояли здесь. Они, держась наготове, внимательно смотрели по сторонам.

Терения уже очнулась. Она сидела в кресле, и на ее совершенно белом лице горели раскаленные глаза, смотревшие на Беннинга. Терения смотрела только на него, не обращая внимания на остальных.

Рольф умолк, и Джоммо медленно произнес:

— Так вот оно что. Мне следовало бы догадаться.

— Нет, — сказала Терения и с силой добавила: — О, нет! Мы не вернем вашему Валькару память — он может уничтожить Империю!

— Ваш выбор ограничен, — зловеще проговорил Рольф.

Горящий взор Терении не отрывался от лица Беннинга. Она гордо заговорила, обращаясь к нему:

— Однажды ты едва не добился успеха, верно? Ты явился сюда со всеми ключами, оставленными тебе отцом, обманом добился от меня позволения порыться в архивах, нашел там путь к Молоту и ушел, насмехаясь над нами, надо мной.

— Я?

— Ты использовал самую древнюю и дешевую уловку, какую мужчина может применить к женщине.

— Терения... — начал Джоммо.

Но она продолжала, не взглянув на него:

— Ты просто чуть-чуть промедлил. И это «чуть-чуть» спасло Империю! Мы схватили тебя, и Джоммо стер твою память. Нам следовало стереть тебя.

— Но вы этого не сделали, — сказал Беннинг.

— Да, не сделали. Мы ненавидим убийство. Этого не понять сыну Старой Империи. Мы были настолько глупы, чтобы дать тебе ложную память, отправить на окраин-

ную планету — Землю — и решить, что ты убран с пути и безопасен. Впрочем, это я оказалась настолько глупа!

Рольф сердито перебил ее:

— Вы настолько удачно убрали его с пути, что для того, чтобы найти Валькара, мне понадобились долгие годы секретных поисков на Земле.

Терения медленно перевела взгляд на мрачного гиганта.

— А теперь, когда у тебя есть Валькар, ты хочешь заполучить его память, а потом и Молот?

— Да, — отрезал Рольф, словно волк клацнул зубами. — Слушай, Джоммо, — повернулся он к ученому. — Ты можешь восстановить его память. И ты это сделаешь. Ты сделаешь это потому, что не захочешь увидеть Терению мертвой.

— Я знал, что ты это скажешь, — ответил Джоммо.

— Так как?

Джоммо посмотрел на Терению. Через несколько минут его плечи опустились, и он склонил голову.

— Ты сам сказал, мой выбор ограничен.

Беннинг похолодел, сердце его бешено застучало, и внезапно охрипшим голосом он спросил:

— Сколько времени это займет?

Секунды, часы, столетия — сколько времени понадобится, чтобы изменить «я» человека?

Предположим, что весь этот невероятный сон — правда, и Нейл Беннинг всего лишь имя, воплощенная ложь? Что останется от него? Сохранится ли память человека, в действительности не существующего?

Джоммо медленно выпрямился. Бесцветным голосом, с неподвижным лицом, он ответил:

— Час, возможно, и меньше.

Терения недоуменно смотрела на него. Казалось, она не верит своим ушам. Потом она яростно закричала:

— Нет! Я запрещаю тебе, Джоммо, слышишь? Я запрещаю! Пусть они...

Сомсей легонько положил когтистую руку на ее плечо, и она замолчала, задыхаясь от отвращения. А Арраки сказал:

— Господин, пока ее рот кричит гневные слова, мысли ее говорят о надежде. Они оба притворяются.

На лице Рольфа появилось неприятное выражение и он прицыкнул языком.

— Я так и думал, что Джоммо слишком легко согласился. — Он поочередно посмотрел на них. — Прекрасно, все равно все выйдет наружу. С Арраки ложь бесполезна.

Терения отпрянула от Сомсея, но промолчала. Джоммо пожал плечами, его лицо по-прежнему ничего не выражало.

Нейл восхищался его выдержкой.

— Арраки, — сказал Джоммо, — вне сомнения, хорошие слуги, но слишком уж они усердствуют. — Он посмотрел на Беннинга.

— Ты хочешь вернуть память? Я согласен. Хотя это и не так просто.

— Час? — произнес Беннинг, думая о чем-то своем. — А возможно, и меньше. — Он шагнул к Терении. — Что может случиться в течение следующего часа? Чего вы ждете?

Открытый взгляд горящих глаз был устремлен прямо на него.

— Не понимаю, о чем ты говоришь? И прошу, прикажи существу больше не дотрагиваться до меня.

— Что-то должно случиться, — задумчиво проговорил Нейл. — Что-то достаточно серьезное, чтобы оказать нашим пленникам помощь.

Снова тихо заговорил Сомсей:

— Мысли ее скачут, язык не говорит правды.

Совершенно иррациональная, но объяснимая ярость охватила Беннинга. Он тряхнул Терению за плечи.

— Что должно случиться?

— Подожди и увидишь!

— Терения, — предостерег Джоммо, и Сомсей усмехнулся.

— Они думают о корабле.

Рольф выругался.

— Конечно, они же должны были послать за другими членами Совета Империи, чтобы совместно решать нашу

судьбу. И если только обычаи не изменились, это означает тяжелый крейсер класса «А» под командованием адмирала. — Он повернулся к Джоммо: — Скоро?

— Пять минут, час — я не могу ответить точно.

— Но вы по-прежнему остаетесь заложниками, — свирепо сказал Рольф.

Джоммо кивнул:

— Это должно сделать ситуацию забавной.

— Но неблагоприятной, — откликнулся Беннинг. — Рольф, нам надо убираться отсюда.

Рольф удивленно посмотрел на него.

— Только после того как Джоммо вернет тебе память!

— Джоммо, — решительно произнес Беннинг, — может сделать это и на нашем корабле, не так ли? Мы уходим!

Он повернулся.

— Киш, передай приказ Хорину и остальным — готовиться к отлету. И приведи сюда несколько человек поскорее. Они понесут оборудование. Джоммо! Ты покажешь, какие аппараты необходимы. Постарайся ничего не забыть, если тебя волнует судьба твоей императрицы.

Складка у губ Джоммо стала глубже, и впервые за все время он ослабил свой железный самоконтроль. Джоммо посмотрел сначала на Сомсея, который наблюдал за ним с пристальным интересом, потом на Рольфа и Беннинга взглядом, горящим такой искренней ненавистью, что Нейл вздрогнул, и наконец на Терению.

— Не берите с собой хоть ее, — сказал он. — Умоляю вас!

— Она будет в такой же безопасности, как и мы, — сказал Беннинг и добавил, обращаясь к Терении: — Поверьте, я сожалею. В план это не входило.

Терения прошептала:

— Не думаю, чтобы я отказалась, если бы мне предложили сначала посмотреть на твою смерть, а потом умереть самой, — и похоже, она говорила то, что думала.

Внезапно сомнение и чувство вины охватили Беннинга. Он позволил себе идти к цели напролом, не слишком задумываясь об этике. Для него, землянина, звездные им-

ператоры и императрицы, Валькары и Молоты, все эти интриги чуть ли не стотысячелетней давности в конце концов казались не более чем невероятным сном, а человек не слишком-то задумывается о своем поведении во сне. Но теперь слова перестали быть словами. За ними стояли живые, конкретные люди. Это были и Терения, и Джоммо, и он, Нейл, ставший реальной силой — Валькаром, даже если он лишь его тень. Его действия могли повлечь невообразимые последствия, способные повлиять на жизнь миллионов людей, обитающих в мирах, о которых он и слыхом не слыхивал.

Беннинга испугала тяжесть свалившейся на него ответственности, и теперь, в эту последнюю минуту, он понял, что такая ноша ему не под силу.

— Рольф, — начал он, — я...

В распахнувшуюся дверь ворвался Киш.

— Сообщение, господин. Радар «Солнечного пламени» засек приближающийся корабль, и Бехрент просит, чтобы мы поторопились вернуться на борт.

Нейл беспомощно оглянулся на Терению. У него не было выбора. Терения необходима для выкупа его собственной жизни и жизни его людей, для обеспечения свободного прохода через заслоны космических патрулей! Похоже, ему все-таки придется подумать об этике, но сейчас времени на это не оставалось.

— Ладно, — резко бросил Беннинг. — Передай это капитанам и веди сюда людей.

— Они уже здесь.

— Хорошо, — он повернулся к Джоммо. — Поторопись, и не пытайся умничать. Сомсей будет наблюдать за тобой.

Нейл снял накидку с капюшоном и набросил ее на плечи Терении.

— Сейчас я отведу тебя на корабль.

Она промолчала и даже не взглянула в его сторону.

Беннинг взял ее за руку и повел вперед. Терения шла рядом, прямая и гордая, уделяя ему не больше внимания, чем если бы его здесь вовсе не было. Правда, Нейл чувст-

вовал, как она вздрагивала, когда он касался ее почти обжигающего тела.

В нижних залах дворца и снаружи царила напряженная, но не суетливая спешка. Люди Беннинга длинными колоннами бегом возвращались на корабль, а разоруженная дворцовая стража беспомощно и угрюмо толпилась в стороне. Они зашевелились, несмотря на угрожающее им оружие, когда увидели Терению, но Хорин окружил ее и Нейла сильной охраной, и они без помех прошли мимо.

Свежий ночной воздух охладил Беннинга. В темном небе ничего не было видно, но он знал, что там, вдали, к ним, опережая свет, мчится опасность. Он поторопил Терению. Деревья и фонтаны остались позади, и они вышли на посадочную площадку, где стоял крейсер, через открытые люки которого лился яркий свет. Беннинг, крепко державший Терению, тревожно думал — успеет ли Рольф, найдут ли все нужное оборудование, близко ли вражеский корабль и сколько минут у них осталось.

В воздушном шлюзе дежурил Скрана. Он руководил спешащими людьми, не допуская затора в небольшом помещении. Увидев Нейла, он сказал:

— Капитан будет рад видеть вас в рубке, сэр.

Его голос звучал напряженно, а сам он выглядел встревоженным. Беннинг грубо затащил Терению внутрь, не утруждая себя извинениями. Заметив свободную каюту, он бесцеремонно толкнул ее туда, запер дверь, поставил охрану и поспешил к пульту управления.

Бехрент, вышагивающий взад и вперед по рубке, выглядел свирепее, чем когда-либо. То и дело вбегали и выбегали ординарцы. Техники беспокойно ерзали у контрольных панелей.

— Какова ситуация? — спросил Беннинг.

Бехрент поднял руку и рубанул ею по ладони другой.

— Уже сейчас, — сказал он, — нам придется лететь прямо под их орудиями. — Он посмотрел через иллюминатор на людей, бегающих внизу. — Что они там тянут? — прорычал он. — В игрушки, что ли, играют? Клянусь, я захлопну люки и оставлю их...

Розовощекий ординарец с бешено вращающимися от

нервного напряжения зрачками влетел в рубку и выпалил, обращаясь к Нейлу:

— Рольф только что поднялся на борт и велел передать вам, сэр, что все в порядке и что он присмотрит за пленными.

— Хорошо, — сказал Беннинг. Он тоже посмотрел в иллюминатор. — Отправляйся вниз и скажи, чтобы поторопились с погрузкой, взлет через две...

Появился другой ординарец и принес сообщение с радара. Записку взял Бехрент, и краска сошла с его лица, внезапно ставшего бесконечно усталым. Он протянул записку Нейлу.

— Если вы сейчас посмотрите на небо, то увидите крейсер, летящий сюда.

— Пусть прилетает, — неожиданно дико рявкнул Нейл.

Бехрент взглянул на него.

— Но через две минуты после приземления они узнают о нас все, и тогда...

— Две минуты, — прервал его Беннинг, — время, вполне достаточное, если мы будем шевелиться.

Лицо Бехрента озарилось мрачным светом.

— Вы по-прежнему Валькар! Это должно сработать, но патрули будут предупреждены раньше, чем мы выйдем в открытый космос.

— Будем думать о патрулях, когда взлетим, — ответил Нейл.

Бехрент заорал в микрофон системы оповещения:

— Расчетам атомных орудий — по местам! Немедленно, иначе, клянусь...

«Вы по-прежнему Валькар! Какая ирония», — подумал Беннинг.

Нет, он по-прежнему Нейл Беннинг. Он отсрочил последнее испытание своего «я», но это была всего лишь отсрочка.

В рубку, хмурясь, втиснулся Рольф.

— Так мы собираемся драться?

— Мы собираемся ускользнуть от крейсера, а не драться, — ответил Беннинг. — По крайней мере, попытаемся. Как Джоммо?

— Я запер его вместе с Терением. И оставил охрану, — сказал гигант. — Аппаратура в другом месте, тоже под охраной.

— Это правильная машина, господин, — добавил Сомсей, проскользнувший в рубку вслед за Рольфом. — Я читал его мысли.

— Надеюсь, мы проживем достаточно долго, чтобы успеть испытать ее, — сквозь зубы произнес Беннинг. Он смотрел вверх через видеоэкран на усеянное звездами небо.

Бехрент тоже смотрел вверх. На корабле наконец воцарилось спокойствие. Каждый человек занял свое место по стартовому расписанию, не слышалось ни звука, кроме глухого, еле уловимого жужжания механизмов, создающих вокруг корабля энергетическое поле.

Высоко в небе появилось темное пятно, закрывающее звезды. Оно росло с ужасающей быстротой, стремительно превращаясь в огромную черную массу, несущуюся вниз, создавая впечатление, что это сам небосвод рушится на них. «Солнечное пламя» слегка качнулось, когда тяжелый крейсер на расстоянии в сотню ярдов от них, сбрасывая скорость для посадки, завис над самой площадкой.

— Старт! — рявкнул Бехрент.

Они взлетели в тот миг, когда другой крейсер коснулся площадки. Беннинг смотрел на картины, проносящиеся через большой изогнутый экран, так, словно пытался разглядеть среди них свою будущую жизнь или смерть. Он смотрел на Зимний дворец, на удаляющуюся планету, когда услышал резкую команду Бехрента: «Огонь!»

Дворец, посадочное поле, резко очерченные формы только что опустившегося крейсера — все озарилось ярчайшим светом. Фокус этой слепящей вспышки пришелся на хвостовую часть прилетевшего корабля, потом свет ослаб и исчез. Их собственный крейсер уносился прочь так быстро, что в краткий миг сцены внизу съежились и пропали из виду.

— Сделано! — ликующе воскликнул Рольф. — Команда невредима, но они не смогут гнаться за нами!

Теперь «Солнечное пламя» летело через теневой конус планеты, и Беннинг слышал из радиорубки голос операто-

ра: «Очистить проход восемнадцать — чрезвычайный случай, чинуша! Очистить проход восемнадцать, проход восемнадцать...»

Крейсер вырвался из тени в ослепительное сияние Ригеля. Огромное бело-голубое солнце светило им в спину, мимо проплывали маленькие шарики внешних планет, и они уносились все дальше в открытый космос.

— Вырваться с самой Терением на борту! — заорал Рольф и с силой хлопнул Беннинга по плечу. — Мы им покажем, что Старая Империя не умерла!

— У капитана, — шепнул Сомсей, — в мыслях нет радости.

Перед этим Бехрент ушел в радиорубку и теперь возвращался с невеселой усмешкой на изборожденном морщинами лице.

— Я не собираюсь, — угрюмо начал он, — праздновать сейчас что-либо. Внешние патрули уже предупреждены и держат нас на радаре, перекрывая путь.

— Проклятье! — взревел Рольф. — Тогда режь прямо сквозь заслон — там ведь только легкие крейсеры!

— Погоди, — прервал его Беннинг. — Радиус действия наших орудий больше, чем у них, верно? И если мы поставим перед собой огневой барьер, то они не смогут ответить и будут вынуждены убраться, не так ли?

— Все зависит... — начал Бехрент, но тут же замолчал, задумался и через секунду продолжил: — Стоит попытаться. Вряд ли им сообщили, почему нас приказано задержать, иначе они могли бы отважиться на что-либо... — Не закончив свою мысль, он подошел к микрофону внутренней связи, вызвал пост управления огнем и принялся отдавать приказы.

«Солнечное пламя» прошло не больше чем в миллионе миль от скованной льдом внешней планеты. Скорость крейсера была такой, что планета показалась грязно-белым пепельным шаром, прокатившимся по звездному небу.

Заговорили орудия. Лишь слабая дрожь отметила их залп — снаряды не выбрасывались взрывчатыми веществами, а приводились в движение собственными двигателями. Но Беннинг увидел яркие вспышки, разорвавшие пус-

тоту впереди и по сторонам, танцующие искры на фоне бесчисленных звезд. По мере того как корабль мчался вперед, огненные искры, несущие смерть, двигались вместе с ним.

— Патрули убрались! Все чисто на два парсека! — доложили с радара, и Бехрент резко бросил в микрофон: «Полный ход».

— Они струсили! — воскликнул Рольф. — Я знал, что у них кишка тонка сунуться в пекло!

— ...но тяжелые суда, линейные крейсеры и вспомогательные средства изменили курсы и приближаются к нам со ста четырнадцати направлений, — закончил доклад радарщик.

Наступила мертвая тишина. Бехрент повернулся к Беннингу, на лице которого агонизировала улыбка.

— Имперские силы получили приказ. И они получат нас. Они не уступают нам ни в скорости, ни в радиусе действия орудий.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

▼▼▼

В пустоте, в бездне, для которой миллион миллионов звезд значат не больше, чем серебристая рябь на поверхности глубокого черного озера, мчались с невероятной скоростью бесконечно малые металлические зерна, отмечая свой путь периодическими выплесками энергии преобразователей, выбрасываемой для преодоления искривлений континуума. Вскоре многие из этих металлических зерен настигнут одно, убегающее от них, и тогда настигающая смерть сделает последний прыжок, и межзвездный мрак озарится яркой вспышкой. Если только...

В центре управления крейсера «Солнечное пламя» совещались несколько человек.

— Терения — единственный козырь, который есть у нас, — произнес Беннинг.

Рольф кивнул, соглашаясь, но добавил:

— Если мы сможем убедить их, что она у нас. Сомсей, приведи ее и Джоммо.

— Нет, подожди, — остановил Нейл Арраки. — Тебе и Кишу лучше держаться в стороне, Терения приходит в ужас от вашего вида, и это может осложнить дело. Я приведу ее сам.

Он прошел к корме, в коридор, где перед закрытой дверью стояла охрана, и жестом приказал открыть. Потом, памятуя жгучую ненависть, горевшую в глазах у Джоммо и Терении, Нейл вытащил из-за пояса тяжелый пистолет.

Вышла Терения, и сразу следом за ней — Джоммо. Терения выглядела усталой, вокруг рта легли горькие складки, но чувство гордости, присущее императрице, не оставило ее. Взглянув на оружие Беннинга, она улыбнулась, вложив в улыбку максимум презрения.

— О да, — сказал Нейл, понявший значение этой улыбки, — я осторожен. Я очень осторожен. А теперь идите впереди меня.

— Куда?

— Узнаете. Пока просто вперед.

С монархами таким тоном не разговаривают, и Беннинг почувствовал легкое удовлетворение, увидев изумленный гнев на ее лице.

Пока они шли к рубке, Нейл невольно восхищался, глядя на грациозную походку Терении, ее стройную фигуру.

Джоммо первым шагнул в дверь командной рубки, Терения последовала за ним, но споткнулась о порог и качнулась назад прямо на Беннинга, заставив того оступиться и упасть на колено. То, что это не случайность, Нейл понял на долю секунды позже, чем следовало бы, уже когда Терения схватила его за предплечье и кричала:

— Пистолет, Джоммо, хватай его!

Все случилось так быстро, что люди в рубке не сразу поняли, что произошло, а Арраки, следуя приказу Беннинга, оставили рубку. Но Джоммо отреагировал мгновенно и резко повернулся. Лицо его исказилось от внезапно представившейся возможности завладеть оружием и, может быть, уничтожить Валькара.

Однако Нейл успел исправить положение, сделав, пожалуй, единственно возможный ход в данной ситуации. Он рывком поднялся на ноги и, схватив императрицу за талию, легко поднял ее как можно выше, качнул в воздухе и швырнул на Джоммо.

Расчет его был прост. Нейл надеялся, что Джоммо не даст Терении упасть, даже рискуя упустить момент для броска, и оказался прав. Джоммо поймал ее, и они оба снова очутились под прицелом пистолета Беннинга.

— Хорошо придумано, — сказал он, — я восхищен твоей храбростью, Терения. Но я бы на вашем месте не стал пытаться повторить что-нибудь в этом роде.

Они смотрели на Нейла ненавидящими глазами, как два василиска, и он не мог осуждать их за это. А если бы смог?! Если бы отбросил в сторону все нравственные принципы? Тогда все было бы намного проще.

Только сейчас к месту схватки начали сбегаться люди Беннинга. Подошел Рольф с лицом, черным от гнева.

— Так, значит, ты не хотел пугать ее видом Сомсея? — саркастически спросил он у Нейла.

Беннинг покачал головой.

— Похоже, без них не обойтись. — Он позвал Арраки и сказал Терении: — Они не причинят тебе вреда, если ты сама не вынудишь их.

Бехрент, все время находившийся у главного экрана, подошел к ним. Его лицо оставалось спокойным, но заговорил он довольно хриплым голосом:

— Вам следует поторопиться. Мы почти в пределах досягаемости огня батарей полной эскадры линейных крейсеров. Из радиорубки докладывают, что они требуют остановиться.

Нейл увидел, как сверкнули глаза Терении, и решил быть твердым.

— Так вот, Терения, — начал он. — Сейчас ты пройдешь в рубку и прикажешь крейсерам убраться с нашего пути.

— Нет!

Беннинг посмотрел на Джоммо.

— Тебе лучше уговорить ее и побыстрее. От этого зависит ее жизнь.

— Ты не сможешь убить ее, — ответил Джоммо.

— Не смогу? Может, ты и прав. Ну а что ты думаешь о других?

— Обо мне, например, — сквозь зубы спросил Рольф.

Джоммо заколебался, и Терения воскликнула:

— Ты не сделаешь этого, Джоммо!

На лице Джоммо застыло выражение упорства. Задние видеоэкраны внезапно осветились ослепительным взрывом пламени, бушующее сияние которого заставило потускнеть звезды. Казалось, будто в черной бездне позади корабля выросла и разрушилась огненная стена.

— Они начали пристрелку, — сказал Бехрент. — Мы можем попробовать драться, но при таком преимуществе долго не выдержим.

— Терения остановит их, — сдержанно произнес Беннинг. — Я пойду в радиорубку. Подготовить все для радиопередачи. Ждите.

Он быстро прошел в радиорубку. Через несколько секунд вернулся и взял Терению за руку.

— Сейчас, Терения, ты пойдешь и прикажешь кораблям прекратить огонь, иначе погибнешь вместе с нами.

Терения рассмеялась. Она выглядела почти счастливой.

— Да, погибну. Но и ты погибнешь, и причем не таким легким способом, — при этих словах она еще раз рассмеялась. — Тебе придется страдать.

— Джоммо, уговори ее и постарайся поскорее, — сказал Беннинг.

Снова видеоэкраны озарились ужасным пламенем, на этот раз ближе, так близко, что огненная стена совсем закрыла от них не только дальние, но и ближние звезды

— Императрица... — начал Джоммо.

— Молчи, разве ты не видишь, что они побеждены, — воскликнула Терения. — Они не могут заставить меня повиноваться им!

Бехрент отходил к экранам, но сейчас снова вернулся. Он недоуменно произнес:

— Только что эскадра уменьшила скорость. Они по-

прежнему следуют за нами, но на большом расстоянии, и батареи прекратили огонь!

— Этого не может быть! — закричала Терения. — Ты лжешь!

Беннинг удовлетворенно улыбнулся.

— Имперские корабли успели подойти достаточно близко, и это сработало. Они больше не будут стрелять, раз их командиры теперь знают, что императрица у нас на борту.

— Но узнали они об этом только сейчас, не так ли? — спросил Рольф.

Нейл кивнул.

— Я приказал в радиорубке, чтобы они подключили внутреннюю связь к передающей радиостанции. На каждом корабле должны были слышать голоса Терении и Джоммо.

Джоммо содрогнулся и вскрикнул от ярости. Во взгляде Терении смешались удивление и ненависть, но она ничего не сказала. Беннинг поднял пистолет.

— Теперь мы пойдем обратно. И не пытайтесь придумать уловку похитрее прежней.

— Я пойду с тобой, — проворчал Рольф.

Терения молчала всю дорогу, не сказав ни слова и тогда, когда ее запирали в каюте, принадлежавшей раньше Линтольфу. Но Джоммо, которого поместили в соседней каюте, заговорил раньше, чем Нейл и Рольф вышли.

— Мы можем заключить сделку, — сказал он, обращаясь к Беннингу. — Освободи Терению, отправь ее в спасательной шлюпке — и я верну тебе память.

Нейл расхохотался. Он подумал, что теперь понял этого человека.

— Нет, Джоммо.

— Рольф может подтвердить, что я никогда не нарушал своего слова, — голос Джоммо звучал ровно.

— Я верю этому. Но также верю и тому, что на этот раз ты слова не сдержишь — ради того, чтобы мы не добрались до Молота. Что скажешь на это?

Джоммо молчал, но брошенный им взгляд сам по себе был достаточно красноречивым ответом.

— Пока у тебя еще есть время, — заговорил Рольф. — Но скоро ты сделаешь то, что хотим мы. И с радостью.

— Я?

— Да, ты. Потому что мы идем в определенное место. Скопление Лебедя. Мы идем к нему и в него.

Насколько мало сказанное Рольфом значило для Беннинга, настолько много — и это было совершенно очевидно — оно значило для Джоммо. Его волевое лицо внезапно побледнело.

— Так, значит, Молот там?

— Да, там. На одной из планет самого опасного скопления в галактике. На какой именно — я не знаю и тем более не знаю, как безопасно добраться до нее. Я погублю корабль, если попытаюсь ввести его в это звездное скопление. Но кое-кто знает все.

Джоммо нервно перевел взгляд на Беннинга.

— Все знает Валькар? Так?

Рольф кивнул.

— Да. Валькар знает. Конечно, сейчас он лишен памяти и, безусловно, погубит нас там, но когда вспомнит, то все мы будем в достаточной безопасности. Ты. Я. Терения.

Секунду Джоммо молчал, а потом прошептал: «Проклятье!» Прошептал так горько, что это потрясло Нейла. Они с Рольфом вышли и заперли дверь.

— Пусть попотеет и подумает, — сказал Рольф и внимательно посмотрел на Беннинга. — Я считаю, Кайл, что сейчас для тебя самое лучшее пойти в свою каюту и выспаться. Ты, похоже, нуждаешься в отдыхе.

— Спать? — воскликнул Нейл. — Ты полагаешь, что я смогу заснуть, зная о преследующих нас крейсерах, о предстоящем пути в скопление Лебедя, о...

— Пока ничего не произойдет, — грубо прервал его Рольф. — Эти корабли для проверки свяжутся с Ригелем, убедятся, что Терения и в самом деле у нас, и будут сопровождать «Солнечное пламя». А до скопления Лебедя все еще долгий путь. — Он помолчал и добавил: — И впереди тебя ждет нелегкое испытание.

Снова ледяное дыхание смерти коснулось Беннинга.

В глубине души он сознавал, что не хочет согласия Джоммо, не хочет, чтобы он вмешивался в мозг Нейла Беннинга.

— Входи, — Рольф отворил перед Нейлом дверь каюты. — Я приготовлю выпить, вино поможет тебе расслабиться.

Беннинг взял протянутый Рольфом бокал и выпил, думая о другом — о Терении, о себе, о грозном скоплении Лебедя. Откинувшись на подушки, он еще немного поговорил с Рольфом и незаметно заснул.

Нейл видел сон. Во сне он был двумя разными людьми. Он был собой, и он же был Валькаром, чья неясная зловещая фигура с жестокими глазами, одетая в диковинные одежды, росла все больше и больше, а сам Нейл Беннинг одновременно уменьшался до размера карлика, но, не останавливаясь на этом, превращался в тварь не больше мыши. И тот, Валькар, гнал прочь Беннинга, неслышно кричащего в окутывающей его вселенской тьме.

Сон пугал, и Нейл обрадовался, когда проснулся. Рядом с постелью его пробуждения ждал Сомсей, терпеливый, как статуя. На вопрос Беннинга он ответил:

— Ты спал долго, господин. Очень долго. Рольф сделал так с помощью порошка, который положил в питье.

— Выходит, он дал мне наркотик? — сердито сказал Беннинг. — Он не имел права...

— Так было правильно, господин. Тебе необходимо было отдохнуть, потому что теперь отдыха не будет, пока все не будет закончено.

Что-то в тоне Арраки заставило Нейла вздрогнуть.

— Сомсей, — попросил он, — ты обладаешь способностями, в которых отказано людям. Нет ли среди них способности предсказывать будущее?

Сомсей покачал головой.

— Господин, не больше тебя или Рольфа могу я видеть сквозь стену времени. Но иногда через трещины в стене... — Он прервал себя. — Мы, как и люди, видим сны. Возможно, и это не более чем сон.

— Нет, расскажи мне! Расскажи, что ты видел через трещины!

— Господин, я видел небо в огне.

Беннинг поднялся с постели.

— Что это должно значить?

— Я не знаю. Но, несомненно, мы все узнаем. — Сомсей подошел к двери и открыл ее. — А сейчас иди, господин. Валькара ждут в командной рубке.

Беннинг отправился туда далеко не в радужном расположении духа. В рубке у переднего видеоэкрана стояли Рольф и Бехрент, выглядевшие так, словно они, мучимые бессонницей, безуспешно пытались заснуть, не прибегая к снотворному. Они кивками голов поприветствовали Нейла, и Рольф, положив руку ему на плечо, указал на другой экран.

И там Беннинг увидел ясно очерченное и уже сейчас огромное, но тем не менее все еще увеличивающееся по мере того как он наблюдал, сверкающее звездное облако, ошеломляющее, невообразимое великолепие солнц — алых, золотых, изумрудно-зеленых, жемчужно-белых, голубых, раскинувшееся в бесконечности, как мантия самого Бога. В некоторых местах звезды были так близко друг от друга, что образовали мягко светившееся пятно, и каждое такое пятно окружало темное облако, поглощавшее свет — казалось, что мрак пытается пожрать звезды.

— На Земле, — тихо сказал Рольф, — это скопление, надо полагать, называют «Америкой» из-за его формы. И как странно звучит сейчас это название!

— Хотел бы я снова оказаться там, — совершенно искренне ответил Беннинг.

Бехрент, не отрываясь, смотрел на сияющее облако. Для него оно не было ни удивительным, ни сверкающим — для него оно было вызовом, на который — он знал это — он не мог ответить.

— Звездный катаклизм, — заговорил он. — Это не скопление, а какой-то ревущий вихрь несущихся звезд и планет, пыли и обломков, которые сталкиваются и разрываются гравитационными потоками. Самое бешеное скопление в галактике... — Он обернулся к ним. — И Молот там?

— Да, — ответил Рольф, — Молот — там! — В голосе его сейчас звенел металл.

Что до Беннинга, то при виде этого ужасающего места он почувствовал благоговейный страх перед таинственным оружием древних Валькаров, которое было приготовлено и спрятано здесь. Чем оно могло быть, это оружие, названное так странно? Молот! Молот, о котором в галактике шептались девяносто тысяч лет?

Мысли его вернулись к словам Сомсея: «ГОСПОДИН, Я ВИДЕЛ НЕБО В ОГНЕ», и такие кошмарные видения предстали перед ним, что Нейлу едва удалось избавиться от наваждения.

— Молот там, — свирепо повторил Рольф, — и мы идем туда. Валькар проведет нас.

Беннинг вдруг почувствовал себя слабым, разбитым и повернулся к нему.

— Пожалуй, нам следует еще раз поговорить с Джоммо.

Но даже шагая по коридорам позади Рольфа, он знал, что все бесполезно. Ему, Нейлу Беннингу ли, Валькару ли или им обоим вместе — провести крейсер через звездные джунгли невозможно!

Джоммо поднял взгляд, когда они вошли в каюту. Его ненависть и гнев не уменьшились ни на йоту, и все же Нейл ощутил, что что-то в Джоммо изменилось. Железо начало гнуться.

Рольф молча подошел к стене и нажал кнопку. На открывшемся видеоэкране, хоть он и был сбоку по курсу, все-таки хорошо видна была картина звездного шторма впереди.

— Не трать на меня свою утонченность, Рольф, — с легким раздражением сказал Джоммо. — Я уже видел.

— Во мне нет утонченности, — возразил Рольф. Никогда прежде его лицо не выглядело таким застывшим и мрачным. — Я просто иду вперед и делаю что могу. Ты знаешь это — если я сказал, что мы собираемся идти в скопление Лебедя, мы пойдем туда. В своем уравнении ты можешь принять это за константу.

Джоммо внимательно посмотрел на Беннинга.

— Если я сделаю то, что ты требуешь, сразу ли мы получим свободу с Терением?

— О нет, — насмешливо ответил Рольф. — Не сразу...

Проклятые крейсера все еще тащатся позади, и мы тут же окажемся в их власти. Нет, пока мы не выберемся обратно из скопления.

— Он не хочет этого, он боится, — внезапно сказал Джоммо, по-прежнему глядевший на Беннинга.

Нейл знал, что это правда, и его охватила ненависть к Джоммо. Ненависть к тому, кто знал то, что он тщательно прятал даже от себя.

— Я не боюсь, — резко ответил он, стараясь скрыть за кривой усмешкой этот рвущийся наружу страх, — и должен заметить, что, учитывая нашу скорость, у тебя мало времени.

Снова молчание. Наконец Джоммо решительно махнул рукой:

— Я не могу допустить гибели Терении и все сделаю. — Обращаясь к Рольфу, он добавил: — Но не принимай близко к сердцу, если выйдет не так, как ты рассчитываешь.

Лицо Рольфа помрачнело еще больше, хоть это и казалось невозможным.

— Слушай, Джоммо! Всем известно, что ты можешь играть с разумом человека, как ребенок с игрушкой. Но сейчас не умничай! Если память не вернется к Валькару полностью, если разум его не будет здоровым и мощным, без изъянов и слабостей, то Терения и ты долго не проживете.

— Обещаю, — сказал Джоммо, — что все будет так, как ты хочешь. И все же — я знаю о разуме больше, чем ты. И думаю, что ты не знаешь, что творишь.

Он встал и внезапно превратился в ученого — спокойного, педантичного, уверенного. Джоммо сказал, какое оборудование необходимо и какая энергия понадобится. Выслушав его, Рольф кивнул и вышел. Беннинг остался. Его сердце бешено колотилось, ему не нравилась скрытая угроза, прозвучавшая в словах Джоммо, ему вообще это не нравилось.

Машина, привезенная Рольфом, выглядела совсем просто. Тысячи человеческих жизней и мыслей, тысячи лет развития психологии и работы в звездных далеких

мирах воплотились в этом аппарате. А Беннинг в своем невежестве видел только кубический ящик с верньерами и странными овалами на лицевой панели и предмет, похожий на массивный раздутый металлический шлем. Джоммо подвесил шлем к потолку, указал Нейлу на кресло и молча опустил огромный шлем ему на голову.

Что именно обрушилось на Нейла в этот момент, он не знал. «Возможно, электромагнитные волны вида, неизвестного науке Земли», — успел подумать Беннинг. Что бы это ни было, оно вторглось в его мозг с неслышным грохотом, заставило сознание мчаться по сумасшедшей кривой неевклидовой геометрии и кружиться волчком над невероятной бездной. Боли не было. Было хуже, чем боль, — безумие скорости, света, полета, мрака. Свистящий водоворот, который вращался в его черепе, казалось, был достаточно велик, чтобы засосать в себя Вселенную. По кругу, по кругу, все быстрее и быстрее, скользя и проваливаясь, беспомощно погружаясь в мучения освобождения памяти по мере того как барьеры сгорали один за другим и нейроны отдавали запертые в них знания.

Руки Сомсея, обнимавшего его, огромное лицо Сомсея над ним, и он сам — очень маленький и плачущий, потому что порезал колено.

Женщина. Терения? Нет, не Терения. Волосы женщины золотистые и лицо ласковое. Мама. Давно...

Сломанное запястье, но сломано оно не при падении с яблони в Гринвилле, что было одним из фальшивых воспоминаний, рушившихся и исчезавших под напором настоящих. Запястье сломано во время неудачной посадки на одну из планет Алголя.

Руины. Багровый Антарес в небе, он сам, полуобнаженный подросток, бегающий наперегонки с Арраки, среди поверженных статуй Катууна, играющий со звездами, выпавшими из их рук.

Ночи и дни, холод и жара; еда, сон, болезни, выздоровления, похвалы, наказания, учеба. Ты — В а л ь к а р — з а п о м н и э т о! И т ы б у д е ш ь п р а в и т ь с н о в а! Воспоминания за двадцать лет. Двадцать миллионов деталей, взглядов, поступков, мыслей.

Терения. Девочка Терения, моложе его — прекрасная, насмешливая, ненавистная. Терения в дворцовом саду — но это не Зимний дворец, а громадное суровое здание в столице, — обрывающая лепестки пурпурного цветка и насмехающаяся над ним, потому что он — Валькар и никогда не сядет на трон.

Чудная Терения. Терения в его объятиях, пока он губами пытался прижаться к ее губам — смеющаяся и переставшая смеяться, когда он поцеловал ее. Терения, не подозревавшая, как он ненавидел ее, как глубоко ее детские насмешки ранили его чувствительную гордость, не подозревавшая, как неистово он хотел ее сокрушить. Терения, верившая в то, что он говорил и делал, верившая в его любовь, — это было легко, потому что кто мог не любить Терению, не быть ее добровольным рабом? — допустившая его в закрытые подвалы, где хранились древние архивы, а в них потерянный, забытый, спрятанный ключ к тайнам Валькаров.

Воспоминания: о звуках и цветках, о прикосновениях к шелку и женскому телу, к коже и металлу, к неразрушимому пластику древних-древних книг.

Развалины тронного зала, открытые небу, задумчивое озеро, звезды, ночь и отец. Скорее полубог, чем человек, далекий и могущественный, бородатый, с глазами сокола. Та единственная ночь, и отец рядом с ним, указывающий на звезды.

Указывающий на скопление Лебедя и говоривший:

— Сын мой. Молот Валькаров...

ВОСПОМИНАНИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ — РЕВУЩИЕ, ГРОХОЧУЩИЕ СЛОВА И НАЗВАНИЯ!

Слова и поступки, факты — все аккуратно упаковано, а потом — пустота, провал. Словно завеса опустилась в лаборатории Джоммо. Одна жизнь кончилась, и началась другая. Валькар умер, родился Нейл Беннинг.

Теперь, через десять долгих лет, Валькар родился вновь. И не исчезли ни Нейл Беннинг, ни те десять лет, когда он один был реален. Эти десять лет теперь принадлежали им обоим.

Валькар и Беннинг закричали вместе, как один человек:

— Я вспомнил! Я вспомнил — о, Боже, я знаю, что такое Молот!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

▼▼▼

Он очнулся. Сознание вернулось к нему, а вместе с сознанием пришло знание. Он узнал себя. Он — Кайл Валькар.

НО ОН ТАКЖЕ, ПО-ПРЕЖНЕМУ, НЕЙЛ БЕННИНГ!

Воспоминания Беннинга, настоящие воспоминания последних десяти лет по-прежнему оставались у него, гораздо более сильные и живые, чем воспоминания Валькара о двадцати предшествующих годах!

Невозможно в один миг отбросить свое «я» последних десяти лет. Он продолжал думать о себе, как о Нейле Беннинге.

— Кайл! — голос Рольфа, хриплый от волнения. — Кайл?!

Беннинг открыл глаза. Шлема на голове не было, и он увидел склонившееся над ним встревоженное лицо Рольфа. Чуть поодаль стоял пристально глядевший на него Джоммо. На его лице невозможно было что-либо прочесть.

— Кайл, ты вспомнил о Молоте?! — Рольф кричал. — Где он? Как добраться? Что это?

Нейл почувствовал, как его охватывает ужас. Да, он вспомнил, вспомнил слишком хорошо! Он вспомнил своего отца, Валькара давних лет, обучавшего его по звездной карте, висевшей на стене разрушенного дворца императоров.

«...желтое солнце по соседству с тройной звездой, что сразу за дальней границей Мрака, — только приближайся с зенита, иначе пыль изрешетит твой корабль...»

Да, он вспомнил это. И не только это. Он вспомнил

то, о чем предпочел бы забыть — тайну Молота, о которой во всей галактике знал только он.

Часть его, остававшаяся Нейлом Беннингом, в ужасе отшатнулась от того, о чем помнил Валькар. Нет, человек не мог задумать и создать такое, предназначенное для разрушения основ галактики, для разрушения...

Не следует думать об этом, иначе его и так перегруженный мозг не выдержит. Да это и не могло быть правдой. Даже Валькары древности, шагавшие по галактике как полубоги, даже они не могли отважиться на попытку овладеть такой мощью!

Рольф встряхнул его за плечи.

— Кайл, вернись! Мы подходим к скоплению Лебедя, остались минуты, и все зависит от тебя — ТЫ ВСПОМНИЛ?

Беннинг заставил себя говорить, с трудом шевеля неповинующимися губами:

— Да... Я вспомнил... Достаточно, чтоб провести корабль через скопление... Я так думаю...

Рольф поднял его на ноги.

— Тогда идем! Ты необходим в рубке!

Нейл, все еще не полностью оправившийся, ковылял за Рольфом, но когда они вошли в рубку, вид на переднем экране потряс его. Он понял всю опасность их положения и необходимость немедленных действий.

Пока его разум был затерян во тьме водоворота времени, «Солнечное пламя» мчалось на предельной скорости к скоплению Лебедя, и теперь они уже вошли в его дальние окраины. Миллионы солнц поглотили корабль, и он затерялся среди них, как пылинка теряется в огромном пчелином рое.

К счастью, «мрак» был в этом квадрате, «мрак», за которым тройная звезда, а рядом с ней желтое солнце, а на одной из планет желтого солнца вещь, настолько ужасная, что...

Нет. Сейчас для этого нет времени, нет времени дрожать в тисках страха. Позже, если ты останешься жив, позже ты сможешь взглянуть в лицо немыслимому.

НО СМОЖЕШЬ ЛИ? И ЧТО ТЫ БУДЕШЬ ДЕЛАТЬ, КОГДА НЕЛЬЗЯ СТАНЕТ И ДАЛЬШЕ УКЛОНЯТЬСЯ И ОТКЛАДЫВАТЬ, КОГДА ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ ВЗЯТЬ В РУКИ МОЛОТ И...

Бехрент смотрел на него. На него смотрел и Рольф, смотрели и техники, и их лица странно блестели в сиянии бесчисленных звезд.

— Корабль ваш, — тихо сказал Бехрент.

Беннинг кивнул. На миг та часть его сознания, принадлежавшая Нейлу Беннингу, отпрянула в ужасе и неведении, но Валькар — пробудившийся Валькар — сначала бросил взгляд на окружавшее корабль множество звезд, а потом на экран в рубке, на котором выводились данные о полете. Мужчина, сидевший за пультом, смотрел на Нейла, и по его лбу текли крупные капли ледяного пота.

— Встань, — приказал ему Беннинг и занял освободившееся место.

И память вернула его прошлое, оживила умершие навыки и позабытые знания. Ожили пальцы и ощутили каждую клавишу, пульс и дрожание корабля.

Он знал, что делать. Он был Валькар. Он снова был молод и швырял бешено мчавшийся корабль между безумствующими солнцами Геркулеса, несся через туманность Ориона, учился мгновенно и хладнокровно вычислять и применять единственно правильное решение — учился всему, что когда-нибудь поможет ему пройти через скопление Лебедя и...

Нет! Не думай об этом! Управляй кораблем, веди его вперед. Теперь на тебе долг и тебе нельзя умереть. Твоя смерть обеспечит настоящее, но не будущее. Это создали Валькары, и только Валькар может исправить содеянное.

И кроме того, здесь Терения. Ты ведешь корабль, на котором находится и она, отвечаешь также и за ее жизнь.

Управляй кораблем! Веди его к цели!

И «Солнечное пламя» летело вперед — крошечная пылинка устремилась в горнило скопления Лебедя. Там, снаружи, за звездами, окаймлявшими скопление, корабли имперских сил замедлили ход и неподвижно повисли в

пустоте. В сотнях командных рубок сотни капитанов бессильно смотрели, как маленькая блестка уходит с экранов их радаров, теряясь в звездном урагане.

Послушное рукам Беннинга — послушное рукам Валькара — напряжение силового поля, несшего крейсер, то возрастало, то уменьшалось, непрерывно компенсируя ужасное тяготение звезд-чудовищ, горящих зеленым, красным, золотым пламенем, мчавшихся в диком танце за иллюминатором. Тишину нарушала лишь пульсация преобразователей энергии и биение человеческих сердец, а тем временем корабль плыл в гравитационном потоке. Понемногу толчея звезд уходила в сторону и открылся «мрак» — черное облако, глубоко врезавшееся в тело скопления.

Валькар вспомнил. Трехмерные координаты с поправкой в четвертом измерении на миновавшие девяносто тысячелетий. Повороты, спирали, возвращения назад — сложная ткань окольного пути в скоплении, каждый компонент которого неизгладимо отпечатался в его мозгу.

Он слышал, как Рольф сказал:

— Неудивительно, что до сих пор никто не проник сюда! Даже просто войти в скопление — самоубийство; а дальше еще такой танец...

Корабль вышел к дальней границе черного облака, и появился новый ряд звезд и среди них — тройная звезда, красный гигант с двумя спутниками, изумрудно-зеленым и сапфирово-синим. А там, за тройной звездой, — желтое солнце.

«...только приближайся с зенита, иначе пыль изрешетит корабль...»

Звезда типа «С» при нормальных условиях должна иметь по крайней мере одну планету земного типа. И такая планета вращалась вокруг желтого солнца. Беннинг направил к ней корабль, думая о жестокой иронии совпадения — эта звезда, затерявшаяся в глубинах страшного скопления Лебедя, так напоминала Солнце, а зеленая планета, плывущая вокруг своего светила, так похожа на Землю...

Корабль погружался в атмосферу, как камень в воду, и под ними проплывало западное полушарие планеты, ощетинившееся горными пиками.

Горной гряды раньше не было, но сразу за ней половину полушария занимало плато очень древней формации, насколько вообще что-нибудь может быть стабильным в этой изменчивой Вселенной. Плато было ровным и пустым, а в центре его стояло сооружение.

Беннинг посадил «Солнечное пламя» рядом с сооружением. Он чувствовал себя старым, как время, и таким же усталым. Искра всеобщего возбуждения пробежала по кораблю, раздались слегка истеричные голоса людей, радующихся избавлению от гибели. Бехрент, Рольф, техники и другие люди столпились вокруг своего Валькара. Рольф начал было выкрикивать какие-то слова триумфа, но Нейл устало посмотрел на него, и тот умолк.

— Возьми Джоммо и Терению. Они имеют право увидеть конец, — сказал Беннинг-Валькар. — Слишком долгий они проделали путь, чтобы лишиться такой возможности. — И, усмехнувшись, Нейл повернулся и пошел один по коридору к воздушному шлюзу, один, не считая своей двойной тени — обоих Арраки. Он приказал открыть люк и шагнул наружу в свежий аромат девственного воздуха мира, которым уже столько тысяч лет не наслаждался человек.

Беннинг шел по бесплодной равнине. Солнце высоко висело в чистом голубом небе, на котором кое-где виднелись пятнышки небольших облаков. Именно такое небо, подумал Нейл, было в тот день на Земле над Гринвиллем. Он содрогнулся, воздух вдруг показался холодным. А перед ним плывущим темным облаком возвышалось могучее сооружение, тысячелетия назад созданное человеком.

— Конечно, человеком, — негромко повторил Сомсей, эхом отзываясь на мысли Беннинга. — Какое еще существо способно додуматься до такого?

Нейл повернулся к нему:

— Теперь я знаю, что значит увиденное тобой небо в огне. — Лицо Беннинга было необычайно бледным, а на

его поникшие плечи, казалось, взвалили тяжесть всех миров — миров, звезд, жизни людей, полулюдей — всех живых существ в галактике.

Сомсей склонил голову.

— Ты знаешь, что делаешь.

Из корабля в сопровождении Джоммо и Терении вышел Рольф. Они направились к Беннингу. Свежий ветер развевал их волосы и трепал одежду.

Лицо Нейла-Валькара исказилось, словно в агонии. Он снова двинулся к Молоту.

Тот вздымался ввысь, установленный на платформе величиной с Манхэттен, по крайней мере такой она показалась ошеломленному Беннингу. Чем-то Молот походил на орудие, чем-то на... Нет, он ни на что не походил. Только на себя. Он был первым и единственным Молотом, началом, экспериментом в затерянном секретном месте, где было достаточно материала для его создания и откуда он мог достичь...

Нейл поднялся на платформу по лестнице, изготовленной каким-то ученым кудесником из сплава металла с керамикой и способной просуществовать дольше, чем планета, на которой она стояла. Платформа тоже была сделана из материала, на который не повлияли ни выветривания, ни коррозия.

Внутрь Молота вела дверь из металлокерамического сплава, и за ней расположились могучие механизмы, черпавшие энергию из магнитного поля самой планеты.

Повернувшись к Сомсею, Беннинг резко приказал:

— Не впускай их сюда!

Арраки посмотрел на него. Что — любовь, вера, отвращение или ужас светились в его странных глазах? У самого Нейла в мыслях не было определенности.

Ему стало трудно дышать, руки тряслись, как у старого паралитика.

Сейчас, теперь! Быть Старой Империи и трону Валькаров под сенью знамен, под изображением пылающего солнца? Или отдать на милость Джоммо и Терении не только себя, но и Рольфа, Бехрента и всех остальных?

Беннинг положил руку на грудь и нащупал на тунике сверкающий драгоценными камнями символ — пылающее солнце. Внезапно решившись, он шагнул в тишину зала прямо к пульту управления древних машин, удерживающих в своих недрах мощь Молота.

Нейл-Валькар помнил все: начиная от рассказов, тысячелетиями передававшихся от отца к сыну, до записей древних книг из архивов. Они горели в его мозгу, глубоко вытравленные жгучей кислотой честолюбия и алчности. Он помнил все, и руки его работали быстро.

Вскоре Нейл вышел из зала и спустился вниз по лестнице, где его ждали Джоммо, Терения, Рольф и Арраки — пятеро свидетелей конца мира.

Рольф начал задавать вопросы, но Беннинг оборвал его: «Подожди». Он смотрел вверх. С колоссального «указательного пальца» Молота сорвалась длинная молния угрюмого темно-красного цвета. Гигантской змеей она метнулась к ярко сиявшему в небесах желтому солнцу и исчезла.

И больше ничего.

Беннинг почувствовал, что ноги его становятся ватными. Он понял, ощутил этот миг свершения великого святотатства. То, что сейчас сотворили его руки, не делал никто, — и человек, Нейл-Валькар, содрогнулся.

К нему повернулся обеспокоенный Рольф. Терения и Джоммо выглядели расстроенными и недоумевающими.

— Что, он не работает? — спросил Рольф, его лицо выражало явное нетерпение. — Молот, он... — и умолк увидев абсолютно белое лицо Валькара.

Беннинг заставил себя говорить. Он даже не взглянул на своих спутников. Его «я», Нейла-Валькара, смотрело на растущее солнечное пятно, появившееся на желтом диске и особенно подчеркивающее яркость солнечного света, и в нем рос ужас от своего поступка.

— Он работает, Рольф. О, Боже, он работает...

— Но как?! Что...

— Молот, — хрипло сказал Беннинг, — этот Молот разрушает звезды.

Они не сразу осознали сказанное — так невероятно и страшно прозвучали слова. Да и как могли бы это сделать они, если его собственный разум после обретения памяти Валькара все эти жуткие, предшествующие часы отказывался признавать возможность подобного.

Но он должен заставить их поверить. Жизнь или смерть зависят теперь от этого.

— Звезды, — с трудом начал Нейл, — практически каждая из них, — потенциально нестабильны. Ядро любой звезды служит топкой, где в термоядерных реакциях в условиях высокой плотности и температуры горит главным образом водород. Ядро окружает массивная оболочка гораздо более холодной материи с высоким содержанием водорода. Рвущаяся наружу энергия центральной топки сдерживается этой оболочкой, поддерживающей таким образом длительность термоядерных звездных процессов и предохраняющей звезды от гравитационного коллапса.

Они слушали, но их лица ничего не выражали, они не понимали, а он должен заставить их понять — или погибнуть.

Теперь Нейл почти кричал:

— Молот выбрасывает сгусток энергии — почти ничто в сравнении с массой звезды, но этой энергии достаточно для прокола, достаточно, чтобы открыть путь термоядерным процессам, протекающим в ядре, на поверхность. Таким образом ядерное горючее звезды быстро исчерпается. А без высокой плотности центрального звездного ядра, создаваемой этим горючим и удерживающей оболочку, нарушится гравитационное равновесие и...

Выражение понимания, смешанного с благоговейным страхом, появилось на лице Джоммо.

— Оболочка обрушится внутрь, — прошептал он.

— Да. Звезда сожмется к центру, и ты знаешь, что будет потом.

Губы Джоммо двигались с видимым усилием.

— Холодная оболочка, обрушивающаяся в сверхгорячее ядро, причина появления Новой...

— Новой?! — Рольф наконец понял, и по его глазам

было видно, как это ошеломило его. — Так Молот может сделать любую звезду Новой?!

— Да!

Несколько секунд ужасающая дерзость такой мысли не позволяла Рольфу думать о чем-либо еще.

— Господи, Молот Валькаров... Он может уничтожить звезду и все ее планеты...

Джоммо уже оправился от первой реакции и вернулся к реальности. Он смотрел на Беннинга.

— Ты использовал его для этой звезды? И эта звезда станет Новой?

— Да. Коллапс, должно быть, уже начался. У нас в запасе несколько часов, не больше. К тому времени нам надо быть как можно дальше от этой системы.

Теперь Рольф понял все. Он смотрел на Беннинга так, словно увидел его впервые.

— Кайл... Молот... Мы не можем взять его, он слишком огромен... значит, он погибнет, когда погибнет планета?

— Да, Рольф.

— Ты... уничтожил Молот?

— Да, когда этот мир погибнет — через несколько часов, — вместе с ним погибнет и Молот.

Беннинг ожидал от Рольфа крика, отчаянных упреков, удара, даже смерти. Ведь то, что он уничтожил, было жизнью Рольфа, жизнью, проведенной в служении Валькарам, жизнью, стержнем которой была надежда достигнуть Молота и с его помощью вложить власть в руки древней династии. И все пошло прахом — все горькие годы адского труда, поисков и борьбы.

Широкие плечи Рольфа понуро опустились. На его массивном, сразу постаревшем лице появилось выражение печали. Голос звучал безжизненно и тускло, когда он произнес:

— Ты должен был сделать так, Кайл.

Сердце Беннинга подпрыгнуло.

— Рольф, ты понял?

Рольф кивнул медленно и тяжело.

— Древние Валькары зашли слишком далеко. Боже,

неудивительно, что галактика восстала против Старой Империи! Убивать звезды — слишком ужасно, слишком НЕПРАВИЛЬНО... — После секундного молчания он с трудом добавил: — Но это нелегко — отказаться от мечты...

Терения смотрела на Нейла широко открытыми, изумленными глазами, и краска волнения вспыхнула на ее подвижном лице. Она шагнула вперед и схватила руку Беннинга.

— Кайл Валькар, — нерешительно сказал Джоммо, — не отказался бы от такой мечты. Но ты сейчас также и другой человек — землянин. Вот единственное, на что я надеялся, восстанавливая твою память.

За прошедшие несколько минут, казалось, растянувшиеся для соперников в борьбе за власть на долгие часы, вокруг потемнело.

Беннинг посмотрел в небо.

Вид желтого солнца становился угрожающим. Оно потускнело, как будто на него набросили вуаль, так облачко служит предвестником бури. Лица людей посерели в меркнувшем свете. Сомсей и Киш, видя рядом своего господина, оставались спокойными и молча ждали. Очертания зловещей громады безжалостного Молота теряли свою четкость.

— У нас мало времени, — заставил заговорить себя Нейл. — Его может оказаться даже меньше, чем я рассчитывал. Нам лучше улететь поскорее.

Они поспешили к «Солнечному пламени». И тут страх охватил Беннинга, страх, которого никогда еще не приходилось испытывать человеку. Звезда, которая миллионы лет привычно должна давать свет, тепло, жизнь всему живому, вот-вот взорвется, и тогда планета, по которой они сейчас идут, сгорит в расширяющейся оболочке умирающего светила, как бабочка сгорает в пламени камина. К кораблю они уже подбегали.

Нейл-Валькар, едва сев за пульт, рванул крейсер вверх с сумасшедшей скоростью. Усилием воли он унял дрожь в руках, теперь от них, от его рук и умения снова зависели жизни всех людей на корабле. И он уводил корабль все дальше и дальше от ядерной смерти во вспышке Сверхновой, а желтое солнце все сильнее туманилось, тускнело и...

— Не смотреть, — крикнул Джоммо. — Светофильтры на экраны! Светофильтры! Быстро!

Гигантская волна неистовой энергии хлестнула по силовому полю, и крейсер вышел из повиновения. Беннинг-Валькар, яростно нажимавший на клавиши, мельком увидел звезды, в безумном хороводе мчавшиеся теперь через затемненные экраны. И по мере того как корабль вращался, в поле зрения попадала оставленная ими желтая звезда.

Она росла — космический огненный цветок, разворачивающий свой смертоносный бутон с поражающей быстротой. Она заставила поблекнуть сияние скопления Лебедя, а темное облако яростно вспыхнуло отраженным светом. Казалось, вся галактика, содрогаясь, отшатнулась от нестерпимого блеска взрывающейся звезды.

Звезды, которую он убил...

Корабль продолжало крутить, швырять, трясти, как лодку в бурю, и страшное зрелище исчезло из виду.

Тройка звезд — зеленая, красная, голубая. Беннинг-Валькар ударил по клавишам и рванул корабль вверх, но гравитационные силы швырнули его обратно. И снова Нейл или Кайл, кто из них, дрался за освобождение, в который раз посылая крейсер туда, к зениту...

Ему казалось, что он обречен вечно сражаться с клавишами, с обезумевшими и бесполезными символами на экране, с мощью разрушенной звезды, которая как будто стремилась догнать и уничтожить человека, взорвавшего ее, как она уже уничтожила свои планеты и Молот.

Наконец медленно-медленно сознание Беннинга-Валькара начало воспринимать что-то помимо клавиш под пальцами, медленно-медленно он понял, что самые сильные волны энергии прошли, что «Солнечное пламя» практически обрело устойчивость и удаляется от внушающего трепет пожара, охватившего часть вселенной позади них.

Рольф заговорил с ним, но он не услышал ни слова. Гигант схватил его за плечи, закричал прямо в ухо, и по-прежнему Беннинг его не слышал. С ним заговорила женщина, но и для нее он оставался слеп и глух.

Но наконец Нейл-Валькар все же услышал голос —

голос из древних-древних времен, всего лишь шепот, но этот шепот проник сквозь броню, которую не могли пробить крики других.

— Все свершилось, господин. И корабль в безопасности.

Беннинг медленно повернулся и увидел мудрые и любящие глаза Сомсея. Он перевел взгляд на видеоэкран. Крейсер мчался через окраины скопления, и впереди открывались широкие просторы свободного космоса.

За его спиной встревоженно суетился Бехрент, готовый принять управление. Нейл понял — они боялись, что он слегка помешался.

Он поднялся, и за пульт сел Бехрент. Беннинг обвел взглядом белые лица вокруг него и посмотрел на задний видеоэкран. Там, позади, теперь далеко позади, он увидел за дальней границей «мрака» великолепный погребальный костер.

— Кайл, — хрипло сказал Рольф, — Кайл, послушай...

Беннинг не слушал. Он убил звезду, и теперь на нем бремя космической вины, и ему было невыносимо видеть их лица и слышать их голоса. Голоса тех, кто присутствовал при этом святотатстве. Нейл прошел мимо них, проковылял по коридору в каюту и закрыл иллюминатор, чтобы не видеть там, позади, дело рук своих.

Он сидел, ни о чем не думая и не пытаясь думать. Крейсер мчался вперед. Казалось, прошли долгие годы, прежде чем открылась дверь и вошла Терения.

— Кайл, Кайл!

Нейл-Валькар поднял глаза. Ее лицо было бледным и странным, вся ненависть, весь гнев куда-то исчезли. Он вспомнил, что должен поговорить с ней.

— Терения... Рольф и Хорин, и все остальные...

— Да, Кайл?

— Они пошли за мной. А я обманул их ожидания, уничтожил их единственную надежду.

— Они должны понять, что ты не мог поступить иначе! Ты сделал это для своей галактики!

— Знаю. Но я был их вождем. Я хочу сделать тебе предложение. Ты и Джоммо перейдете на корабль вашего

флота, который наверняка до сих пор ждет поблизости. Я пойду с вами. Но всем остальным — полное прощение.

— Пусть будет так, Кайл.

— Терения, скажи об этом Рольфу сама.

Она вышла из каюты. Когда она вернулась, с ней были Рольф, Джоммо, Сомсей. Рольф бросил короткий взгляд на Беннинга и вздохнул.

Терения заговорила с ним, и брови Рольфа сдвинулись.

— Пощада нам и смерть Валькару? Нет!

— В своих мыслях она не желает смерти Валькару, — шепнул Сомсей.

— Нет, — воскликнула Терения. — Кто говорит о смерти?! Конечно же, нет!

Беннинг посмотрел на нее. Он первый раз за это время разглядел ее лицо и увидел в нем то, что показалось ему невероятным.

— Могут ли минувшие годы, может ли человек из прошлого вернуться обратно, Терения?

В ее глазах появились слезы, но голос остался твердым.

— Не человек из прошлого, нет, не только Кайл Валькар. Его я не смогла бы полюбить снова, но...

Джоммо вздохнул.

— Ну что ж... — Он отвернулся с опечаленным лицом, потом повернулся и протянул руку. — Я ненавидел Валькара. Но я сделал его другим человеком и думаю, что с этим человеком я мог бы сотрудничать.

Рольф изумленно смотрел на них — на Беннинга, на Терению.

— Но я думал, что в лучшем случае вы отправите его обратно на Землю!

— Оставим пока Землю, — сказала Терения. — Когда-нибудь — и не так уж долго осталось ждать — Империя придет туда с дружбой. Но не сейчас. И не Валькар. Он человек звезд, как и все мы. Добро пожаловать, если пожелаете, к себе домой, в Империю. Не в Старую Империю, не в Новую Империю, но просто в Империю.

— Клянусь небесами! — воскликнул Рольф. — Так, значит, Валькар все же сможет сесть на трон!

Старая имперская гордость вспыхнула в глазах Терении.

— Не на трон, нет! — Но на ее лице, обращенном к Беннингу, было написано волнение.

Нейл взял Терению за руку. Они уже не были врагами, но не были и влюбленными. Пока они оставались лишь незнакомцами, раз он теперь не тот человек, которого она когда-то любила. Но, может быть, новый человек, Беннинг-Валькар, сможет завоевать то, что когда-то завоевал и отбросил Валькар.

Какими далекими казались теперь Земля и годы, проведенные там! Эти годы изменили его и, как он думал, не в худшую сторону. Но здесь, в сияющих межзвездных просторах, была его родина, его будущее, его дом.

▼▼▼

САМОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭДМОНДА ГАМИЛЬТОНА ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ «СТАЛЬНАЯ КРЫСА»!

Звездные короли

Невероятный мир
Звездные короли
Возвращение со звезд
Сокровище Громовой луны

Битва за звезды

Звезда жизни
Битва за звезды
Разрушители солнца

Хранители звезд

Город на краю света
Хранители звезд
Как там: в небесах?
Мои бедные железные нервы
Гостиница вне нашего мира
Дети солнца

Мир Звездных волков

Галактическое оружие
Закрытые миры
Мир Звездных волков
Долина Создания

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЕЗДА ЖИЗНИ. (*Перевод С. Сухинова*) 5

БИТВА ЗА ЗВЕЗДЫ. (*Перевод С. Сухинова*) 189

РАЗРУШИТЕЛЬ СОЛНЦ. (*Перевод В. Мартова*) 387

Литературно-художественное издание

Эдмонд Гамильтон

БИТВА ЗА ЗВЕЗДЫ

Романы

Художественный редактор *С. В. Курбатов*
Технические редакторы *Н. М. Носова, Е. В. Кумшаева*
Корректор *И. В. Ларина*

ЛР № 061309 от 17.06.92.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.01.97.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 24,3.
Тираж 15 000 экз. Заказ 2834.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

индекс: 423

ДАЛЬНЯЯ КРЫСА

Романтика дальнего Внеземелья. Рождение и падение могущественных звездных империй. Безжалостные столкновения космических армад. Отчаянные авантюры галактических мошенников. Решительность и бескомпромиссность. Предательство и коварство. Благородство и бескорыстие. Читайте обо всем этом в лучших книгах, когда-либо выходивших под маркой фантастики.

Гарри Гаррисон, Эдмонд Гамильтон, Эдвард «Док» Смит – их произведения составляют золотой фонд жанра, издаются и переиздаются миллионными тиражами, будоражат умы и сердца новых поколений читателей во всем мире.

Все издания объемом 400-450 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ. ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.

Цена одной книги ***15 000-15 900*** *руб.*

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

индекс: 413

«АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ»

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА

Настоящий подарок любителям фантастики.

Лучшие произведения современных российских писателей-фантастов в рамках одной книжной серии. Никому раньше и в голову не могло прийти, что ареной фантастического боевика могут быть не только бескрайние просторы Вселенной с множеством обитаемых планетных систем, но даже и наша современная российская действительность. А уж герои всегда на Руси были отменные и, надо сказать, со всякой напастью справлялись и без новомодных бластеров. Так что если наших богатырей снабдить современной фантастической амуницией, то они от космических злоумышленников всех мастей камня на камне не оставят, можете не сомневаться. В этом легко и приятно убедиться, прочитав книги, выходящие под маркой «Абсолютное оружие». В.Головачев, Е.Гуляковский, В.Михайлов, В.Звягинцев – классики жанра и целая плеяда молодых, чрезвычайно талантливых авторов, чей грядущий успех и популярность очевидны. В их книгах заключена энергия сегодняшнего дня, а напряженный сюжет, тонкий лиризм и обаятельные герои никого не оставят равнодушными.

В ЭТОЙ СЕРИИ ВЫХОДЯТ КНИГИ ТАКИХ АВТОРОВ, КАК:

В.Головачев, В.Михайлов, В.Ильин, И.Стальнов, М.Ахманов, Е.Гуляковский, В.Звягинцев, Л.Вершинин, А.Щупов, А.Громов, О.Дивов.

Все издания объемом 400-450 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ.
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.

Цена одной книги ***15 000-15 900*** *руб.*

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

АБСОЛЮТНАЯ МАГИЯ

индекс: 421

Лучшие романы самых популярных российских писателей, написанные в жанре «сказочной фантастики», – в книгах новой серии «Абсолютная магия». Созданные фантазией авторов новые реальности поражают воображение, манят к себе, но остаются недосягаемы, как линия горизонта. В них блестящие непобедимые герои, купающиеся в лучах славы и успеха, сменяются искалеченными черной магией существами, обитающими в мирах, где с помощью мечей и колдовства правят зло и уродливая сила. Кровавые разбойники и могущественные маги, знатные дамы и благородные рыцари, ожившие покойники и механические куклы – все плетут заговоры и расставляют друг другу ловушки, влюбляются и ненавидят – и все это в книгах серии «Абсолютная магия». Так что не сомневайтесь, открывайте первые страницы книг Н.Перумова, Г.Л.Олди, Ю.Брайдера и Н.Чадовича, А.Дашкова и отправляйтесь в увлекательное путешествие, полное неожиданных приключений.

Г.Л.Олди, Н.Перумов, М.Ахманов, Ю.Брайдер, Н.Чадович, А.Дашков, В.Свержин.

Все издания объемом 400-450 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ. ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.

*Цена одной книги **15 000-15 900** руб.*

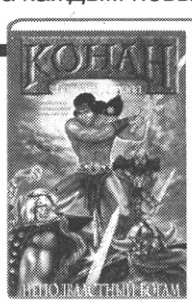
Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

КОНАН

индекс: 422

Образ отважного и благородного, но – одновременно – хитрого и жестокого Конана-варвара неизменно привлекает миллионы любителей «фэнтези» во всем мире. Рожденный фантазией Роберта Говарда (1906-1936), Конан надолго пережил своего создателя и продолжает шествовать с победами из книги в книгу, расчищая себе путь к славе и справедливости верным двуручным мечом из крепкой стали. Центральная идея всех книг предлагаемой читателям фантастической эпопеи «Конан и Великая Душа» – противостояние жестокого, но человечного мира, в котором живет Конан, бездушному и уродливому миру, созданному извращенным воображением дьявольски гениального карлика Тезиаса, настойчиво прокладывающего себе дорогу к власти. Будем надеяться, что мир Конана все же выстоит и ему удастся превратить Аквилонию в могущественную и процветающую державу, а все поклонники знаменитой саги с неослабевающим интересом будут следить за каждым новым шагом киммерийского гиганта по этой грешной земле.

«НЕПОДВЛАСТНЫЙ БОГАМ»
«ОГНИ БУДУЩЕГО»
«АМУЛЕТ НЕБЕСНОГО НАРОДА»
«РАБ ЗМЕИНОЙ КОРОЛЕВЫ»
«АРМИЯ СВЕТА И ТЬМЫ»
«ПИЛИГРИМЫ СУДЬБЫ»
«КОСМИЧЕСКАЯ ОРДА»

Все издания объемом 400-450 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ. ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.

*Цена одной книги **15 000-15 900** руб.*

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ

КНИГА – ПОЧТОЙ

ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

Общий тираж 10 000 000 !

СУПЕРБЕСТСЕЛЛЕРЫ !

Впервые! Полное собрание сочинений Н.Леонова в великолепном полиграфическом исполнении. Такого еще не было!

Полное собрание сочинений Н.Леонова в 12-ти томах.

У сыщика Гурова, героя детективных повестей и романов, принадлежащих перу Николая Леонова, сегодня, пожалуй, нет достойных соперников в сфере криминального сыска. Обаятельный, парадоксальный, умный и бесстрашный герой завораживает читателя с первых страниц. И не случайно многие произведения Николая Леонова были положены в основу остросюжетных фильмов. Кто не читал или хотя бы не слышал о таких его романах, как «Трактир на Пятницкой», «Один и без оружия», «Ринг», «Операция «Викинг», кто не разыскивал на книжных прилавках книги «Мент поганый», «Наркомафия», «Бросок кобры»?! Каждая повесть, каждый роман этого автора – открытие и гарантия острого наслаждения для читателя. Новый роман Н.Леонова «Шакалы» просто сразит вас наповал. И конечно же, Полное собрание сочинений Николая Леонова – поистине бесценный подарок всем поклонникам детективного жанра. Эти книги украсят любую книжную коллекцию.

индекс всей серии: 300005

Индексы отдельных изданий:

«ШАКАЛЫ», 16
«ПРИСТУПИТЬ К ЗАДЕРЖАНИЮ», 14
«МЫ С ТОБОЙ ОДНОЙ КРОВИ», 5
«УДАЧИ ТЕБЕ, СЫЩИК», 6
«ОДИН И БЕЗ ОРУЖИЯ», 8
«ОБРЕЧЕН НА ПОБЕДУ», 12
«ПЛАТА ЗА ЖИЗНЬ», 13
«БРОСОК КОБРЫ», 15
«МЕНТ ПОГАНЫЙ», 9
«НАРКОМАФИЯ», 10
«ЛОВУШКА», 11
«РИНГ». 7

Вы можете подписаться на Полное собрание сочинений Н.Леонова и получать 2 книги в месяц или на любой из томов по вашему выбору.

Все издания объемом 400-420 стр., бумвинил с золотым тиснением, целлофанированная суперобложка, шитый блок.

*Цена одного тома **16 000-16 900** руб.*

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ

КНИГА – ПОЧТОЙ

ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

Общий тираж 10 000 000 !

СУПЕРБЕСТСЕЛЛЕРЫ !

Впервые! Полное собрание сочинений Д.Корецкого в великолепном полиграфическом исполнении. Такого еще не было!

Полное собрание сочинений Д.Корецкого в 8-ми томах.

«Антикиллер», «Пешка в большой игре», «Смягчающие обстоятельства», «Акция прикрытия», «Привести в исполнение»... – всего лишь пять названий романов Данила Корецкого, а их более тридцати. Общий тираж его книг за 1995-1996 гг. превысил десять миллионов экземпляров! Профессиональные знания (Данил Корецкий – полковник милиции) плюс литературное мастерство превращают каждый задуманный им сюжет в животрепещущую криминальную драму. Под его пером преступник раскрывается во всей своей низости и жестокости, а преследующий его герой обретает черты благородного защитника слабых. И потому хитроумные оперативные комбинации, запутанные интриги, разборки, убийства и политические игры предстают перед читателем как в зеркале, отражающем истерзанный лик нашей эпохи. Читайте Данила Корецкого и вы узнаете многое не только о времени, в котором живете, но и о себе...

индекс всей серии: 300021

Индексы отдельных изданий:

«АНТИКИЛЛЕР», 26
«АНТИКИЛЛЕР-2», 27
«ПЕШКА В БОЛЬШОЙ ИГРЕ», 24
«АКЦИЯ ПРИКРЫТИЯ», 21
«ОСНОВНАЯ ОПЕРАЦИЯ», 28
«РАЗЯЩИЙ УДАР», 25
«МЕНТОВСКАЯ РАБОТА», 23
«ОПЕР ПО ПРОЗВИЩУ "СТАРИК"». 22

Вы можете подписаться на Полное собрание сочинений Д.Корецкого и получать 2 книги в месяц или на любой из томов по вашему выбору.

Все издания объемом 400-420 стр., бумвинил с золотым тиснением, целлофанированная суперобложка, шитый блок.

*Цена одного тома **16 000-16 900** руб.*

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ

КНИГА – ПОЧТОЙ

ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

индекс: 343

«ВНЕ ЗАКОНА»

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Новая серия крутых современных боевиков. «Чуме» криминала, объявшей Россию, не видно конца. Как стихийное бедствие, она захлестнула все вокруг, в том числе и правоохранительные органы.

Серия «Вне закона» – о людях, поставленных перед жестким выбором: либо признать диктат бандитов, либо бросить вызов преступникам и продажным законникам.

«Вне закона» – это криминальные романы, сюжет которых исключает привычное столкновение преступного мира с правоохранительными органами. Здесь все непредсказуемо, ибо герой, борющийся с уголовниками, как правило, сам является объектом преследования и защищает тот самый закон, что поставил его вне закона. Борьбу с преступностью, на стороне которой сила, деньги, власть, такой человек возводит в закон собственной жизни. И сделает свой выбор раз и навсегда...

В ЭТОЙ СЕРИИ ВЫХОДЯТ КНИГИ ТАКИХ АВТОРОВ, КАК:

А.Молчанов, П.Обухов, И.Гром, Д.Петров, В.Барабашов, Н.Леонов, Д.Корецкий.

Все издания объемом 400-550 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ. ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.

*Цена одной книги **15 000 - 15 900** руб.*

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

КНИГА – ПОЧТОЙ

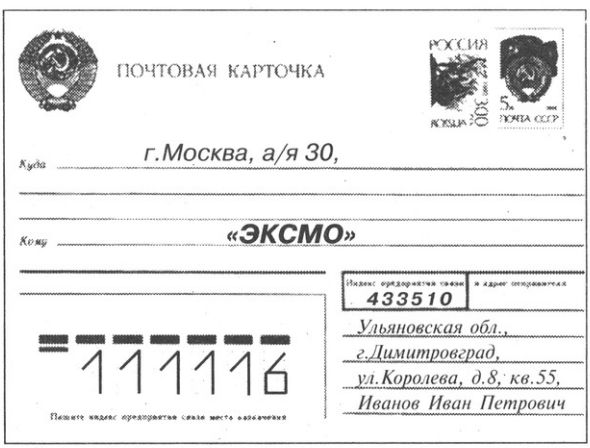
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

Удовольствие, говорят, не купишь... Неправда! «Книга – почтой» в любой момент опровергнет эту расхожую истину. По индивидуальному заказу, без лишних усилий с вашей стороны она обеспечит вам несколько часов необыкновенного наслаждения, которое по нашим временам стоит недорого: отпускная (издательская) цена книги плюс стоимость пересылки, только и всего! И никаких «накруток» торговых точек, превращающих книжный товар в недоступную роскошь!

***«Книга – почтой»** – шанс для любителя книги!*
***«Книга – почтой»** – минимум денег и времени!*
***«Книга – почтой»** – удобнее не придумаешь!*
Вместо одной книги с прилавка – две или три от
«Книга – почтой»!

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!
ВЫ МОЖЕТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЭТИ СЕРИИ И ПОЛУЧАТЬ ПО ПОЧТЕ ЕЖЕМЕСЯЧНО НОВЫЕ КНИГИ.
В ТВЕРДОМ ПЕРЕПЛЕТЕ –2 КНИГИ,
В МЯГКОМ ПЕРЕПЛЕТЕ – 3–4 КНИГИ

Разборчиво заполните почтовую карточку по образцу и отправьте ее по указанному адресу:

Я заказываю следующие серии:

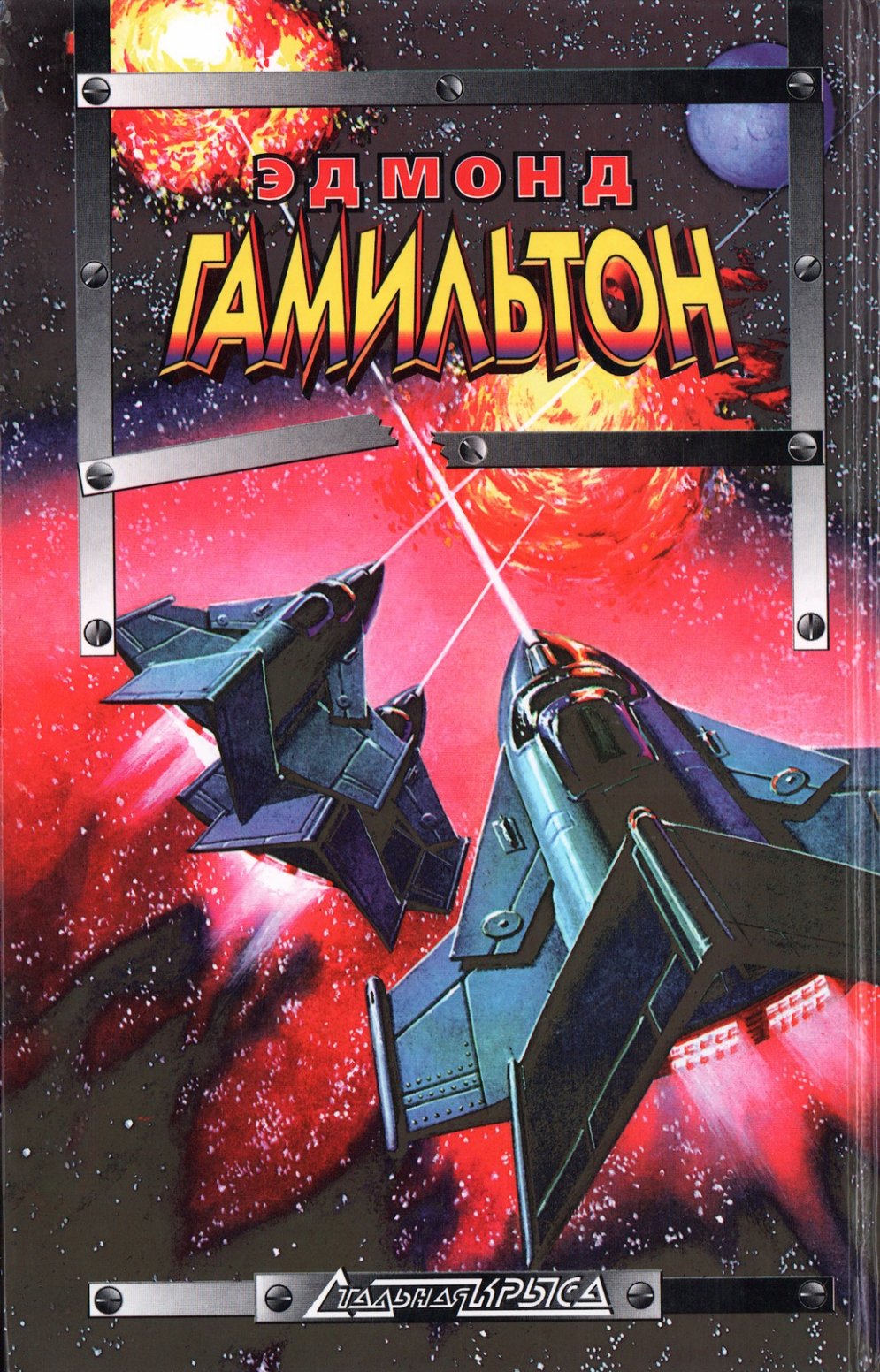
423. «Стальная Крыса»	*2 кн.*
343. «Вне закона»	*2 кн.*
413. «Абсолютное оружие»	*2 кн.*
421. «Абсолютная магия»	*2 кн.*
422. «Конан»	*2 кн.*

Отдельные издания:

300021. Собрание сочинений Н.Леонова	*2 комплекта*
300005. Собрание сочинений Д.Корецкого	*1 комплект*

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧАТЬ С ВАМИ

Тел: 943-09-93, 943-08-78, 943-19-47.

ЭДМОНД
ГАМИЛЬТОН
СТАЛЬНАЯ КРЫСА